

3

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПАМЯТИ

В ПАМЯТЬ О ТРАГЕДИИ НАРОДА

60-ЛЕТИЕ БОЛЬШОГО ТЕРРОРА

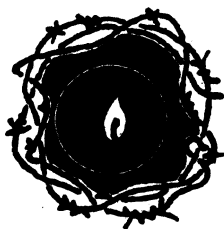
80-ЛЕТИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПАМЯТИ

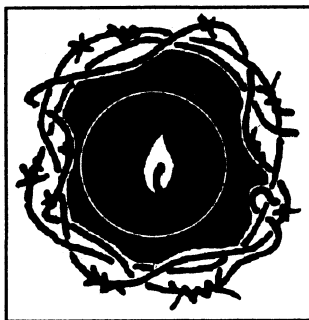
ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ
АЛЬМАНАХ

Редактор-составитель
канд. ист. наук И.В. Павлова

Новосибирск
Издательство Сибирского отделения
Российской академии наук
1997

ИССЛЕДОВАНИЯ

ББК 84 P7-4

В64

Возвращение памяти: Историко-архивный альманах.
Вып. 3. — Новосибирск: Издательство Сибирского отделения
РАН, 1997.

ISBN 5-7692-0039-1

В третьем выпуске альманаха, продолжающем издания 1991 и 1994 гг., публикуются новые материалы о массовых репрессиях в России при коммунистическом режиме. В него включены научно-исследовательские статьи, документы, воспоминания репрессированных и очерки, в которых раскрываются подробности этой трагедии.

Утверждено к изданию координационным советом
Новосибирского общества «Мемориал».

Председатель Л.С. Трус

Финансовая поддержка Фонда Сороса

Выпущено Издательством
Сибирского отделения
Российской академии наук.
Лицензия ЛР 020909 от 01.09.94 г.
Издательский код 98E(03).

© «Мемориал», 1997.
© Обложка, И. Сокол, 1994

И.В. Павлова

СТАЛИНСКИЕ РЕПРЕССИИ КАК СПОСОБ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ОБЩЕСТВА

*“Жернова нашей революции
работают хорошо”
(Сталин)*

К настоящему времени издано большое количество разнообразной литературы о репрессиях: воспоминания, документальные публикации, исследовательские работы. Однако после того, как произошло определенное насыщение фактами, острее стал ощущаться недостаток концептуального объяснения. Даже документальные публикации при всей их неоспоримой важности не проясняют сути многих событий и процессов, происходивших в советский период истории России. Выяснилось, что коммунистическая власть в своих документах не только не раскрывала мотивов принятия решений, а наоборот, тщательно маскировала подлинную подоплеку своих действий. Вопрос “что это было?”, поставленный Л.А.Гордоном и Э.В.Клоповым в 1988 г. в отношении событий 30–40-х гг., по-прежнему сохраняет свою актуальность. Этот вопрос можно напрямую отнести и к сталинским репрессиям.

Человека, живущего в конце XX века, вряд ли удовлетворит объяснение, что репрессии были осуществлением злой воли Сталина, уничтожавшего своих политических противников, или результатом его патологической подозрительности, или что репрессии – неотъемлемая часть жестокого политического режима. Недостаточен также вывод о том, что “для поддержания всякой авторитарной политической системы, равно как и всякой системы административно-директивного хозяйствования нужна ... своего рода “подсистема страха””¹.

Надо сказать, что российские историки находятся пока в начале пути осмысления советской истории, в том числе и ста-

линских репрессий². К сожалению, на этом пути придется догонять западных историков, преодолевая те же ошибки. Среди западных историков сегодня привлекают внимание историки так называемого “ревизионистского” направления, которые отказались от использования тоталитарной модели при рассмотрении истории советского общества³. Они считают неверным представление о сталинском терроре как о целенаправленной акции руководства страны и рассматривают общество как активную силу во взаимоотношениях с государством – “массы давили на Сталина”. Смещение акцента с “власти” на “народ” само по себе факт положительный. Он свидетельствует о формировании более объемного видения советской истории и вообще всей истории XX века, когда народ выступил на историческую сцену в качестве активного участника событий.

Однако абсолютизация активности советского общества сталинского периода, во-первых, объективно ведет к снижению ответственности партийной верхушки и, как это ни парадоксально, на новом витке возвращает нас к старой точке зрения. Еще при жизни Сталина бытовало мнение о том, что он не знает о творящемся беззаконии, что все это – дело рук местных начальников и прежде всего органов НКВД, которые якобы вышли из-под контроля партийных органов. Во-вторых, такая абсолютизация не способствует адекватному пониманию ни характера советского общества во времена Сталина, ни природы власти. Вполне закономерно, что эти историки пришли к выводу о слабости сталинской власти, что никак не соответствовало действительности того времени. Все проблемы советского общества оказались в конечном счете замкнутыми на власть. В сталинский период не экономика, а политика определяла социальную жизнь. Переоценить в этом случае значение политической сферы невозможно, можно только недооценить всеохватывающее и всепроникающее воздействие политического режима на общество, не оставлявшее человеку никакого выбора, кроме того, что навязывался “сверху”. Безальтернативность жизни в этот период была настоящей трагедией для людей, сохранивших способность к самостоятельному мышлению.

Проблема же здесь действительно есть, и появление подобных точек зрения объясняется во многом невозможностью описать происходившие в России события в понятиях европейской цивилизации. Гражданского общества в сталинской России не было и не могло быть, тогда в каком смысле можно говорить о советском обществе как об активной силе в его взаимоотношениях с государством? В каких понятиях описать эту активность? Ведь народ действительно соучаствовал в репрессиях и соучаствовал активно. Развязанная Сталиным и К^о настоящая война против собственного народа проводилась руками самого народа. В чем же состоял подлинный смысл этой, говоря словами Сталина, "революции сверху", которая осуществлялась при поддержке "снизу"? Этот вопрос прямо связан с вопросом о целесообразности сталинских репрессий и их действительном месте в советской истории.

Сталинские репрессии явились продолжением тех политических репрессий, которые начались сразу же после Октябрьского переворота. Один из первых декретов в этом ряду — декрет СНК от 28 ноября 1917 г., объявлявший партию кадетов партией врагов народа. Пик этих репрессий приходится на период после принятия 5 сентября 1918 г. декрета "О красном терроре". Целью террора, как известно, было не только уничтожение политических противников и антисоветски настроенной интеллигенции, но и "очистка" российской земли от так называемых эксплуататорских классов — буржуазии и помещиков. Российская историография пока не дает определенного ответа на вопрос о численности этих слоев населения, подлежащих ликвидации. Называется примерная цифра 4–5 млн человек (без сельской буржуазии)⁴. А сколько было уничтожено в действительности? Красный террор проводился в условиях гражданской войны, когда шло взаимное уничтожение различных социальных сил. Война оказала необратимое воздействие как на психологию правящей партии, так и на менталитет народа. Дух гражданской войны жил в обществе в течение всего последующего периода нэпа при относительном внешнем замирении.

В 1920-е годы произошло становление сталинизма как системы власти. Основной характеристикой этой системы является феномен партийного государства с его иерархией партийных комитетов во главе с назначенными секретарями и всеохватывающей секретностью. Это была на редкость простая и архаичная система власти, не связанная ни законами, ни правовыми нормами, ни контролем общества. “Мы отвергаем понятие правового государства, – говорил Л.М. Каганович в своем выступлении в Институте советского строительства и права 4 ноября 1929 г. – Если человек, претендующий на звание марксиста, говорит всерьез о правовом государстве и тем более применяет понятие “правового государства” к СОВЕТСКОМУ государству, то это значит, что он идет на поводу у буржуазных юристов, это значит, что он отходит от марксистско-ленинского учения о государстве”⁵. В традициях России был другой, архаичный регулятор отношений между государством и обществом – “приказ – подчинение”. В советской России он приобрел форму прямого насилия.

В первые годы нэпа вновь стал актуальным вопрос о путях строительства социалистического общества. Жизнь заставила руководство Коммунистической партии в связи с переходом к нэпу отказаться как от тех утопических представлений о социализме, которые развивал Ленин в сентябре 1917 г. в своей работе “Государство и революция”, так и от попытки реализации идей социализма периода “военного коммунизма”. “К весне 1921 года, – писал Ленин, – выяснилось, что мы потерпели поражение в попытке “штурмовым” способом, т.е. самым сокращенным, быстрым, непосредственным, перейти к социалистическим основам производства и распределения. Политическая обстановка весны 1921 года показала нам, что неизбежно в ряде хозяйственных вопросов отступить на позиции государственного капитализма, перейти от “штурма” к осаде”⁶. Но идея быстрого перехода к социализму жила в верхах партии, и послеленинское руководство никогда не рассматривало нэп как стратегию развития экономики на более или менее продолжительный период. Нэп рассматривался как вынужденное и временное отступление.

В 1925 г. Сталин выдвинул положение о возможности победы социализма в одной, отдельно взятой стране. Можно согласиться с американским историком Р. Такером в том, что "войти в историю в качестве строителя социалистического общества в СССР было одним из самых заветных желаний Сталина"⁷. Хотя на первом месте среди его желаний и устремлений безусловно была ВЛАСТЬ. Но для него было важно и то, чтобы его имя связывали с такой акцией, которая по своему историческому значению была бы сопоставима с Октябрьским переворотом. Такой акцией могло быть только построение социализма.

К концу 1920-х гг. основные предпосылки для начала такого действия были созданы. Прежде всего сложилась система власти, тот основной рычаг, посредством которого можно было воздействовать на общество. Разгромлены основные противники в партии. Социализм для Сталина, как и для других руководителей партии, был результатом осуществления индустриализации, коллективизации и культурной революции, того, что впоследствии именовалось "ленинским планом построения социализма в СССР". Вопрос состоял в том, как осуществить этот план в стране, в которой отсутствовали предпосылки для его осуществления. Для политических деятелей типа Сталина этот вопрос решался просто и однозначно — "сверху", путем насилия. Если индустриализация, то форсированная, потому что, как говорил Сталин, "мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут"⁸. Если коллективизация, то насильственная — "революция сверху", по инициативе государственной власти. Культурная революция в сталинском варианте тоже предполагалась как насильственная акция, так как изначально была направлена не только на распространение культуры и повышение образования народа, но и на насильственное изменение системы ценностей и стереотипов его сознания, т.е. на "переделку" народа.

Трудно сказать, как пошло бы развитие страны, если бы за строительство социализма взялся другой человек из ленинского окружения, интеллигент в политике, каким был, например, Бухарин. В конце 1980-х гг. в литературе активно обсуждался во-

прос о так называемой “бухаринской альтернативе”. В деле Бухарину показать себя, к счастью, не довелось, но сознание его мало чем отличалось от сознания других руководителей партии. Более того, в отличие от немногословного Сталина, Бухарин много и увлеченно говорил о “переделке людей”, о необходимости “вколотить всем наши нормы поведения”, о том, что “наше хозяйственное строительство мы должны пропитать духом классовой борьбы” и особенно о том, что “мы создаем и мы создадим такую цивилизацию, перед которой капиталистическая цивилизация будет выглядеть так же, как выглядит “собачий вальс” перед героическими симфониями Бетховена”⁹. Но на общие представления руководителей Коммунистической партии о социализме наложились представления лично Сталина, человека из ленинского окружения наиболее беспринципного, с очевидными уголовными наклонностями и с неодолимым стремлением к власти. Соответственно Сталин подбирал и свое окружение. Сталина и К^о отличали не только крайне упрощенное черно-белое видение мира, представление о насилии как об основном средстве решения социальных и экономических проблем, стремление любым способом не только удержаться у власти, но и укрепить ее, подчинить общество своей воле и своим интересам. Вместе с тем Сталин и его окружение были коммунистами и до последних своих дней, как, например, Молотов и Каганович, верили в то, что они строили социализм и строили единственно правильным в тех условиях способом¹⁰.

Вполне закономерно, что, отстаивая концепцию о возможности построения социализма в одной, отдельно взятой стране, Сталин мыслил категориями гражданской войны. Строительство социализма он представлял как военную операцию, необходимость проведения которой обусловлена прежде всего существованием внешней угрозы, внешнего заговора против советской России. Этими внешними условиями он обосновывал необходимость ускоренной индустриализации “как вопрос жизни и смерти нашего развития” на ноябрьском 1928 г. пленуме ЦК ВКП(б)¹¹. Внешний заговор, по Сталину, находился в союзе с внутренним. Построение социализма предполагало ликвидацию этих заговоров — внутренний должен быть уничтожен во имя

победы социализма в одной, отдельно взятой стране, а внешний – в перспективе, во имя победы мировой революции, мысль о которой не была отброшена, а только отодвинута временно на задний план. Конечно, жизнь всегда богаче и сложнее всяких схем, но, тем не менее, эта сталинская схема злоеде “проступала” сквозь повседневную жизнь советского общества сталинского периода. Она жила в той или иной степени в подсознании каждого советского человека, чему способствовала и постоянная идеологическая обработка всего населения.

Теперь уже мало кто сомневается в том, что с конца 1920-х гг. руководство партии стало сознательно, в политических целях, инспирировать слухи о предстоящей войне. В июле 1927 г. Сталин открыто заявил о реальной угрозе войны. Прямым следствием этой предпринятой властью провокации явилось обострение экономического положения в стране и прежде всего трудности с хлебозаготовками, которые выразились в сокращении количества хлеба, поступавшего на рынок. Трудности такого рода были и раньше, в той или иной степени они ощущались на всем протяжении 1920-х гг., но именно хлебозаготовительные трудности 1927/28 гг. были использованы в качестве обоснования наступления на крестьянство. Причиной затруднений была названа “кулацкая хлебная стачка”, а врагом соответственно кулак¹². В своей манере Сталин обвинил кулаков в том, что они “ждут не просто повышения цен, а требуют повышения цен втрое в сравнении с государственными ценами”¹³. Это не соответствовало действительности, но служило определенным оправданием начала репрессий против кулака – применения 107 ст. Уголовного Кодекса не за спекуляцию, а за не сдачу хлеба. Эта статья предусматривала лишение свободы на срок до одного года с конфискацией всего или части имущества или без таковой. Те же действия в случае установления сговора торговцев карались лишением свободы на срок до 3-х лет с полной конфискацией. Кроме этого, стали активно использоваться ст. 60, 61, 62 УК РСФСР 1926 г., которые позволяли лишать кулаков свободы с конфискацией имущества на срок от 1 до 2 лет за отказ от выполнения государственных повинностей. Грабеж деревни в начале 1928 г. явился необходимым этапом коллективи-

зации. После развязанного тогда террора против кулака вернуться к прежнему положению в деревне было уже невозможно. Логика развития событий диктовала идти только вперед — по пути усиления террора против зажиточных слоев деревни и объединения остальных в колхозы.

Дальнейшие шаги в этом направлении известны — 27 декабря 1929 г. на конференции аграрников-марксистов Сталин провозглашает лозунг перехода от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества как класса; ноябрьский 1929 г. пленум ЦК объявил о развертывании сплошной коллективизации и на ее основе ликвидации кулачества как класса; 5 января 1930 г. появляется постановление ЦК ВКП(б) о темпе коллективизации, 30 января — постановление Политбюро “О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации” и призыв проводить политику ликвидации кулачества как класса “со всей той настойчивостью и последовательностью, на которую только способны большевики”¹⁴. Все хозяйства, которые были определены как кулацкие, подразделялись на три категории: кулаки 1-й категории, так называемый “контрреволюционный актив”, направлялись в основном в тюрьмы и лагеря, а члены семьи выселялись в отдаленные районы. Еще до этого постановления многие кулаки были отправлены в лагеря по постановлению СНК РСФСР от 19 ноября 1929 г.¹⁵ Кулаки 2-й категории — “крупные кулаки и бывшие полупомещики” выселялись вместе с семьями в отдаленные районы страны, составив слой так называемых “спецпереселенцев”. Кулаки 3-й категории также после раскулачивания изгонялись из родной деревни и расселялись в пределах района на необжитых землях.

Для коммунистических лидеров построение социализма представлялось как постоянный процесс борьбы с классовыми противниками. Известная сталинская сентенция о том, что по мере продвижения к социализму классовая борьба будет обостряться, во-первых, была высказана впервые не на февральско-мартовском 1937 г. пленуме ЦК, а гораздо раньше. Еще 9 июля 1928 г. в своей речи на пленуме Сталин заявил, что, “по мере нашего продвижения вперед, сопротивление капиталистических

элементов будет возрастать, классовая борьба будет обостряться”¹⁶. Во-вторых, такое представление было характерным для большинства коммунистов того времени, хотя и не для всех — например, у М.Н.Рютина в его платформе есть специальный раздел “Классы и обострение классовой борьбы”, где обосновывается прямо противоположная точка зрения не об усилении, а о затухании классовой борьбы¹⁷. Но сталинское окружение, конечно, разделяло, точку зрения Сталина, которую отстаивал и Бухарин, выступая на VIII Всесоюзном съезде ВЛКСМ 6 мая 1928 г. “Только понимание увязки этих двух сторон общественного процесса, — говорил он, — классовой борьбы, с одной стороны, и нашего хозяйственного строительства — с другой, только понимание того, что это есть две стороны *одного и того же наступления* со стороны рабочего класса на хозяйственного (т.е. и на *классового*) противника, есть настоящее, действительно марксистское, действительно ленинское понимание тех задач, которые перед нами стоят”¹⁸.

Поэтому каждое новое наступление в экономической или социальной области обозначалось началом нового витка террора. С применения 107 ст. Уголовного Кодекса в отношении кулака началась коллективизация, и таким же образом ознаменовалось начало форсированной индустриализации — развязыванием террора против “буржуазных” специалистов в промышленности, якобы препятствовавших развертыванию индустриализации. 18 мая — 5 июля 1928 г. состоялся Шахтинский процесс, названный Молотовым “первым крупным разоблачением по вредительству”. Из 53 человек, проходивших по этому процессу, пятеро были расстреляны. Сразу после процесса было арестовано не менее двух тысяч специалистов¹⁹. “Шахтинское дело, — говорил Молотов на февральско-мартовском 1937 г. пленуме ЦК, — сыграло исключительно положительную роль, когда партия взялась выправлять недостатки, вскрытые Шахтинским делом, и развернула более широкую борьбу за дальнейшие успехи нашего строительства”²⁰. Продолжением начавшихся репрессий против “буржуазных” специалистов в 1930 г. стал процесс “Промпартии”, когда врагами народа были объявлены представители старой технической интеллигенции, в том же

году были осуждены крупные ученые-экономисты А.В. Чаянов, Н.Д. Кондратьев и др., которые обвинялись в создании "контрреволюционной трудовой крестьянской партии". В 1933 г. под председательством В.В. Ульриха слушалось "дело о вредительстве на электрических станциях в СССР", по которому были арестованы многие специалисты Московской, Челябинской, Златоустовской, Бакинской и других крупных электростанций²¹.

Насильственная коллективизация, форсированная индустриализация и развернувшаяся тогда же так называемая культурная революция были неразрывно связаны. Одно звено цепляло другое — индустриализация была невозможна без грабежа деревни, т.е. коллективизации, культурная революция создавала новые кадры для промышленности взамен репрессированных "старых" специалистов и "вредителей", индустриализация же имела целью создание в первую очередь военной промышленности не только для защиты единственной в мире страны, строящей социализм, но в перспективе и для осуществления окончательной победы социализма в мировом масштабе.

Конечно, Сталин не говорил прямо и не обосновывал специально роль насилия в переустройстве общества (откровенность в политике никогда не была ему присуща), но в докладе на XVI съезде ВКП(б) он довольно пространно изложил свое представление о так называемом социалистическом строительстве. В этом смысле этот его доклад примечателен. По Сталину, "организация наступления социализма по всему фронту" означала "наступление на капиталистические элементы по всему фронту"²². Таким образом два понятия "строительство социализма" и "репрессии" оказывались органически связанными. Действие посредством репрессий было наиболее быстрым и эффективным для такого типа власти, как сталинизм, способом преобразования экономики и общества. Репрессии служили и основным способом мобилизации общества на те или иные действия, и способом его дисциплинирования, и основным стимулом к труду для подавляющей части населения. Используя в полной мере такой рычаг давления на общество, как репрессии, власть всякий раз, говоря словами Сталина, "подхлестывала" страну.

Правда, на XVI съезде ВКП(б) Сталин сказал, что “репрессии в области социалистического строительства являются необходимым элементом наступления, но элементом вспомогательным, а не главным”. Но всей своей речью он продемонстрировал обратное – репрессии рассматривались им как главный способ строительства социализма. В сельском хозяйстве – это “насаждение” крупных хозяйств, что предполагало грабеж зажиточных слоев крестьянства, чье конфискованное имущество как раз и становилось основой неделимого фонда колхозов. Поэтому Сталин и заявил на съезде без всяких обиняков: “Кулачество обречено и будет ликвидировано”. Судьбу кулаков разделили все более или менее зажиточные слои деревни, т.н. “подкулачники”. Сталин тогда же высказался и по их поводу, когда говорил о наступлении социализма, “ломая хребет капиталистическим элементам нашей страны и их мелкобуржуазным подпевалам”. Термин “мелкобуржуазные подпевалы” чрезвычайно расширял круг возможных кандидатов на репрессии и такое “расширение” санкционировалось “сверху”. В промышленности строительство социализма также предполагало уничтожение остатков буржуазных классов. На сталинском языке это означало “выкорчевать корни капитализма”, потому что “работа по социалистической реконструкции народного хозяйства, рвущая экономические связи капитализма и опрокидывающая вверх дном все силы старого мира, не может не вызывать отчаянного сопротивления со стороны этих сил”.

Уже в 1930 г. Сталин вполне определенно обозначил те социальные группы, которые неизбежно будут репрессированы по мере продвижения к социализму, что видно из следующего отрывка его речи: “...злостное вредительство верхушки буржуазной интеллигенции во всех отраслях нашей промышленности, зверская борьба кулачества против коллективных форм хозяйства в деревне, саботаж мероприятий Советской власти со стороны бюрократических элементов аппарата, являющихся агентурой классового врага ...” (Выделено мною – И.П.). К этому “списку” добавлялись инакомыслящие – “люди, болтающие о необходимости снижения темпа развития нашей промышленности, являются врагами социализма, агентами наших классовых врагов”.

Все эти категории населения, обреченные на ликвидацию, Сталин одним махом связал с капиталистическим окружением. Для него уже в 1930 г. априори безусловно было “доказано, что вредительство наших спецов, антисоветские выступления кулачества, поджоги и взрывы наших предприятий и сооружений субсидируются и вдохновляются извне”.

Спустя несколько лет, на февральско-мартовском 1937 г. пленуме ЦК, вся сталинская клика продемонстрировала полное единодушие в оценке репрессий как наиболее эффективного способа (а другие и не рассматривались) переделки общества и готовность дальше двигаться в этом же направлении. Сомнений на этом пленуме уже не проявлял никто. Вот некоторые высказывания этих строителей сталинского социализма:

Ворошилов: “Мы строим общество, которое уничтожает классы: вместо нас может придти только классовый враг, никто другой придти не может. Весь мир против нас. Поэтому было бы просто наивностью, и недавно т. Сталин об этом говорил, было бы наивностью думать, что классовых врагов пока количественно и качественно очень еще немного. Количественно — это все, что не СССР, качественно — это все то, что не коммунист, причем арсенал средств борьбы против нас у нашего классового врага колоссален, средств воздействия не только на беспартийных, но и на партийных (это события показали) у врага настолько велики, что, конечно, это будет делаться всегда, постоянно до тех пор, покуда или мы — их или они — нас. Мы — их, конечно”.

Каганович: “Так было в 1928 г., когда они (вредители — И.П.) пытались сорвать первую пятилетку — был Шахтинский процесс. Так было в середине пятилетки, когда враги увидели, что мы побеждаем — Промпартия. Так было накануне развертывания коллективизации в 1930 г. — дело Кондратьева. Так было в 1932 г., когда враг увидел, что коллективизация побеждает — они организовали вредительство в колхозах и совхозах. Так и сейчас, социализм победил, и венцом этой победы является сталинская Конституция — мы раскрыли сейчас новую подлую вредительскую работу шпионов и агентов капитализма, которые

пытались подорвать мощь нашей партии, но им не удалось, мы их разбили, мы их разоблачили”.

Молотов: "...разоблачение подлых антисоветских групп послужит дальнейшему укреплению нашего строительства и обеспечит еще большую победу социализма”.

Сталин: "Наоборот, чем больше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее будут они идти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы как последние средства обреченных”²³.

Представления этих строителей социализма не изменились и спустя многие годы. Молотов и в 1970-е гг. оценивал репрессии исключительно положительно. По его мнению, в том, что "социализм удержался и потом все-таки пошел вперед ... величайшая заслуга того периода, и в этом сыграла важную роль эта самая эпидемия репрессий”²⁴.

При общем значении репрессий как основного рычага воздействия на общество репрессии способствовали разрешению целого ряда проблем, решить которые по-другому в таком обществе, как советское общество сталинского периода, и в такой короткий срок не представлялось возможным. Именно это обстоятельство делало репрессии привлекательным средством решения социальных и экономических проблем. Сторонников такого способа стабилизации обстановки в обществе достаточно и сегодня.

1. Репрессии против кулачества позволили в короткий срок создать, а вернее, как говорил Сталин, "насадить" колхозы. Эти репрессии не только ускорили вступление в колхозы, но и разрешили проблему создания неделимых фондов колхозов – основу их составило конфискованное у кулаков имущество. Колхозы теперь полностью подчинялись государству и, несмотря на хаос, текучесть кадров, бесхозяйственность и т.п., беспрекословно сдавали хлеб государству по символическим ценам, в 10–12 раз ниже рыночных. Хлеб вывозился из страны за границу даже в голодный 1932/33 год. Деньги, полученные от продажи хлеба,

шли не только на покупку станков, но и новейших видов вооружения. В 1933 г. в одной Италии СССР закупил вооружение на сумму 1 млрд лир²⁵.

2. Репрессии против “буржуазных” специалистов и “вредителей” позволили ускорить темпы индустриализации под страхом обвинения в саботаже или вредительстве. Это была беспорядочная, вакханальная индустриализация, сопровождавшаяся огромным количеством аварий, несчастных случаев, гибелью людей, что объяснялось происками врагов социалистического строительства.

3. Репрессии обеспечили возможность быстрой ротации кадров. Место репрессированных “буржуазных” специалистов занимали молодые выдвиженцы, так называемый “молодняк”, не рассуждающие и не сомневающиеся исполнители.

4. Репрессии явились основным источником дешевой рабочей силы для многочисленных строек, которая могла легко перебрасываться из одного труднодоступного района в другой. Не случайно, тогда же, в 1928 г. в партийных инстанциях обсуждался вопрос об использовании труда репрессированных. Весной 1929 г. была образована комиссия ЦК ВКП(б) под председательством Н. Янсона. 27 июня 1929 г. Политбюро ЦК утвердило ее предложения. Вслед за этим СНК СССР 11 июля 1929 г. принимает известное постановление об исправительно-трудовых лагерях, на основании которого были внесены изменения в уголовное законодательство и принято Положение об ИТЛ в апреле 1930 г.²⁶

5. Репрессии канализовали настроения недовольства масс, направляя его против “кулаков”, “вредителей”, “врагов народа”, т.е. против всех тех, кто мешал великому делу строительства социализма.

6. Репрессии ликвидировали все остатки оппозиции и способствовали укреплению единоличной власти Сталина. Как говорил Молотов, “после войны нет никаких оппозиционных групп, это такое облегчение, которое многому помогло дать правильное, хорошее направление, а если бы большинство этих людей осталось бы живо, не знаю, устояли бы мы крепко на ногах”²⁷.

7. Репрессии цементировали общество посредством страха, который вошел в подсознание каждого советского человека настолько, что стал частью его генетической природы. Этому способствовал и волнообразный характер репрессий – наступление – отступление – и вновь наступление, что не позволяло обществу “расслабиться”, а, наоборот, держало его в постоянном ожидании и страхе.

Логическим завершением операции по построению социализма в СССР стал Большой террор, или так называемая “Великая чистка” партии, армии, интеллигенции и народа. Начало Большого террора совпало по времени с принятием в декабре 1936 г. сталинской Конституции, в которой было заявлено о построении в СССР социалистического общества и полной ликвидации эксплуататорских классов.

Подготовка Большого террора началась с убийства Кирова 1 декабря 1934 г. Принятие в этот же день постановления президиума ЦИК СССР “О порядке ведения дел по подготовке или совершению террористических актов”, предписывавшего проведение следствия в 10-дневный срок, рассмотрение дела в суде без всякого обвинения и защиты и приведение в немедленное исполнение приговоров о расстреле, стало началом физического уничтожения оппозиции. Отправленное на места 18 января 1935 г. закрытое письмо ЦК ВКП(б) призывало коммунистов к “настоящей большевистской революционной бдительности”, а также к выявлению двурушников и подчеркивало, что “в отношении двурушника нельзя ограничиваться исключением из партии, – его надо еще арестовать и изолировать, чтобы помешать ему подрывать мощь государства пролетарской диктатуры”²⁸. 29 июля 1936 г. местные партийные комитеты получили еще одно закрытое письмо под названием “О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока”²⁹, которое стало идеологическим обоснованием подготовки процессов 1936–1938 гг. – в августе 1936 г. прошел процесс по делу так называемого “Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра”, в январе 1937 г. – по делу так называемого “Параллельного антисоветского троцкистского центра”, а в марте 1938 г. по делу так называемого “Антисоветского

правотроцкистского блока". Но подготовка нового витка репрессий осуществлялась втайне от народа. В памяти современников 1935 и 1936 гг. остались как годы некоторого ослабления режима. Наблюдались даже своеобразные проявления гласности, выразившиеся в разрешенной "сверху" критике начальников всех уровней, некоторой консолидации интеллигенции. Всем запомнилось принятие "самой демократической" конституции.

Вместе с этим вырабатывался генеральный план "очистки" населения страны от остатков эксплуататорских классов, материал для которой готовился в ходе предыдущих партийных чисток и каждодневной деятельности ОГПУ-НКВД. А.Г.Авторханову удалось установить, в чем заключалась суть этого плана:

1. Все взрослое население было подвергнуто негласной политической проверке через органы НКВД и его агентурную сеть по группам: а) интеллигенция, б) рабочие, в) крестьяне.

2. По каждой из этих социальных групп было установлено в процентах число, подпадающее под ликвидацию.

3. Была выработана подробная "таблица" признаков, по которой люди подлежат ликвидации.

4. Был выработан календарный план, предусматривавший точные сроки ликвидации этих групп по районам, областям, краям и национальным республикам. План делил людей, подлежащих ликвидации, по категориям: а) остатки бывших и уничтоженных враждебных классов (бывшие дворяне, помещики, буржуазия, царские чиновники, офицеры и их дети); б) бывшие члены враждебных партий, участники бывших антисоветских групп и организаций Белого движения и их дети; в) служители религиозного культа; г) бывшие кулаки и подкулачники; д) бывшие участники всех антисоветских восстаний, начиная с 1918 г., хотя они и были ранее амнистированы Советской властью; е) бывшие участники всех антипартийных оппозиционных течений внутри партии, безотносительно к их позиции и принадлежности к ВКП(б) в настоящем; ж) бывшие члены всех национально-демократических партий в национальных республиках СССР³⁰.

Этот чудовищный план был запущен в действие постановлением Политбюро "Об антисоветских элементах", принятым 2 июля 1937 г. В настоящее время это подтверждено документально³¹. На основании этого постановления был разработан приказ наркома внутренних дел "Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов", утвержденный Политбюро 31 июля. Приказ предписывал начать операцию, в зависимости от региона, с 5 по 15 августа и закончить в четырехмесячный срок. Все арестованные разбивались на две категории: подлежащие немедленному расстрелу или заключению на срок от 8 до 10 лет. Всем областям, краям, республикам доводились лимиты по каждой из двух категорий. Первоначально предписывалось арестовать 259 450 человек, из них — 72 950 расстрелять. Приказ давал право местным руководителям запрашивать у Центра дополнительные лимиты на репрессии³². Специальным постановлением Политбюро от 5 июля 1937 г. определялась судьба семей "осужденных изменников родины членов право-троцкистской шпионско-диверсионной организации".

Процессы в центре дополняли процессы и групповые дела на местах. Посредством физического истязания подсудимых фабриковались фальсифицированные обвинения, протоколы допросов готовились следователями заранее по однотипным стандартам. Арестованные искусственно увязывались между собой, так как оформлялись главным образом групповые дела по 30–40 человек и более, которые в ускоренном порядке рассматривались особыми "тройками". Как правило, "тройки" составлялись из первого секретаря обкома, крайкома ВКП(б) или ЦК компартии национальной республики, начальника соответствующего управления НКВД и прокурора области, края, республики.

Одновременно с ликвидацией антисоветских элементов был проведен ряд операций с целью обезопасить себя от "пятой колонны" на случай войны. Постановлением Политбюро от 20 июля 1937 г. предписывалось арестовать всех немцев, работавших на оборонных заводах, и часть их выслать за границу. 9 августа Политбюро утвердило приказ НКВД "О ликвидации польских

диверсионно-шпионских групп и организаций ПОВ (Польской организации войсковой)". 19 сентября – приказ НКВД "О мероприятиях в связи с террористической, диверсионной и шпионской деятельностью японской агентуры из так называемых харбинцев" (бывших работников Китайско-Восточной железной дороги, вернувшихся в СССР после продажи КВЖД в 1935 г.). Была проведена также массовая высылка "неблагонадежных элементов" из приграничных районов. Самой крупной акцией такого рода была депортация с Дальнего Востока в Казахстан и Узбекистан всего корейского населения, проведенная на основе постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 21 августа 1937 г.³³

Операция по ликвидации антисоветских элементов не была завершена в намечавшиеся четыре месяца. 31 января 1938 г. Политбюро утвердило предложение НКВД о дополнительных репрессиях. К 15 марта (по Дальнему Востоку к 1 апреля) предписывалось репрессировать еще 57 200 человек, из них 48 тыс. расстрелять. В этот же день Политбюро продлило до 15 апреля операцию по разгрому так называемых "контрреволюционных национальных контингентов" – "из поляков, латышей, немцев, эстонцев, финнов, греков, иранцев, харбинцев, китайцев и румын". Более того, Политбюро поручило НКВД "провести до апреля аналогичную операцию и погромить кадры болгар и македонцев, как иностранных подданных, так и граждан СССР". С 1 февраля по 29 августа 1938 г. Политбюро утвердило дополнительные к январским лимиты на репрессии еще 89 750 человек³⁴.

Усилению репрессий способствовали две зашифрованные телеграммы: первая от 3 августа 1937 г. за подписью секретаря ЦК ВКП(б) Сталина обязывала секретарей обкомов, крайкомов ВКП(б) и ЦК компартий национальных республик организовать "в каждой области по районам 2–3 открытых показательных процесса над врагами народа – вредителями сельского хозяйства, пробравшимися в районные партийные, советские и земельные органы" и осветить суд над ними в местной печати с целью мобилизации колхозников "на борьбу с вредительством и его носителями". Вторая шифртелеграмма за подписью председателя СНК СССР Молотова и секретаря ЦК ВКП(б) Сталина была

отправлена местному руководству 2 октября 1937 г. В ней предписывалось провести "по каждой республике, краю и области от 3 до 6 открытых показательных процессов с привлечением крестьянских масс и широким освещением процесса в печати", приговорив осужденных к высшей мере наказания в связи "с вредительством и бактериологическими диверсиями" в животноводстве, приведшими к массовому падежу скота³⁵.

Вакханалия репрессий пошла на убыль только к концу ноября, когда "сверху" была дана команда "отступить" – 17 ноября 1938 г. Политбюро утвердило постановление "Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия", которое известно как постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б). С поста наркома внутренних дел был снят Ежов, и 25 ноября назначен Берия. Одновременно в сталинских традициях были демонстративно наказаны наиболее зарвавшиеся работники НКВД и выпущены на свободу примерно 327 400 человек³⁶.

XVIII съезд ВКП(б) стал триумфом Сталина, демонстрацией торжества его политической линии. "В области общественно-политического развития страны, – заявил он в своем докладе 10 марта 1939 г., – наиболее важным завоеванием за отчетный период нужно признать окончательную ликвидацию остатков эксплуататорских классов, сплочение рабочих, крестьян и интеллигенции в один общий трудовой фронт, укрепление морально-политического единства советского общества, укрепление дружбы народов нашей страны...

В итоге всего этого мы имеем полную устойчивость внутреннего положения и такую прочность власти в стране, которой могло бы позавидовать любое правительство в мире" (выделено мною – И.П.)³⁷.

Сталин и его клика могли быть удовлетворены – победа социализма в одной, отдельно взятой стране была достигнута в рекордно короткий срок – практически за десять лет. В действительности под этим лозунгом была осуществлена гигантская мобилизация всех ресурсов, произошло укрепление всевластия режима и милитаризация страны. Теперь можно было взяться за решение следующей задачи – достижения победы социализ-

ма во всем мире. Возросшие шансы для осуществления мировой революции, которая коммунистами неизбежно связывалась с войной, Сталин почувствовал еще после Мюнхенского сговора. К концу 1938 г. советская внешняя политика была ориентирована на войну в Европе, от которой он ждал вполне определенных политических дивидендов. Характерно, что тогда же, 10 марта 1939 г., подводя итоги строительства социализма в СССР, Сталин высказал политические намерения относительно своей роли в будущей войне. Высказал в характерной для него манере, упрекая Англию и Францию в политике невмешательства — якобы о других, а на самом деле о себе: "...политика невмешательства означает попустительство агрессии, развязывание войны — следовательно, превращение ее в мировую войну. В политике невмешательства сквозит стремление, желание — не мешать агрессорам творить свое черное дело, не мешать, скажем, Японии впутаться в войну с Китаем, а еще лучше с Советским Союзом, не мешать, скажем, Германии увязнуть в европейских делах, впутаться в войну с Советским Союзом, дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, — выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, "в интересах мира", и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия. И дешево, и мило"³⁸. Однако, это уже новая тема. Напомню только, что практически о том же Сталин говорил 17 января 1925 г. до формулировки своей концепции о возможности победы социализма в одной, отдельно взятой стране: "Но если война начнется, то ... — нам придется выступить, но выступить последними. И мы выступим для того, чтобы бросить решающую гирию на чашку весов, гирию, которая могла бы перевесить"³⁹.

Репрессии не закончились с объявлением о построении социализма, они продолжались все последующие годы и рассматривались властью как основной способ принуждения масс к труду и основное средство укрепления дисциплины, а также как главный способ консолидации общества в период войны и в

послевоенный период. Только после смерти Сталина раскрученный маховик репрессий был остановлен.

Вместе с тем, 1930-е годы закрепились в сознании большинства народа как годы энтузиазма, устремленности в будущее. Как писал драматург В. Вишневский, это было "ДЕСЯТИЛЕТИЕ бешеного напора, труда, драк, мук и побед..."⁴⁰. Многие до сих пор не могут совместить в своем сознании темные и светлые стороны сталинского периода и проповедуют подход "с одной стороны...", "с другой стороны..."

Причиной этого является начавшаяся тогда же, с конца 1920-х гг. кругая ломка сознания народа, которая происходила под постоянный идеологический аккомпанемент лжи о строительстве нового, самого справедливого общества на земле – надо только немного потерпеть. Унифицированное образование, унифицированное знание о ситуации в стране и в мире, которое предлагали все средства массовой информации, полная закрытость советского общества делали сталинскую ложь результативной. Только немногие оставшиеся в живых представители старой интеллектуальной элиты воспринимали навязываемую "сверху" информацию так, как воспринимал ее, к примеру, писатель М.М. Пришвин, который записал в своем дневнике 1 ноября 1937 г.: "...больше всего ненавижу газету "Правда" как олицетворение самой наглой лжи, какая когда-либо была на земле"⁴¹.

Однако одной идеологической обработки населения было бы недостаточно. Преобразование общества по-сталински стало возможным потому, что Сталину удалось привлечь на свою сторону широкие массы народа. Здесь огромную роль сыграли шумные популистские меры, которые достаточно виртуозно использовались властью. Среди таких мер – лозунги самокритики и критики начальников всех уровней, периодически пускавшиеся в ход, разоблачение "вредителей" и их наказание, прославление ударничества и стахановского движения, целенаправленное создание символов, героев и мифов сталинской эпохи. Важную роль играла также сама тактика проведения репрессий – за наступлением обязательно следовало отступление, которое сопровождалось наказанием наиболее рьяных исполнителей

сталинских директив. Таким своеобразным способом удовлетворялось исконно живущее в народе чувство справедливости.

Основной опорой власти стали молодые рабочие, вчерашние крестьяне, которым удалось бежать из деревни. Численность рабочего класса в 1930-е гг., как известно, увеличилась с 9 до 23 млн человек. Часть рабочих получила возможность быстрого продвижения по службе. На XVIII съезде партии Сталин объявил, что с января 1934 г. по март 1939 г. на руководящие посты по государственной и партийной линии было выдвинуто более 500 тыс. новых работников⁴². Надо добавить, что работников, готовых на все ради претворения в жизнь генеральной линии партии. Этим новых работников отличала прежде всего бескомпромиссность и полное отсутствие самостоятельного мышления. Все они хорошо усвоили ленинский принцип: "Нравственность это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, созидающего новое общество коммунистов"⁴³.

Сталину же не просто удалось увлечь трудящиеся массы идеей "большого скачка", но и сделать их активными соучастниками репрессий. Все действия, которые осуществлялись "сверху", по инициативе государственной власти — "коллективизация, борьба с кулачеством, борьба с вредителями, антирелигиозная пропаганда и т.п.", Сталин объявил на XVI съезде ВКП(б) как "неотъемлемое право рабочих и крестьян СССР, закрепленное нашей Конституцией"⁴⁴. Подобно тому, как Ленин в 1917 г. увлек за собой массы, бросив лозунг "грабь награбленное!", Сталин в 1930-е гг. дал карт-бланш на инициативу "снизу" по разоблачению и ликвидации "врагов народа", связав эти действия в народном сознании со строительством социализма. Развязывание такой инициативы неизбежно влекло за собой расширение и без того широкого круга кандидатов на репрессии, в который мог попасть практически любой человек, что неизбежно задавалось расплывчатостью самого термина "враг народа". Сталинские лозунги "лес рубят — щепки летят", "если критика содержит хотя бы 5-10 процентов правды, то и такую критику надо приветствовать..." и др. позволяли на всех уров-

нях сводить личные счеты со своими противниками и просто неугодными людьми.

Одна из сложнейших проблем российской истории — это проблема “темного иррационального начала” (термин Н.А. Бердяева) в российской политической жизни, которое сделало возможным натравливание одной части народа на другую. Общей констатации существования феномена раскола в российском обществе между народом и культурным слоем, к которому принадлежали в основном господствующие классы, явно недостаточно. Для решения этой проблемы требуются дополнительные усилия ученых разных специальностей и прежде всего этнопсихологов. Трудность состоит в том, чтобы не только выявить основные элементы традиционной политической культуры народа, но и раскрыть механизм ее воздействия на политические процессы. А это не только традиционный русский патернализм и складывавшиеся веками традиции подчинения власти, о чем наиболее часто говорится в последнее время в литературе. Здесь задействованы более глубокие основания российской жизни, жизни во многом патриархальной с преобладающим в ней уравнилельным началом. Таким глубинным основанием было неукорененное и к 1917 году сознание частной собственности и неразрывно связанное с ним правосознание. Отсутствие правосознания неизбежно влекло за собой отсутствие уважения к чужому и сознания его неприкосновенности. В традициях России было всеобщее нарушение закона — не только “сверху”, но и “снизу”, а следовательно, сознание всеобщей виновности. Эти составляющие российского менталитета сыграли свою негативную роль в последующей истории России. Граф С.Ю. Витте в свое время пророчески предсказал: “Горе той стране, которая не воспитала в населении чувства законности и собственности, а, напротив, насаждала разного рода коллективное владение”⁴⁵.

В большинстве своем неграмотное население России с характерным для него стереотипным мышлением и упрощенным восприятием мира представляло благодатный объект для манипуляции со стороны власти. Именно на эти особенности традиционной российской политической культуры сделал ставку Ленин, подталкивая и разжигая в 1917 году настроения анархист-

вующих масс. На протяжении всего периода от Февраля к Октябрю шел процесс не укрепления, а разрушения слабых структур нарождавшегося гражданского общества и создание новых асоциальных структур, активность которых направлялась на деструкцию общественного порядка и грабежи — солдаты выступали против офицеров и генералов, рабочие — против владельцев фабрик и заводов, крестьяне — против помещиков, бедные — против богатых.

Развязыванию “темного иррационального начала” в российской политической жизни в огромной степени способствовал фактор гражданской войны и еще раньше первой мировой, когда началось чудовищное снижение цены человеческой жизни. Из гражданской войны вышло нищее и озверелое общество, распаленное классовой ненавистью. В то же время это общество было обуреваемо жадной социальной справедливости и равенства. Власть использовала эти противоположные чувства, жившие в народе, совместив идею построения социализма и репрессии против его предполагаемых врагов, сделав первое целью, а второе — способом достижения этой цели. Уже с конца 1925 г. началась целенаправленная политика по разжиганию социальной борьбы в деревне, политика натравливания деревенских низов на зажиточных крестьян. Одновременно с этим в городах разжигалась ненависть к нэпманам и к людям с “нечистым” социальным происхождением. В этом случае ненависть к капитализму коммунистической власти и враждебность широких трудящихся масс к частной собственности, к богатым совпали. Поэтому для многих слоев населения, в особенности “униженных и оскорбленных” в прошлом, коммунистическая власть действительно стала своей, народной властью.

Коллективизация и ликвидация кулачества как класса не могли быть проведены только назначенцами всех уровней и рабочими-двадцатипяти тысячниками. Необходима была инициатива самих крестьянских масс. Основной опорой правящей партийной верхушки в проведении этих акций стала прежде всего крестьянская беднота. Фактов активного, а главное, инициативного участия беднейших слоев деревни в проведении политики ликвидации кулачества как класса предостаточно. Эта инициа-

тива удивляла даже представителей власти. “Характерно, — говорил Калинин в марте 1930 г., — что когда едешь по местам и смотришь на это могучее антикулацкое движение, то невольно констатируешь, что органам власти в 95 случаях из ста приходится в области раскулачивания играть сдерживающую роль”⁴⁶.

С одной стороны, реальностью 1930-х гг. было каждодневное нагнетание “сверху” обстановки ненависти, поощрявшей “умение распознавать врага партии, как бы хорошо он не был замаскирован”. Газеты пестрели призывами “Расстрелять взбесившихся собак!”, “Ни одного врага народа не оставим на Советской земле!”, “Смерть предателям и изменникам Родины!”, “Учиться распознавать врагов так, как распознают их наши чекисты!”. С другой стороны — тот широчайший ответный отклик, который находили эти призывы в массе народа. Строки из письма первого секретаря Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе Сталину отражали общую ситуацию того времени: “Судебные приговоры над врагами народа — вредителями сельского хозяйства встречены единодушным одобрением широчайших масс рабочих, колхозников и служащих. На многочисленных собраниях и митингах трудящиеся единодушно требуют выкорчевать до конца троцкистско-бухаринских бандитов, шпионов, вредителей и диверсантов”⁴⁷. А Ежов с удовлетворением говорил на февральско-мартовском 1937 г. пленуме ЦК о том, что НКВД “обладает исключительно большой сетью агентов и осведомителей”⁴⁸.

Особого разговора заслуживает развязанная “сверху” инициатива работников карательных органов. Известно, что в годы Большого террора численность репрессированных в несколько раз превышала спущенные из Центра так называемые лимиты на репрессии. Изошренные попытки на допросах, массовые расстрелы, издевательства в лагерях были делом рук не оккупантов, творивших насилие на чужой для них земле, а своих же соотечественников.

Власть настолько умело манипулировала этими настроениями и действиями, что и оформляла свои решения как требования народа. Только один характерный факт: в день суда над военными в республике, края и области СССР была отправлена

телеграмма: "Национальным ЦК, крайкомам, обкомам. В связи с происходящим судом над шпионами и вредителями Тухачевским, Якиром, Уборевичем и другими ЦК предлагает вам организовать митинги рабочих, а где возможно, и крестьян, а также митинги красноармейских частей и выносить резолюцию о необходимости применения высшей меры репрессии. Суд, должно быть, будет окончен сегодня ночью. Сообщение о приговоре будет опубликовано завтра, т.е. двенадцатого июня. 11.06.1937 г. Секретарь ЦК Сталин"⁴⁹. В 23 часа 35 минут 11 июня председатель суда В.В. Ульрих огласил приговор о расстреле всех восьми осужденных. Приговор был приведен в исполнение 12 июня 1937 г.

Ни в российской, ни в западной историографии пока еще не выработано понятия, которое бы адекватно выразило эту сталинскую практику насильственной переделки общества, понятия, которое бы вместило в себя не только представления людей того времени о социализме – как руководителей партии, так и поддерживавших их широких масс трудящихся, но и кровь миллионов уничтоженных и погибших в ходе этого строительства. В качестве такого понятия, по моему мнению, могло бы использоваться понятие "идейная уголовщина", которое употреблял для характеристики коммунизма А.С. Казанцев (1908–1963), эмигрант, автор книги "Третья сила", написанной в 1952 г. (М., "Посев", 1994)⁵⁰. Это понятие "схватывает", во-первых, не только способ преобразования общества по-сталински и его последствия – прямые и долговременные, но и направленность такого преобразования – строительство социализма, что заложено в слове "идейная".

Прямым результатом сталинского строительства социализма стала гибель миллионов людей. В литературе вопрос о числе жертв коммунистического режима нельзя считать закрытым в связи с обнародованием данных КГБ. Бывший председатель КГБ СССР В. Крючков в феврале 1990 г. назвал общую численность репрессированных за период с 1930 по 1953 гг. – 3778254, из которых 786000 человек были расстреляны. Эти данные перекликаются с теми, что официально публиковались в 1954 г.: с 1921 по 1953 гг. было репрессировано 3800000 человек, из них

634000 – расстреляны. В 1991 г. генерал-майором Министерства безопасности России А. Краюшкиным была названа еще одна официальная цифра: за 1917 – 1990 гг. было репрессировано 3853900 человек, расстреляно из них – 827955.

Наибольшее число репрессированных, согласно этим данным, приходится на 1937–1938 гг., когда было репрессировано 1344923 человека, из них – 681692 расстреляны⁵¹. Данные КГБ–МВД включают в себя только осужденных по политическим мотивам, т.е. по 58-й статье Уголовного Кодекса. В печати уже неоднократно высказывались сомнения в достоверности этих данных. Даже среди самих историков, работавших с одними и теми же материалами, имеются разногласия – так, В.Н. Земсков считает верной цифру в 3,8 млн репрессированных, а у В.П. Попова получилась суммарная цифра в 4,1 млн, т.е. на 300 тыс. больше, хотя справки, которыми пользовались эти историки в качестве источника, составлены с интервалом всего в два месяца⁵². Действительно, доказывать бесспорную подлинность статистических данных ОГПУ–НКВД–МГБ–МВД, как это делает В.Н. Земсков, а вслед за ним и многие другие историки, значит не понимать механизма действия сталинской власти. Иначе откуда такая уверенность в том, что именно эти данные не подверглись фальсификации в то время, как о “лукавой цифре” советской статистики в последнее время написано уже предостаточно. Почему в системе, где ложь была возведена в принцип государственной политики, исключением стала одна из самых охраняемых тайн режима, ведь в действительности всего этого – репрессий, лагерей – как бы вообще и не было, а был только один сплошной энтузиазм социалистического строительства?!

Приведенные данные не включают в себя жертв коллективизации – раскулаченных и погибших от голода в начале 1930-х гг. Численность раскулаченных в литературе определяется в диапазоне от 4 до 10 млн человек, а среди этого числа – миллионы погибших в результате раскулачивания. Р. Конквест определяет общее число погибших в результате коллективизации в 14,5 млн. человек, из них умерло от голода примерно 7 млн⁵³. Скорее всего верна именно эта цифра, и российские историки – авторы коллективного письма о голоде 1930-х гг. в

журнале "Отечественная история" (И.Е. Зеленин, Н.А. Ивницкий, В.В. Кондрашин, Е.Н. Осколков) называют сегодня такую же цифру – не менее 7 млн, а не 2–3 млн, на чем настаивал историк В.П. Данилов в начале перестройки, критикуя Р. Конквеста и других западных авторов⁵⁴.

Таким образом, общее число жертв десятилетия строительства сталинского социализма намного превышает 7,9 млн человек – эта цифра была названа в 1989 г. директором Центрального государственного архива народного хозяйства СССР В.В. Цаплиным⁵⁵. Определить точную численность погибших в 1928–1938 гг. вряд ли возможно, но очевидно, что она, по самым осторожным подсчетам, составляет более 10 млн человек⁵⁶. Это утверждение не кажется преувеличением еще и потому, что в литературе практически не рассматривается вопрос о численности репрессированных по специальным указам, в результате действия которых в лагерях оказывались самые разные группы населения – рабочие, крестьяне, служащие. Чего стоил один только указ от 7 августа 1932 г. "Об охране государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности", который предусматривал в качестве меры наказания расстрел с конфискацией имущества, а при смягчающих обстоятельствах – лишение свободы на срок не менее 10 лет !

На эту сторону обратил внимание историк В.П. Попов. По его данным, за 1923–1953 гг. общая численность осужденных судебными органами только по РСФСР составила 39,1 млн человек. Причем, в это число не вошли осужденные судебными коллегиями по уголовным делам Верховных, краевых и областных судов (по ним велся отдельный учет) и постоянными сессиями, действовавшими при лагерях, а также осужденные (не военнослужащие) военными трибуналами Красной Армии и Флота, железнодорожного и водного транспорта, войск НКВД. Общее число осужденных за этот период превышает 40 млн человек. По мнению В.П. Попова, и эта цифра "весьма приближительна и сильно занижена"⁵⁷. Получается, что только по Российской Федерации за период сталинского правления был осужден каждый третий деспособный член общества. Процент

преступников-рецидивистов, как отмечает В.П. Попов, был сравнительно невысоким, т.е. подавляющее большинство из этих 40 млн было осуждено впервые. Эти люди попадали в лагеря как преступившие многочисленные указы, направленные на поддержание порядка в стране. Это не только указ от 7 августа 1932 г., но и многие другие указы предвоенного и послевоенного времени. Достаточно привести в качестве примера известный указ от 26 июня 1940 г., который устанавливал 8-часовой рабочий день при семидневной рабочей неделе и запрещал самовольный уход с предприятий. Нарушение установленного порядка каралось тюремным заключением на срок от 2 до 4 месяцев, прогул без уважительной причины – осуждением к исправительно-трудовым работам по месту работы на срок до 6 месяцев с удержанием до 25 % зарплаты.

Так называемая сталинская “перековка” в лагерях оказывала необратимое влияние на психологию человека. Вспомним при этом В.Т. Шаламова, который считал “лагерь отрицательным опытом для человека – с первого до последнего часа. Человек не должен знать, не должен даже слышать о нем. Ни один человек не становится ни лучше, ни сильнее после лагеря. Лагерь – отрицательный опыт, отрицательная школа, растление для всех – для начальников и заключенных, конвоиров и зрителей, прохожих и читателей беллетристики”⁵⁸.

Таким образом, результат сталинских преобразований – это не только миллионы уничтоженных, погибших от голода и умерших в лагерях и в местах спецпоселений. Это каждый третий дееспособный член советского общества, прошедший сталинские лагеря. А та часть общества, которая не сидела, а сажала, пытала, расстреливала, надзидала в лагерях и спецкомендатурах! Не надо забывать и о том, что эти люди могли воспитать и воспитывали себе подобных. Насильственная криминализация советского общества – один из самых страшных результатов строительства сталинского социализма.

Долговременные последствия сталинских репрессий только начинают осознаваться в научной литературе⁵⁹. Они продолжают сказываться и сегодня в нравственной деградации общества, которая проявилась особенно явно после того, как стальные

скрепы, сдерживавшие общество, исчезли, и оно в полной мере смогло проявить свою не свободу, а волю в чисто российском понимании этого слова. Но эти последствия не обошли никого — его ощутила и та часть советского общества, которой удалось избежать репрессий и не участвовать прямо в их проведении. Однако она неизбежно должна была подчиняться насаждавшимся “сверху” новым нормам поведения, если хотела выжить.

В результате миру явилось новое люмпенизированное общество, не знавшее в массе своей, что такое нормальное, цивилизованное отношение к труду, общество, в котором люди десятилетиями жили в обстановке лжи и привыкли по-люмпенски относиться как к государству, так и друг к другу, общество, не представлявшее себе, что такое право и правосознание, общество, в котором отсутствовали структуры гражданского общества. Замечательную характеристику такого общества (по типу “желе”) дал философ М.К. Мамардашвили в одной из своих лекций по социальной философии еще в 1981 г.: “Существует как бы такой закон истории: живущие в этом “желе” люди считают себя носителями особой миссии, особой одухотворенности (душа якобы есть только у них). А в действительности они, как правило, аморальны, потому что “желе” поддается любому произвольному действию. Оно пройдет по нему, не наталкиваясь ни на какие структуры, в том числе личностные. Если угодно, здесь не существует честного слова. В другой, формализованной системе возможна ситуация, когда действие будет основано на честном слове, ибо личностная структура в данном случае не тождественна социальному статусу, социальной роли. Есть одновременно и то, и другое. В этом случае если и захотят заставить человека сделать подлость, то воздействие извне натолкнется на “кристаллическую” решетку самой личности — личностную структуру. Когда есть такие решетки, невозможны массовая истерия, массовое доноительство и прочее. В случае же “желе” их нет, и оно заполняется моралистикой... Жизнь усложнена именно потому, что она в действительности максимально проста, подобно мягкому желе”⁶⁰.

Создание структур гражданского общества является необходимым этапом на пути демократизации российского общества.

Демократия предполагает усложнение форм социальной жизни и прежде всего накладывает на каждого члена общества тяжелое бремя свободы и ответственности. События последних лет с беспощадной ясностью выявили непреодолимые препятствия на пути демократизации России. Оказалось, что дело не только в грехах и пороках российской государственности и отсутствии у нее демократических традиций, но и в самом обществе, которое все более явно демонстрирует свое желание вернуться назад. Там не будет свободы, но не будет и этого гнетущего чувства постоянной ответственности. – будет существование под крылом вездесущего, но по-своему заботливого государства. Вопрос в том, достойно ли человека конца XX века такое существование? И для чего тогда вообще человеческая жизнь?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Попов Г.Х. С точки зрения экономиста (О романе А. Бека “Новое назначение”) // Наука и жизнь. 1987. № 4. С. 62–63.

² Жлевилюк О.В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М.: Республика, 1992; Рассказов Л.П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в Советском государстве. Уфа, 1994; Роговин В.З. 1937. М., 1996; и др.

³ Stalinist Terror. New Perspectives. Ed. by J.A. Getty and R.T. Manning. Cambridge. University Press. 1993.

⁴ Поляков Ю.А. Гражданская война в России. (Поиски нового видения) // История СССР. 1990. № 2. С. 108.

⁵ Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 84.

⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 204.

⁷ Такер Р. Сталин: Путь к власти. 1879–1929. История и личность. М.: Прогресс, 1991. С. 436.

⁸ Сталин И.В. Соч. Т.13. С. 39.

⁹ Бухарин Н.И. Путь к социализму. Новосибирск: Наука, 1990. С. 297, 309, 299; Он же. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1988. С. 390.

¹⁰ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М.: Терра, 1991; Каганович Л.М. Памятные записки. М.: Вагриус, 1996.

¹¹ Сталин И.В. Соч. Т. 11. С. 252.

¹² В литературе по-прежнему используются идеологизированные понятия советской историографии, которые неадекватно выражают сущность происходивших в коммунистический период процессов. Одним из таких понятий является понятие “кулак”. В строгом экономическом смысле кулацких хозяйств, ориен-

тированных на товарное производство, в советской России были единицы. Кулаками власть называла преимущественно тех зажиточных крестьян, которые, используя культурные методы ведения хозяйства и сельскохозяйственные машины, добились относительного материального благополучия, в сравнении с другими слоями деревни.

¹³ Сталин И.В. Соч. Т.11. С. 2.

¹⁴ Там же. Т. 12. С. 225.

¹⁵ Кириллов В. Законодательное обеспечение репрессивной политики советского государства в период 1920–50-х годов // Карта (Российский независимый исторический и правозащитный журнал). Рязань. 1995. № 7–8. С. 82.

¹⁶ Сталин И.В. Соч. Т. 11. С. 171.

¹⁷ Сталин и кризис пролетарской диктатуры. Платформа “союза марксистов-ленинцев” (“группа Рютина”) // Реабилитация: Политические процессы 30–50-х годов. М.: Изд-во политич. литер., 1991. С. 373.

¹⁸ Бухарин Н.И. Путь к социализму. С. 299.

¹⁹ Реабилитация: Политические процессы ... С. 8.

²⁰ Вопросы истории. 1993. № 8. С. 11, 14.

²¹ Реабилитация: Политические процессы ... С. 8.

²² Сталин И.В. Соч. Т. 12. С. 274, 302, 303, 305, 309, 333–334, 341.

²³ Вопросы истории. 1993. № 8. С. 25; № 9. С. 31; 1994. № 8. С. 15; 1995. № 3.

С. 11.

²⁴ Сто сорок бесед с Молотовым ... С. 395.

²⁵ Бушуева Т.С. Военные приготовления СССР в 1920–40 годах: новые архивные документы // 1939–1945. 1 сентября – 9 мая. Пятидесятилетие разгрома фашистской Германии в контексте начала Второй мировой войны. Материалы научного семинара (16 апреля 1995 г. – Новосибирск). Новосибирск, 1995. С. 49.

²⁶ Курицын В. Советская политическая система 30-х годов // Коммунист. 1991. № 2. С. 116.

²⁷ Сто сорок бесед с Молотовым ... С. 395.

²⁸ Известия ЦК КПСС. 1989. № 8. С. 99.

²⁹ Там же. С. 100–115.

³⁰ Авторханов А. Технология власти. М.: Слово, 1991. С. 304.

³¹ Хлевнюк О. Управление государственным террором. Рец. на кн. “Stalinist Terror...” // Свободная мысль. 1994. № 7–8. С. 125–127.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Архивы Кремля и Старой Площади. Документы по “Делу КПСС”. Аннотированный справочник документов, представленных в Конституционный Суд Российской Федерации по “Делу КПСС”. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1995. С. 19, 20.

³⁶ Хлевнюк О.В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. С. 223, 227.

³⁷ XVIII съезд ВКП(б). 10–21 марта 1939 г. Стенограф. отчет. М., 1939. С. 16.

³⁸ Там же. С. 13.

³⁹ Сталин И.В. Соч. Т. 7. С. 14.

- 40 "Моя тема - война, революция, флот ..." (Фонд В.В.Вишневского)// Встречи с прошлым. Сборник материалов ЦГАЛИ. Вып. 2. М., 1985. С. 232.
- 41 Припывин М. Дневник 1937 года // Октябрь. 1995. № 9. С. 165.
- 42 XVIII съезд ВКП(б) ... С. 30.
- 43 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 311.
- 44 Сталин И.В. Соч. Т. 12. С. 260.
- 45 Цит. по: Верт Н. История советского государства. 1900-1991. М.: Прогресс-Академия, 1992. С. 16.
- 46 Цит. по: Горинков М.М. Советская страна в конце 20-х - начале 30-х годов// Вопросы истории. 1990. № 11. С. 38.
- 47 ГАНО, ф. П-3, оп. 11, д. 29, л. 18.
- 48 Вопросы истории. 1994. № 10. С. 17.
- 49 Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 57.
- 50 Новый мир. 1995. № 11. С. 235. Рец. Ю. Кублановского.
- 51 Земсков В.Н. К вопросу о масштабах репрессий в СССР// Социс. 1995. № 9. С. 123.
- 52 Попов В.П. Государственный террор в советской России. 1923-1953 гг. (Источники и их интерпретация)// Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 27.
- 53 Конквест Р. Жатва скорби// Вопросы истории. 1990. № 4. С. 89.
- 54 Отечественная история. 1994. № 6. С. 262; Вопросы истории. 1988. № 3. С. 120-121.
- 55 Циплин В.В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы// Вопросы истории. 1989. № 4. С. 181.
- 56 Максудов Сергей. Потери населения СССР в годы коллективизации. Предисловие И.Г. Дядькина// Звенья: Исторический альманах. Вып. 1. М.: Прогресс, 1991. С. 111-112.
- 57 Попов В.П. Указ соч.// Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 22.
- 58 Шаламов В. Левый берег. М.: Современник, 1989. С. 547.
- 59 Дорошенко В. Сталинские репрессии и "новая историческая общность" - русский народ// ЭКО. 1995. № 12. С. 142-148.
- 60 Мамардашвили М.К. Из лекций по социальной философии// Социологический журнал. 1994. № 3. С. 34-35.

С.А. Папков

ЛАГЕРНАЯ СИСТЕМА И ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД В СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1929–1941 гг.

Чтобы управлять страной, Сталин создал систему насилия, которая обеспечивала ему безраздельное господство и полное подчинение народа. Частью этой системы была обширная закрытая структура советского госаппарата, контролирующая сеть лагерей, спецпоселений и колоний ОГПУ–НКВД, известная как “ГУЛАГ”. Сеть была разбросана по всей территории огромной страны и поглощала несколько миллионов советских граждан, осужденных к принудительным работам по политическим или социальным мотивам.

Сами по себе лагеря и колонии принудительного труда не представляются уникальным явлением в новейшей истории. Во многих странах они существовали до Сталина и существуют до сих пор. Но нигде и никогда они не имели таких масштабов и не играли столь важной экономической и политической роли, как в сталинском государстве.

В царское время институт изоляции осужденных занимал относительно скромное место в структуре государства.

Сталинцы, развязав внутреннюю войну против народа, решили коренным образом реформировать этот институт, сделать его инструментом социального переустройства и экономического роста. Цель преобразования ставилась таким образом: ни один заключенный не должен даром есть хлеб; каждый сохраняющий способности к труду обязан приносить пользу государству, не требуя при этом оплаты за свой труд.

Главная реформа началась в 1929 г. 23 мая Политбюро ЦК ВКП(б) с участием некоторых “заинтересованных лиц” – наркома внутренних дел Ягоды, генерального прокурора Крыленко, наркома юстиции РСФСР Янсона и других – приняло постановление несомненно исторического значения: “Об использовании труда уголовно-заключенных”¹. Постановление вводило в

стране совершенно новую практику изоляции по сравнению с предшествующим периодом и вместе с тем — новые способы советской колонизации неосвоенных территорий с их природными богатствами.

Смысл решения Политбюро состоял в том, что все лишённые свободы на срок от 3-х лет и выше (их в стране было около 300000 человек) немедленно передавались из местных (окружных и краевых) домов заключения (домзаков) в специальные концентрационные лагеря ОГПУ. Перед самим ОГПУ ставилась задача “расширить существующие и организовать новые” лагеря для использования труда заключённых². Предполагалось также, что для постоянной колонизации далеких окраин выходящие на свободу заключённые будут наделяться землей и в принудительном порядке заселять территорию вокруг лагерей.

Что касается заключённых с малыми сроками, то они оставались в ведении отдельных республик, но переводились “на самоокупаемость”. Это означало, что каждая тюрьма или лагерь должны были организовать собственное производство или включиться в выполнение местных хозяйственных планов. На основании решения Политбюро концлагеря получили и новое название “исправительно-трудовые лагеря”³. Таким образом, советская система заключения теперь приобрела законченные формы. Это был новый тип изоляции, в основе которого лежал рабский труд заключённых, а сама система становилась важной частью экономической структуры государства.

К середине 1930 г., когда основная реорганизация завершилась, тюремно-лагерный комплекс в Сибири, состоявший в ведении Сибкрайисполкома, выглядел следующим образом: 17 домзаков и 10 трудколоний в крупных городах края вмещали 25121 заключённого вместе с подследственными и пересыльными⁴. Сами заключённые в этот период уже сильно отличались от своих предшественников. Прежде всего, количество их стало в несколько раз больше, но главное — изменился состав. Значительную часть невольников теперь представляли простые крестьяне — задолжники по государственным повинностям. Эти заключённые нового типа численностью свыше 6 тысяч человек

имели странный статус. Даже тюремная администрация не считала их заключенными в обычном смысле слова. Они именовались "принудработниками", т.е. осужденными к принудительному труду за "кулацкий саботаж". Многие из них были арестованы по постановлениям сельской администрации или служебным запискам без каких-либо приговоров и точных сроков. Их забирали вместе с собственными лошадьми и инструментом, а затем отправляли в колонии на заготовку леса и шпал для "социалистическихстроек".

К концу 1930 г. основная часть населения домзаков и местных колоний была пристроена к делу и "самоокупалась". Только в Западно-Сибирском крае организуются 3 крупных сельскохозяйственных колонии с площадью посева 6,5 тыс. га, 5 животноводческих хозяйств, построено 8 кирпичных заводов и 5 известковых, расширены и переоборудованы 6 прежних мастерских. Для несовершеннолетних арестантов создана школа ФЗУ⁵.

Но это была всего лишь часть лагерной структуры. Другую, вбивавшую в себя примерно такое же количество арестантов, представляли владения ОГПУ. Огромный лагерный архипелаг, созданный в Сибири, ведет свою историю от двух крупных комплексов ОГПУ — СибУЛОНа и ДальУЛОНа.

Они появились в конце 20-х гг. Источники оставили нам очень скудные сведения об их начальном периоде. Известно, что в 1930 г. численность заключенных СибУЛОНа составляла 24,3 тысячи человек. Лагерники были заняты на самых тяжелых строительных работах и лесоповале. Они обслуживали золотые прииски в зоне тайги, вели строительство железной дороги от Томска на север, в районе поселка Итатка, на участке в 42,5 км. В Туруханском крае, у Северного полярного круга, их руками возводилось Нифантьевское шоссе протяженностью 174 км и добывался лес для экспортных операций. В это же время СибУЛОН стал владельцем нескольких лагерей-совхозов. В них тысячи заключенных крестьян — жертв раскулачивания — выращивали продукцию для лагерных отделений⁶.

Другой важный район сосредоточения заключенных находился на Дальнем Востоке в ведении ДальУЛОНа ОГПУ. Тут насчитывалось 17,5 тысяч арестантов, также выполнявших наи-

более трудоемкие физические работы в основном на заготовке и вывозе леса, строительстве железных дорог и рыбных промыслах. Поставками леса в ДальУЛОНе занималась почти треть заключенных. Другие добывали уголь в Приморье, на шахтах Артема и Сучана, возводили железнодорожную ветку Букача-ча-Пашенная в Забайкалье, намывали золото.

В общей сложности за СибУЛОНОм и ДальУЛОНОм в 1930 г. числилось 23 % всех лагерников ОГПУ, в то время как большая часть – 35 % (63 тыс. человек) содержалась в Соловецких лагерях⁷.

В 1931/32 гг., когда масштабы сталинских преобразований достигли максимальных размеров, число заключенных резко возросло. В этот период огромные потоки арестованных двинулись по всей стране в направлении строящихся гигантских заводов, железных дорог, рудников и мест добычи сырья. В Сибирь и на Дальний Восток железнодорожные конвои с тысячами заключенных прибывали один за другим. Все пересыльные тюрьмы, дома заключения и арестные помещения милиции были переполнены сверх всякой меры. В некоторых из них число арестантов в 4–5 раз превышало допустимые нормы. Главные транзитные пункты – Новосибирск, Томск, Мариинск, Красноярск, Иркутск и Хабаровск – представляли собой скопище грязных, измученных голодом и инфекциями людей, обреченных на верную смерть. Везде, где размещали прибывающих, царил обстановка средневековых китайских тюрем. Местные власти находились в растерянности: они не знали что делать с внезапно нахлынувшей волной, создавшей невероятные проблемы с питанием, одеждой и размещением невольных мигрантов. Кормить их было нечем. Чиновники из Красноярска сообщали, что “заключенные едят всякие отбросы, шелуху, копыта и другую дрянь. На почве недоедания заболеваемость среди заключенных усилилась. Выведенные на производство падают от изнеможения ...”⁸. Вдобавок ко всему многие из прибывавших совершенно не имели одежды и об использовании их на работах не могло быть и речи. С наступлением зимы их невозможно было даже доставить от тюрьмы до станции, чтобы отправить по этапу.

С 1931 г. эпидемия брюшного тифа и других инфекционных болезней надолго поразила места заключения, вынудив власти временно прекратить изоляцию осужденных в самой Сибири⁹.

Но эшелоны с заключенными и ссыльными из Москвы, Ленинграда, Харькова и других городов центральной части страны продолжали прибывать. За 1932 г. "через систему ИТУ" прошла 241 тысяча человек, доставленных в Сибирь из других краев и областей. За первые 4 месяца 1933 г. — еще 214 тысяч. Официальная сводка сообщала: "...почти с каждого эшелона снимаются трупы, больные, явно истощенные, инвалиды, старики"¹⁰.

Ситуация приняла особенно опасный характер, когда эпидемические болезни, завезенные с этапами, захватили местное население. Вновь, как во времена гражданской войны, места скопления людей превратились в очаги заразы. Вокзалы, базары и прилегающие к ним территории были заполнены сотнями больных и умирающих. Власти объявили чрезвычайное положение. Потребовались большие усилия, чтобы не допустить распространения эпидемии в городах, через которые проходили основные конвои. По всей Сибири была проведена мобилизация врачей, на станциях и вокзалах открывались пункты санитарной обработки и помощи больным, строились бараки для изоляции заболевших. В Новосибирске даже клуб им. Сталина, место главных официальных собраний и приемов, стал временной тифозной больницей для сотен жертв эпидемии.

Но в местах заключения каждый выживал в одиночку. С января по май 1932 г. в тюрьмах Томска умерло 930 арестантов. А всего за этот год в лагерях и колониях Западной Сибири (без лагерей ОГПУ) было учтено 2519 смертей, вызванных голодом и болезнями¹¹. По официальной оценке смертность достигала 32 %.

В июле 1932 г. правительство решило приостановить скопление заключенных там, где они создавали для властей особые проблемы. Постановлением ВЦИК были образованы комиссии во главе с Сольцем и Киселевым для срочной "разгрузки мест заключения" в городах Сибири и Казахстана¹². В результате работы этих комиссий часть заключенных с небольшими сроками

получила освобождение. Это были в основном крестьяне, осужденные по "кулацким" статьям, старики старше 60 лет и молодежь до 21 года, а также некоторые сельские работники, арестованные в ходе сельхозкампаний. В Западно-Сибирском крае освобождение получили 3 тыс. человек¹³.

Другую часть заключенных "разгрузили" в лагеря ОГПУ.

Постепенно в недрах ОГПУ скопилось большинство арестантов. Эта организация, имевшая в своей структуре специальное лагерное управление – ГУЛАГ –, превратилась в мощную экономическую силу, способную самостоятельно создавать крупнейшие хозяйственные объекты и осваивать громадные территории страны.

БАМЛАГ

Среди лагерных комплексов Сибири и Дальнего Востока в начале 30-х гг. наибольшее значение имел БАМЛАГ – Байкало-Амурский железнодорожный лагерь, простиравшийся вдоль Транссибирской магистрали и к северу от нее на общем расстоянии более 2000 километров. БАМЛАГ был организован в декабре 1932 г. и входил в число крупнейших строек ГУЛАГа наряду с Беломоро-Балтийским каналом и каналом Волга-Москва. В соответствии с правительственным замыслом БАМЛАГу предстояло осуществить колоссальный проект: через огромные безжизненные пространства тайги, болот и горных хребтов, на большом удалении от внешних границ государства, проложить новую железную дорогу, значительно сокращающую расстояние от Байкала до Тихого океана.

Для выполнения этой исторической задачи ГУЛАГу предоставлялись тысячи заключенных, которых собирали на БАМ со всей страны. Уже за первые полгода сюда было переброшено свыше 30 тысяч заключенных для возведения 175-километрового головного участка дороги, соединявшего Транссиб с поселком Тында (Тахтамыгда-Тында)¹⁴.

Первым начальником строительства на БАМе являлся С.В. Мрачковский – старый большевик, в недавнем прошлом один из лидеров троцкистской оппозиции, получивший времен-

ное прощение Сталина, а с ним и свою должность. Его заместителем и одновременно начальником лагеря стал Н.Ф. Еремин.

Когда строительство дороги приняло широкие масштабы, управление БАМЛАГа подверглось внезапной чистке. К сентябрю 1933 г. руководство во главе с Мрачковским было арестовано и осуждено в связи с “делом контрреволюционной троцкистской группы И.Н. Смирнова”¹⁵.

Новый начальствующий состав возглавил Н.А. Френкель. О нем вслед за А.И. Солженицыным современные авторы пишут как о человеке, “которому суждено было стать оформителем и главным конструктором системы концлагерей страны победившего социализма”¹⁶.

До своего назначения в БАМЛАГ Френкель успел сделать поразительную карьеру. В начале 20-х гг. по обвинению в мошенничестве и контрабанде он был осужден, наказание отбывал в Соловецких лагерях. Тут и обнаружился его незаурядный талант организатора труда заключенных. “Управление СЛОН, — пишет биограф Френкеля Борис Ширяев, — было реорганизовано коренным образом. Его отделы, возникшие в период хаотического развития Соловков — свалки недорезанных, были преобразованы, частью аннулированы и пополнены новыми, сведены в стройную систему воспитательно-трудовой части, во главе которой стоял Френкель. (...) Размах Френкеля был широк и его организационные способности, несомненно, велики. Если до него распорядители соловецкой рабсилы в большинстве случаев не знали, куда девать прибывших каторжников, то теперь людей, и особенно техников всех специальностей, не хватало”¹⁷.

За несколько лет пребывания на Соловках зек Френкель сумел превратиться в начальника производственного отдела лагеря, а выйдя на свободу, был принят на службу в ОГПУ. В 1931–1933 гг. Френкель становится одним из руководителей строительства крупнейшего государственного объекта — Беломоро-Балтийского канала. Здесь ему вновь удалось подтвердить свой талант в употреблении тысяч заключенных. За это умение Сталин наградил Френкеля орденом Ленина и отправил его создавать БАМЛАГ.

Френкель оставался начальником строительства в БАМЛАГе весь последующий период. Менялись лишь его заместители. Сам же он оказался одним из немногих деятелей ГУЛАГа, кто смог продержаться на такой должности и даже продвинуться вверх. В 1940 г. он уже занимал пост начальника управления железнодорожного строительства ГУЛАГа НКВД СССР, т.е. распоряжался всеми железнодорожными лагерями в стране.

Свое правление в БАМЛАГе Френкель начал с радикального переустройства лагерных подразделений. Как мастер организации и знаток лагерной жизни, он создал новую структуру – фаланги – специализированные бригады численностью 250–300 человек каждая, где все заключенные были повязаны круговой порукой и соревнованием за пайки.

Каждый месяц Френкель получал эшелоны с новыми арестантами, и его лагерь рос как на дрожжах. В начале 1933 г. сеть БАМЛАГа состояла всего из двух лаготделений, занятых строительством головной ветки БАМа. Но во второй половине основную часть заключенных бросили на строительство вторых путей Транссибирской магистрали на огромном расстоянии – от ст. Карымская в районе Читы – до Хабаровска¹⁸. На всем протяжении этого пути создаются многочисленные лаготделения и ОЛПы. К 1935 году численность заключенных доводится до 153,5 тысяч¹⁹.

Из воспоминаний бывших узников БАМЛАГа мы узнаем о режимных условиях и некоторых лагерных порядках тех лет. Писатель Сергей Воронин, автор повести “Наказание без преступления”, отбывал срок в 1934–1935 гг. в Урульге, во 2-м отделении БАМЛАГа. Его мемуары относятся к той эпохе, когда все лагерное “обслуживание” находилось в руках самих заключенных: из заключенных состояла охрана, управленческий аппарат и даже начальник лаготделения Большаков в недавнем прошлом тоже был заключенным. “Рассказывали, что Большаков был за что-то осужден, но, отбывая срок на Беломорканале (он и там был начальником), хорошо себя проявил, был награжден орденом Ленина и досрочно освобожден. Теперь он руководил тысячами людей, разбросанных по всему второму отделению, протяженностью в двести километров...”²⁰.

Руками каторжан создавалась вся инфраструктура дороги. "Второе отделение, — пипет Воронин, — ...представляло из себя сложное хозяйство. В него входило и строительство вторых железнодорожных путей, и сооружение паровозоремонтных депо, вокзалов и других гражданских сооружений, были и механические мастерские, и свой мостострой, и пожарная команда, и подсобные сельские хозяйства, и своя агитбригада, и "околотки" — лечебницы, и изоляторы для провинившихся, и фаланги для штрафников и отказчиков, и десятки производственных фаланг, размещенных по обе стороны однопутки, с сотнями заключенных — "путеармейцев".

Две главные движущие силы были в этом большом строительстве: стремление на волю и "горбушка". Здесь как нигде проводился железный закон: "Кто не работает, тот не ест."

Когда строительство не укладывалось в сроки, администрация лагеря немедленно увеличивала рабочий день. "Работали по шестнадцать, а то и восемнадцать часов. Не успевали обсыхать. Подымали среди ночи на разгрузку, и невыспавшиеся зеки шли на стройки. У многих появилась "куриная слепота", то есть с наступлением вечера люди переставали видеть. Все больше оставалось больных в бараке: простуда, ревматизм, малярия."

Наконец, наступал момент сдачи участков в эксплуатацию, и лагерь охватывало всеобщее возбуждение: администрация объявляла о досрочном освобождении, на которое могли рассчитывать отличившиеся в труде. Но свобода доставалась часто не тем, кто ради нее надрывал силы. "Досрочно освобожденных оказалось много. И что удивительно, особенно много среди них было урок. Оказывается, их освобождали, чтобы очистить от них бригады. Для завершения строительства оставались настоящие путеармейцы" ²¹.

В 1935–1937 г. БАМЛАГ был одним из самых крупных лагерей СССР. В его состав входило не менее 20 лаготделений, ОЛШов и колоний. Дислокация их в 1936 г. свидетельствует о гигантском размахе работ, выполнявшихся заключенными²²:

Лаготделения	Место расположения	Вид деятельности
Управление	г. Свободный	
Верхне-Зейский колонизационный пункт	пос. Дамбуки	Лесозаготовки, строительство пос. Потехино
Хабаровское (15-е)	г. Хабаровск	Строительство ж.д.
Хабаровское (16-е)	г. Хабаровск	То же
Ерофеевское (4-е)	ст. Ерофей Павлович	Лесозаготовки
Свободнинское (8-е)	г. Свободный	Строительство ж.д.
Ледянский ОЛП	дер. Толмачевка	Лесозаготовки
3-е отделение	ст. Ксеньевская	Строительство ж.д.
1-е отделение	ст. Красная Заря	Строительство ж.д., кирпичное производство, лесозаготовки
5-е отделение	ст. Тахтамыгда	То же
Магдагачинское (9-е)	ст. Магдагачи	Строительство ж.д.
Завитинское (10-е)	ст. Завитая	То же
11-е	ст. Архара	" - "
12-е	ст. Облучье	" - "
13-е	г. Биробиджан	" - "
Аргинский с/х ОЛП	ст. Арга	Сельхозпродукция
16-е	ст. Вяземская	
Бикинское (17-е)	ст. Бикин	Строительство ж.д.
20-е	ст. Евгеньевка	Лесозаготовки
Бирский ОЛП	ст. Бира	То же

К концу 1937 г. главные участки работ БАМЛИАГа на вторых путях трассы Карымская-Хабаровск были закончены и сданы в эксплуатацию. Вслед за этим правительство принимает новый план строительства. Оно ставит перед БАМЛИАГом задачи продолжить возведение вторых путей Транссиба до Тихого океана, построить ряд дорог оборонного назначения и приступить к строительству собственно БАМа - от Тайшета через северный Байкал до Совгавани - общей протяженностью 4643 км²³.

Для выполнения этой сложной программы Френкель организовал новые массовые работы заключенных на нескольких направлениях. Теперь одновременно возводились вторые пути

на участке Хабаровск – Уссурийск (656 км), железнодорожные линии: Тахтамыгда–Тында (175 км) (вместо головного участка эта дорога по новому проекту стала соединительной веткой между Транссибом и БАМом), оборонная дорога – строительство N 2 Биробиджан–Ленинское, 130 км, строительство N 202 – тоже оборонная дорога Улан-Удэ–Наушки (247 км) и линия Волочаевка–Комсомольск (355 км).

Таким образом, в руках Френкеля был уже не просто лагерь, а громадная армия рабов и надаирателей, рассредоточенная на необозримых пространствах от Байкала до Тихого океана. Для управления такой структурой прежняя схема уже не годилась. В мае 1938 г. приказом Ежова БАМЛАГ был разделен сразу на шесть самостоятельных лагерей и организовано специальное управление железнодорожного строительства – УЖДС ГУЛАГа НКВД СССР на Дальнем Востоке во главе с Френкелем²⁴.

Появляется новая система:

Амурский лагерь (АмурЛАГ), с центром в г.Свободный, для завершения строительства вторых путей Карымская–Уссурийск и участков Тахтамыгда–Тында, Тында–Зей; нач. лагеря – Н.А. Френкель;

Южный железнодорожный лагерь (ЮжЛАГ), с центром на ст.Заудинск, для строительства линии N 202; нач. – И.Д. Шемель;

Западный лагерь (ЗапЛАГ), центр – Тайшет, для возведения дороги Тайшет–Падун; нач. – Г.П. Большаков;

Восточный лагерь (ВостЛАГ), центр – в районе г.Комсомольска (ст.Старт). Вел строительство линии Комсомольск–Усть-Ниман; нач. – Н.Ф. Потемкин;

Буреинский лагерь (БурЛАГ), центр – ст.Известковая, строительство линии Известковая–Усть-Ниман; нач. – Борисов;

Юго-Восточный лагерь (Юго-ВостЛАГ) с центром в районе ст.Волочаевка, занимался строительством линии Волочаевка–Комсомольск и дороги N 2; нач. – В.Н. Кузнецов.

Пока в стране шли массовые аресты, лагеря-преемники БАМЛАГа продолжали свой бурный рост. В середине 1939 г. численность заключенных на стройках УЖДС НКВД на Даль-

нем Востоке достигала почти 300 тысяч человек²⁵. Но в последующем возможности такого роста существенно снизились: власти не могли бесконечно создавать новые лагеря с прежним размахом. Для осуществления амбициозных планов покорения восточных пространств наличных рук заключенных оказалось уже недостаточно. Вследствие этого многие участки дороги, построенные заключенными, стали результатом совершенно бессмысленной траты человеческих сил. В январе 1941 г. по приказу Берии был ликвидирован АмурЛАГ и прекращены работы на северных участках БАМа²⁶. Последовала также консервация строительства западной и восточной частей дороги. Таким образом, программа создания северной супермагистрали оказалась несостоятельной.

Крайне низкая продуктивность принудительного труда вынуждала НКВД искать применение заключенным в других отраслях, прежде всего там, где открывалась возможность организации массовых физических работ. Такими отраслями были лесоповал и работы на рудниках.

Кроме того, в условиях готовящейся войны правительству пришлось определить новые приоритетные области приложения рук каторжан. Многие лагеря оно переключило на строительство военно-стратегических объектов. Страна стояла накануне крупного столкновения, и люди за колючей проволокой должны были вносить свой вклад в могущество того государства, которое отняло у них свободу.

СИБЛАГ

Другой важной экономической зоной ГУЛАГа был Сибирский лагерь. СибЛАГ, центр которого одно время располагался в Мариинске, а затем в Новосибирске, возник в 1931 г. на базе колоний реорганизованного СибУЛОНа. Границы лагеря охватывали территорию Западной и Центральной Сибири, но основная часть лаготделений и ОЛШов сосредотачивалась в Кузбассе, в районах лесозаготовок, строительства крупных заводов и угольных шахт.

Одним из первых начальников СибЛАГа был И.М. Биксон — старый партизед и ветеран ГПУ, занимавший в 20-е гг. руководящие чекистские посты на Украине, в Узбекистане и Тамбове. Биксон хозяйничал до 1932 г. включительно. За это время его лагерь принял десятки тысяч крестьян вместе с их семьями как из самой Сибири, так и европейских областей, а также массу людей, арестованных ОГПУ в ходе “очистки” городов от “деклассированных элементов”.

В 1932 г. Биксона сменил А.А. Горшков. В этот период СибЛАГ уже представлял собой огромное, почти неуправляемое “хозяйство”. Горшков был не в состоянии что-либо изменить. На следующий год, когда в нарымской тайге из-за полной неразберихи и бездействия работников СибЛАГа в течение двух недель были заморены голодом несколько тысяч спецпереселенцев, Горшкова сделали козлом отпущения. Его отстранили от должности и перевели в другую область.

Новым начальником лагеря стал присланный из БАМЛАГа М.М. Чунтонов.

На всем протяжении 30-х гг. структура СибЛАГа и численность заключенных в нем постоянно менялись, а сам лагерь служил каналом непрерывной перекачки арестантов из одной части страны в другую. Это была по сути гигантская пересылка, через которую распределялись потоки конвоируемых крестьянских семей, “деклассированных”, осужденных колхозников, уголовников и остальных категорий лагерного населения. Постоянный же состав лагеря насчитывал в среднем 60–70 тысяч человек.

В 1931 г. в ведение СибЛАГа были переданы все кулацкие спецпоселения от Алтая до Нарыма, 369 пунктов с населением почти 300 тысяч человек²⁷. В результате экономическая роль лагеря многократно возросла. Он стал источником дешевой рабочей силы для десятков строек и предприятий по всей Сибири.

Спецпереселенцев рассредоточили по нескольким отраслям²⁸.

сельское хозяйство (Нарымский край) — 247 поселков — 41 053 семьи

лесозаготовки (Нарымский край) — 35 поселков — 8 374 семьи

добыча золота и обслуживание рудников Цветметзолото (таежный Кузбасс) — 40 поселков — 3 255 семей

лесозаготовки (Анжерка, Яя, Крапивинск, Горная Шория) — 36 поселков — 4 172 семьи

добыча угля (Анжерка, Прокопьевск) — 1 967 семей

Кузнецкстрой — 4 390 семей

всего — 63 211 семей

В это же время на объектах СибЛАГа использовалось свыше 30 тысяч заключенных. Они строили Горно-Шорскую железную дорогу и Чуйский тракт, заготавливали лес, в нескольких ОЛПах выращивалась сельхозпродукция.

С 1931 г. СибЛАГ владел также тремя крупными угольными рудниками Кузбасса — Киселевским, Араличевским и Осинниковским. Добыча угля руками шахтеров-заключенных достигала почти 1 млн тонн в год²⁹. Это составляло примерно шестую часть всей добычи угля в Кузбассе. Когда Рухимовичу, начальнику треста “Кузбассуголь”, срочно требовалась рабочая сила для ликвидации прорывов, он обращался к Эйхе и представителю ОГПУ Алексею с просьбой прислать заключенных. Его заявки обычно исполнялись достаточно оперативно³⁰.

О жизни рабочих-каторжан некоторые документы сообщают как о положении рабочего скота. В Осинниковском отделении СибЛАГа, на шахтах “Кузбассугля”, в 1933 г. было расселено около 6000 заключенных. За ничтожный паек работали, выходясь из сил: нормы регулярно выполнялись на 100–105 %. Но даже самая ударная работа не избавляла людей от всеобщего хронического голода. Шалаши, бараки и землянки, в которых размещались арестанты, представляли постоянную опасность для жизни. Летом здесь царил инфекции и чудовищная антисанитария, а зимой температура опускалась до -15° . Сыпной тиф и другие заболевания ежедневно уносили чьи-то жизни. С января по август 1933-го в лаготделении умерло 318 человек, 681 получили инвалидность, и их пришлось выпустить на свободу³¹.

Но в других местах положение было еще хуже. Если в Осинниках смертность заключенных составляла 5,6 %, то в целом по СибЛАГУ – 16,1 % от среднесписочного состава³².

1933 год вообще был, по-видимому, самым страшным для большинства мест заключения в довоенные годы. Голод, который в этот период переживали крестьяне и основная часть городского населения, для каторжан означал еще большую трагедию. Потери от голодной смерти и эпидемии тифа во всех лагерях достигали рекордного уровня: в БАМЛАГе – 13,4 %, в ДальЛАГе – 13,8, в Вишерских лагерях – 34,6 %³³.

Если данные самого ГУЛАГа о смертности среди заключенных принять как приближающиеся к действительным, то число умерших в 1933 г. составило в целом по стране около 70 тысяч человек, т.е. исчезло население примерно одного крупного лагеря.

Но какие бы сведения ни представляла официальная статистика, они никогда не отражали действительного положения дел. В условиях того хаоса, в которых создавались крупные лагерные зоны, серьезный учет вообще был невозможен. О ситуации в Томском лагпункте в 1934 г., например, один из работников СибЛАГа сообщал: “Тут царила такая неразбериха, что позволяла всем желающим заключенным жить в частных квартирах в городе и деревне, выписывать себе жен и детей, которых немедленно зачисляли на паек. Кое-кто даже покупал себе жилье или строил его. Многие из них, как и администрация лагпункта СибЛАГа, сами не знали, кто они: заключенные, трудпоселенцы или спецпереселенцы”³⁴.

В последующий период СибЛАГ постоянно претерпевал изменения. После реорганизации 1933 г. лагерь приобрел сельскохозяйственный профиль и стал главным поставщиком продовольствия для сибирских и дальневосточных лагерей – Норильска, Кольмы и БАМЛАГа. В 1936 г. из 60 тыс. заключенных большая часть работала на полях и фермах. Посевные площади под зерновыми культурами составляли 42,4 тыс. га³⁵. Лагерь имел свыше 7 тыс. голов крупного рогатого скота, около 30 тысяч свиней. Машинный парк состоял из 340 тракторов, 18 комбайнов и 93 автомобилей³⁶.

Как отдельная производственная единица СибЛАГ был такой же частью Государственной экономики, как и все прочие предприятия. Трудоспособные заключенные выполняли роль крестьян и рабочих, а лагерные начальники — директоров совхозов и строек. По некоторым показателям лагерное производство даже превосходило достижения “свободного социалистического труда”. В 1936 г. урожайность зерновых культур на полях СибЛАГа составляла 12,1 ц с гектара, а в окружающих совхозах — всего 7,4 ц; в сельхозколониях Красноярского края — соответственно 11,3 и 10,9 ц; в ДальЛАГе — 8,8 и 6,0 ц³⁷. В Осинском лагпункте, сообщало руководство СибЛАГа, план 1936 года по добыче угля заключенными был выполнен на 116 %, а вольнонаемными только на 97 %³⁸.

Само по себе сравнение любопытно, но доказывает только одно: там, где “свободный” работник мог ускользнуть от трудовой повинности и поработать на себя и свою семью, заключенному приходилось “ищачить” сверхурочно, чтобы наутро не остаться без пайка. “Хотите есть — работайте. Это — принцип существования в нашей стране. Для вас не будет исключения”, — заявлял начальник ГУЛАГа Матвей Берман³⁹.

Граница между лагерем и остальной частью общества порой действительно носила условный характер. Иногда это демонстрировалось официально, выставлялось напоказ. В 1940 г. отделение СибЛАГа Антибесс, как “передовой совхоз”, получило право быть участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки⁴⁰.

Из немногих уцелевших официальных источников мы имеем возможность точно узнать, кто и за что находился в Сибирском лагере НКВД в 30-е годы.

Как сообщалось в одном отчете, на 1 января 1936 г. в 22-х отделениях СибЛАГа содержалось 68957 заключенных. Из них 45 % учитывались как крестьяне (колхозники, кулаки, середняки, единоличники), 14 % — рабочие, 22 % — “деклассированные элементы”, остальные — кустари, государственные служащие, специалисты-хозяйственники, учащиеся, военные, служители культа. Самая большая часть заключенных сидела за “контрреволюционные преступления”. Их было 11921 человек

(17 %) Далее распределение шло по таким видам: “социально-вредные элементы” – 11528 человек, имущественные преступления – 10486, “по постановлению правительства от 7.08. 1932 года” – 9972, “шпионы” – 1527, “паспортизация” – 4139 и так далее⁴¹.

Статистика СибЛАГа весьма показательна. Ее данные отчетливо отражают характер той войны, которую вела сталинская клика против своего народа.

С 1936 г., с началом очередной кампании террора, численность заключенных в СибЛАГе постоянно возрастала. Точнее сказать, резко увеличился поток проходящих через лагерь, в результате чего состав заключенных за несколько месяцев полностью обновлялся. Во многих отделениях и пересылках из-за огромного скопления людей условия содержания превратились в кромешный ад. Вернее, условий не стало вообще, если не иметь в виду того, что обычно полагается для содержания животных. Многие подразделения поразила страшная эпидемия сыпного тифа.

Воспоминания бывшего заключенного А. Шалганова, пережившего ужас Мариинского распредпункта СибЛАГа в январе-мае 1938 г., дают, по-видимому, типичную картину того времени. Этот пункт, пишет бывший лагерник, “состоял из одного здания, в котором могло поместиться от силы человек 250–300. Сейчас же в нем, как говорили, находилось около 17 тысяч.

Для того, чтобы хоть как-то разместить заключенных, вырыли несколько землянок с печками, наскоро изготовленными из ржавых бидонов, да поставили с десятков “палаток”: ледяные, кое-как обшитые тесом стены, покрытые сверху брезентом.

В землянке, куда я спустился со своим товарищем по этапу Петром Дурьгиным, творилось что-то жуткое. Люди валялись на нарах, под нарами, в проходах – впритык. Шагу нельзя было сделать, чтобы не наступить кому-нибудь на руку. Вонь стояла страшная. Люди боялись выйти на улицу, потому что их место тотчас же занимал другой (а на дворе трещал мороз градусов под сорок). Впоевалку лежали туркмены, азербайджанцы, тата-

ры, мордва и земляки – москвичи, ленинградцы... Халаты туркменов, ветхая одежда заключенных, как маком, были обсыпаны вошью.

Ни мисок, ни ложек не было. К четырем котлам, в которых варили суп из мералой картошки, по-здешнему называемый баландой, выстраивалась очередь: заключенные подставляли кепки, тружи, а то и просто калоши и хлебали прямо из них. (...)

...в феврале в лагере начался мор. Картошка кончалась, а воду не подвозили совсем. Мучаясь жаждой, люди горстями собирали покрытый кровавыми пятнами снег и отправляли в рот. Ослабевшие не могли добраться до отхожего места и садились тут же, около землянок. Дизентерия свирепствовала вовсю. Сначала умирало по 18–20 человек в день. Потом по 50–70. Я делал гробы: на два, на восемь человек. Потом кончился лес. Мы соорудили сарай и складывали там трупы; гора росла и росла и вскоре на два метра возвышалась над землей. (...)

С января по май в Мариинском рапределительном пункте погибло около десяти тысяч человек...⁴².

Достоверность этих сведений подтверждается официальными документами. Так, в феврале 1941 г. на партактиве СибЛАГа один из лагерных начальников, отчитывая подчиненных, говорил: "Очевидно, забыты страшные уроки 38-го года, когда потери дней сводились к астрономическим цифрам... очевидно, забыли, что сказал зам. наркома внутренних дел после эпидемии 1938 года: ...если еще повторится – все пойдут под суд"⁴³.

"Естественная убыль" заключенных тем не менее быстро компенсировалась поступлениями новых этапов. В 1938 г. на базе подразделений СибЛАГа создаются еще два лагеря: ГоршорЛАГ (строительство 97 км железной дороги Учулен-Таштагол, на юге Кузбасса, для вывоза железной руды на Кузнецкий металлургический завод) и ТомасинЛАГ (лесозаготовки). Численность заключенных в самом СибЛАГе возрастает до 82 тысяч⁴⁴.

Парадоксальным однако было то, что увеличение количества рабочих рук не улучшало состояние лагерной экономики.

Производственные "достижения" СибЛАГа были заметны лишь на жалком фоне ближайших колхозов, но в сущности являлись столь же сомнительными, как и "успехи колхозного строя". С 1936 г. посевные площади не росли. Бесконечные поломки техники, гибель скота и потери урожая сводили к нулю многие результаты работы заключенных. То же самое происходило и в промышленном секторе лагеря. За 1937 и 1938 гг. СибЛАГ имел сплошные убытки, а кое-какая прибыль в последующие два года была получена исключительно за счет снижения части расходов и повышения отпускных цен⁴⁵.

Систематические провалы происходили во всех хозяйственных структурах ГУЛАГа, и такой результат был закономерным. Могло ли быть иначе в экономике, где основными "стимулами" являлись палка и голод?

В предвоенный период за счет увеличения числа заключенных масштабы деятельности Сибирского лагеря расширились. Количество его подразделений с 22-х выросло до 31. В 1940 г. ТомасинЛАГ и ГоршорЛАГ, завершив основные работы, вновь были включены в общую систему как отделения СибЛАГа. Сюда же присоединили три детские трудколонии Томска, крупнейшие в стране. Организуются лаготделения в Сталинске (Новокузнецке) для строительства второй очереди Кузнецкого комбината и нового металлургического завода. Появляется дополнительный лагпункт по добыче угля. В результате такого роста существенно повысилась промышленная роль СибЛАГа. Заключенных широко использовали на контрагентских работах в различных предприятиях, прежде всего военного значения. Самыми значительными заказчиками СибЛАГа стали крупнейшие стройки Новосибирска: N 153 — авиационный завод и N 179 — завод Миноборонпрома (нынешний Сибсельмаш), а в Кемерово — строительство N 30 (химическое производство). На этих трех объектах были созданы специальные лаготделения, в которых размещалось 10—11 тысяч заключенных⁴⁶.

Самым крупным собственным предприятием ГУЛАГа в предвоенный период оставалась швейная фабрика СибЛАГа в поселке Яя, на севере Кузбасса. Несколько тысяч арестантов, в

том числе женщин, шили здесь одежду для заключенных лагерей СССР, а с 1940 г. — еще и для Красной Армии.

Общая структура и дислокация СибЛАГа в мае 1941 г. имела следующий вид⁴⁷:

Наименование подразделения	Численность заключенных (чел.)
Сельскохозяйственная группа	
1 Маринский ОЛП	657
2 Орлово-Розовское отделение	3187
3 Ново-Ивановское	3062
4 Суловское	3762
5 Чистюньское	2877
6 Арлюкское	2158
7 Юргинское	2280
8 Берикульское	1899
9 Антибесское	1911
Итого:	21793
Лесная группа	
1 Кожуховский ОЛП	492
2 Тайгинское отделение	2326
Итого:	2818
Промышленная группа	
1 Яйское отделение	4201
2 Маринское отделение	5801
3 Искитимский ОЛП	744
4 Новосибирский ОЛП	436
Итого:	11182
Контрагентские работы	
1 Бугринское отделение	270
2 Ново-Кузнецкий ОЛП	1817
3 Новосибирское отделение	4186
4 Кемеровское	2906
5 Асиновское	2369

6 Ахпунское	“	4086
7 Кривошековское	“	7807
Итого:		23441

Исправительно-трудовые колонии

1 Томская ИТК N 2		63
2 Инвалидная колония г. Томска		2254
3 Бердская ИТК N 4		600
4 Пересыльный пункт г. Мариинска		156
5 Пересыльный пункт г. Новосибирска		1339
Итого:		4412
Всего по ИТЛК:		63646

С того момента, как власть в НКВД перешла к Берии, в системе ГУЛАГа систематически проводилось массовое перераспределение заключенных. Лесные, строительные и промышленные лагеря “очищали” от инвалидов и слабосильных, оставляли лишь трудоспособных. Всех малопригодных к тяжелым работам Берия “разгружал” в сельскохозяйственные лагеря, где им предстояло доживать остаток жизни.

В результате этих мер СибЛАГ ежегодно пополнялся тысячами “доходяг”. Взамен поставлялась здоровая “рабочая сила”. В 1940/41 гг. в составе Сибирского лагеря насчитывалось 9 тыс. инвалидов и около 15 тыс. полуинвалидов, способных лишь к легкому труду⁴⁸.

Характеристику СибЛАГа предвоенных лет дополняла еще одна важная особенность, которая отсутствует в описаниях других лагерей. Это были дети, несколько сот человек, находившихся в зоне вместе с отбывающими срок матерями. Условия, в которых они содержались, фактически ничем не отличались от условий обычных заключенных. Женщины с грудными детьми постоянно жили в общих бараках, с остальными заключенными, и на общих основаниях выходили на работы. Администрация лагеря постаралась сделать так, чтобы младенцы не отвлекали матерей от выполнения заданий. В Мариинском лагпункте под названием “Огороды”, в котором собрали большинство матерей с детьми, были организованы лагерные “детские

ясли". В июне 1941 г. здесь содержалось 253 ребенка⁴⁹. Для остальных мест не хватало, и они оставались непосредственно в лагерьной зоне.

ДАЛЬСТРОЙ

В число наиболее крупных уделов ОГПУ-НКВД входил также Дальстрой – лагерь-комбинат, организованный по решению ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1931 г. для освоения золотоносных районов Колымы. Его официальное название ничем не выделялось среди других и звучало вполне обыденно: "Государственный трест по дорожному и промышленному строительству в районе Верхней Колымы". Но за этим названием скрывалась область особого жизнеустройства и особого управления – настоящее государство в государстве с собственной экономикой, судом, армией и законами.

В период наиболее активной деятельности Дальстроя его территория охватывала площадь в 2266 тысяч кв. км. Она включала в себя северное побережье Охотского моря – от Удской губы до Пенжинской губы, бассейны рек Колымы, Индигирки, Яны, Восточной Хандыги и весь Чукотский полуостров. "Территория вчетверо больше Франции", – верно определяет британский историк Р.Конквест⁵⁰.

В ведении Дальстроя находилось практически все, что создавалось и действовало на его территории. Прежде всего – это сеть исправительно-трудовых лагерей Северо-Восточного Управления ГУЛАГа (УСВИТЛ), а также национальные районы Хабаровского края – Ольский, Северо-Эвенкийский и Среднеканский, для которых Дальстрой являлся органом верховной государственной власти.

В 1932 г., когда развернулись старательские работы, на Колыму начали прибывать первые партии заключенных. К концу года их было 10,2 тысячи человек, тогда как вольнонаемных – 3,1 тысячи⁵¹.

В связи с отсутствием правдивой советской информации численность колымских каторжников в мемуарной, а затем и в исследовательской литературе несколько преувеличивалась. О

действительном положении теперь можно судить на основе сопоставления разных источников.

Если верить официальным отчетам Дальстроя, количество заключенных в УСВИТЛ в различные периоды составляло⁵².

на 1 января	1933 года	- 10265	человек
"	1934	- 27390	"
"	1935	- 32870	"
"	1936	- 44601	"
среднесписочное	1937	- 76905	"
то же	1938	- 48251	"
то же	1939	- 67497	"

Всего за 11 лет (1932–1942) было завезено 356 тысяч заключенных, то есть примерно по 32,3 тысячи в год. Совершенно очевидно, что эти данные заметно расходятся с преобладавшими представлениями о лагерях Колымы. Тем не менее даже такие цифры остаются убедительным свидетельством использования рабского труда в широких размерах.

Первым начальником Дальстроя был Э.П. Берзин, а его заместителем по лагерю И.Г. Филиппов. Во многих воспоминаниях Берзин представляется уравновешенным и снисходительным руководителем, при котором обращение лагерной администрации с заключенными оставалось достаточно гуманным. Но в конце 1937 г. Берзина вызвали в Москву, якобы для доклада на заседании правительства, и на одной из станций недалеко от столицы его арестовали вместе с подчиненными⁵³. Новым начальником Дальстроя назначается К.А. Павлов, занимавший до этого пост главы управления НКВД Крымской АССР.

Период правления Павлова и его помощника С.Т. Гаранина был отмечен резким ужесточением лагерных порядков. Даже мелкие нарушения режима карались расстрелами заключенных. "Начали выдавать гаранинские довески – дополнительные сроки, просто так. Распишись – и будь здоров, получай еще десять лет... Помощник начальника Дальстроя полковник Гаранин знает за что..." Специальным приказом в декабре 1937 г. все лагерные льготы были отменены. "Устанавливается 12-часовая рабочая смена, восстанавливаются ночные работы, зарплата и

пользование лавкой предоставляются только уголовникам и “стахановцам” из числа “врагов народа”, перевыполняющим нормы. Таких, однако, практически не было. И потому большая часть эков была переведена во вторую категорию питания с уменьшением пайка (триста граммов хлеба и один раз в день горячая болтушка из муки)”⁵⁴.

Первые заключенные, завезенные на Кольму в 1932 г., использовались в геологической разведке и на пробной добыче. С 1933 г. их стали завозить тысячами. Они создали Нагаевскую базу как опорный перевалочный и временный административный пункт и поселок Магадан, в двух с половиной километрах от бухты Нагаево. Одновременно с базой велось строительство автомобильной дороги от бухты в глубь материка, к районам золотых приисков.

Местность, куда высаживали каторжные этапы, представляла собой бескрайние дикие пространства с редкой приполярной растительностью и почти полным отсутствием условий для земледелия. Суровый климат, вечная мерзлота, уходящая на глубину до 300 метров, бездорожье и топи создавали колоссальные препятствия для освоения этого края.

Уже в первый год работы из-за нехватки продуктов питания в лагерях и поселениях Дальстроя вспыхнула сильная эпидемия цинги. В самом Магадане болело практически все население, а в глубинных пунктах вымерла, по-видимому, основная часть заключенных⁵⁵. Борьба с эпидемией пытались подручными средствами: заболевшим раздавали настойку, приготовленную из хвои местного растения — стланика. Но только с доставкой продуктов и медикаментов массовая гибель людей постепенно прекратилась.

По некоторым сведениям, требующим уточнения, лагерная смертность установилась на уровне 10 % в год⁵⁶.

Несмотря на постоянные человеческие потери, НКВД очень быстро вывел Дальстрой в число крупнейших золотодобывающих предприятий Советского Союза. В 1932 г. заключенные добыли здесь 511 кг химически чистого золота, в 1933–1937 гг. — 105,6 тонны, а за 1938–1942 гг. добыча утроилась⁵⁷.

С 1937 г. начинается промышленная добыча олова. Каторжники построили три оловообогатительные фабрики, и общая поставка металла увеличилась в 1940 г. до 1917 тонн.

Ценой дарового труда и жизни тысяч заключенных в короткий срок был создан огромный производственный и социальный комплекс. За десять лет построены более 3100 километров дорог, десятки рудников и шахт, создано речное пароходство по водным путям Кольмы и Индигирки, которое связало промышленные районы с Северным морским путем.

Северо-восточная окраина России, совсем недавно представлявшая собой безбрежную пустыню, была освоена и преобразована ГУЛАГом в самый большой по площади лагерь в мире.

КРАСНОЯРСК И ХАБАРОВСК

ГУЛАГ с полным основанием может считаться одним из главных пионеров освоения сибирских просторов. От Арктики до степей Казахстана, в предгорьях Алтая и таежных зонах Якутии — везде, где открывались перспективы добычи природных богатств и выгодной их переработки — возникали лагеря, колонии или поселки спецпереселенцев. Никакие природно-климатические трудности не могли препятствовать расползанию лагерной системы.

Красноярский край, территория которого сравнима с размерами нескольких европейских государств, безусловно входил в число крупнейших областей ГУЛАГа.

В 1935 г. в самой северной части Красноярского края, в районе впадения Енисея в Карское море, где были обнаружены богатейшие запасы цветных металлов, началось строительство крупного металлургического завода и города — Норильска. Большую часть строителей составляли заключенные, численность которых особенно быстро росла в период массовых чисток. С 1936 по 1940 г. количество их увеличилось с 5 до 20,8 тысяч⁵⁸.

До апреля 1938 г. начальником строительства в Норильске был В.З. Матвеев, затем его сменил А.П. Завенягин. Последний действовал с большим размахом. В течение нескольких лет его заключенные и спецпереселенцы освоили ряд богатейших нике-

левых рудников, возвели основные и вспомогательные цеха, построили железную дорогу. В поселке Дудинка, недалеко от Норильска, они оборудовали временный порт, через который на комбинат завозились материалы, техника и продовольствие.

НорильЛАГ был истинным воплощением сталинского замысла покорения природы. В царстве тундры и арктических холодов был сооружен уникальный горно-металлургический комбинат по выпуску 10 тыс. тонн никеля в год. Норильск стал первым крупным центром советской цветной металлургии. Несмотря на климат полярной зоны, здесь удалось организовать даже собственное сельскохозяйственное производство. На 78-ми га земли, отвоеванных у дикой природы, выращивались овощи, которые ранее постоянно приходилось завозить⁵⁹.

Сталин высоко оценил способности и заслуги Завенягина в создании Норильска. В 1941 г. он отозвал его в Москву и назначил заместителем Берии. С 1955 г. Завенягин стал министром среднего машиностроения и заместителем Председателя правительства СССР.

Немалая роль в экономике ГУЛАГа принадлежала и КрасЛАГУ – Красноярскому лесному лагерю, действовавшему с февраля 1938 г. в районе г. Канска. Начальником лагеря был Почтарев. Около 20 тысяч заключенных, находившихся в его распоряжении в этот период, обеспечивали дешевой древесиной десятки предприятий истроек региона.

Но масштабы КрасЛАГа и НорильЛАГа были все же несопоставимы с такой величиной, как Енисейский исправительно-трудовой лагерь, организованный в ноябре 1940 г.

Своим появлением ЕнисейЛАГ обязан решению ЦК и Совнаркома СССР о строительстве в Красноярском крае нескольких гидролизных заводов силами заключенных и спецпереселенцев. Однако управлению лагеря (начальник – старший лейтенант ГБ Филимонов) были переданы не только гидролизные заводы, но и строительство афинажного завода в Красноярске, 10 сельскохозяйственных и промышленных колоний, 22 комендатуры со спецпоселениями в районах лесозаготовок и золотодобычи, 32 инспекции исправительно-трудовых работ⁶⁰.

Густая сеть подразделений ЕнисейЛАГа покрыла огромные пространства края. Районные комендатуры НКВД на дальних северных рубежах, в Игарке и Ярцеве, с 11 спецпоселениями создавали как бы первую экономическую зону лагеря, занятую в основном лесозаготовками. Затем шла зона "ближнего севера" с 4 комендатурами и 56 спецпоселками. И, наконец, в третьей, южной полосе, главным образом вокруг городов, располагалась основная часть подразделений лагеря.

Общая численность подневольного населения ЕнисейЛАГа достигала в мае 1941 г. почти 100 тысяч человек.

Структура и численность ЕнисейЛАГа (май 1941 года)⁶¹

N	Подразделения	Место расположения администрации		Количество спецпереселенцев или з/к
		Районные и поселковые комендатуры		
1	Игарская	районная	Игарка	3501 с/переселенцев
2	Ярцевская	"	с. Ярцево	2890 "
3	Северо-Енисейская	"	Северо-Енисейск	5018 "
4	Южно-Енисейская	"	Удереиск	6560 "
5	Богучанская	"	с. Богучаны	3917 "
6	Енисейская	"	Енисейск	4535 "
7	Канская	"	Канск	2323 "
8	Даурская	"	с. Ермолаево	2434 "
9	Бирилюсская	"	пос. Полевой	1580 "
10	Воградская	"	ст. Сон	4065 "
11	Саралинская	"	пос. Орджоникидзе	3510 "
12	Красноярская	"	Красноярск	8064 "
13	Манская	"	с. Нарва	8503 "
14	Чульская	"	пос. Боровой	1484 "
15	Ольховская	"	с. Артемовск	4931 "
16	Абанская	"	с. Абан	1070 "
17	Тинская	поселковая	пос. Верх-Табагашет	1308 "
18	Таштыпская	"	с. Таштып	361 "
19	Ирбейская	"	с. Кромка	568 "

20	Усть-Можарская	“	пос. Кеть-Можарка	654	“
21	Новоселовская	“	пос. Кужня	443	“
22	Тасеевская	“	пос. Мажуковка	279	“
	Всего:			64998	“

Специализированные лагерные отделения

1	Строительство гидролизного завода		Красноярск	1525	заклученных
2	То же		Красноярск	1381	“
3	То же		Канск	1100	“
4	Строительство аффинажного завода		Красноярск	1776	“

Промышленные колонии

1	Красноярская		Красноярск	554	“
2	Качинская инвалидная		ст. Кача	944	“
3	Березовская подростков		ст.Маганск	483	“
4	Канская подростков		Канск	407	“
5	Минусинская		Минусинск	298	“
6	Усинская		ст. Малый Кебош	463	“
7	Туимская		разъезд Туим	818	“

Сельскохозяйственные колонии

1	Миндерлинская		Сухобузимский район	454	“
2	Ширинская		ст. Шира	373	“
3	Абанская		с. Абан	743	“
	Всего:			11089	“

Инспекции исправительно-трудовых работ

Всего в крае - 32.

Число осужденных, состоящих на учете в них - 20312 чел.

ЕнисейЛАГ обслуживал огромный индустриально-аграрный комплекс края. Помимо строительства новых заводов, заключенные использовались на строительстве Хакасского медно-молибденового комбината и шоссейных дорог. Ряд промышленных колоний заготавливали и сплавляли лес. Другие занимались изготовлением мебели или ширпотреба.

Значительная часть “спецконтингента” ЕнисейЛАГа состояла из выходцев западных областей Советского Союза – Литвы, Латвии, Эстонии, Западной Украины и Западной Белоруссии. Сотнями семей они были переселены сюда в 1939/40 гг. в результате чисток, последовавших за присоединением западных территорий к СССР. Установив для этих людей статус “осадников” и “беженцев”, НКВД расселил их в поселках по 250–300 человек, определив на тяжелые физические работы. В середине 1941 г. в 36 спецпоселениях ЕнисейЛАГа содержалось 11,4 тысячи так называемых “западников”⁶².

К концу 30-х гг. система ГУЛАГа была уже так велика, что для управления ее отдаленными частями приходилось создавать местные филиалы, подобные Дальстрою.

Одним их таких филиалов являлся Хабаровск. В 30-е годы здесь находилось управление ДальЛАГа, осваивавшее территорию вдоль Великой Сибирской магистрали от Владивостока до Благовещенска и Комсомольска. Численность его заключенных в 1938 г. составляла почти 79 тысяч⁶³. Однако в 1939 г., в связи с пополнением арестантов, ДальЛАГ был разделен, и на его основе создано несколько новых крупных единиц:

БирЛАГ, лесной лагерь с центром в районе ст. Бира в Еврейской АО (начальник лагеря – Еремеев);

Ново-Тамбовский лагерь, разрабатывавший лесные массивы вдоль железнодорожной линии Волочаевка–Комсомольск и по притокам Амура (начальник лагеря – Ориентрихерман);

РайчихЛАГ на ст. Буряя Амурской железной дороги, с задачей освоения Кивдо-Райчихинского месторождения угля (начальник лагеря – Саруханян);

Средне-Бельский сельскохозяйственный лагерь вблизи ст. Средне-Белая Амурской железной дороги;

Теплоозерский лагерь на одноименной станции в Еврейской АО, на строительстве крупного цементного завода (начальник – Сусман).

Фактически уже не было ни одного крупного объекта в Сибири и на Дальнем Востоке, где обходились бы без использования заключенных. С обострением международной обстановки

основным "клиентом" ГУЛАГа стал Наркомат обороны. Накануне войны каторжники хабаровских лагерей за короткий срок построили несколько аэродромов, цепь крупных радиостанций, ряд шоссейных дорог стратегического значения в Приморье, Хабаровском крае, на Камчатке и Сахалине.

Сохранившаяся лагерная статистика скупа и недостоверна для того, чтобы установить точные масштабы гулаговской системы и количество ее жертв. Определенно можно утверждать лишь то, что лагеря и колонии Сибири и Дальнего Востока поглощали основную часть узников ГУЛАГа. На их долю приходилось 55–65 % всех заключенных в СССР.

Что касается экономической стороны проблемы, то действительное значение принудительного труда в развитии восточных территорий, по-видимому, никогда не будет определено в полном объеме.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 746, л. 2.

² ГАНО, ф. 47, оп. 5, д. 88, л. 43–44.

³ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 746, л. 2.

⁴ ГАНО, ф. 47, оп. 5, д. 114, л. 129.

⁵ ПАНО, ф. 3, оп. 3, д. 107, л. 20–21.

⁶ ГАРФ, ф. 9414, оп. 1, д. 2919, л. 5.

⁷ Там же, л. 61об.

⁸ ГАНО, ф. 47, оп. 5, д. 112, л. 98.

⁹ ПАНО, ф. 3, оп. 2, д. 218, л. 6.

¹⁰ ГАНО, ф. 47, оп. 5, д. 166, л. 24об.

¹¹ Там же, л. 87.

¹² ГАРФ, ф. 1235, оп. 2, д. 1366, л. 80–81.

¹³ ГАНО, ф. 47, оп. 5, д. 161, л. 240.

¹⁴ Архив УВД Амурской области, оп. 2, д. 617, л. 4.

¹⁵ Известия ЦК КПСС. 1991. № 6. С. 78–89.

¹⁶ Наш современник. 1991. № 6. С. 124.

¹⁷ Там же. С. 127–128.

¹⁸ Архив УВД Амурской области, оп. 2, д. 617, л. 2.

¹⁹ ГАРФ, ф. 9414, оп. 1, д. 2922, л. 3.

²⁰ Москва, 1988, № 7, с. 29.

²¹ Там же, с. 50.

²² По бухгалтерским отчетам БАМЛАГа в архиве УВД Амурской области.

- 23 ГАРФ, ф. 9414, оп. 1, д. 2947, л. 21.
- 24 Архив УВД Амурской области, оп. 1, д. 147, л. 1-2.
- 25 Там же, д. СО-6579, л. 282.
- 26 Еланцева О.П. Обреченная дорога. БАМ: 1932-1941. Владивосток, 1994. С. 110-111.
- 27 Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 - начало 1933 года. Новосибирск, 1993. С. 287-288.
- 28 Там же.
- 29 ГАРФ, ф. 9414, оп. 1, д. 2922, л. 21.
- 30 ПАНО, ф. 3, оп. 6, д. 82, л. 5.
- 31 ПАНО, ф. 3, оп. 1, д. 455, л. 158-161.
- 32 ГАРФ, ф. 9414, оп. 1, д. 2740, л. 7.
- 33 Там же.
- 34 ПАНО, ф. 1204, оп. 1, д. 22-А, л. 18.
- 35 ПАНО, ф. 260, оп. 1, д. 1, л. 44.
- 36 ГАРФ, ф. 9414, оп. 1, д. 2925, л. 33-35.
- 37 Там же, д. 2926, л. 7.
- 38 Там же, д. 2925, л. 23.
- 39 Беломоро-Балтийский канал имени Сталина. М., 1934. С. 51.
- 40 ПАНО, ф. 260, оп. 1, д. 1, л. 5.
- 41 ГАНО, ф. 1020, оп. 8, д. 35, л. 48.
- 42 Шалганов А. Дневник. Реабилитирован посмертно. Вып. 2. М., 1988. С. 256-259.
- 43 ПАНО, ф. 260, оп. 1, д. 1, л. 1 57.
- 44 ПАНО, ф. 34, оп. 4, д. 69, л. 57.
- 45 ПАНО, ф. 260, оп. 1, д. 1, л. 38.
- 46 Там же, л. 26.
- 47 ГАРФ, ф. 8131, оп. 27, д. 797, л. 1.
- 48 ПАНО, ф. 260, оп. 1, д. 1, л. 21; ГАРФ, ф. 8131, оп. 27, д. 797, л. 1.
- 49 ГАРФ, ф. 8131, оп. 27, д. 797, л. 96.
- 50 Бонквест Р. Большой террор. Пер. с англ. Флоренция, 1974. С. 648.
- 51 РГАЭ, ф. 9163, оп. 5, д. 1, л. 62.
- 52 Там же, д. 1, л. 62; д. 2, л. 249; д. 3, л. 69; д. 7, л. 27; д. 27, л. 95; д. 34, л. 78.
- 53 Сандлер А.С., Этлмс М.М. Современники ГУЛАГа: книга воспоминаний и размышлений. Магадан, 1991. С. 167.
- 54 Там же. С. 183.
- 55 РГАЭ, ф. 9163, оп. 5, д. 1, л. 62.
- 56 Наука и жизнь. 1990. N 3. С. 1.
- 57 РГАЭ, ф. 9163, оп. 5, д. 63, л. 3.
- 58 ГАРФ, ф. 9414, оп. 1, д. 2740, л. 21; д. 30, л. 42.
- 59 Там же, д. 30, л. 42.
- 60 Там же, д. 854, л. 3.
- 61 Там же, л. 3-23.
- 62 Там же, л. 21-23.
- 63 Там же, д. 2740, л. 48.

А.Г. Тепляков

ПОРТРЕТЫ СИБИРСКИХ ЧЕКИСТОВ (1920–1953 гг.)

Замысел этой статьи родился после первых посещений госархива, где я собирал материалы для небольшого цикла газетных очерков о крупных чекистах Сибири. Сразу поразило количество информации о совершенно неизвестных деятелях кошмарного учреждения, так что оторваться от сбора интереснейших фактов было уже невозможно. Круг изучаемых архивных фондов постоянно расширялся: когда перестали выдавать в читальный зал личные дела и фактически закрыли потрясающий во всех отношениях фонд парторганизации ОГПУ–КГБ, наступил черед документов партийных и советских руководящих органов, суда и прокуратуры. Неожиданно много дали “безобидный” внешне фонд фельдсвязи УНКВД, награжденные и пенсионные документы облисполкома ... Сопrotивление, оказанное некоторыми работниками архива (а тем, кто помогал, – огромное спасибо!), только подхлестывало желание находить все новые источники.

Пока читателю предлагаются портреты верхушки карательных органов. Это – полномочные представители ВЧК–ОГПУ по Сибири, начальники УНКВД по Западно-Сибирскому краю и Новосибирской области, а также их заместители. Не все персоналии удалось сделать достаточно полными, но о многих высокопоставленных чиновниках ВЧК–МГБ, прежде неизвестных даже специалистам, теперь можно будет судить хотя бы в первом приближении. У нас еще очень мало справочного материала об этих деятелях советского прошлого. В будущем такие биографические справочники обязательно появятся. И тогда отечественная история будет не унылым сборником социологических формул, как в недавнем прошлом, а настоящей историей, населенной живыми и такими разными персонажами.

Первым полномочным представителем ВЧК-ОГПУ по Сибири стал Иван Петрович Павлуновский (16.08.1888-30.10.1937). Сын мелкого служащего из Курской губернии, Павлуновский в 1905 г. вступил в РСДРП(б), принимал участие в создании военной организации курских большевиков, в 1907 г. был арестован и сослан. Впоследствии он некоторое время был вольнослушателем юрфака Петербургского университета, в 1914 г. мобилизован, в 1917 г. командовал полком, действовавшим против Корнилова. В октябре 1917 г. Павлуновский является членом ВРК в Петрограде, самым активным образом участвует в боевых действиях, а после организации ВЧК сразу занимает там ответственные должности. В марте 1918 г. он отвечал за безопасность эвакуации правительства из Петрограда в Москву. С августа возглавил особый отдел 5-й армии Восточного фронта, руководил ЧК в Казани и Уфе, с апреля 1919 г. - заместитель, с августа - первый заместитель Дзержинского по особому отделу ВЧК.

В январе 1920 г. Павлуновский назначается полномочным представителем ВЧК-ОГПУ по Сибири, в первой половине 1921 г. входит в чрезвычайную тройку, подавлявшую грандиозный Западно-Сибирский крестьянский мятеж, затем руководит операцией по захвату барона Р. Унгерна, а в 1922 г. назначается уполномоченным НКПС по Сибири и возглавляет чрезвычайную комиссию по вывозу хлеба из края. "С точки зрения коммунистической этики безупречен," - так характеризовало его Сиббюро ЦК РКП(б).

"Безупречный" Павлуновский не гнушался обманывать арестованных, был мастером провокаций и яростным сторонником красного террора. В июне 1920 г. он взял под защиту и избавил от наказания руководителей Енисейской губчека В.И. Вильдгрубе и Д.М. Иванова, которые вели пыточное следствие и расстреляли за три месяца более 300 красноярцев. Он потакал также вечно пьяным чекистам г. Алтайска, которые практиковали повальные аресты, пытки и инсценировки расстрелов. В декабре 1921 г. по распоряжению Ленина от Сиббюро были затребованы объяснения по поводу массовых расправ над якутами, в ответ на что Ильич в тот же день получил от Е. Ярославского сообще-

ние о том, что речь идет о фактах, “в значительной степени уже изжитых”. Между тем через два месяца Якутскому ревкому пришлось взять под стражу самых рьяных поборников террора, включая начальника губотдела ГПУ А.В. Агеева – садиста и, похоже, человека психически неполноценного. Были бессудные казни в Тюменской губчека в 1920 г., а осенью 1921 г., как вспоминала гражданская жена Колчака А.В. Тимирева (Книпер), в Иркутской тюрьме по приказу Павлуновского несколько недель подряд расстреливали заключенных, убивая каждую субботу и понедельник от 40 до 120 человек¹.

В Новосибирске расстрелами занимались следующие лица: Феликс Марьянович Гуржинский (1896–?), член РКП(б) с 1919 г., рабочий-автотехник, поляк, в 1921–1925 гг. бывший комендантом полпредства ВЧК–ОГПУ по Сибири. Он также состоял в контрольной комиссии Новониколаевского окружкома ЗКП(б): сам контролировал, сам исполнял ... Зорк – начальник внутренней тюрьмы в 1921/22 гг., Александр Федорович Захаров (1896–?), из крестьян, с 1921 г. комендант Сиботделения военного трибунала, с 6 марта 1922 г. по 1923 г. помощник коменданта и комендант Новониколаевского губотдела ОГПУ. Василий Викторович Козлов (1892–?), рабочий-столяр, в 1922–1926 гг. комендант полпредства ОГПУ. (В 1961 г. наш облисполком отказал ему в персональной пенсии.)

Примерно в августе 1923 г. был снят с должности начальника Новониколаевского исправтруддома Иосиф (Осип) Ефимович Азарчик – за беспробудное пьянство с проститутками, избития арестантов, дебоши и воровство. По донесению его кучера, 1 мая 1923 г. Азарчик похвалялся: “Вот вчера был интересный слу-чай – расстреляли Никольского; не живучий, стерва: как ударил его (из нагана) в затылок, так и не пикнул, а Шереметинский (заместитель. – А.Т.) выстрелил уже в мертвого”. На вопрос, куда его дели, Азарчик ответил: “Бросили в Обь караулить воду”².

При Павлуновском, который исповедовал принцип “отбросов нет, есть кадры”, сделало карьеру множество негодяев. Работник губкома РКП(б) Б.В. Лукин сразу после освобождения из тюрьмы за участие в массовом пыточном следствии с

убийством-самосудом в 1923 г. был зачислен в Новониколаевский губотдел ОГПУ. Я.А. Пасынков, немного отсидев в 1922 г. за убийство пленных и грабеж, сделал карьеру в ГПУ-МГБ Алтая, Томска и Новосибирска. Хронический алкоголик А.К. Озолин, еще в 1907 г. приговоренный к смертной казни, но помилованный как не достигший 21 года, стал начальником Алтайского губотдела ОГПУ в 1923 г. А еще уголовник и эпилептик К.П. Болотный во главе ГПУ Горного Алтая в 1925 г., кокаинист и палач Я.Я. Веверс, в 20-е годы работавший в губотделах ОГПУ Красноярска и Томска, в 1939 г. - начальник КВЧ Сиблага, а в 1954-1963 гг. - председатель КГБ Латвии³ ...

Хватало и обычного жулья: глава Алтгубчека Х.П. Щербак занимался не только организацией тайных убийств, но и массовым воровством пайков, за что был вышиблен из Сибири в 1924 г.; начальник секретного отдела Новониколаевской губчека И.А. Жабрев в 1922 г. был осужден за подлог, но уже через два года стал главным контрразведчиком в Новониколаевске; в 1923 г. ненадолго угодили за решетку В.Д. Кевейше и М.М. Гоц - начальник особого отдела Западно-Сибирского военного округа и его заместитель. В 1925 г. был арестован за кражу вещественных доказательств начальник Тарского окротдела ОГПУ Пуплан, а уполномоченный Иркутского губотдела ОГПУ по Тулунскому уезду Г.А. Непомнящих отдан под суд за растрату. Год спустя на чем-то похожем попался начальник Бийского окротдела К.К. Вольфрам⁴ ... И это только чекистская верхушка, чьи дела оставили след в открытых архивах. Рядовым чекистам было с кого брать пример.

В начале 1926 г. Павлуновский возглавил ОГПУ Закавказья, где его заместителем был Берия, а с 1928 г. работал начальником военно-морской инспекции и заместителем наркома Рабоче-крестьянской инспекции. Памятью о чекистских годах стали три знака почетного чекиста и два ордена Красного Знамени (1921, 1926 гг.). С 1930 г. Павлуновский работал в наркомате тяжелой промышленности, являясь в 1932-1936 гг. заместителем наркома по делам оборонной промышленности. В 1930 г. Павлуновский получил орден Красной Звезды, с 1931 г. стал кандидатом в члены Президиума ЦИК, а с 1934 г. - кандидатом в чле-

ны ЦК ВКП(б). Но в декабре 1936 г. его назначили начальником куда менее ответственного главка – Главтрансмаша – и вскоре послали громить “вредителей” на Уралвагонстрой. Павлуновский, к тому времени уже обрюзгший и грузный, бормоча под нос любимую поговорку: “Чека всегда начеку!”, обследовал стройку и не нашел ни одного вредителя, что вызвало гнев Сталина и Молотова.

Его арестовали в июне 1937 г. ... На июньском 1937 г. Пленуме ЦК ВКП(б) был, как известно, поставлен вопрос о Берии. 25 июня Павлуновский написал Сталину записку, где утверждал, что о работе Берии на мусаватистскую разведку знали Микоян, Орджоникидзе, Киров и другие высокие лица – вплоть до Дзержинского, и что она осуществлялась с санкции тогдашнего руководства⁵. Но это выражение лояльности к ставленнику вождя не спасло Павлуновского. После страшных пыток он признался в том, что был изменником, террористом и диверсантом. 29 октября Павлуновский был осужден и на следующий день расстрелян – вместе с еще одиннадцатью членами ЦК. Реабилитирован 26 ноября 1955 г.

Заместителем Павлуновского был Михаил Тихонович Опшарин (1894–?), происходивший из мещан, большевик с 1917 г. В 1918 г. он возглавлял Наро-Фоминскую ЧК, с 1920 г. работал в Сибири и до 1923 г. был (с перерывом) заместителем полпреда ВЧК–ОГПУ, а также начальником административного отдела и управляющим делами. В 1935 г. его фамилия дважды упоминалась в журнале посетителей Сталина⁶.

Не задалась чекистская карьера и у другого заместителя, Виктора Михайловича Алексева. Он родился в 1886 г. в мещанской семье, служил в Красной армии, большевик с 1919 г. 1 августа 1921 г. как глава административно-организационного управления полпредства ВЧК был назначен руководителем только что созданного особого отдела Западно-Сибирского военного округа при Новониколаевской губчека. Но в период партийной чистки Алексева перевели на год в число испытуемых и 22 декабря сняли с поста начальника особого отдела “как интеллигента, служившего в судебных органах при царизме”. Заодно ему дали выговор за получение двух пайков – по числу

должностей – в то время (как подчеркнуло партсобрание), “когда в Поволжье умирало 20 миллионов населения”.

В 1922 г. Алексеев возглавил информационно-оперативный отдел и управление делами, в июле этого же года по документам проходит как заместитель Павлуновского. В следующем году он был начальником контрразведывательного отдела и тогда же уволен из органов. В последующем как заведующий Сибтранспромом за подлоги и допущенные убытки в 150 тысяч рублей Алексеев угодил под суд и 6 ноября 1924 г. исключен из партии, но высокие покровители выручили Алексеева. Его дело переслали в Москву, где в признание прежних боевых заслуг ЦКК ВКП(б) 19 февраля 1925 г. восстановила его в партии, ограничившись строгим выговором с предупреждением “за излишнюю доверчивость к спецам”⁷.

В июне 1923 г. вместо Ошмарина вторым человеком в ОГПУ по Сибири стал Борис Аркадьевич Бак (1897–1938). Он происходил из еврейской семьи, жившей в Иркутской губернии, имел средне-техническое образование, а в 1917 г. стал большевиком и участвовал в Октябрьском перевороте в Петрограде. С весны 1918 г. Бак работал в отделе транспортных сообщений Центросибири, в 1919 г. был военкомом и начальником управления артиллерийского снабжения 3-й армии Восточного фронта.

С декабря 1919 г. Бак являлся заместителем председателя Томской губчека (а в период довольно длительного отсутствия М.Д. Бермана – председателем). Год спустя он неосторожно освободил из-под стражи родственника своей жены, активной революционерки Феоктисты Жарковой, который был арестован при провозе более чем центнера продуктов – как выяснилось, для потребностей самого Бака. В условиях свирепой продовольственной диктатуры это было немалым преступлением, поэтому Бак получил от Томского губкома строгий выговор с предложением Сиббюро от 28 декабря 1920 г. отозвать его, так как “указанный инцидент привнял широкую огласку и тем самым тов. Бак потерял свой авторитет среди масс”. Обиженный чекист поначалу хотел даже покинуть органы, но в конце концов смирился и поехал в Иркутск – также зампредом губчека.

Далее он работал в Омске, а с лета 1922 г. стал заместителем начальника Новониколаевского губотдела ГПУ. С 25 января 1923 г. Бак находился во главе этого губотдела (а затем – окр.отдела). В следующем году Сталин затребовал характеристику на Бака, но Павлуновский только после третьего напоминания написал генсеку, что его заместитель – хороший администратор, “минимум политической подготовки имеет, под руководством разбирается в окружающей обстановке и может делать определенные выводы ... Умеет увязывать работу ГПУ с общей линией партии”⁸.

Б. Бак активно участвовал в фабрикации дел, включая колоссально раздутое дело Базаро-Незнамовской организации. Чекисты арестовали двести человек, в основном жителей Каинска и Барабинска, но на открытый процесс смогли вывести только 95 участников, из которых 32 были оправданы или амнистированы. О том, какими методами велось дознание, говорится в заявлении 16-летнего Тимофея Гудырина: следователь “бил меня нагайкой раз шесть и ругался черными фразами”. 28 июля 1923 г. в Новониколаевске 22 участника этой организации были расстреляны.

В декабре 1925 г. Бак утвердил обвинительное заключение по делу 17-летней Брониславы Карлинской, “окончившей Польскую школу по шпионажу и 4 класса гимназии гор. Варшавы, дочери дворянина-полковника, расстрелянного в 1922 году за участие в эсеровской организации гор. Москвы”. Девушка второй раз бежала из новониколаевской ссылки – “с целью шпионажа в пользу Польши” – но была схвачена с предписанием “держатъ под стражей”⁹. В декабре 1927 г. Бак уехал в Москву, увозя подарки: велосипед и красивый альбом с фотографиями коллег. Затем он возглавлял ОГПУ Средневолжского края (в Самаре), был замначальника УНКВД Московской области, а в конце 1936 г. прибыл в Архангельск – начальником УНКВД по Северному краю. К этому времени он имел два ордена Красного Знамени, столько же знаков почетного чекиста, являлся членом ВЦИК и делегатом ХУ–ХУП партийных съездов. В августе 1937 г. Бака арестовали и вскоре расстреляли. Его вдова пережила террор и впоследствии добилась реабилитации мужа.

В январе 1926 г. Полномочное представительство ОГПУ по Сибири возглавил Леонид Михайлович Заковский (1894–29.08.1938). По-настоящему этого сына либавского лесничего звали Генрих Эрнестович Штубис. Он получил начальное образование и навыки рабочего-металлиста, став затем юнгой на океанских кораблях. Там познакомился с революционными матросами, стал агитатором, в 1913 г. вступил в РСДРП(б) и тогда же был выслан в Олонецкую губернию.

В 1917 г. Заковский принял активное участие в Октябрьской революции и сразу после образования ВЧК начал работать в ней сначала комендантом, а с 1918 г. – сотрудником по особым поручениям. Он участвовал в разгроме анархистов и левых эсеров, подавлял восстания в Саратовской губернии, Астрахани и Рязани, занимался разведкой и даже выкрал в штабе Колчака какие-то ценные документы. Дзержинский высоко ценил Заковского и в 1920 г. направил его в Одесскую губчека. С апреля 1921 г. он возглавлял Подольскую губчека, а с 7 марта 1923 г. – Одесский губотдел ОГПУ. (Кстати, одним из начальников отдела у Заковского там работал будущий легендарный партизан Д.Н. Медведев.) В Одессе он ввел новый способ казни, при котором ни палачи, ни их жертвы не видели друг друга¹⁰. В начале января 1926 г. прибыл в Новосибирск и довольно долго принимал дела.

Поскольку и бывший председатель Сибревкома М.М. Лашевич, и сам Павлуновский спокойно относились к пьянству, Заковский еще в Москве был предупрежден Г. Ягодой, что его ожидает “пьяный аппарат”. Действительность превзошла все ожидания. По словам Заковского, он обнаружил вместо спайки в коллективе “спойку самую настоящую”. Помимо того, добрая сотня чекистов краевого аппарата являлась неврастениками, а еще у 14 человек обнаружили более серьезные психические проблемы. Заковский, с одной стороны, довольно жестко преследовал пьяниц, с другой – негласно снабжал их “по потребности” дешевым спиртом¹¹ ...

Этот плотный латыш огромного роста при всей своей свирепости пользовался у подчиненных репутацией достаточно демократичного начальника. Сам Заковский не скупился на представления коллег к боевым орденам, но ревность военного ведомства, чье руководство визировало награжденные документы, как правило, становилась препятствием к подобным награждениям. Только в 1937 г. генералы были побеждены, и чекисты получили тысячи орденов ... Главным делом Заковского в Сибири была коллективизация, жертвами которой при нем стали треть миллиона крестьян. Весной 1932 г. он получил в подарок от крайисполкома легковую машину, а 28 апреля сдал дела Н.Н. Алексееву и уехал в Минск, захватив с собой начальника отдела контрразведки А.К. Залпетера заодно с начальником отдела кадров В.И. Рингом и другими подручными. С поста начальника ОГПУ-НКВД Белоруссии Заковский приказом от 11 декабря 1934 г. был переведен на должность руководителя УНКВД по Ленинградской области, собрав там многих сибирских знакомых: В.Н. Гарина, Г.А. Лупекина, В.Г. Болотина, А.К. Залпетера ...

В 1935 г. Заковский стал комиссаром госбезопасности 1 ранга, а в 1937 г. избран в Верховный Совет СССР. Тогда же был награжден орденом Ленина (до этого имел два ордена Красного Знамени и орден Красной Звезды) и выпустил брошюру, в которой раздувал шпиономанию и поощрял доноительство. Его портреты и статьи мелькали в газетах, в Новосибирске имя Заковского носила швейная фабрика, а в Томске — детская колония. В Ленинграде Заковский и сменивший его М.И. Литвин арестовали в 1935—1938 гг. не менее 70 тыс. человек.

20 января 1938 г. его назначили начальником Московского УНКВД, но уже 29 января этот приказ дополнили, и Заковский стал первым заместителем наркома внутренних дел. Он активно готовил процесс над Бухариным, Рыковым и своим бывшим шефом Ягодой, лично избивал заключенных, расхаживая по Лефортовской тюрьме с плеткой, в которую была вшита винтовочная пуля. Увидев как-то слезы на глазах врача этой тюрьмы Анны Розенблом, хлопотавшей возле очередного истерзанного арестанта, он злобно бросил потрясенной женщине:

"Вы их не жалейте, если бы мы к ним попали, они бы с нами еще не то сделали"¹². Сам Заковский был арестован 28 или 29 апреля, обвинен в участии в шпионско-террористической организации и 29 августа 1938 г. осужден Военной Коллегией Верховного суда СССР. Его жена Серафима Михайловна была расстреляна тремя днями раньше — вместе с женами крупных чекистов Я. Агранова и М. Гая. Сестра Заковского Эльза Эрнестовна, воентехник 2 ранга, сотрудник НКВД, была казнена 3 сентября 1938 г.

В свои заместители Заковский выдвинул сначала Георгия Осиповича Валейко, выходца из дворянской семьи. Сын украинского инженера-путейца и польки, родившийся в 1897 г., он считал себя украинцем. Когда ребенку было 5–6 лет, его родители разошлись. Георгий остался с матерью, три года учился в гимназии, а затем поступил в Бессарабское училище виноградарства и виноделия. В конце 1916 г. он прервал свое обучение, а в следующем году вступил в Красную гвардию в Кишиневе. До 1921 г. Валейко воевал на Восточном и Кавказском фронтах, участвовал в оккупации Грузии, командуя небольшими подразделениями. Был ранен и контужен, попадал в плен ... В компартии Валейко состоял с 1918 г., а с 17 июля 1921 г. возглавил отделение особого отдела Западно-Сибирского военокруга, с 21 ноября 1922 г. был начальником 5 отделения контрразведывательного отдела, а с 19 февраля 1924 г. этим отделом руководил, будучи также помощником старшего инспектора по оперативно-разведывательной части. С октября 1925 г. Валейко одновременно был начальником погранохраны края, а в сентябреноябре 1926 г. замещал начальника особого отдела СибВО, которым почти все время являлся Заковский. Страдая острой неврастенией и катаром легких, он выражал желание "перейти на хозяйственную работу или получить возможность дальнейшего образования по своей специальности" винодела. Вместо этого он в октябре 1927 г. получил должность заместителя полпреда ОГПУ по Сибирскому краю, которую занимал до августа 1928 г.¹³ Его дальнейшая судьба нам неизвестна.

Георгия Валейко сменил Иосиф Борисович Лернер. Он родился в 1898 г. в еврейской семье, родным языком считал рус-

ский. Экстерном сдал экзамены за семь классов гимназии, работал фотографом, а с 1917 г. служил рядовым 223 полка. С 1919 г. Лернер жил в Сибири, работая делопроизводителем в одной из воинских частей, тогда же вступил в РКП(б), а в 1920 г. перешел в ЧК, став начальником информации особого отдела 5-й армии. В 1922 г. возглавил оперативное отделение особотдела Восточно-Сибирского военокруга в Иркутске. В феврале следующего года он перешел в особый отдел 12 корпуса, а в 1924–1925 гг. был заместителем начальника Енисейского губотдела ОГПУ. После Красноярска Лернер возглавлял особый отдел 19 корпуса, а с 12 декабря 1926 г. был заместителем начальника особотдела СибВО. С августа 1928 г. он – заместитель Заковского и по полпредству ОГПУ, и по особому отделу. Сохранился любопытный документ от 17 декабря 1928 г. за его подписью, где Лернер сообщал – для принятия мер – председателю СибРКИ В.Калашникову о пьянстве дирижера госоперы Гесса: “Были случаи, когда Гесс не соответствовал своему назначению. Пример: оркестр играет на три четверти, а дирижер Гесс дирижирует на шесть восьмых”. Меры были приняты¹⁴ ... А “музыковед” Лернер 9 октября 1929 г. убыл в Хабаровск – в команду сосланного за пьянство на Дальний Восток начальника секретного отдела ОГПУ Т.Д. Дерибаса.

Третьим по счету замом Заковского стал Владимир Николаевич Гарин (1896–1940), член РКП(б) с 1919 г., украинец, по профессии – чертежник (после гимназии окончил соответствующие курсы), в 1917–1918 гг. – комиссар 283 красногвардейского полка. Затем он поступил во Всеукраинскую ЧК и до 1921 г. работал заместителем начальника особого отдела 14-й армии, затем был на аналогичной должности в особом отделе Киевского военокруга, а с 1922 г. замещал Заковского в Одесском ОГПУ. В 1925 г. Гарину поручили руководить Херсонским губотделом, а в 1926 г. он стал заместителем начальника особого и контрразведывательного отдела ОГПУ Украины. Он был награжден орденом Красного Знамени и знаком почетного чекиста.

В феврале 1929 г. Гарин прибыл в Новосибирск и полтора года был вторым человеком в ОГПУ Сибкрая. В 1930 г., когда шло самое активное раскулачивание, Гарин возглавил специ-

альную опергруппу и “провел всю подготовительную организационную работу к массовым операциям”. Весной этого года он два месяца находился в Горном Алтае, руководя подавлением крестьянских восстаний, за что был представлен к ордену Красного Знамени¹⁵ (правда, безрезультатно). После разделения Сибири Гарин в сентябре 1930 г. убыл на ответственную должность в Иркутск, в ОГПУ Восточно-Сибирского края, а примерно в 1933 г. возглавил ОГПУ-НКВД Татарии. В 1934 г. он был избран делегатом ХУП партсъезда. Гарин покинул Казань в конце 1936 г., сфабриковав напоследок расстрельное дело на большую группу татарской интеллигенции и получив с 13 декабря 1936 г. пост замначальника УНКВД по Ленинградской области. К этому времени он был старшим майором госбезопасности (генеральским званиям в системе НКВД в 1935–1943 гг. соответствовали звания майора ГБ, старшего майора ГБ, комиссаров ГБ 3, 2 и 1 рангов. Звание генерального комиссара госбезопасности соответствовало маршальскому и последовательно присваивалось Ягоде, Ежову и Берии). В 1937 г. Гарин был членом тройки, осудившей к расстрелу десятки тысяч ленинградцев, а после исчезновения Заковского быстро попал в опалу и 2 июня 1938 г. был назначен руководить Сорокским железнодорожным лагерем. Затем его ждал неизбежный арест и казнь вместе с большой группой работников НКВД.

Далее следует Герман Антонович Лупекин (30.04.1901–28.01.1940). Он – уроженец Киева, рабочий с двумя классами образования и человек с двумя национальностями: почти одновременно в двух разных анкетах он записал себя сначала украинцем, а затем русским. В 1917 г. Лупекин служил юнгой на балтийском крейсере “Олег”, в начале 1918 г. участвовал в Киевском восстании, за что был арестован Центральной радой, затем служил в РККА, воевал с войсками Петлюры, Трекова, Зеленова, Деникина. В 1920 г., будучи политруком Днепровского морского полка, Лупекин попал в плен и был осужден к смертной казни военно-полевым судом 11-го Донского корпуса армии Врангеля. Что-то спасло юного политрука, и он с 15 октября 1920 г. поступил в Мариупольский особый отдел уполномоченным по информации, а в 1921 г. стал большевиком и был пере-

брошен в Запорожскую ЧК. В начале следующего года Лупекин возглавил там информационно-агентурный отдел Больше-Токмакского политбюро (районный орган ВЧК) и занялся активным истреблением остатков махновских отрядов в районах Гуляйполя, Пологи и Черниговки.

С января 1923 г. он руководил секретно-оперативной частью ОГПУ Крымской АССР, с марта – информационным отделом. С 4 августа 1926 г. Лупекин замещал начальника Акмолинского губотдела в Казахстане, а 13 июля 1928 г. возглавил информационный отдел полпредства ОГПУ по Сибири. Затем этот отдел был переименован в учетно-осведомительный, а в марте 1931 г. слит с секретным и получил название секретно-политического (СПО). В его функции входил и контроль за настроениями в обществе и борьба с антисоветскими партиями и внутрипартийной оппозицией. К июню 1930 г. отдел Лупекина ликвидировал 539 группировок с 5000 участников, а также арестовал до 2000 так называемых “антисоветских одиночек”. Как заместитель Гарина в пресловутой опергруппе он “проявил прекрасные качества организатора мероприятий массового удара по классовому врагу”. Лупекин отладил также агентурно-оперативную работу (о его усидчивости в подобных мероприятиях свидетельствовала характеристика крымских времен: “лично в течение двух с половиной лет разрабатывал эсеро-монархическую организацию среди железнодорожников и студентов, довел ее до конца, в результате часть участников была расстреляна, часть заключена в лагеря ...”), ликвидировав в 1930 г. три контрреволюционных организации в Новосибирском округе численностью свыше 700 человек¹⁶.

В 1931 г. Лупекин являлся заместителем Заковского, а в июне 1932 г. был отозван из Сибири – возможно, в Минск, к прежнему хозяину. В 1935–1936 гг. он возглавлял СПО УНКВД Ленинградской области – в звании майора ГБ. В апреле 1937 г. Лупекин возглавил УНКВД по Восточно-Сибирскому краю, получил к декабрю орден Ленина и депутатство в Верховном Совете СССР. С января 1938 г. старший майор ГБ Лупекин руководил Ростовским УНКВД. Арестовали его 7 июля 1938 г. и 28 января 1940 г. приговорили к расстрелу “за нарушения за-

конности" и как участника "вредительско-диверсионной организации", куда тот был вовлечен Заковским еще в 1931 году ...

Завершит галерею портретов заместителей Заковского Анс Карлович Залпетер (24.08.1899–1940?). Он родился в семье безземельных латышских крестьян в имении Борксланы Паневежского уезда Ковенской губернии (сегодня это Литва), четыре года учился за половинную плату в Рижской гимназии. Затем Залпетер был вынужден кормиться уроками, работать мельником, во время войны немцы привлекли его в качестве переводчика (родным языком он, кстати, считал русский). С декабря 1918 г. Залпетер был латышским стрелком, в 1919 г. записался в коммунисты, работал политруком и помощником начальника разведки во 2-й и 11-й латышских дивизиях; в польскую кампанию получил ранение. В 1920 г. он стал начальником информации в особотделе 11-й Петроградской стрелковой дивизии, а в 1921 г. – помощником начальника информотдела в особом отделе охраны финской границы и Петроградской губчека.

В начале 1922 г. Залпетера перевели в Закавказье, где он за шесть с половиной лет прошел путь от помощника начальника осведомительного отдела до замначальника особого и начальника контрразведывательного отдела ОГПУ Закавказской Федерации. Конфликт с Берией вынудил его уехать в Сибирь. Он был приятелем бериевского сподвижника В. Меркулова и как-то дружбы ради попросил его зайти для решения текущих дел к Павлуновскому, поскольку Берия был в отъезде. Берия изо всех сил ограждал свой аппарат от контактов с Павлуновским и, узнав о "нелояльности" Меркулова, по-настоящему взбесился. Меркулов потом долго оправдывался, а Залпетер в ноябре 1928 г. прибыл в Новосибирск на пост начальника отдела контрразведки.

К тому времени он уже имел орден Красного Знамени и знак почетного чекиста. Летом 1930 г., пытаясь добыть Залпетеру второй орден, Заковский указывал на его исключительную усидчивость и добросовестность, благодаря чему все 16 контрразведчиков его аппарата были использованы с наибольшим эффектом. Осенью 1929 г. этот отдел разгромил две повстанческие организации в Бийском и Рубцовском округах, а всего с

октября 1929 г. по апрель 1930 г. подразделение Залпетера ликвидировало по Сибири 46 повстанческих организаций и 24 "политические банды" общей численностью в 2500 человек. Из них 225 были убиты в боях, а из более чем 2000 осужденных 782 – расстреляны. Правой рукой Залпетера был М.И. Покалюхин, за восемь лет до того уничтоживший вождя тамбовских повстанцев А. Антонова и специализировавшийся в Сибири именно на разгроме вооруженных выступлений.

В начале 1931 г. Залпетер был начальником особого отдела СибВО, затем заместителем, а в начале 1932 г. являлся заместителем полпреда ОГПУ по Западно-Сибирскому краю и замещал Заковского во время его отъездов. В марте 1932 г. он был переброшен в Белоруссию на пост начальника особотдела и одновременно заместителя наркома НКВД БССР. С декабря 1934 г. Залпетер – начальник особотдела ЛенВО, а в августе 1935 г. возвращается в Новосибирск как заместитель начальника УНКВД края. В сентябре 1936 г. старший майор ГБ Залпетер возглавляет УНКВД по Красноярскому краю, а в 1937 г. получает сверхответственный пост начальника отдела правительственной охраны. Но такое высокое доверие вождя почти никогда не бывало долгим: в 1938 г. Залпетера посылают заместителем начальника строительства Куйбышевского гидроузла и одновременно начальником отдела Самарлага. В том же году его арестовывают и долго пытают. Залпетер был сломлен в Лефортово и на очной ставке – выбритый, но с забинтованными кистями и отсутствующим взглядом – уговаривал жену уступить требованиям партии и подтвердить, что она была им куда-то завербована¹⁷ ... Залпетера расстреляли, видимо, в начале 1940 г., а впоследствии реабилитировали. В книге "Чекисты Красноярья", изданной в 1991 г., он назван безвинной жертвой репрессий.

При Заковском были расстреляны тысячи сибиряков. Комendanтом полпредства ОГПУ Запсибкрая тогда был Яков Галлактионович Коновалов. В середине 30-х годов он не раз разбирался за пьянство. В 1945 г., будучи капитаном Новосибирского УМГБ, получил за выслугу лет ордена Ленина и Красного Знамени. В декабре 1932 г. за усердие получили по окладу дежур-

ные коменданты полпредства И.И. Сердюков, К.И. Леонов, И.В. Малюков, а начальник ДПЗ и помощник коменданта А.Е. Хохлов был награжден именными часами с надписью "За беспощадную борьбу с контрреволюцией"¹⁸.

Сменивший Заковского Николай Николаевич Алексеев (01.11.1893—1937) имел необыкновенно занятую биографию. Он родился во Ржеве в семье агронома и народной учительницы, в 17 лет вступил в партию эсеров, а еще два года спустя закончил Харьковскую гимназию и стал студентом физмата МГУ. Через год Алексеев перевелся на юрфак Харьковского университета, одновременно работал статистиком, а также входил в состав эсеровского губкома, организовывал подпольные кружки и типографии. 6 января 1915 г. его арестовали и, продержав в тюрьме год, осудили на четыре года каторги с заменой на ссылку.

После Февральской революции Алексеев стал заместителем председателя Совета крестьянских депутатов в Харькове, а в июне избран членом президиума 1-го Всероссийского съезда Советов в Петрограде, в августе он входит в инициативную группу по созыву Совецания общественных деятелей в Москве — вместе с М. Родзянко, В. Маклаковым, П. Рябушинским и другими своими будущими политическими противниками. В ноябре—декабре 1917 г. Алексеев участвовал в работе первого и второго съездов Советов крестьянских депутатов, избирался членом ВЦИК 2- и 3-го созывов, а в начале 1918 г. членом президиума 3-го Всероссийского съезда Советов. Был он и депутатом Учредительного собрания, в числе 715 членов которого оказалось много будущих чекистов: от Дзержинского и его зама И.С. Уншлихта, одного из убийц царской семьи наркомвнудела А.Г. Белобородова и председателя Петрочека М.С. Урицкого до начальников особых отделов фронтов И.А. Апетера и К.И. Ландера. Причем Апетер и Алексеев в конце карьеры стали столпами лагерной системы: первый был начальником Соловецкой тюрьмы, второй — помощником начальника ГУЛАГа.

В конце 1917 г. Алексеев примкнул к левым эсерам и вошел в состав первого Советского правительства заместителем наркома земледелия. После Брестского мира эсеры вышли из пра-

вительства. Алексеев уехал на Украину воевать с немцами и до августа 1918 г. командовал левозеровским отрядом в составе армии Ворошилова. В мае 1919 г. он вступает в РКП(б), является членом Всеукраинского ЦИК 3-го и 4-го созывов в Киеве и Харькове, командует штабом боевого участка под Царицыном. С 1920 г. Алексеев — член Одесского губревкома, член бюро и за-ворготделом Харьковского губкома КП(б)У, а в следующем году оказывается в ВЧК и по приказу Дзержинского на 13 месяцев едет с секретной миссией во Францию. Чекисты нуждались в образованных кадрах, а бывший эсер знал не только украинский, но и английский, французский и немного немецкий. Вряд ли кто из наших местных чекистов-руководителей когда-либо имел подобную подготовку ... Вернувшись из Франции, Алексеев получает ответственную должность особоуполномоченного по важнейшим делам секретно-оперативного (т.е. самого главного) управления ОГПУ и полтора года спустя уезжает в Англию — снова на 13 месяцев (1924—1925 гг.). Очевидно, что он там был не рядовым разведчиком. По возвращении Алексеев назначается помощником начальника информационного отдела ОГПУ, а еще полтора года спустя возглавляет этот отдел, переименованный вскоре в учетно-осведомительный (1926—1930 гг.). В 1927 г. он был награжден знаком почетного чекиста и боевым оружием, в 1930 г. — избран членом ВЦИК, но как раз в этот момент его карьера дала необратимую трещину. Виногато, скорее всего, оказалось эсеровское прошлое: парламентарий от крестьян выглядел сомнительно в эпоху тотального раскрестьянивания.

В феврале 1930 г. Алексеев получил должность полпреда ОГПУ по Центрально-Черноземной области (сегодня это целых семь областей) и прибыл в Воронеж. Тоскуя по утраченному месту в центральном аппарате, он яростно обрушился на крестьянское сопротивление коллективизации, одну за другой вскрывал контрреволюционные группы: монархические, меньшевистские, церковные и другие. В 1932 г. его ждали второй знак почетного чекиста и новое назначение — но не в Москву, а в Сибирь.

Алексеев принял дела от Заковского 26—28 апреля 1932 г. Культурный чекист-полиглот проявил в Сибири исключитель-

ную жестокость. С его именем связаны и завершение раскулачивания, и голодная смерть тысяч заключенных, брошенных в мае 1933 г. на страшный остров Назино в Нарьме, фабрикация ряда очень крупных политических дел: “белогвардейского заговора”, “заговора в сельском хозяйстве” ... Только по делу филиала “заговора в сельском хозяйстве” тройка ОГПУ в апреле 1933 г. расстреляла из 171 осужденного 72 человека, в том числе двух дедушек и отца Василия Шукшина ... Выступая в феврале 1933 г. на объединенном пленуме крайкома и крайисполкома, Алексеев обрушился на тех хозяйственников, которые еще не избавились от бывших белых офицеров. На чью-то реплику: “Грамотные люди!” полпред возмущенно воскликнул: “Почему можно думать, что грамотные люди безопаснее безграмотных?” Здесь же Алексеев сообщил о раскрытии за последнее время 107 контрреволюционных групп в колхозах края (700 участников), подчеркнув, что “это очень мало”¹⁹. А за 1934 г. одних только немцев в крае было арестовано 577 человек ...

28 января 1935 г. Алексеев сдал дела В.Каруцкому и 16 февраля был назначен помначальника ГУЛАГа НКВД СССР. 7 декабря того же года Алексеев поставлен заместителем начальника строительства Рыбинского и Угличского гидроузлов и одновременно – замначальника Волжского лагеря. В 1937 г. – арестован и расстрелян. Впоследствии реабилитирован – двадцать лет назад в книжке “Воронежские чекисты рассказывают” задушевно повествовалось о том, как 37-летний Алексеев “по-отцовски сказал” несколько напутственных слов какому-то молодому особисту ...

Алексеев привез с собой в Новосибирск целую команду, включая и личного палача – коменданта полпредства Михаила Ивановича Пульхрова, действовавшего до самого 1937 г. Заместителем Алексеева и начальником особого отдела СибВО с 8 апреля 1932 г. стал Казимир (Казис) Иосифович Науйокайтис (1896–1937) – уроженец Литвы, в годы революции оставивший медицинский факультет Тартусского университета ради социальной хирургии планетарного масштаба²⁰. С апреля 1917 г. по апрель 1918 г. Казис состоял в партии левых социалистов-народников Литвы и был заместителем председателя исполкома

съезда Советов беженцев. Затем он вступил в компартию Литвы и после поражения левых в 1919 г. стал членом ее нелегального комитета в Вильнюсе. До 1921 г. он работал заведомом эвакуации в полпредстве России в Литве, а затем сразу поступил в ОГПУ и был там начальником отделения – до 1927 г.

С 1930 г. Науйокайтис возглавлял отдел (видимо, особый) в ОГПУ Белоруссии. Его сибирская карьера оборвалась почему-то весьма скоро. На учетной партийной карточке чекиста сохранилась чья-то решительная резолюция: "т. Ильин – нужно снять", датированная 1 февраля 1933 г. (Иван Данилович Ильин с 15 июня 1932 г. возглавлял СПО, а затем особый отдел. В апреле 1934 г. некоторое время работал врио полпреда ОГПУ края.) Через несколько дней Науйокайтис уехал в Москву за новым назначением. Четыре года спустя он был расстрелян, а впоследствии – реабилитирован.

Одновременно с К. Науйокайтисом в Сибири работал А.М. Шанин, бывший в конце 20-х гг. секретарем Коллегии ОГПУ СССР, а в 1930 г. – заместителем начальника второстепенного административно-организационного управления ОГПУ. В 1930–1932 гг. Шанин являлся членом Коллегии ОГПУ и председателем Особой комиссии по обследованию Соловецких лагерей, базировавшейся в г. Кемь. 23 марта 1932 г. он был назначен заместителем полпреда ОГПУ Запсибкрая и 7 апреля вступил в должность²¹. Примерно в середине следующего года Шанина отозвали из Новосибирска, а в 1935 г. он стал начальником транспортного отдела НКВД, получив через несколько месяцев звание комиссара госбезопасности 2 ранга. В 1937 г. Шанин был арестован и расстрелян.

С января 1934 г. заместителем начальника УНКВД Запсибкрая был Михаил Александрович Волков (04.1900–?). Он – выходец из еврейской семьи, жившей в поселке шахты №5 Горло-Щербиновского района Донбасса. Десятилетним мальчиком лишился отца. Мать-домохозяйка дала ему начатки образования. С 12 лет Волков работал "мальчиком" в магазине, потом конторщиком. В 1917 г. стал красногвардейцем, в январе 1918 г. записался в РКП(б), а уже в мае поступил в Курскую губчека – оперкомиссаром и инструктором. Осенью он недолго был по-

мощником председателя Обояновской уездной чека, а с 1919 г. работал помначальника активной части (т.е., контрразведки) в особотделе 9-й армии Южного фронта. В декабре 1919 г. Волков возглавил особый отдел 10-й армии Кавказского фронта, а с апреля следующего года – особый отдел 18-й кавдивизии 11-й армии и участвовал в разгроме азербайджанских мусаватистов. Затем являлся начальником агентуры в пограничном особотделе, с декабря 1920 г. – инспектор, замначальника особотдела, начальник орготдела в особом отделе 11-й армии. С мая 1923 г. Волков возглавлял пограничный особотдел в Сухуми, затем стал уполномоченным и врио начальника экономотдела Закавказской ЧК. С 23 июня 1924 г. – помначальника экономотдела, начальник 1 и 2 отделений экономотдела в Закавказской и Грузинской ЧК. В 1925 г. он был награжден знаком почетного чекиста, два года спустя получил браунинг и золотые часы²².

С октября 1927 г. Волков руководил аппаратом экономотдела ОГПУ Азербайджана, но после бериевских интриг был переведен в Сибирь и занял с 8 августа 1929 г. аналогичный пост в Полномочном представительстве ОГПУ Сибкрая. В Новосибирске Волков как следует укрепил свой отдел и в 1931 г. разгромил 11 “вредительских” групп во всех основных звеньях местного хозяйственного аппарата. Среди вредителей оказался и один из основоположников космонавтики Ю. Кондратюк ... Лично руководя следствием, в 1932 г. Волков разоблачил четыре крупные “вредительские” кулацкие группы, по обвинению в хищениях арестовал 6300 человек, за спекуляцию – 1300. И хотя Заковский не смог выхлопотать ему орден (и Алексеев тоже), после отъезда Шанина М.А. Волков почти два года работал заместителем начальника УНКВД, а в сентябре 1935 г. уехал в Ленинград, где и находился до февраля 1937 г. Через некоторое время Волков был репрессирован (возможно, не без участия Берии).

О преемнике Н.Н. Алексеева Василии Абрамовиче Каруцком известно не очень много. Он происходил из знаменитого чекистского питомника – особого отдела 5-й армии. Каруцкий только в 1920 г. вступил в партию, но уже весной 1922 г. обнаруживается на ответственном посту замначальника особого отдела Восточно-

Сибирского военокруга в Иркутске. Осенью Каруцкий сформировал из своих подчиненных особую группу из 30 человек и получил назначение во Владивосток. С 27 октября 1922 г. он возглавил им же созданный аппарат Приморского губотдела ОГПУ. Ему удалось нанести серьезный удар по многочисленной японской агентуре на Дальнем Востоке и зарекомендовать себя талантливым контрразведчиком.

В 1930 г. Каруцкий был избран делегатом ХУI партсъезда от Ташкентской организации ВКП(б), а в 1932–1933 гг. возглавлял ОГПУ Казахстана. С 28 января 1935 г. Каруцкий руководил УНКВД Запсибкрая. За 1935 г. чекисты арестовали более 2000 человек, в том числе 1400 – за антисоветскую агитацию. С 20 декабря 1935 по 20 марта 1936 гг. нарсуды края (по неполным данным) рассмотрели (не считая, конечно, военных трибуналов и Особого Сопещения при НКВД СССР) 854 политических дела на 2188 человек. Из них 12,3 % были оправданы²³, что говорит о низком качестве расследования – даже по меркам сталинской юстиции.

Работа Каруцкого совпала с кратковременной “оттепелью” в карательной политике Сталина. К тому же он к рассматриваемому времени превратился в законченного алкоголика, обожавшего устраивать банкеты по любому поводу. Ни разу Василий Абрамович не удосужился посетить партсобрание или хотя бы заседание парткома. Пил он, разумеется, не один, и когда сигналы о чекистской “изнеженности” нравов достигли Москвы, появился грозный приказ наркомата. 15 июля 1936 г. Каруцкий (проболевший, кстати, весь январь и февраль) был снят Ягодой за моральное “разложение”. Его, комиссара ГБ 3 ранга, назначили всего лишь начальником отделения секретно-политического отдела НКВД. Вслед за Каруцким в столицу был отправлен целый вагон с его барахлом.

В декабре 1937 г. он был награжден орденом Ленина и к тому времени являлся уже замначальника СПО НКВД. Именно Каруцкому в марте 1938 г. было доложено о кратковременном аресте агента “Володи” – будущего премьера Венгрии Имре Надя. Затем он ненадолго возглавил Московское УНКВД и, кстати, помог невестке Л.Б. Каменева, актрисе Галине Кравчен-

ко избавиться от преследований чекистов²⁴. К тысячам москвичей, осужденных тройкой в столице, Каруцкий отнесся иначе ... Он застрелился летом – не позже августа – 1938 г.

С собой в Новосибирск в 1935 г. Каруцкий привез Сигизмунда Михайловича Вейзагера, бывшего его помощником и начальником экономотдела до осени 1936 г. Заместителем Каруцкого с февраля 1936 г. являлся Александр Иванович Успенский (02.1902–28.01.1940). Он родился в Алексинском уезде Тульской губернии в семье служащего лесных фирм, окончил два курса духовного училища, а в 1917 г. успел проучиться год в Тульском оружейном училище. В следующем году он был секретарем комбеда, затем начальником раймилиции, а в 1920 г. вступил в РКП(б) и возглавил отдел информации в Алексинской уездной ЧК. В сентябре 1923 г. Успенский стал начальником экономотдела Тульского губотдела ОГПУ. Быстрой карьерой молодого чекиста способствовало покровительство начальника губотдела Г.П. Матсона. В марте 1927 г. Успенский получил аналогичный пост в ОГПУ Урала, где был награжден боевым оружием и знаком почетного чекиста (1928 г.). В июне 1929 г. приказом Ягоды ему был вручен именной маузер за ликвидацию “крупной контрреволюционной организации, проводившей вредительскую работу в золото-платиновой промышленности Урала”; в 1930 г. “за разгром шахтинских вредителей” на Урале Успенский получил орден Красного Знамени.

В сентябре 1931 г. он возглавил экономотдел полпредства ОГПУ по Московской области и заслужил славу отъявленного фальсификатора даже в среде не особенно щепетильных коллег. В июне 1934 г. он уже замначальника Московского УНКВД, а с февраля следующего года – заместитель коменданта Московского Кремля. Через год получил назначение в Сибирь, где показал себя Ежову с лучшей стороны. В марте 1937 г. он возглавил Оренбургское УНКВД, откуда написал секретарю Запсибкрайкома Р.Эйхе письмо, в котором похвалялся раскрытием “фашистской террористической организации” на строительстве Орского крекинг-завода. Заканчивалось письмо не очень грамотно, но прочувствованно: “Шлю Вам, моему учителю, от всей души самый теплый большевистский привет и поздравления с

1-го мая!" Один из новосибирских чекистов, дождавшись отъезда Успенского, дал ему такую характеристику: "Он культурный человек, хороший администратор, а позволяя себе недопустимую площадную ругань в обращении с работниками-чекистами"²⁵.

С января по ноябрь 1938 г. комиссар ГБ 3 ранга Успенский руководил НКВД Украины, арестовав за это время около ста тысяч человек. Осенью он пытался скрыться в Житомире, но почему-то вернулся. 14 ноября 1938 г. он бежал снова. Билет и новую шапку Успенскому купила жена, документы на имя Юмашковского Ивана Лаврентьевича он выправил себе сам и оставил записку, в которой сообщал о намерении броситься в Днепр. Позже Н.С. Хрущев вспоминал, что Сталин делился с ним планами вызвать Успенского в Москву и арестовать. Видимо, полученный вызов и подвигнул наркома на побег. Специальная опергруппа только 16 апреля 1939 г. выловила Успенского в Челябинске. На следствии он наговорил целых пять томов ... 27 января 1940 г. Военная Коллегия приговорила его к расстрелу. За содействие в побеге была расстреляна жена Успенского²⁶.

В первых числах августа 1936 г. УНКВД Запсибкрая возглавил Владимир Михайлович Курский, большевик с февраля 1917 г. Свою карьеру он сделал, являясь одним из руководителей следствия по знаменитому "Шахтинскому делу". В середине 30-х годов он занимал руководящие посты в УНКВД Северного Кавказа, имел орден Красного Знамени и два знака почетного чекиста. Старший майор ГБ Курский знал, что от него требуется громкий политический процесс – и в ноябре 1936 г. по делу о взрывах на шахтах Кузбасса был осужден ряд крупных хозяйственных руководителей. Курский фабриковал дела о покушениях на Эйхе, а могущественный сталинский наместник в Сибири за это способствовал в верхах росту авторитета нашего героя. В декабре 1936 г. Курский получил ответственный пост начальника СПО НКВД, а с 15 апреля 1937 г. стал заместителем М.П. Фриновского, только что назначенного начальником Главного управления госбезопасности НКВД и 1-м заместителем Ежова. 2 июля 1937 г. Курский получил орден Ленина, а уже 8 июля застрелился.

В октябре 1936 г. помощником начальника УНКВД стал Матвей Миронович Подольский (1894—?), выходец из еврейской мещанской семьи, жившей в украинском городке Бердянске. Он получил домашнее образование, с 11 лет работал “мальчиком” в магазине, а в 1915 г. был мобилизован в армию. После Февральской революции он работал приказчиком в том же магазине братьев Тудоровских в Юзовке (нынешний Донецк). В 1919 г. вступил в компартию и с декабря стал сексотом (числясь при этом рядовым красноармейцем) особого отдела Восточного фронта в Саратове, затем уполномоченным по агентуре особотдела Кавказского фронта в Ростове-на-Дону и Тифлисе. С 1921 г. был там же начальником 4 отделения.

С ноября 1923 г. Подольский — уполномоченный Закавказской ЧК, а с июля 1926 г. — старший уполномоченный, помначальника и начальник контрразведки в ОГПУ Азербайджана. Затем он уезжает от Берии подальше и 2 сентября 1929 г. прибывает в Новосибирск на должность начальника 2 отделения контрразведывательного отдела. В 1930 г. этот отдел был слит с особым, и Подольский возглавлял отделение уже в особотделе. С 1 октября 1932 г. он — замначальника Томского оперсектора, а с начала 1934 г. возглавлял оперсектор и горотдел НКВД. Затем этот капитан ГБ (что соответствовало армейскому полковнику) стал помощником Курского и его заместителем по особому отделу, а в начале 1937 г. — майором ГБ и замначальника управления. В апреле его кандидатура была отведена при выборах в партком УНКВД — “за грубость”, а в июне особист Б. Резниченко жаловался коллегам на “несерьезное” отношение к делу своего куратора: войдя в кабинет, где Резниченко допрашивал арестанта, начальник заорал чекисту: “Дайте ему ведерную клизму!”²⁷. Летом 1937 г. Подольский покинул Новосибирск, в декабре был награжден орденом Красной Звезды, а затем репрессирован.

С 8 декабря 1936 г. УНКВД Запсибкрая возглавлял старший майор ГБ Сергей Наумович Мионов (Король) (09.1894—1940?). Он родился в Киеве, в семье мелкого торговца, в 1913 г. окончил коммерческое училище, затем учился на экономическом и юридическом факультетах Киевского коммерческого института, да-

вая одновременно уроки. Не закончив курса, в 1915 г. вольноопределяющимся ушел на фронт, в 1917 г. стал прапорщиком, председателем батареинного суда и членом совета 204 тяжелой артбригады, действовавшей в Галиции. В конце года демобилизовался и в 1918 г. продолжил обучение в брошенном три года назад институте. В этом же году умерли его родители, и Мионов в декабре вступает в 1-ю Украинскую партизанскую армию и командует батареями. Летом 1919 г. он заболел тифом и после выздоровления примкнул к еврейской компартии Украины, работая подпольным агитатором. Затем вновь вступил в Красную Армию.

В марте 1920 г. Мионов заболел возвратным тифом и, лежа в Житомирском госпитале, услышал, что его сосед по палате — не только красный командир, но и польский шпион-резидент. В 1937 г. Мионов рассказывал на партсобрании, как поведал обо всем комиссару госпиталя: "После чего ко мне явился уполномоченный особого отдела 12-й армии и по всем правилам меня завербовал ... Я получил от умирающего шпиона-разведчика явки, пошел по этим явкам и в результате была вскрыта большая польско-германская контрреволюционная шпионская организация". Из рядового сексота Мионов быстро превратился в уполномоченного по агентуре и после отступления 12-й армии из Польши был оставлен там "для тыловой диверсии". В конце 1920 г. в Киеве им была вскрыта "крупная контрреволюционная польская шпионская организация", за что чекиста, по его словам, представили к ордену. В декабре он назначен начальником активного отделения особотдела Первой Конной армии и вместе с ней прибывает на Северный Кавказ.

Летом 1921 г. на Ростов-на-Дону наступали части Армии спасения России. Ее командующий князь Ухтомский попал в плен. Мионов — начальник активной части особотдела Северо-Кавказского военокруга — вытребовал у него мандат, в котором князь "назначал" чекиста руководителем крупного отряда, уже подошедшего к городу. "Есаул Мионов", взяв с собой 150 бойцов, переодетых в белогвардейскую форму, прибыл в штаб этого полка и предложил полковнику Назарову сдать дела. После отказа полковник вместе со всем штабом ночью был арестован, а

Миронов пять дней командовал полком Назарова, задержав наступление на Ростов-на-Дону. За эту блестящую операцию он получил орден Красного Знамени. С ноября 1921 г. работал зам-предом Черноморской ЧК в Новороссийске и начальником Горской ЧК во Владикавказе, а в декабре 1922 г. возглавил Восточный отдел ОГПУ Северо-Кавказского края. С мая 1925 г. он — начальник Чечено-Грозненского отделения Владикавказского облотдела ОГПУ (кстати, только тогда Миронов вступает в ВКП(б)), а пять месяцев спустя — руководитель Горского объединенного отдела ОГПУ. В 1926 г. он получает второй орден Красного Знамени — за подавление восстаний в Чечне и Ингушетии и захват вождя мятежников Н. Гоцинского.

С апреля 1928 г. Миронов руководит Кубанским окротделом, в августе 1931 г. становится заместителем полпреда ОГПУ в Казахстане, а с октября 1933 г. — начальником Днепропетровского УНКВД. Он — почетный чекист, четырежды награжден боевым оружием, делегат XVII партсъезда.

В Новосибирске при Миронове начинаются расстрелы тысяч невинных людей: тройка НКВД под его председательством за август 1937 г. осудила к расстрелу 3230 человек. В начале 1937 г. он становится комиссаром ГБ 3 ранга, в июле получает орден Ленина, а с 15 августа приказом Ежова зачисляется в действующий резерв. Вскоре Миронов получает пост полпреда СССР в Монголии. Уже 18 октября 1937 г. он отправляет шифровку М. Фриновскому с информацией о "вскрытии большой контрреволюционной организации внутри МВД" республики, а в феврале 1938 г. предлагает арестовать очередных "заговорщиков" и срочно направить новых "инструкторов" из НКВД. 3 апреля Миронов сообщает Фриновскому о 10728 арестованных заговорщиков, включая 7814 лам (еще 4000 лам планировалось арестовать в течение апреля), 322 феодалов, около 500 министерских чиновников и военных руководителей, а также 2000 бурят и китайцев. Из них на 31 марта 1938 г. было расстреляно уже 6311 человек, что составляло примерно 3-4 % взрослого мужского населения Монголии²⁸.

В конце года Миронов заведует 2-м Восточным отделом НКВД, а уже в январе 1939 г. — дает показания о своей

“вражеской деятельности”. В этом же или следующем году он был расстрелян.

Помощником Миронова некоторое время был Серафим Павлович Попов (01.1904–31.01.1940). Он родился в Воронежской губернии, в семье приказчика, имел 4-классное образование, в январе 1918 г. поступил в Воронежскую губчека и комсомол, в 1919 г. немного работал в центральном аппарате ВЧК, затем вернулся в Воронеж, в политотдел полевого штаба 8-й армии. Там он заболел тифом, демобилизовался и долгое время трудился в системе связи. В марте 1930 г. молодой начальник адм-отдела Воронежского облуправления связи был мобилизован партией в ОГПУ. В мае 1932 г. Попов вслед за Н. Алексеевым приезжает в Новосибирск на пост начальника 1 отделения СПО.

Отделение Попова занималось борьбой с внутрипартийной оппозицией. В 1933 г. он добился от сосланных сторонников М.Н. Рютина Н.К. Кузьмина и А.Н. Слепкова показаний о том, что Бухарин и Рыков якобы готовили теракты против партруководства. Это показалось начальству слишком буйной фантазией, но и в других крупных делах Попов показал себя энергичным фальсификатором, за что в 1933 г. получил знак почетного чекиста, затем стал помощником начальника СПО, а с осени 1936 г. возглавил секретно-политический отдел краевого УНКВД. В мае 1937 г. Миронов назначил его одновременно начальником особого отдела, дав задание вскрыть “троцкистских шпионов” в СибВО. Уже 2 июля того же года “заслуги” Попова были отмечены орденом Ленина. С этого времени капитан ГБ Попов являлся помначальника УНКВД Запсибкрая, а в октябре, с выделением Алтайского края и образованием Новосибирской области, стал начальником УНКВД по Алтайскому краю. Только в 1937 г. там было арестовано 10 тысяч человек. Тогда же Попов стал депутатом Верховного Совета СССР²⁹, а в начале января 1939 г. был с неизбежностью арестован. Дав подробные показания о своих бесчисленных преступлениях, он 28 января 1940 г. был приговорен Военной Коллегией Верховного суда СССР к расстрелу.

С августа 1937 г. госбезопасность в Новосибирской области была в руках Григория Федоровича Горбача (27.09.1898–

07.03.1939). Его родина – украинское село Ряшки Прилукского района на Черниговщине, где отец будущего чекиста имел 3–4 десятины земли и лошадь. Горбач окончил начальную школу, был чернорабочим, затем письмоводителем. В декабре 1916 г. он примкнул к большевикам, а после Февральской революции стал членом совдепа и ненадолго арестовывался представителями Временного правительства. Затем Горбач был красногвардейцем и партизаном. В августе 1918 г. немцы-оккупанты разбили отряд, Горбач попал в плен и был судим, говорили, что на 25 лет каторги. В декабре партизаны его освободили, после чего Горбач возглавил штаб Прилукского гарнизона. С марта 1919 г. он состоит в коллегии Прилукской уездной чека, после отступления красных осенью едет в Москву и некоторое время занят ВЧК, а затем отправляется на Восточный фронт военкомом полка. С начала 1920 г. Горбач – замначальника особого отдела 9-й Кубанской армии. С июля 1921 г. он руководит особотделом 2-й кавдивизии в Ставрополе, где “за оскорбление в письменной форме председателя губисполкома Кумачева” (со слов Горбача, за попытку освободить провинившуюся заведующую детдомом дивизии) в 1922 г. был осужден на шесть месяцев принудработ. ЦКК РКП(б) отменила приговор и восстановила Горбача в партии, дав ему выговор за “невыдержанность”.

С 1922 г. Горбач был начальником отдела в ВЧК Юго-Востока России (Ростов-на-Дону), с сентября 1923 г. руководил контрразведкой и особым отделом Терского губотдела ОГПУ, а три года спустя стал заместителем начальника этого губотдела в Пятигорске. В октябре 1928 г. он назначен замначальника Кубанского окротдела, а с января 1931 г. возглавляет Шахтинско-Донецкий оперсектор в г. Шахты. С мая 1933 г. Горбач – начальник Терского оперсектора, а с января следующего года – помощник и замначальника УНКВД по Северо-Кавказскому краю. Многолетний руководитель чекистов Северного Кавказа Е.Г. Евдокимов был в особом доверии у Ежова, поэтому многие “евдокимовцы” при “железном наркоме” сделали стремительную карьеру, в том числе Курский, Миронов и Горбач.

В апреле 1937 г. Горбач стал заместителем начальника УНКВД Запсибкрая, а с конца июля до середины августа воз-

главлял УНКВД по Омской области, сменив арестованного старшего майора ГБ Э.П. Сальня. Оттуда 15 августа он послал Ежову телеграмму с просьбой увеличить расстрельный лимит для Омской области с одной до восьми тысяч человек. На ней сохранилась резолюция вождя: "т. Ежову. За увеличение лимита до 8 тысяч. И. Сталин"³⁰. Вернувшись в Новосибирск, Горбач начал страшный террор. Уже к 4 октября в крае насчитывалось 25413 арестованных, из которых 13679 были приговорены тройкой НКВД к расстрелу. Помимо того, за 1937 г. только в Новосибирске было арестовано 7000 человек из так называемого "социально-вредного элемента" – беспаспортных, ранее судимых и просто попавших в регулярные облавы. Особая тройка при облмилиции за одно заседание осуждала по 300 и более человек на небольшие лагерные сроки, включая тех, кто имел неосторожность прийти в милицию заявить об утере документов и т.д.

Горбач не брезговал лично, отдохнув после пыточного дня, уговаривать какого-нибудь растерянного юнца признаться в шпионаже – ради интересов партии... Несмотря на достаточно скромный чин старшего майора ГБ, он пользовался авторитетом у Ежова, ибо Новосибирская область по темпам разгрома "врагов народа" занимала в 1937 г. по СССР 2-е место. Имея уже два знака почетного чекиста (1930, 1934 гг.), Горбач в июле 1937 г. получил орден Ленина, а затем и депутатство в Верховном Совете. Любопытно, что баллотировавшись в октябре 1937 г. в члены бюро обкома, Горбач получил на пленуме не только 34 голоса "за", но и два голоса "против"³¹... Вскоре Горбач был направлен на Дальний Восток – наводить порядок после скандального бегства начальника УНКВД по Дальне-Восточному краю Г.С. Люшкова в Японию 13 июня 1938 г. А уже 18 ноября он был арестован, осужден Военной коллегией и расстрелян 7 марта 1939 г.

Заместитель Г.Ф. Горбача Дмитрий Дмитриевич Гречухин (06.1903–02.1939) родился в селе Наволоки современной Ивановской области, в рабочей семье. Образование получил начальное, в 15 лет записался в комсомол, в 16 – стал коммунистом, а еще год спустя определился в милицию. В сентябре 1921 г. началась

его чекистская карьера в Кинешминском уезде родной губернии, но уже в феврале следующего года органы из-за чего-то с ним распрощались. А в феврале 1928 г. скромный заведующий клубом становится помощником уполномоченного ОГПУ в Кинешме. Уже в октябре 1929 г. ему поручено руководство информотделом Костромского окротдела, а с сентября 1930 г. Гречухин – помощник начальника экономотдела в ОГПУ Ивановской области.

Получив там за “беспощадную борьбу с контрреволюцией” часы и боевое оружие, лейтенант ГБ Гречухин в июле 1935 г. назначается в Новосибирск замначальника экономотдела УНКВД края³² (с ноября он короткое время руководил Сталинским (Новокузнецким) горотделом). В конце 1936 г. Гречухин возглавляет вновь созданный отдел контрразведки численностью в 60 человек (создан после слияния экономотдела с частью аппаратов СПО и особого отдела). 2 июля 1937 г. Гречухин награждается орденом Красной Звезды и вскоре становится заместителем начальника управления. В сентябре Гречухина назначают главой УНКВД по Красноярскому краю. В июле 1938 г. депутат Верховного Совета СССР и капитан ГБ перебрасывается в Ростов – на смену арестованному Лупекину. Черед самого Гречухина пришел 1 декабря. 22 февраля 1939 г. выездная сессия Военной Коллегии приговорила его к расстрелу.

В годы террора заметно возросло значение исполнителей приговоров и их работу стали выделять особо. Мастером своего дела был многолетний комендант крайсуда Иван Васильевич Балдин, в одиночку расстреливавший сразу по 3–4 человека. Известен на этом поприще комендант УНКВД М.И. Пульхров. Работники комендатуры Петр Андреевич Гудков и Гурий Иванович Ершов в декабре 1937 г. получили по ордену “Знак Почета”. Ершов тогда еще не был даже членом партии, зато к 1941 г. стал уже начальником внутренней тюрьмы. Дежурный комендант Иван Аверьянович Прудников в 1938 г. дослужился до заместителя начальника внутренней тюрьмы, а в 1939 г. возглавил тюрьму № 2 УНКВД по Новосибирской области³³.

Сменивший Горбача Иван Александрович Мальцев (1898–24.08.1940) – уроженец старинного металлургического завода

Билимбай Екатеринбургской губернии. Отец его был металлистом, мать – сезонной кухаркой и прачкой. С 11 лет Иван работал, две зимы ходил в школу (больше нигде не учился), а в 1916 г. молодого литейщика мобилизовали и отправили на Западный фронт, откуда он через семь месяцев дезертировал. В октябре 1917 г. Мальцев вступил в РСДРП(б), затем в Красную гвардию, был помощником начальника карательного отряда, потом в составе уже Красной Армии воевал с белочехами. С 1919 г. – военком разведывательных партий в политотделе 5-й армии, с 1920 г. – комиссар отдельного батальона ВЧК, охранявшего границу с Монголией и ДВР. С осени 1921 г. Мальцев работал в ЧК–ОГПУ Шадринска и Нижнего Тагила, где организовал из пяти уездных аппаратов один окружной. С октября 1925 г. он руководил Челябинским, а с начала 1928 г. – Пермским окротделом ОГПУ.

В конце 1928 г. Мальцев возглавил Томский окротдел. В первой половине 1930 г. он ликвидировал две контрреволюционные организации с 300 участников, 41 группировку (320 человек) и изъял “до 100 контрреволюционных одиночек”. Во второй половине года Мальцева перебросили на пост начальника админоргупра ОГПУ Урала, а в июне 1931 г. дали Оренбургский оперсектор. С марта 1934 г. он – помощник полпреда ОГПУ Куйбышевского края, с апреля следующего года – замначальника УНКВД Киргизии. В январе 1936 г. был переведен из Фрунзе в связи с болезнью родных и назначен главой УНКВД Адыгейской АО. К тому времени у майора ГБ Мальцева имелись золотые часы за №819 с традиционной надписью: “За беспощадную борьбу с контрреволюцией” и знак почетного чекиста (1932 г).

С апреля 1937 г. Мальцев – помощник, а с августа – замначальника УНКВД Запсибкрая³⁴. В декабре он получил орден Красной Звезды, в мае 1938 г. стал начальником УНКВД по Новосибирской области и вскоре был избран в Верховный Совет РСФСР. Один из главных палачей области, подчас в одиночку рассматривавший дела на тройке НКВД и выносивший смертные приговоры 90 % осужденных, Мальцев почему-то так до самого ареста и оставался майором ГБ. Он любил, пьяные выез-

ды на охоту с начальниками отделов, а его жена была фактической хозяйкой спецторга и сбывала дефицит в комиссионные магазины. Еще в декабре 1938 г. Мальцев приказывал чекистам ответить на ноябрьскую директиву ЦК ВКП(б) и СНК СССР, отменявшую тройки и аресты без санкции прокурора, "не допросами старых арестованных", а показаниями, добытыми "от вновь арестованных", разругав подчиненных "за шарахания и перестраховку"³⁵. 25 или 26 января 1939 г. он был арестован и в тюрьме, боясь расправы, выдавал себя за комбрига-пограничника. Его усердно избивали на допросах, сломав четыре ребра, а в мае 1940 г. дали восемь лет лагерей. Прокуратура опротестовала приговор как излишне мягкий, и 8 августа 1940 г. Пленум Верховного Суда направил его дело на пересмотр. Полмесяца спустя при неизвестных обстоятельствах жизнь Мальцева оборвалась: то ли в лагере, то ли в тюрьме ...

Заместитель Мальцева Александр Самойлович Ровинский (10.05.1899-?) – происходил из еврейской мещанской семьи, жившей в Кривом Роге, имел начальное образование и специальность электромонтера. С 1917 г. – красногвардеец, воевал с войсками Германии, Центральной рады, Н.Григорьева и А.Деникина. В 1920 г. Ровинский поступил в ЧК уполномоченным особотдела 12-й армии, позже был начальником информации, а с 1923 г. – помуполномоченного ОГПУ Крыма. С 1930 г. он возглавлял райаппарат, в 1933 г. был начальником Симферопольского райотдела, а затем начальником 2 отделения СПО и начальником 1 отделения экономотдела УНКВД Крымской АССР. В 1936 г. Ровинский прибыл в Новосибирск, став начальником 2 отделения и помощником начальника экономотдела, а затем инспектором при начальнике УНКВД³⁶.

С октября 1936 г. Ровинский руководил Сталинским горотделом и оперсектором НКВД, в декабре 1937 г. получил орден Красной Звезды. Маленький щуплый Ровинский лично вел пыточное следствие и расстреливал. С лета 1938 г. он являлся помощником и затем заместителем начальника УНКВД. Весной его с понижением отправили в систему Дальлага, а затем уволили из органов³⁷ (в письме Сталину 10 июня 1939 г. 1-й секретарь Новосибирского обкома Г.А.Борков просил "немедленно

арестовать" Ровинского). В 1957 г. Ровинский был директором кинотеатра в Симферополе и допрашивался по поводу своих прежних злодеяний в Сибири – но лишь как свидетель.

С начала февраля 1939 г. главным новосибирским чекистом был Григорий Иванович Кудрявцев. Он родился 8 сентября 1905 г. в Воронеже, в семье бывших крестьян. Отец оставил семью, когда Григорий был еще младенцем. Мать работала прачкой, а в 1919 г. умерла от тифа. Григорий работал "мальчиком" в кондитерской и парикмахерской, а в 17 лет устроился на паровозостроительный завод в Харькове. Затем он работал машинистом паровоза, в 1929 г. вступил в партию, а в 1934 г. как ударник-изготовец был выдвинут на партийную работу. К тому времени он три года проучился на рабфаке, а год спустя закончил первый курс металлургического техникума. В августе 1937 г. парторг механического цеха становится вторым, а с мая 1938 г. – первым секретарем Красногвардейского райкома ВКП(б) в Днепропетровске.

В начале 1939 г. Кудрявцева мобилизовали в НКВД, присвоили сразу звание майора госбезопасности и направили в Новосибирск. Если в 1939 г. чекисты области арестовали только 126 человек, то затем их аппетиты возросли и раскрытые повстанческие организации "посыпались" одна за другой. Но Кудрявцев перестарался. О массовой фабрикации дел и пытках узнали в Москве. Берия разогнал руководство УНКВД: преемник Гречухина по контрразведке Федор Николаевич Иванов ненадолго был даже арестован, а 22 апреля 1941 г. ЦК ВКП(б) утвердило снятие самого Кудрявцева³⁸.

Замещал Кудрявцева в 1939–1941 гг. Федор Михайлович Медведев – белорус, родившийся в 1909 г. в Гомельской губернии, сын кассира, расстрелянного немцами в 1918 г. Федор получил среднее образование, работал электриком, год служил в армии командиром танкового взвода, а с 1935 г. был на партработе – от завпарткабинетом до (февраль–август 1938 г.) секретаря парткома Нижнеднепровского вагоноремонтного завода. Затем он попал в отдел руководящих парторганов ЦК КП(б)У, с декабря учился в Высшей школе парторганов в Москве, а в январе–феврале 1939 г. был слушателем Центральной школы

НКВД. Окончив курс, Медведев получил звание старшего лейтенанта ГБ (майора) и прибыл в Новосибирск помощником, а с октября стал заместителем начальника УНКВД. В начале 1941 г. он возглавил УНКВД (после разделения ведомства на НКГБ и НКВД), но ненадолго. Ни медаль "За отвагу" (1940 г.), ни характеристика Кудрявцева, где говорилось, что этот "выдержанный коммунист ... вполне справляется с возложенными на него обязанностями и продолжает повышать свою оперативно-чекистскую квалификацию", не помогли: 26 апреля 1941 г. решением ЦК Медведев был снят с должности "как не справившийся с работой"³⁹.

Областное управление наркомата госбезопасности в апреле 1941 г. возглавил Михаил Фомич Ковшук-Бекман, 1898 г. рождения, имевший начальное образование. В 1919 г. он стал коммунистом, а в 1929 г. — начальником отдела Иркутского окружного ОГПУ. Во время чистки партии характеризовался как большой грубиян. В 1941 г. капитан ГБ Ковшук-Бекман являлся начальником 5 отдела 3 управления НКГБ СССР и, похоже, занимался там анализом настроений общества. Он работал в Новосибирске весь 1941 г., получил следующий чин и арестовал массу людей, в том числе руководство строительства Сибсельмаша, "молодежную террористическую группу", несколько "диверсионных организаций" в Кузбассе⁴⁰.

С 26 апреля по июль 1941 г. УНКВД по Новосибирской области возглавлял Георгий Петрович Кудинов, член РКП(б) с 1918 г., являвшийся до того начальником дорожно-транспортного отдела НКВД Орджоникидзеградской железной дороги. 2 июня 1941 г. помощник секретаря обкома Г. Пуговкина М. Косов жаловался шефу, что докладные записки майора Кудинова по своему содержанию почти ничем не отличаются от сообщений специального корреспондента газеты "Советская Сибирь", и приводил пример чекистской халтуры: "Трактор тракториста Поросенкова на второй день после выезда в поле встал на перетяжку", возмущаясь тем, что из докладной невозможно узнать ни причин поломки, ни даже названия МТС⁴¹. В июле 1941 г. два управления — НКГБ и НКВД — вновь слились в одно, и Кудинов, оставшись без работы, был куда-то отозван.

Заместителем Ковшука-Бекмана с июля 1941 г. работал Александр Иванович Воробин (26.11.1903-?). Родился в семье украинских рабочих, имел два класса образования, в партию вступил в 1926 г. С 1931 г. Воробин был секретарем ЦК ЛКСМУ, а с 1936 г. он сотрудник дорожно-транспортного отдела НКВД СССР: сначала помначальника отделения, а с 1938 г. — помначальника отдела Главного транспортного управления НКВД. С октября 1939 г. Воробин сменил Медведева на посту помощника начальника УНКВД по Новосибирской области, имея к тому времени орден “Знак Почета” (1936 г.) и знак почетного чекиста, полученный в ноябре 1937 г. Кстати, 5 января 1942 г. он получил партийный выговор за прием в органы своего родственника с замечательной фамилией Шкода, оказавшегося дезертиром⁴². В 1961 г. Воробину пришлось давать объяснения по поводу своего активного участия в репрессиях.

В 1941 г. заместителем начальника УНКВД по кадрам был Иван Петрович Деев, 1905 г. рождения, из крестьян, с начальным образованием. Выдвинулся в 1937 г., будучи оперуполномоченным отдела контрразведки. Высокий крепыш обладал свинцовыми кулаками и поэтому имел, с точки зрения начальства, великолепные “оперативные показатели”. С августа 1941 г. Деев руководил 2-м спецотделом УНКВД, был главным цензором, в 1943 г. получил орден “Знак Почета”. Часть военных лет он провел в Томске, где любил ходить на охоту с эвакуированным сыном Берии — Серго. В 1957 г. он сначала отрицал свое участие в пытках, а затем спокойно признал ... Срок давности уберег его от наказания⁴³.

С середины января 1942 г. начальником УНКВД (а с 1943 г. — УНКГБ) Новосибирской области был Леонид Андреевич Малинин — комиссар госбезопасности. Родился он в Новосибирске в октябре 1907 г. Сын железнодорожника, Малинин начинал с ремонтного рабочего, в 1931 г. вступил в ВКП(б). Обучаясь в Томском институте инженеров транспорта, он с 4 курса был взят в ОГПУ и в январе 1933 г. стал уполномоченным дорожно-транспортного отдела (ДТО) в Томске. С сентября 1935 г. Малинин учился в Центральной школе НКВД, а в январе 1937 г. прибыл из Москвы на пост начальника 1 отделения ДТО

НКВД Томской железной дороги. Этот отдел за девять месяцев арестовал 1335 “шпионов и террористов”, из которых к 1 октября 1937 г. было осуждено и расстреляно более 880 человек. В этом же году Малинин преподавал в Новосибирской межкраевой школе НКВД и досрочно получил звание младшего лейтенанта ГБ (соответствовало армейскому старшему лейтенанту) “за четкое выполнение приказов НКВД по разгрому врагов”.

В 1939 г. начальник ДТО А.П. Невский был расстрелян, его заместитель А.В. Шамарин снят с работы, а Малинин, активно пытавший арестованных, был спрятан начальством с глаз подальше. 1 апреля 1939 г. он уехал в Киев начальником ДТО НКВД Юго-Западной железной дороги, откуда менее чем через три года вновь вернулся в Новосибирск. Только в Томской области (она до августа 1944 г. входила в состав Новосибирской) за 1942–1944 гг. было арестовано по политическим обвинениям 1075 человек, из которых многие умерли в тюрьме, а 42 человека были расстреляны.

Партком УНКГБ и лично Малинин в марте 1944 г. особенно выделили деятельность четырех “лучших” следователей в следственном отделе УНКГБ, которые разоблачили: “антисоветскую молодежную группу”, три группы “террористов”, группу “церковников” и еще несколько “антисоветских групп”, “вредителя”, “диверсанта”, несколько “шпионов” и ряд “одиночек-антисоветчиков”. К недостаткам работы начальство относило “невнимательность” следователей, из-за чего в протоколах попадались перлы вроде: “Поэт Шевченко – националист” и “папа римский из Японии”. Сам Малинин 18 марта 1944 г. утверждал, что ими “разоблачены немецкие агенты, которые имели задание поджигать колхозы, амбары, скирды, разбивать МТС”. 9 октября того же года Малинин был назначен руководителем Тернопольского УНКГБ и отправился на Украину воевать уже не с придуманными террористами, а с широким антикоммунистическим подпольем⁴⁴.

Одной из самых зловещих фигур при Ковшук-Бекмане и Малинине был Сергей Иннокентьевич Плещов (05.11.1906–?), уроженец Иркутска, из рабочих, с начальным образованием и

редкой специальностью “мастер позолотного и переплетного дела”. С 1926 г. член ВКП(б). С августа 1928 г. — в контрразведке и особом отделе в Томске. Дослужившись до начальника отдела и замначальника Томского оперсектора, с мая 1935 г. возглавлял 1 и 4-е отделения особотдела СибВО, 1 отделение контрразведки, а с июля 1937 г. был помначальника СПО УНКВД по Новосибирской области. В апреле следующего года Плещцов стал начальником Сталинского горотдела НКВД, где вскрыл “крупнейшие право-троцкистские, шпионские и кулацкие контрреволюционные гнезда”. 4 марта 1939 г. он был утвержден начальником 2 спецотдела УНКВД, ведавшего перлюстрацией переписки населения и радиоперехватом. За усердие к началу войны он оказался отмеченным более чем десятком наград, включая знак почетного чекиста (1938 г.) и медаль “За отвагу”. С 11 марта 1941 г. старший лейтенант ГБ Плещцов был заместителем начальника УНКГБ-УНКВД в Новосибирске, а 15 июля 1942 г. решением ЦК ВКП(б) был переведен на аналогичную должность в УНКВД по Архангельской области⁴⁵.

Не меньшим палачом зарекомендовал себя и Андрей Васильевич Шамарин. Родился он в 1904 г. и к моменту своего вступления в партию в 1925 г. был работником органов ОГПУ в Сибири. В 1932 г., являясь оперуполномоченным особотдела Омского оперсектора, Шамарин получил маузер “за беспощадную борьбу с контрреволюцией”. Затем перешел в транспортный отдел и в 1937 г. был начальником оперпункта НКВД на станции Тайга, имея звание лейтенанта ГБ. В 1938 г. стал замначальника ДТО НКВД. За применение пыток он был снят с должности постановлением обкома от 21 апреля 1939 г.⁴⁶ В 1941 г. Шамарин “всплывает” в качестве начальника секретариата УНКВД, а 22 августа 1941 г. Новосибирский обком ВКП(б) утвердил его руководителем отдела контрразведки. После июля 1942 г. Шамарин становится замначальника УНКВД и работает в одной связке со своим бывшим подчиненным Малининым. В феврале 1943 г. он уезжает в УНКВД только что образованной Кемеровской области и долгое время является там начальником УНКВД-УМВД (и в 1948 г.), заработав звание комиссара ГБ.

Еще один заместитель Малинина – Сергей Ильич Корнильев, 1904 г. рождения, образование – начальное, с 1922 г. являвшийся цензором в Новосибирске, а с 1927 г. – заведующим пересыльным пунктом. В 1929 г. Корнильев был переведен в Ачинск, затем уволен из органов и в 1932 г. заведовал жилотделом на грандиозной стройке “Сибкомбайна”. Вскоре он снова попадает в ОГПУ и к 1938 г. становится начальником внутренней тюрьмы УНКВД, участвуя в расстрелах (например, 19 февраля 1938 г.) и активно помогая следователям провоцировать заключенных с целью сломать их волю и заставить признаться⁴⁷. В 1940 г. он – начальник тюремного отдела, носит “Красную Звезду”, полученную в декабре 1937 г., с 1942 г. – заместитель, а с 1943 г. – помощник начальника УНКВД НСО. 20 сентября 1943 г. Корнильев награждается орденом “Знак Почета”, а в следующем году становится подполковником госбезопасности. Заместителем начальника УНКВД–УНКГБ в 1943–1944 гг. был полковник Иван Дмитриевич Воронцов, награжденный за этот период орденами “Знак Почета” и Красной Звезды.

С октября 1944 г. госбезопасность Новосибирской области сосредотачивается в руках генерал-майора Петра Павловича Кондакова. Он родился в 1902 г. в селе Людиново современной Калужской области, подростком лишился отца – рабочего-железнодорожника, и с 1917 г., не закончив ремесленного училища, работал учеником электромонтера. В 1920 г. Кондаков становится большевиком, с 1922 г. – секретарь Заволжского РК ВЛКСМ в Ульяновской области, а в 1923 г. попадает в пограничные войска. Там он служил начальником пикета, участка, работал в штабе погранотряда. В 1927 г. Кондаков учился в Высшей пограншколе, а в 1938 г. – на курсах в школе усовершенствования командного состава войск НКВД. В декабре 1938 г. назначается руководителем УНКВД по Вологодской области, затем – по Ярославской, а после освобождения Смоленска в октябре 1943 г. командировается туда воссоздавать областное УНКГБ.

В Новосибирске Кондаков работал до марта 1948 г. и уехал потом на Северный Кавказ. Такой же фанатик террора, как и его предшественники, почетный чекист и депутат Верховного

Совета РСФСР, обладатель двух орденов Красного Знамени, орденов Красной Звезды, Отечественной войны 1 степени, Кондаков больше всего опасался "расслабленности" своего аппарата в послевоенное время, так как за годы войны в области чекисты не зафиксировали серьезных "антисоветских проявлений". Призывая сильнее бороться с врагами, он с горечью отмечал недостаточную "коммунистичность" своих подчиненных: "...Проходя мимо стоквартирного дома, можно получить камень в затылок или палками быть сбитым с ног. На зданиях наших домов пишутся фашистские знаки, мальпши - мальчики и девочки - ругаются матом. А ведь в этом доме живет в основном наш личный состав, живут коммунисты".

В 1953 г. Кондаков, возглавлявший МГБ Литвы, был снят Берией после того, как во время апрельской встречи с всеильным министром не смог дать компрометирующих сведений на руководство республики. Сам он рассказывал о том, как Берия "пришел в состояние озлобления и заявил, что я не министр, а чиновник в погонах, порученного мне участка не обеспечиваю ..." ⁴⁸ Других сведений о карьере Кондакова найти не удалось.

С августа 1947 г. по декабрь 1951 г. заместителем начальника областного УМГБ был генерал-майор Варлам Алексеевич Какучая, 1905 г. рождения. В годы войны являлся одним из трех заместителей П.А.Судоплатова в руководстве Особой группой НКВД, занимавшейся организацией диверсий в немецком тылу. Затем был переброшен на работу с "внутренними врагами". В 1950 г. награжден орденом Красного Знамени. Он был активным бериевцем, возвращенным Лаврентием Павловичем и канувшим вместе с ним в 1953 г. По крайней мере, восемь лет спустя он и еще 11 его коллег писали прошение XXII партсъезду из мордовского лагеря: "Мы были скованы партийным и служебным подчинением ... Почему покарали именно нас, небольшую группу чекистов?" Но просьба к съезду вернуть их "в ряды строителей коммунизма" осталась без ответа ⁴⁹.

После вторичного разделения НКВД в начале 1943 г. аппарат УНКВД-УМВД области, ведавший, в отличие от УНКГБ-УМГБ, тюрьмами, лагерями, спецпоселениями, милицией и т.д.,

до 1950 г. возглавлял генерал-майор ГБ Федор Павлович Петровский, 1907 г. рождения, имевший среднее образование и получивший в Новосибирске два ордена Красного Знамени и орден Красной Звезды. Количество уморенных при нем лагерников еще предстоит подсчитать. 31 июля 1946 г. он сообщил подчиненным о снятии с должностей за либерализм к политзаключенным начальника Новосибирского отделения УИТЛК М.А. Моргунова, парторга УИТЛК и двух начальников лагпунктов – они разрешали свидания “контрреволюционерам” и держали их вместе с другими заключенными, грубо нарушая инструкции ГУЛАГа. Петровский тогда же заявил: “Я вчера на бюро обкома приводил пример, когда из среды заключенных были вскрыты контрреволюционные и террористические группирования”. Свой аппарат он составил из скомпрометированных прямым воровством начальников и усердно защищал их при многочисленных проверках. Еще один штрих к биографии Петровского: в 1945 г. он по заданию наркомата более пяти месяцев провел с секретной миссией в Берлине⁵⁰.

Одним из заместителей Петровского был Никита Максимович Терентьев – крестьянский сын, родившийся в с.Ново-Покровка Иконниковского района Омской области. Большевик с 1920 г., он поступил в ЧК сразу после восстановления Советской власти в Сибири и руководил аппаратом ЧК пяти волостей в Калачинском уезде. С 1924 г. учился, окончил два курса рабфака, затем работал в ОГПУ Омска, а с конца 1930 г. переехал в Новосибирск – оперуполномоченным и начальником 1 отделения экономотдела ОГПУ. С 1936 г. Терентьев был замначальника отдела кадров УНКВД, одновременно являясь секретарем парткома – беспринципным и робеющим перед начальством. В 1937 г. этот лейтенант ГБ руководил сначала контрразведкой, а затем возглавил органы НКВД в Прокопьевске. В период чистки органов от самых отъявленных палачей Терентьев был уволен и находился на кадровой работе, благополучно избежав фронта. В 1942 г. его прогнали с должности начальника отдела кадров Кемеровского азотно-тукового завода с довольно анекдотической формулировкой: “за попытку изнасилования девушки-комсомолки”. Но уже в начале 1943 г. Терентьев вновь на посту на-

чальника 1 отделения экономотдела УНКВД, с мая руководит отделом по борьбе с бандитизмом, быстро "дорастает" до подполковника и в первой половине 1945 г. "за успешное выполнение специального задания правительства" награждается орденами Красного Знамени и Красной Звезды. В середине 40-х гг. Терентьев стал замначальника УМВД Новосибирской области, а в июне 1948 г. был откомандирован в другую область. Коллеги из УМГБ характеризовали его как "человека весьма ограниченного, низкой культуры, допускающего частые выпивки"⁵¹.

Сменивший Терентьева Георгий Сергеевич Жуков был личностью более крупного масштаба. Происходивший из крестьян он родился 5 марта 1907 г. в Петербурге, с 17 лет работал электромонтером, в 1928 г. вступил в ВКП(б) и занимался комсомольской работой, потом служил в армии, а с 7 февраля 1932 г. поступил в особый отдел Белорусского военokrуга. С 1936 г. Жуков был помощником, с 5 ноября 1937 г. — заместителем, а с 4 августа 1938 г. — начальником ДТО НКВД Западной железной дороги в Смоленске. С 4 мая 1939 г. находился в резерве, а с 25 июня 1939 г. стал начальником отделения в 4 отделе Второго (контрразведывательного) управления НКВД СССР. С 26 февраля 1941 г. он становится заместителем, а с 15 августа 1941 г. начальником этого отдела. В том же 1941 г. Жуков отбывает 20-суточный арест "за нарушения законности" в 1937—1938 гг. Одновременно с работой в контрразведке с августа 1941 по октябрь 1944 гг. является уполномоченным СНК СССР по иностранным союзным формированиям и уполномоченным Ставки ВГК по этим вопросам. С 12 мая 1943 г. возглавляет 7-й отдел Второго управления НКГБ СССР (за борьбу с контрреволюцией получил в феврале 1942 г. знак почетного чекиста). С июля по сентябрь 1944 г. — заместитель советского правительства в Польше (г. Люблин).

К тому времени Жуков закончил первый курс заочного факультета Академии им. М.В. Фрунзе, был комиссаром ГБ 3 ранга (генерал-лейтенантом), имел два ордена Красного Знамени за "охрану госбезопасности" и "выполнение особых заданий" (сентябрь 1943 и апрель 1944 гг.). В декабре 1943 г. он получил "Боевой крест" от чехословацкого правительства за помощь в

формировании чешских частей, а в сентябре 1944 г. — орден “Партизанской звезды” 1 степени от Югославского антифашистского веча — “за обеспечение боевых действий войск Тито”. Почему этот красавец-генерал, знавший польский и английский языки, покинул контрразведку и поехал в сибирскую ссылку, непонятно. Может, перестарался в 1937-м? Или повлият арест в 1939 г. за беззакония младшего брата, лейтенанта ГБ, осужденного на шесть лет, затем амнистированного и снова осужденного — в период работы замначальника милиции в Куйбышеве — уже на восемь лет за должностные преступления?..

Так или иначе, 19 сентября 1944 г. Жуков получил должность начальника спецпоселений УНКВД по Новосибирской области. В 1945 г. он характеризовался как “грамотный и культурный начальник”, добившийся хороших результатов в “оперативно-чекистской работе”. И действительно, только за последний квартал 1944 г. в области было репрессировано 115 немцев и калмыков. По указанию наркомата он регулярно выезжал инспектировать спецпоселения в УМВД Красноярского и Алтайского краев, Томской, Омской и Тюменской областей. За свои действия был удостоен ордена Красной Звезды, в 1948 г. стал заместителем начальника УМВД. А в декабре 1951 г. Жукова перевели в другую область⁵². Новым замначальника УМВД по оперативной работе стал М.И. Коновалов. Весной 1953 г., еще при Берии, Жукова возвращают в Москву в центральный аппарат МВД, но уже в середине 50-х годов он был исключен из партии и лишен генеральского звания.

Последними руководителями УМГБ по Новосибирской области сталинского периода являлись Павел Самсонович Мещанов (с 1948 г.) и Григорий Самсонович Коцупало (с 1951 по 1957 гг., затем сотрудник Управления кадров СО АН СССР). И генерал-майор Мещанов, и полковник Коцупало не гнушались привычных методов в борьбе с “врагами народа”. Так, в декабре 1950 г. по 10 лет за антисоветскую агитацию и “диверсионные намерения” получили арестованные за полгода до того рабочие Евгений Гауэр и Федор Рутковский. Погубили их доносы сексотов отдела охраны МГБ станции Инская В.О. Тица и О.И. Бур-

гардт. В том же году, кстати, связь УМГБ с Тицем “ была преврана как с провокатором”.

А 60-летний бывший партработник С.З. Куравский, старший преподаватель кафедры основ марксизма-ленинизма в Новосибирском институте военных инженеров транспорта, в марте 1951 г. был осужден на принудительное лечение и отправлен в Ленинград, в специальную психбольницу-тюрьму (реабилитирован только в декабре 1956 г.). Чекисты выследили, что Куравский в своих лекциях “выколачивал контрреволюционную сущность троцкизма, искажал отдельные положения марксистско-ленинской теории, принижал роль Сталина в Отечественной войне”⁵³.

Много хлопот начальству доставляли и подчиненные. В конце 40-х годов за хищение (и полное употребление!) трех тонн спирта с одного из заводов получил строгий выговор работник 5-го (оперативного) отдела П.А. Смердов, долго поивший драгоценной жидкостью сослуживцев и, особенно, начальство. В январе 1949 г. был переведен в другую область парторг УМГБ В.М. Кондратьев – за гомерическое пьянство. От исключения из партии его спасла, наверное, зафиксированная лестной характеристикой 1937 г. “непримиримость к врагам народа”⁵⁴.

В марте 1949 г. Мещанов сетовал на “элементы притупления бдительности, выразившиеся в излишней доверчивости к арестованным”. Коцупало в феврале 1953 г. с удовлетворением отмечал, что в связи с “разоблачением банды врачей-вредителей сигналов о вражеских проявлениях от населения поступает к нам значительно больше, чем раньше”. В июле того же года Коцупало заявил, что его аппарат “иногда занимается разработкой людей, не представляющих для органов интереса ... только лишь потому, что они высказывали когда-либо какие-то нелояльные настроения, и упускает наряду с этим действительных врагов партии и народа”. Одновременно он посетовал на то, что не создан “необходимый квалифицированный аппарат для борьбы с агентурой иноразведок и вражеским подпольем”, а значительное количество оперработников в Новосибирске и на периферии “имеют незначительное количество дел” и “не работают активно над выявлением и разоблачением врагов”. Вместе

с тем Коцупало отметил многочисленные факты фальсификации следственных дел и сообщил о наказании некоторых заслуженных чекистов, вроде старших офицеров З.М. Ключева и С.М. Заяринова – руководителей Кировского райотдела МГБ–МВД в Новосибирске. А через несколько месяцев Коцупало разнес начальника контрразведки И.Г. Курбатова за то, что 50 его подчиненных имели за 1953 г. “мизерные” результаты по выявлению врагов⁵⁵.

Этот очерк был бы вдвое насыщеннее, если бы не начавшееся осенью 1995 г. массовое засекречивание документов в Новосибирском облгосархиве. И вдесятеро скуднее, если бы в его основу легли лишь те материалы, которые доступны сегодня. Под предлогом защиты личной тайны сведения о тысячах палачей, действовавших в Сибири, отныне скрыты на 75 лет. Грубо нарушая закон о государственной тайне, а также закон, предписывавший рассекретить все материалы о политических репрессиях и их виновниках, современные наследники ВЧК–КГБ запрещают выдавать исследователям не только документы своего ведомства, но и материалы о его деятельности, отложившиеся в фондах партийных и государственных органов. Местное управление ФСБ откровенно саботировало указ Президента передать в открытые архивы свои документы, потерявшие оперативное значение. Написание правдивой истории коммунистического террора отодвигается на неизвестное время. Нам снова пытаются навязать придуманную историю, забывая старую истину: нет ничего тайного, что потом не стало бы явным.

За помощь при подготовке статьи выражаю искреннюю признательность докт. ист. наук С.А. Красильникову и канд. ист. наук С.А. Папкову.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ГАНО (Государственный архив Новосибирской области), ф. П-1, оп. 2, д. 83, л. 8, 11; д. 412, л. 38; д. 19, л. 82; д. 161, л. 241; д. 163, л. 104–108; Минувшее. М., 1990. Вып. 1. С. 143.

² Там же, ф. П-1204, оп. 1, д. 2, л. 110; ф. 1096, оп. 1, д. 295, л. 86; ф. 1020, оп. 2, д. 951, л. 197; ф. П-10, оп. 1, д. 510, л. 87–99.

- ³ Там же, ф. П-1024, оп. 1, д. 15, л. 122-123, 74; ф. П-1, оп. 8, д. 333, л. 506, 11; ф. П-2, оп. 6, д. 219, л. 9; Гинзбург Е.С. Крутой маршрут. М., 1990. С. 33, 34, 56, 57.
- ⁴ Там же, ф. П-2, оп. 2, д. 44, л. 28-30; ф. П-3, оп. 15, д. 5439, л. 8; ф. П-1, оп. 2, д. 258, л. 117; ф. 20, оп. 2, д. 55, л. 51.
- ⁵ *Источники*. 1996. № 3. С. 164.
- ⁶ *Исторический архив*. 1995. № 3. С. 156, 159.
- ⁷ ГАНО, ф. П-1204, оп. 1, д. 1, л. 45; ф. 1, оп. 2, д. 19, л. 1; ф. 20, оп. 2, д. 4 л. 68.
- ⁸ Там же, ф. П-1, оп. 2, д. 408, л. 5, 12-16; ф. П-2, оп. 2, д. 17, л. 193, 200.
- ⁹ Там же, ф. 1027, оп. 1, д. 92, т.2, л. 110; ф. 1061, оп. 1, д. 29, л. 31; ф. 20, оп. 2, д. 55, л. 205.
- ¹⁰ *Советская Сибирь*. 1937. 12 сентября; Мельгунов С.П. Красный террор в России. 1918-1923. М., 1990. С. 145, 182, 183.
- ¹¹ ГАНО, ф. П-2, оп. 2, д. 228, л. 11; ф. П-1204, оп. 1, д. 4, л. 57, 151; д. 18, л. 254.
- ¹² Там же, ф. 47, д. 148, л. 61; Ваксберг А.И. Нераскрытые тайны. М., 1993. С. 141.
- ¹³ ГАНО, ф. П-2, оп. 6, д. 297, л. 1-5.
- ¹⁴ Там же, ф. П-6, оп. 1, д. 660, л. 87, 88.
- ¹⁵ Там же, ф. 47, оп. 1, д. 122, л. 233.
- ¹⁶ Там же, л. 250; ф. П-3, оп. 15, д. 10132, л. 1, 2.
- ¹⁷ Там же, ф. П-3, оп. 15, д. 5766, л. 1-3; Берия. Конец карьеры. М., 1991. С. 313, 69.
- ¹⁸ ГАНО, ф. 1061, оп. 1, д. 11, л. 67, 93; д. 29, л. 3, 16; ф. 1027, оп. 8, д. 23, л. 5, д. 31, л. 70; д. 39, л. 59.
- ¹⁹ Там же, ф. П-3, оп. 15, д. 277, л. 1-4; оп. 2, д. 411, л. 212, 210.
- ²⁰ *Коммунист*. Вильнюс. 1988. № 4. С. 57, ГАНО, ф. 911, оп. 1, д. 8, л. 43.
- ²¹ ГАНО, ф. 911, оп. 1, д. 8, л. 37; *Звенья*. Вып. 1. М., 1991. С. 358.
- ²² ГАНО, ф. П-3, оп. 15, д. 2979, л. 1, 2.
- ²³ Там же, ф. 47, оп. 5, д. 120, л. 80-83.
- ²⁴ Там же, ф. П-1024, оп. 1, д. 22, л. 35, 36об; д. 104, л. 26об; *Архивы Кремля и Старой Площади. Документы по "Делу КПСС"*. Новосибирск, 1995. С. 20; Васильева Л. Кремлевские жены. М., 1992. С. 172.
- ²⁵ ГАНО, ф. П-4, оп. 34, д. 19, л. 71; ф. П-1204, оп. 1, д. 138, л. 46.
- ²⁶ *Арестова Л. Без всякой вины// Человек и закон*. 1992. № 3. С. 29.
- ²⁷ ГАНО, ф. П-3, оп. 15, д. 13507, л. 1-3; ф. П-460, оп. 1, д. 2, л. 4.
- ²⁸ Там же, ф. П-3, оп. 15, д. 11239, л. 1-6; ф. П-460, оп. 1, д. 2, л. 8-10; *Архивы Кремля и Старой Площади...* С. 20.
- ²⁹ *Алтайская правда*. 1937. 20 ноября; ф. П-1204, оп. 1, д. 15, л. 86; д. 138, л. 41, 42, 48.
- ³⁰ ГАНО, ф. п-4, оп. 18, д. 2482, л. 1-9; Альбац Е. Мина замедленного действия. М., 1992. С. 325.
- ³¹ ГАНО, ф. П-4, оп. 34, д. 26, л. 14; д. 78, л. 5; оп. 33, д. 3, л. 145; ф. 1020, оп. 4а, д. 5, л. 290; ф. П-1204, оп. 1, д. 104, л. 55.
- ³² Там же, ф. П-3, оп. 15, д. 4011, л. 1-3.

- ³³ Там же, ф. 1027, оп. 8, д. 39, л. 17, 21, 24, 40, 52, 57, 59; д. 43, л. 1, 5, 6, 11, 26, 27, 31.
- ³⁴ Там же, ф. П-4, оп. 18, д. 7577, л. 1-7; ф. 47, оп. 1, д. 122, л. 236.
- ³⁵ Там же, ф. П-460, оп. 1, д. 7, л. 32, 39; д. 6, л. 65.
- ³⁶ Там же, ф. П-3, оп. 15, д. 14496, л. 1-4.
- ³⁷ Там же, ф. 1027, оп. 10, д. 13, л. 13; ф. П-4, оп. 34, д. 74, л. 144.
- ³⁸ Там же, ф. П-4, оп. 18, д. 6328, л. 1-6; оп. 34, д. 125, л. 43-46; ф. 20, оп. 1, д. 259, л. 30.
- ³⁹ Там же, ф. П-4, оп. 18, д. 7906.
- ⁴⁰ Там же, ф. П-6, оп. 1, д. 934, л. 15; ф. П-4, оп. 34, д. 125, л. 34; оп. 18, д. 5321.
- ⁴¹ Там же, ф. П-4, оп. 18, д. 6356; оп. 34, д. 125, л. 216-217.
- ⁴² Там же, ф. П-4, оп. 18, д. 2012, л. 1-7.
- ⁴³ Там же, ф. П-460; оп. 1, д. 2, л. 142; Маскина Н. Заложники у времени// Красное знамя. Томск, 1989. 23 августа.
- ⁴⁴ ГАНО, ф. П-460, оп. 1, д. 2, л. 49; д. 7, л. 35; ф. П-4, оп. 34, д. 15, л. 13; Урманов В. Как это было ... Томск, 1995. С. 99, 126; ГАНО, ф. П-460, оп. 1, д. 23, л. 48.
- ⁴⁵ ГАНО, ф. П-4, оп. 18, д. 9366, л. 1-7.
- ⁴⁶ Там же, ф. П-460, оп. 1, д. 7, л. 23, 35.
- ⁴⁷ Там же, ф. 1027, оп. 10, д. 13, л. 19; ф. П-4, оп. 34, д. 74, л. 159.
- ⁴⁸ Там же, ф. 1020, оп. 1, д. 1054, л. 48; ф. П-460, оп. 1, д. 39, л. 76, 82; д. 33, л. 85; Берня. Конец Карьеры ... С. 408.
- ⁴⁹ Ваксберг А.М. Нераскрытые тайны ... С. 154.
- ⁵⁰ ГАНО, ф. П-1024, оп. 1, д. 45, л. 216.
- ⁵¹ Там же, ф. П-3, оп. 15, д. 17133, л. 1-4; ф. П-4, оп. 34, д. 233, л. 179, 180.
- ⁵² Там же, оп. 59, д. 1286, л. 1-17.
- ⁵³ Там же, ф. 1027, оп. 9, д. 81, л. 231, 232, 242.
- ⁵⁴ Там же; ф. П-460, оп. 1, д. 58, л. 67; д. 2, л. 163.
- ⁵⁵ Там же, д. 58, л. 26, 20; д. 77, л. 156, 160, 182, 183, 187, 196-198.

С.С. Букин

НОРИЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1953 г.: ВЕРСИЯ НЕМЕЦКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ*

Восстание в лагерях Норильска принадлежит к числу наиболее значительных событий, потрясших основы гулаговской системы. Оно явилось непосредственным отражением той социально-психологической атмосферы, которая сложилась в лагерных зонах после смерти Сталина. Уход из жизни диктатора был воспринят политическими заключенными как поворотный пункт в собственной судьбе. Во многих сердцах вспыхнула надежда на справедливый пересмотр судебного дела, скорое освобождение. Эти ожидания подпитывались слухами, поступающими из Москвы, о возможном смягчении жесткого репрессивного режима.

Однако уже первая амнистия, провозглашенная Л.П. Берией 27 марта 1953 г., вызвала горькое разочарование в среде политических заключенных. Она распространялась только на уголовных преступников и не затрагивала осужденных по 58-й статье. Это обстоятельство в сочетании с нарастающими тяготами и лишениями повседневной лагерной жизни создало чрезвычайно напряженную обстановку в зонах. Даже малосущественный повод, став зажигательной искрой, мог вызвать массовый взрыв возмущения.

Среди лагерных контингентов находилось немало подданных иностранных государств. Как правило, это были интернированные и военнопленные, осужденные военными трибуналами в 1948/49 гг. и направленные в северные лагеря. Массовые репрессии против них развернулись три года спустя после окончания войны и вызывались, очевидно, вполне конкретной причиной. Советский Союз, приступив, как и другие страны антигитлеровской коалиции, к репатриации военнопленных, стре-

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. (Проект 96-01-00135).

мился, однако, сохранить обширные контингенты дармовой рабочей силы. По всем лагерям прошли судебные “экспресс-процессы”, в ходе которых военнопленные превращались в “военных преступников”. Об этих судах сохранился большой комплекс воспоминаний, которые сводятся к одной общей сюжетной канве.

“Поведение КГБ было нам вначале неясным. Какую цель преследовали господа с их вопросами? Среди прочего хотели мучители знать, в каком соединении служил допрашиваемый и где он воевал в России? Затем неожиданно задавался вопрос: “Как вы обеспечивались, если не действовал подвоз продовольствия в ваше соединение?” Безобидный ответ в большинстве случаев гласил: “Что еще нам оставалось делать, как не реквизировать в деревнях продукты питания, свиней, птицу и т.д.”. После этого офицер, ведущий допрос, делал краткое заключение: “Вы расхищали социалистическую собственность. За это по советским законам положено наказание от 10 до 20 лет. В связи с этим осуждаем вас к стольким-то годам лишения свободы” Эти быстрые гротескные процессы стали моментально известны в лагерях, так что “вторая волна” допрашиваемых старалась отвечать более ловко. Но и из них многие остались в сетях советских “законников”¹.

Попав на сибирский Север, эти люди не стали непосредственными участниками акций протеста, но явились их внимательными наблюдателями. После возвращения на Родину во второй половине 50-х гг. многие из них подготовили подробные воспоминания об увиденном и пережитом в Сибири. В ФРГ сбором подобных мемуаров занималась специальная научная комиссия историков, созданная решением правительства в 1956 г. Итогом ее деятельности стала многотомная “История немецких военнопленных второй мировой войны”, а также огромный комплекс неопубликованных источников². В настоящей статье на основе этих практически неизвестных в России материалов предпринята попытка раскрыть истоки, ход и подавление Норильского восстания 1953 г.

Следует, однако, сразу заметить, что отдельные воспоминания рисуют лишь самую общую картину событий или раскры-

вают только частные эпизоды, происшедшие в том или ином лагере. Их авторы, к сожалению, очень редко высказывают собственное отношение к происходившему и концентрируют внимание, прежде всего, на описании конкретных фактов. Вот как, например, звучит одно из таких воспоминаний: "Наступил месяц май 1953 г. В это время и начались организованные преимущественно западными украинцами забастовки и восстания во всех лагерях Горлага. Одновременно прекратили работу около 25 тыс. заключенных и потребовали комиссию из Москвы. Все лагеря были окружены войсками НКВД, намечены линии огня, в Москву отправлен запрос о разрешении применить оружие. Первоначально Москва не дала такого разрешения. Действительно прибыла комиссия, в которую входили представители генеральной прокуратуры Советского Союза, ЦК КПСС, правительства, генералы и другие. Некоторые требования заключенных были приняты, в том числе освобождение от наказания руководителей стачки. Работа снова должна была возобновиться. Но тут арестовали предводителей. В лагерных зонах были расстреляны заключенные, что привело к открытому восстанию. Черные флаги на самых высоких зданиях, листовки против советского правительства, вооружение заключенных ножами, пиками, камнями и т.д. Это было как раз в июне, т.е. в то же самое время, что и в Восточной Германии³. Но правительство вначале не давало разрешения войскам открыть огонь. Правда, стреляли и расстреливали, но в ограниченных размерах.

Поочередно в большинстве лагерей восстание было ликвидировано. И только в лагере № 3 не наступало спокойствие. После почти трехмесячного восстания пришел приказ из Москвы применить оружие. Заключенным лагеря № 3 был передан короткий ультиматум и затем начался штурм. Вооруженные автоматами солдаты ворвались в зону и открыли огонь. Одновременно велась стрельба из пулеметов, установленных за пределами лагеря. Итог — несколько сотен убитых и сотни раненых. Так закончилось первое восстание в Советской России. После Норильска произошли восстания еще в шести различных местах, в том числе в Воркуте и Кенгире (Средняя Азия). После

этих восстаний положение во всех лагерях значительно улучшилось"⁴.

Несмотря на иллюстративность этих воспоминаний, их сопоставление позволяет довольно четко раскрыть конкретные причины и ход Норильского восстания, требования участников, его кровавое подавление силой оружия. Взгляд со стороны бывших немецких военнопленных, которые долгие годы провели в сталинских лагерях, изучили русский язык и неплохо ориентировались в обстановке, несомненно обогатит наше знание об этом восстании.

Норильские события начались 7 мая 1953 г. и продолжались до августа включительно, всего около 100 дней. Источником волнений стал специальный лагерь № 5, расположенный в северной части Норильска. Весной 1953 г. в нем находились несколько тысяч заключенных, в том числе сотни иностранцев: немцев, венгров, итальянцев, японцев.

Организаторами восстания стали выходцы из Западной Украины — вероятно, националисты, оказывавшие вооруженное сопротивление установлению там Советской власти. Ранее они содержались в каторжном лагере в Караганде, где также оказались замешаны в одной из акций протеста и отправлены на Норильский Север. В воспоминаниях не называются их имена, однако подчеркивается сплоченность, решительность и смелость этих людей. Именно они встали во главе восстания.

Однажды ночью, вскоре после прибытия украинской группы, в лагере № 5 были убиты четверо заключенных, которые считались доносчиками и агентами лагерной администрации. Орудием убийства послужила кирка, тайно пронесенная в жилую зону, несмотря на тщательный обыск, который ежедневно проводился при входе. Организаторов и исполнителей акции установить не удалось. Данный случай имел далеко идущие последствия. Он ослабил контроль администрации над внутрилагерной жизнью, нагнал страх на еще неразоблаченных доносчиков, которые затаились и не рисковали выйти на контакт с оперуполномоченным.

Контингент лагеря № 5 трудился преимущественно на строительстве шестиэтажного комплекса зданий неподалеку от жилой зоны. Сама она была окружена двойным забором из колючей проволоки, его внешняя часть имела высоту 4 м, а внутренняя — 1,7 м. Юго-западная сторона ограждения непосредственно граничила с кирпичным заводом. Охрана патрулировала пространство между внутренним и внешним рядами колючей проволоки, которое считалось запретной зоной.

На строительных работах были заняты также политические заключенные из лагеря № 4 и женского лагеря № 6. Пытаясь установить контакты друг с другом, они применяли такой способ “почтового сообщения”. Записки привязывались веревками к камням, которые перебрасывались через забор из колючей проволоки. Хотя такие действия были запрещены, охрана не придавала им особого значения. Но чтобы избежать возможного наказания, заключенные перебрасывали камни не поодиночке, а группой, ибо в таком случае не оказывалось конкретного виновника.

Искрой, воспламенившей восстание, стало происшествие, случившееся во время этого обыденного обмена информацией. 7 мая в полдень, как обычно, многие заключенные лагеря № 5 бросали привязанные к камням записки женщинам, которые работали на кирпичном заводе. Ответы следовали тем же способом. Но поскольку женские броски были недостаточно сильны, то часть камней падала в запретную зону, между рядами колючей проволоки. Мужчины пытались руками и при помощи палок пододвинуть их себе. Возникла сутолока, что побудило одного из постовых отдать приказ: “Отступить от забора”. Однако некоторые заключенные не обратили на эту команду внимания и продолжали спокойно вытаскивать камни с записками. Надсмотрщик приблизился к ним. В этот момент один из заключенных просунул палку через проволоку, чтобы подкатить камень. Постовой вытащил пистолет, выстрелил и ранил его в руку.

Заключенные сбежали и склонились над раненым. Чтобы рассеять их, охрана несколько раз выстрелила в воздух. Однако это не помогло. Тогда был произведен новый залп, но уже в

землю. Ранение получил еще один заключенный. Лишь после этого охваченные гневом люди разошлись.

В тот же день в лагере № 5 была объявлена всеобщая забастовка. Власти пытались утихомирить ее участников. С ними вели переговоры представители руководства Норильского горнометаллургического комбината и управления Горлага. Однако они не привели к конкретным результатам и лишь усилили ожесточение. Забастовщики требовали комиссию из Москвы. 14 мая 1953 г. на встречу с ними и для разбора ситуации из центра прибыл генерал-майор МВД.

Ему был передан список требований. В различных воспоминаниях они несколько разнятся между собой, но, суммируя их, можно представить следующую картину:

1. Распространение амнистии на политических заключенных.

2. Введение восьмичасового рабочего дня (вместо обычных 12–13 часов работы, включая время в пути).

3. Улучшение условий труда и устранение “привилегированных” рабочих мест.

4. Введение точной и строго контролируемой системы бухгалтерского учета для комбината и его подразделений.

5. Безусловное прекращение дискриминации национальных меньшинств.

6. Смещение коменданта лагеря.

7. Снять номера с одежды заключенных.

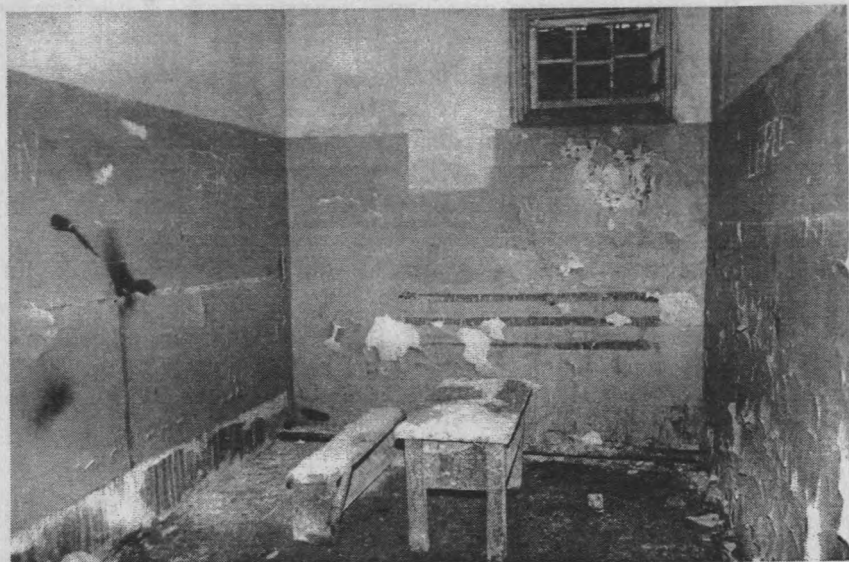
8. Убрать решетки с окон барakov и других жилых помещений.

9. Прекратить заковывать заключенных в цепи.

10. Выплачивать не менее 450 рублей заработной платы ежемесячно и повысить размер денежной суммы, которую разрешено переводить домой.

11. Разрешение чаще писать письма родным (ранее заключенные могли отправить почту только два раза в год).

12. Предоставление права избирать своих представителей для улаживания конфликтов с лагерной администрацией.

Коларгон. ШИЗО.

Фото В. Камышева.

Эти требования не только касались экономического и бытового положения заключенных, но и затрагивали основы гугаговской системы. В них отчетливо звучало стремление отстоять свое человеческое достоинство. Ясно проявился первоначальный протест против крайностей лагерного режима, что выразилось в требовании навести порядок в учете затраченного труда, его оплате, распределении продовольствия, одежды, обуви.

После передачи списка требований в руки представителей МВД лагерь № 5 16 мая 1953 г. снова вышел на работу. Но когда 20 мая часть коллектива одного из отрядов была выведена из лагеря и отправлена к новому месту заключения, забастовка с еще большим ожесточением вспыхнула вновь.

Уже в первые дни об акции протеста стало известно в соседних лагерях. Между ними существовала хорошо налаженная связь, которая осуществлялась преимущественно через вольно-

наемных. Первыми о своей солидарности заявили женщины из лагеря № 6, объявив 8 мая 1953 г. забастовку поддержки и двухнедельную голодовку. Затем события перекинулись на лагерь № 4, а также режимные лагеря 1, 2 и 3. К началу июня не выходили на работу в целом более двадцати тысяч заключенных.

Первоначально руководство МВД попыталось применить такой испытанный метод борьбы с политическими как засылка групп уголовников во взбунтовавшиеся лагеря, чтобы насильем и террором подавить их волю к сопротивлению. Но эта попытка разбилась о сплоченность политических заключенных. В лагере № 2 по решению стачечного комитета была проведена ликвидация блатных и ночью заколоты ножами шестеро из них, а остальные спешно покинули зону. Вместе с уголовными элементами территорию лагерей были вынуждены оставить аппарат управления и охрана. Власть полностью перешла в руки заключенных.

Решениями стачечных комитетов выявленные доносчики и отказавшиеся примкнуть к забастовке были заперты в изоляторах. У лагерных ворот, а также у продовольственного склада, кухни, больницы и других объектов выставлены посты. Широко развернулась подготовка вооруженного сопротивления. В зонах изготавливались ножи, пики, кинжалы, бутылки с зажигательной смесью, заполнялись бензином канистры, строились баррикады. Готовились даже наступательные действия, в том числе захват строго охраняемых норильской радиостанции и электростанции.

Во всех лагерях регулярно проходили собрания, на которых обсуждались и разъяснялись цели и программа забастовки. Чтобы привлечь внимание жителей Норильска и вызвать чувство поддержки у них, запускались воздушные змеи и шары с листовками, в которых излагались требования восставших. Во всех лагерях были вывешены черные флаги как знак забастовки.

Готовилась и противоборствующая сторона. По радио заключенные регулярно призывались к работе, обещалось, что организаторы забастовки и ее активисты не понесут наказания.

Коларгон. ШИЗО.
Фото В. Камышева.

Прокурор и генералы МВД предпринимали неоднократные попытки начать переговоры, но они оказались безуспешными.

Одновременно самолетами из Красноярска в район Норильска в спешном порядке стали перебрасываться воинские соединения. Все лагеря были охвачены двойным или тройным вооруженным кольцом. Велась подготовка к штурму. И первый удар был обрушен на женский лагерь № 6, в котором находилось около 3 тыс. человек.

10 июля они узнали, что прибыли воинские подразделения из Красноярска. Перед местными солдатами женщины не испытывали страха. Многие из норильских военнослужащих имели "лагерную жену", иногда даже нажитого с ней ребенка, и поэтому не вызывали доверия у руководства. Красноярские же соединения подверглись тщательной идеологической обработке против взбунтовавшихся "врагов народа".

11 июля вооруженные солдаты заняли вход и подъезд к лагерю. Вечером от женщины потребовали покинуть его территорию. Ответом стал взрыв негодования. Тысячи проклятий неслись в сторону солдат. Рядом с лагерем собралась большая толпа жителей Норильска, которые открыто выражали свои симпатии забастовщикам и протест по отношению к властям. И так продолжалось до четырех часов утра. В течение всей ночи женщины настойчиво призывались выйти за пределы зоны. В 4 час. 30 мин. начался штурм. Вооруженные дубинками, пожарными топорами и саперными лопатками солдаты ворвались в лагерь. Силы были неравны, и ожесточенное сопротивление подавлялось беспощадно. 30 женщин были убиты и около 80 получили тяжелые ранения. Выгнанные за территорию лагеря сразу же подверглись тщательной сортировке. Предполагаемые активистки были отправлены в норильскую тюрьму.

Затем настала очередь мужских лагерей. С применением огнестрельного оружия была подавлена забастовка в режимных лагерях № 1, 4 и 5. Около 60 заключенных были убиты. Члены стачечных комитетов, другие организаторы волнений направлены в спешно созданный специальный штрафной лагерь для проведения расследования.

Бескровно закончились события только в режимном лагере № 2, который находился на расстоянии 30 км от Норильска. Благодаря умело распространенной дезинформации о том, что забастовка в других лагерях уже добровольно прекращена, а также проведению некоторых мероприятий по улучшению условий труда и быта заключенных, удалось сломить их волю к сопротивлению. Свыше 80 наиболее активных забастовщиков были арестованы, а остальные приступили к работе.

Наиболее драматично развивались события в лагере № 3. Более 1000 солдат, прибывших из Красноярска, 3 августа полностью блокировали его территорию. 4 августа в 3 часа утра по громкоговорителю был передан ультиматум: в течение пятнадцати минут всем покинуть зону. Заключенные отклонили это требование и, заняв наиболее важные места, приготовились к сопротивлению. После обстрела были взломаны лагерные ворота и на территорию ворвались солдаты, открыв беспорядочный

огонь из автоматов. Около 120 заключенных были убиты и 200 тяжело ранены. После подавления сопротивления началось тщательное "просеивание" у центрального входа, которое продолжалось до 18 часов. Для отобранных 500 "зачинщиков" тут же организовали скорую расправу. Их прогнали через строй солдат, вооруженных штыками и дубинками. Во время этой экзекуции погибли не менее 50 человек.

В целом норильские события продолжались около трех месяцев. Они перекидывались из лагеря в лагерь, затухая на время и воспламеняясь с новой силой. Органы власти первоначально пытались избежать насилия. С забастовщиками вели переговоры представители ЦК КПСС, генеральной прокуратуры СССР, высокопоставленные чиновники МВД. Предпринимались активные действия, чтобы не допустить распространение стачки на весь норильский регион, ибо перебои в поставках никеля, кобальта, меди могли бы отразиться на советской оборонной промышленности. Вероятно, это обстоятельство послужило основанием для решения о применении оружия.

Однако жестоко подавленное норильское восстание, наряду с восстаниями в Воркуте, Кенгире и других местах, нанесло ощутимый удар по всей гулаговской системе. Советское правительство было вынуждено приступить к ее реформированию. Наиболее существенным результатом стало преобразование государственных режимных лагерей в обычные исправительно-трудовые колонии с их специфическими условиями распорядка, труда и быта. Заключенных перестали по ночам запирают в бараках, с окон были убраны решетки, а с одежды сняты номера⁵. Они получили право ежемесячно отправлять одно письмо домой вместо двух писем в год. При условии выполнения норм и отсутствии нарушений режима стали допускаться посещения родственников, для чего в зонах приступили к строительству помещений гостиничного типа. До 300 рублей вместо 100 повышалась денежная сумма, которую разрешалось использовать на личные цели. Лучшим рабочим начали в течение года предоставляться трехнедельные отпуска внутри лагеря. Его персоналу запрещалось нецензурно выражаться по отношению к заклю-

ченным и другими способами оскорблять их человеческое достоинство. Им предоставлялось право обращаться с письменными жалобами в самые высокие партийные и государственные органы, причем ответ должен был последовать в любом случае. При подаче жалобы принимающей инстанцией выдавалась заверенная квитанция. Важным результатом стало распространение так называемой системы зачета. При выполнении производственной нормы от 100 до 130 % один день срока засчитывался за два, а при превышении 130 % – за три. Досрочное освобождение практиковалось и ранее, но оно выдавалось за “акт милосердия” советской юстиции. Теперь же для него создавалась определенная правовая предпосылка.

По сути была реализована программа-минимум требований, которые выдвигали восставшие. В некоторых воспоминаниях немцев-узников сталинских лагерей ставится принципиальный вопрос о том, явилось ли существенное смягчение лагерного режима результатом борьбы заключенных или она лишь совпала по срокам с проведением уже разработанной и запланированной реформы? Бывшие военнопленные-очевидцы событий склоняются ко второй версии, считая, что реформирование гулаговской системы к тому времени стояло на повестке дня. В качестве определяющей причины подчеркивается низкая эффективность принудительного труда, которую начало осознавать советское руководство. Вместе с тем было бы неправомерным недооценивать воздействие акций протеста в лагерях на изменение тоталитарного режима. Хрущевская критика культа личности Сталина и реабилитация репрессированных явились не только итогом политических и экономических расчетов, но и результатом ожесточенного сопротивления заключенных.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ D. Bach, Y. Leyendecker. Ich habe geweint vor Hunger. Deutsche und russische Kriegsgefangene in Lagern des zweiten Weltkrieges. Wuppertal, 1993. S. 88–90. (Я плакал от голода. Немецкие и русские военнопленные в лагерях второй мировой войны).

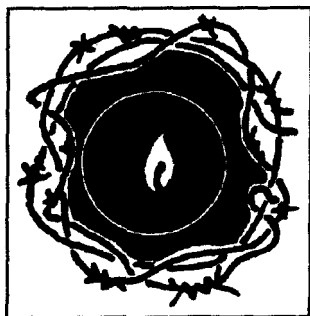
² Основная масса воспоминаний немецких военнопленных о событиях в советских режимных лагерях сосредоточена в пятом томе этой истории, состоящем из трех книг. *Deutsche in Straflagern und Gefangnissen der Sowjetunion. Von Kurt Varens. Band 5/1, 5/2, 5/3. Munchen, 1965.* (Немцы в штрафных лагерях и тюрьмах Советского Союза).

³ Имеется в виду восстание в Восточном Берлине в июне 1953 г.

⁴ *K. Varens. B. 5/2. S. 198-199.*

⁵ Поступавшие в Норильск заключенные получали номера в соответствии с буквами русского алфавита: А-001 до А-999, затем Б-001 до Б-999 и т.д. Иностранцы обозначались преимущественно буквой О, начиная с О-001.

ДОКУМЕНТЫ

ГОЛОД НА ЮГЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1931—1932 гг.

Жертвы голода 30-х годов в СССР определяются сегодня в 7 млн человек. Это было прямое следствие разорения крестьянства в результате коллективизации. Заявление И.В. Сталина в июне 1931 г. о том, что в стране преодолена массовая нищета, и крестьянам предоставлена наконец “возможность жить и работать по-человечески”¹, оказалось прямо противоположным действительности.

Четыре неурожайных года подряд, начиная с 1929 г., когда крестьяне края не смогли собрать даже необходимое им самим количество зерна, и одновременно изъятие всего продовольствия, имеющегося в деревне. Колхозы попали в полную зависимость от государства, став его постоянным должником, так как не могли обходиться без семенной, продовольственной и фуражной ссуды. Складывалась парадоксальная ситуация: “выкачивался” весь хлеб, чтобы потом выдавать часть его на посев, на поддержку (далеко не всегда) умирающим от голода. Положение одиночных хозяйств идентично: полное бесправие, а отнятие хлеба еще более бесцеремонное. Документально это выглядит так (пример приводится по селу Борково Мамонтовского района): “По инициативе секретаря ячейки т. Паневина была организована облава, в которой принимали участие члены партии, комсомольцы, сельисполнители и осодмильцы, которые ездили по пашням с оружием (обрезами) и отбирали у одиночников административно хлеб, ловили с хлебом мужиков в бору. Секретарь ячейки заявил: “Как бы ни работать, лишь бы хлеб взять”². Списать вину за подобные действия только на партийно-советских руководителей в сельской местности невозможно. Они были исполнителями установок краевого центра. Новосибирск же выполнял директивы Москвы, которые шли секретарю крайкома партии Р.И. Эйхе и председателю крайис-

полкома Ф.П.Грядинскому непосредственно от генерального секретаря ЦК ВКП(б) И.В.Сталина и председателя Совнаркома СССР В.М.Молотова.

Выступая в феврале 1931 г. на I краевом съезде Советов, Грядинский объяснял суть политики хлебозаготовок: "Мы проводили ряд мероприятий, которые сводились к тому, чтобы всей силой пролетарской диктатуры нанести удар капиталистическому классу в деревне". И далее сообщил об очередной директиве ЦК, требующей дополнительно 7 млн пудов. Для этого предполагалось "бросить все силы" в деревню, чтобы за два месяца выполнить "хлебозаготовительный план, не останавливаясь перед тем, чтобы невыполняющих задания партии жестоко карать, вплоть до отдания суду, снятия с постов и т.д."³.

Современные историки неверно определяют начальное время массового голода в Западной Сибири. Они считают, что он разразился с осени 1932 г.⁴ Ошибка кроется в том, что, исходя из общего представления о голоде в основных житницах страны, Западная Сибирь особо не выделялась. Трагедия же здесь началась на год раньше, осенью 1931 г.

О масштабах засухи летом 1931 г. можно судить по сведениям, поступавшим в Новосибирск из южных районов края. Например, из Волчихи сообщали, что с начала лета непрерывно стояла жара, не опускавшаяся ниже +38° и доходившая до +45°. Неудивительно, что на значительной части посевных площадей совершенно не было всходов (в Волчихинском районе не взошло более четверти посевов пшеницы), а на остальной не собрали посеянного хлеба⁵. Осенью 1931 г. Эйхе докладывал Сталину: "Западные и юго-западные районы края, наиболее товарные, пострадали от неурожая"⁶. Тем не менее, 9 сентября 1931 г. крайком ВКП(б) принимает постановление "О ходе уборочной и хлебозаготовительной кампании". От районов требуется усиление темпов уборки урожая и сдачи зерна. Их руководителям дана установка "обеспечить полное выполнение" плана хлебосдачи. Чтобы добиться этого, на места в качестве уполномоченных были командированы 500 человек "краевого и город-

ского актива”⁷. Для высшего руководства как в Москве, так и в Новосибирске то, что урожай “сгорел на корню”, ничего не зна- чило. У крестьян Западной Сибири государство отбирало хлеб, как объяснялось на партийных активах, на нужды индустриа- лизации. Подводя итоги года, Грядинский на III пленуме Зап- сибкрайисполкома 24 февраля 1932 г. говорил: “Мы в сельском хозяйстве сейчас находимся в очень сложной обстановке. В ря- де районов мы имели недород, но мы, как край в целом, в этом году заготавливали и заготовили 65 млн пудов хлеба, то есть мы выполнили план хлебозаготовок”, несмотря на “недосев про- шлого и позапрошлого года”. Помимо этого, Западная Сибирь дала стране 40 % экспортного масла и 12 % экспортного мяса.⁸ Отметим, что незадолго до пленума в административном отделе Запсибкрайисполкома составили справку об “обострении продо- вольственных затруднений в неурожайных районах края”, где, в частности, указывалось: “В районах: Немецком, Купинском, Иконниковском, Каменском, Барабинском, Шипуновском, Слав- городском, Ново-Омском, Чистюньском, Павлоградском, Бори- совском, Пospelихинском, Алейском отмечены ряд фактов бо- лезней колхозников от голода, а в отдельных случаях – попыт- ки самоубийства на почве голодания... Нищенство колхозников, отмечаемое во всех районах, ощущающих продовольственные затруднения, особенно распространено в указанных районах”⁹.

В 1932 г. – очередной неурожай. Положение усугубилось притоком сотысячной массы беженцев-казахов из голодающей соседней автономной республики. Однако государство отбирает у крестьянства Западной Сибири хлеба на 10 % больше, чем в урожайном 1928 г.¹⁰ Хлеб “выбивается” драконовскими мерами. По директиве ЦК ВКП(б) Северо-Кавказский крайком партии принимает жесточайшее постановление о хлебозаготовках. Эйхе и Грядинский получают этот документ “для сведения” непо- средственно от Сталина¹¹. Вскоре следует подписанное Молото- вым постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 14 декабря 1932 г. о хлебозаготовках и борьбе с саботажниками. После арес- та ряда директоров совхозов Западной Сибири¹², не обеспе-

живших хлебосдачу, могли ли руководители края даже заикнуться о смягчении грабительской "выкачки" продовольствия? Понятно, что партийно-советский аппарат сверху донизу боролся с "саботажниками", а не проявлявшие в этом особой активности объявлялись сами таковыми со всеми вытекавшими последствиями, вплоть до осуждения по 58-й статье УК.

В течение 1929-1932 гг. сельское население Западной Сибири уменьшилось на 517 тыс. человек¹³. Ранее считалось, что за этой цифрой кроется отток жителей сибирской деревни в города, на стройки первой пятилетки. Документы заставляют усомниться в такой трактовке. Очевидно, что имели место не только уход крестьян с родных мест, но и значительные потери от голода.

По документам видно, что голод охватил все районы юга Западной Сибири.

Некоторые документы публикуются не полностью, так как затрагивают сюжеты, прямо не связанные с темой. Указание на "купорность" документа дается в заголовке путем изначального предлога "из".

Опущены не имеющие к содержанию документов делопроизводственные пометы на них.

№1

Из информационной сводки краевого прокурора Западно-Сибирского края Р.И. Эйхе и Ф.П. Грядинскому

15 сентября 1931 г.

Покровский район

Отказ от выполнения твердых заданий в некоторых селах района (Кабаново, Карпово, Хорлово) носит массовый характер.

В селе Кабаново на почве отказа от выполнения твердых заданий имели место массовые женские волынки. В борьбе с женскими волынками прокурором района возбуждено 12 уго-

ловных дел против 14 человек (9 дел по ст.61, ч. II УК) с избранием меры пресечения в отношении 10 человек – под стражей.

Массовые отказы зажиточных от сдачи хлеба продолжают-ся.

Крайпрокурором указано райпрокурору за массовый отказ от выполнения твердых заданий привлекать группу особо зло-стных по 3 ч. 61 ст. УК, обеспечивая суровость и решительность мер социальной защиты.

За Краевого прокурора ЗСК – подпись неразборчива

ГАНУ, ф. II-3, оп. 2, д. 254, л. 115. Подлинник

№2

Распоряжение ответсекретаря Запсибкрайкома ВКП(б) Покровскому райкому партии

6 октября 1931 г.

Райкомпарт Жукову

Несмотря [на] категорическое предложение Крайкома [в] корне пресечь недородные настроения, разлагающие хлебоза-готовительную работу, Райкомпарт до сих пор продолжает гни-лую оппортунистическую линию [в] хлебозаготовках. При таких настроениях Райкома, которые не могут не разлагать весь рай-онный актив, неудивительно, что Покровский район заготовил только 10000 центнеров.

[В] Категорической форме [в] последний раз предупрежда-ем Вас и Бюро Райкома [о] той ответственности, которая лежит на Вас [в] выполнении плана хлебозаготовок.

Требую немедленно прекратить оппортунистическую возню [с] хлебофуражным балансом [и] начать [по] большевистски бо-роться [за] выполнение хлебозаготовительного плана. № 1121.

Эйхе.

ГАНУ, ф. II-3, оп. 2, д. 150, л. 66. Отпуск с автографом

Р.И. Эйхе и печатью Запсибкрайкома

**Из докладной записки уполномоченного
Запсибкрайисполкома в крайисполком о тяжелом
продовольственном положении в Каргатском районе**

24 сентября 1931 г.

Секретно

О хлебе. Несколько дней наблюдений за работой ПредРИК меня повергли в смущение. Получается катастрофическое положение: технический аппарат районных организаций разбегается. За последние дни имели место 9 случаев (9 человек сбежало). Причина – отсутствие хлеба.

На октябрь месяц даже ответработники через закрытый распределитель не получают хлеба. Рабочие и низшие служащие, инвалиды, школьники, сторожа хлеба не получают.

В кабинете ПредРИК ежедневно истерика, ругань и прочее. Например, вчера в РИК при мне пришли две школьные сторожихи. Сторожихи здесь получают 12 руб. в месяц. Потребовали хлеба. Получив ответ: "Хлеба нет", одна разразилась рыданиями, заявив: "Нам обидно, обидно не за то, что мы с детишками сидим голодом, умираем с голода, обидно за Советскую власть. Ведь власть-то рабоче-крестьянская. Почему она доводит до того, что мы, ее дети, должны гибнуть от голода, ходить голыми? Мы не требуем многого, нам нужно набить брюхо и прикрыть грешное тело, но мы этого не имеем".

Вскоре после этих женщин пришел рабочий с нефтебазы, заявил: "Мы обессилены, нет сил работать, нам ничего не дают" ... И вслед за этим приходит Предрайпрофсовета с уведомлением, что в силу отсутствия хлеба на рынке, аппарат начинает разбегаться.

Сам видишь, что в этих фактах чувствуется вопль отчаяния.

т. Литвинский (ПредРИК) мне сообщил, что он докладывал об этом тяжелом положении т. Рещикову и Злобину, но никто из них не придавал этому положению серьезного значения, отослали его к общественным фондам, которых по существу нет.

Посев ОСО 130 га, исключительно овес, поздний сев, погиб; школьный посев 80 га — овес, тоже частью погиб, ККОВ 327 га, из них 126 га пшеницы, пшеница почти вся погибла, овес очень плохой.

Так что за счет этих фондов никакой отдушины сделать невозможно. Положение остается крайне напряженным¹⁴.

Я проверил два базарных дня: хлеба не бывает, из-под полы и по знакомству можно купить пуд-два по 30 рублей.

На только что закончившемся районном совещании целый ряд колхозов заявили: "Раз требуете, мы вывезем последний хлеб, но потом вам придется кормить нас".

Здесь с хлебом получают еще такие ножницы: из ЗСКИ-Ка получено задание организовать откормочные свиные пункты, организовать телячьи фермы, птицеводческие хозяйства — все это требует хлеба, а хлеба в районе нет. Недород здесь, по-видимому, больше, чем об этом говорит статистика.

В данное время из района усилилось бегство. За последние 2-3 месяца из района, по предварительным подсчетам, сбежало неизвестно куда 1200 хозяйств. Так, в Беркутовском сельсовете из 380 хозяйств осталось 292; в Наталенском сельсовете с начала хлебозаготовок убежало 10 хозяйств. Бегут получившие твердые задания. Бросают посевы, свои постройки. Вечером живет, а утром дом заколочен и след простыл.

Скобелев.

ГАНО, ф. 47, оп. 5, д. 135, л. 117 и об. Копия.

№4

**Спецсводка ПП ОГПУ по Запсибкраю руководству края
"О настроениях колхозников Рубцовского района в связи с
прод[овольственными] затруднениями"**

14 декабря 1931 г.

Секретно

В связи с проводимыми партийно-советскими органами мероприятий по прекращению выдачи продовольственного хле-

ба колхозникам за трудодни, настроение последних резко ухудшилось.

В большей части колхозов совершенно пала трудовая дисциплина, и колхозники, собираясь группами по несколько десятков человек, преимущественно женщин, целые дни проводят в конторе колхоза, настойчиво требуя выдачи хлеба.

Для большей эффективности колхозники приходят в контору, взяв с собой мешки, а женщины-колхозницы приносят с собой детей. Выставляемые требования о выдаче хлеба сопровождаются криками женщин, плачем детей и площадной бранью со стороны мужчин-колхозников с угрозами правлению и т.п.

За последнее время зафиксированы следующие факты сборищ колхозников в конторах правлений колхозов с требованием выдачи хлеба:

Веселоярский сельсовет: У колхозных контор ежедневно собираются с мешками 150–200 человек в ожидании выдачи хлеба. Труддисциплина пала, никто из колхозников не выходит на работу.

3 декабря. — Назначенные в поездку за сеном 8 бригад вместо работы целый день простояли в конторе в ожидании выдачи хлеба.

4 декабря. — Пришедшая в контору женщина-колхозница, узнав, что ей хлеба не полагается, подняла в конторе плач и кричала: "Вы нас в колхоз загнали, чтобы мучить и заморить с голоду. Довольно нас мучить и издеваться над нами. Пойдем все вместе, поломаем замки и заберем хлеб. Какое нам дело, что вы оставили его на семена. Мы и наши дети не хотим помирать с голоду". Остальные женщины, коих присутствовало больше 50 человек, поддержали ее криками: "Пойдем бить амбары и забирать хлеб".

Во время происшедшего к конторе колхоза подъехал на лошади зам. предправления Ярошенко, последний был пьян. Женщины, увидев его пьяным, закричали: "Мы с детьми голодуем, а вы наши деньги пропиваете, грабители". Ярошенко

увезли на квартиру. Оставшаяся толпа, не получив ответа, разошлась по домам.

В колхозе имеется до 700 человек совершенно свободных, но, несмотря на это, поехать на производство отказываются, говоря: "На заработки не поедем, помирать будем вместе с семьей. Уедешь, сам будешь кормиться хлебом, а семья здесь с голоду сдохнет".

На собрании по вопросу организации отходничества выступившая колхозница Нигрей говорила: "Сволочи, грабители, замучили весь народ, заморили с голоду, а теперь хотите, чтобы мужчины уехали. Трусите". Женщины ее поддержали.

Ново-Александровка. — 5 декабря у конторы колхоза собралась толпа народа 150 человек с требованием выдачи хлеба. Не получив ответа, толпа разошлась по домам.

В этом же колхозе 8 бригад отказались подать лошадей под отгрузку и отправку хлеба в Рубцовск, требуя выдачи хлеба.

Отмечается, что за последнее время хождение в конторы колхозников принимает массовый характер и настроение колхозников характеризуется в основном следующим :

"Согнали народ в колхозы, сулили многое, а на деле вышло то, что забрали хлеб, увезли, а нам говорят — идите, где-нибудь ищите. Нет, мы никуда не пойдём и голодные сидеть не будем. Соберемся и разобьем амбары" (колхозник Масленников и др.).

"Не дадут еще дня два хлеба, будем ломать замки и выгребать хлеб. Пусть потом судят. Все равно, в тюрьме хуже не будет, а так жить больше нет сил" (Авирашкин, колхозник-бедняк).

"Что вы смотрите. Дети живут голодные и раздетые, а эти паразиты [правление] закрыли весь хлеб и кричат о посевной кампании. Какая им посевная, когда народ голодает. Бейте амбары, иного выхода нет" (Скворцов, колхозник, бывший середняк).

Одновременно с этим в колхозах идет убой скота на мясо. В сельхозартели "Путь к социализму" закололи на мясо 12 лошадей и 180 овец.

Обсуждавшийся неоднократно на Бюро РК ВКП(б) вопрос о продзатруднениях в колхозах остался неразрешенным.

ПП ОГПУ по ЗСК /Заковский/

Нач. Секрполитотдела /Лупекин/

Нач. 2-го отд. СПО /Чистов/

ГАНУ, ф. 1055, оп. 1, д. 11, л. 11-12. Заверенная копия.

№5

Отношение ПП ОГПУ по Запсибкраю в Запсибкрайколхозсоюз с информацией о положении в Борисовском районе

11 января 1932 г.

Секретно

Председателю Запсибкрайколхозсоюза т. Амосову

Имеющимися в нашем распоряжении материалами характеризуется катастрофическое положение, создавшееся в отдельных колхозах Борисовского района.

В коммуне имени Ленина имеющийся скот (рабочие лошади 246, крупного рогатого скота 483 г[оловы], телят 200, овец 860 голов) обеспечено кормами только до марта месяца. Благодаря уже наступившей бескормицы в коммуне пало 60 голов свиней.

За коммуной имени Ленина числится задолженность в сумме 37000 рублей.

Сельхозартель им. Калинина имела посева пшеницы 349 га, валовой сбор с которых в количестве 197 цент[неров] распределен следующим образом: одна треть валового сбора в порядке выполнения плана х[лебо]з[аготовок], 20 центнеров оставлено на семена, 3 центнера сдано на оборону страны, 19 цент[неров] фонд отходникам и многосемейным и 91 центнер распределено на 13000 трудодней, что составляет 700 грамм на трудодень. Ввиду затяжного характера обмолота, значительная часть этого хлеба выдана в виде авансов колхозникам.

К настоящему моменту обеспеченность колхозников продовольствием характеризуется следующими фактами: семья кол-

хозника Густова, состоящая из 7 едоков, выработала 487 трудодней, на едока приходится 48 килограмм. Семья колхозника Штендра Георг[ия] состоит из 4 человек, выработано 130 трудодней, в среднем на едока приходится 33 килограмма. Семья колхозника Каймановского Ал. состоит из 5 человек, из коих 3 трудоспособных, в среднем на едока приходится 19 килограмм и т.д.

В результате создавшегося положения отмечается массовый уход колхозников из колхоза. К настоящему времени из 92 трудоспособных мужчин и женщин осталось 51 человек, остальные разошлись неизвестно куда.

Хлеба в колхозе имеется в наличии семян 20 центи[еров] и 10 процентов фонда - 10 центнеров.

По непроверенным сведениям в колхозе имеют место факты употребления в пищу павших животных и случаи голодной смерти.

Сообщая вышеизложенное, просим принять соответствующие меры, результаты чего нам сообщить.

Нач. Секрполитотдела - *Луцкий*

Нач. 2 отделения СПО - *Чистов*

Оперуполномоченный - *Мартов*

ГАНО, ф. 1055, оп. 1, д. 11, л. 4 и об. Подлинник.

№6

Из докладной записки Павлоградского райкома партии и райисполкома Запсибкрайкому ВКП(б) о продовольственном положении

18 января 1932 г.

По заявлению Заведывающего РайОНО председателю РИКа имеется значительное количество учеников, непосещающих школы из-за хлеба, и случаи обмороков на почве недоедания. По материалам ГПУ, установлены случаи опухолки.

Увеличенный план скотозаготовок поставил перед фактом изъятия последней коровы у многоедоцкой семьи колхозника.

вместе с этим, как видно из приведенной таблицы, значительная часть колхозных семейств, необеспеченные хлебом, делают ряд нарушений.

Зарегистрировано 8 населенных пунктов, где поголовно выбит молодняк, продажа коров увеличилась, есть случаи забоя лошадей. Недостаточность отпущенного хлеба под мясозаготовку существенной помощи в прекращении забоя скота не дала.

За Секретаря Павлоградского РК ВКП(б) – *Захаров*
Пред. Райисполкома – *Козылбашев*

ГАНУ, ф. П-3, оп. 5, д. 563, л. 23. Подлинник.

№7

**Докладная записка председателя правления
Черно-Курьинского райколхозсоюза председателю правления
Запсибкрайколхозсоюза о тяжелом положении колхозников**

18 января 1932 г.

Секретно

При распределении доходов и урожая в колхозах выясняется ряд колхозов, не обеспечивающих себя как семенами, а также продовольственным хлебом.

Например :

Сельхозартель “Жана Дунья” Троицкого сельсовета. Валовой сбор 220 ц., сдано государству 105 ц., едоков 600, хлеб давно съеден.

Сельскохозяйственная коммуна “Новая жизнь” Студен[овского] сельсовета. Посев 1931 г. 1240 га. Валовой сбор 228 ц., сдано государству 45 ц., едоков 307, хлеб съеден до 10 декабря.

Сельхозартель “Верный путь” Троицкого сельсовета. Посев 154 га. Валовой сбор 17 ц. Сдано государству 6 ц., едоков 206, хлеб съеден, есть случаи убоя скота.

Сельхозартель “Кзыл Жулдус” Ш.-Курьинского сельсовета. Посев 100 га. Валовой сбор 20 ц., едоков 280, хлеб съеден. Есть заявки от артели, в которых указано, что от недоедания умерло 6 человек. Люди болеют разными болезнями.

Сельхозартель им. Петровского. Валовой сбор 55 ц., сдано государству 5 ц., едоков 200. Хлеб съеден до 1 января.

Таких колхозов имеется до двух десятков, в некоторых из них наблюдаются случаи под влиянием кулачества женские вольтынки. Положение слишком натянутое.

Ежедневно поступают по 5-6 заявлений от колхозов и колхозников об оказании помощи в продовольствии. Утверждены РКС материалы от 90 колх[озов]. Семенами эти колхозы обеспечены только на 40 процентов к посеву 1931 г., при продовольственном фонде по 70 кил[ограмм] на едока в среднем.

Райколхозсоюз ставит в известность Сибкрайколхозсоюз, РК ВКП(б) и Райисполком и одновременно просит Сибкрайколхозсоюз дать Райколхозсоюзу указания как выйти из создавшегося положения.

Предс. правл. РКС - *Никулин*

Ч[лен] правл. - подпись неразборчива.

ГАНО, ф. 1055, оп. 1, д. 9, л. 4. Подлинник

№8

Информация из Тальменского района в Запсибкрайисполком о возмущениях колхозников на почве голода

21 января 1932 г.

Положение в районе напряженное.

В ряде колхозов на почве продовольственных затруднений были попытки к организации вольтынок: в с. Анисимово колхозники колхоза "Победим капитализм" 15 января в количестве 200 чел. пришли в контору колхоза требовать хлеба, взяли за грудь председателя райисполкома, проявляя попытку нападения на секретаря ячейки. Колхозники, работавшие в лесу в этот день, почти все вернулись домой, требуя для семей хлеба. На работу никто не выходил. Скот стоит без корма. По сообщению, колхозники хотят послать представителей во ВЦИК. Уже собрали 700 рублей денег на дорогу.

В колхозах сейчас намечаются тенденции самостоятельно брать лошадей и резать для еды.

Один добросовестно работавший колхозник - Кузнецов Н. хлеба не имеет, достал веревку и решил удавиться, но ему воспрепятствовали.

ГАНО, ф. 47, оп. 5, д. 149, л. 109. Копия.

№9

Докладная записка председателя правления Чановского райколхозсоюза председателю правления Запсибкрайколхозсоюза о тяжелом положении колхозников

27 января 1932 г.

Секретно

Настоящим довожу до вашего сведения следующее:

Ввиду значительного недорода в районе, положение как с семенами, так и с продовольственным зерном в районе чрезвычайно неважно. Валовой сбор зерновых культур в 1931 г.: пшеницы - 24769 ц., овса - 3545 ц., ячм[еня] - 402 ц.; всего - 28716 ц. Получили под контр[актацию] молока в 4 квар[тале] 1556 центнера. Итого - 30272 цен.

Требуется семян зерновых культур по колхозам с/плана края 21649 ц., имеем 6468 ц.

Нами принимаются все меры к забронированию семенных материалов, но однако обеспечить полностью семенами мы не сумеем. В районе совершенно нет семян технических и силосных культур. Овса требуется 100097 цен., а валовой сбор 1931 [г.] только 3545.

Мы имеем в районе 12 нацменовских колхозов, которые не имеют совершенно семенного материала, а некоторые из них уже второй месяц не видят продовольственного хлеба (Белехта, Мочалы, Маметкино, С.-Забулга, Б.-Тибисск и др.), есть случаи - бросают хозяйства и уезжают из района (Б.-Тибисск - 8 хозяйств), есть случаи невыхода на работу ввиду неимения хлеба и срывается правильный уход за скотом.

Имеются попытки в некоторых колхозах получить семена на еду (Сергино, Н.-Александровка).

На полугодие 32 г. в [ашему] району дали наряд хлеба под молоко на 3000 ц., из которых дали колхозам (МТФ и колхозникам) 836 ц. Но однако фактически получили только 500 ц.

Ряд колхозников, имеющие до 200 трудодней, занятых на работе, получили 20–25 кг., а некоторые еще меньше. В Крае самозаготовки в каком-либо районе нам отказали. Отсюда положение колхозов с каждым днем ухудшается, так как внутри района мы не имеем никаких возможностей смягчить хлебный вопрос (в колхозах района имеем 20000 едоков). Мы [же] сдали в порядке хлебозаготовок (цифру прочесть не удалось. – М.М., В.П.) цент.

Моя просьба – принять меры путем увеличения отпуска хлеба под молоко, иначе я лично не вижу другого метода и выхода.

Вопрос с грубыми кормами также обстоит неважно: мы имеем дефицит 4400 тонн. Применяем веточный корм, (проводим. – М.М., В.П.) внутрирайонные заготовки и в соседних районах.

Просьба о принятых мерах сообщить.

Таммо

ГАНО, ф. 1055, оп. 1, д. 9, л. 3 и об. Подлинник.

№10

Сообщение Омского горсовета Запсибкрайисполкому о продовольственном снабжении детей и подростков в Ново-Омском районе

Январь 1932 г.

Особенно плохо обстоит дело с детским питанием. В колхозах района выявили совершенно необеспеченных продовольственным хлебом детей дошкольного возраста – 5300 чел., детей школьного возраста – 2630 чел.

За неимением хлеба в районе закрылось ряд дошкольных учреждений. В некоторых селах снизилась до 50 % посещаемость школ 1-й ступени. В селе Богданском около половины учащихся бросили учебу в ШКМ и частично ушли в город на работу или превратились в беспризорных.

ГАНО, ф. 47, оп. 5, д. 149, л. 108. Копия.

№11

Сводка Называевского райаппарата ПП ОГПУ “О продовольственных затруднениях” по Называевскому району

12 февраля 1932 г.

Секретно

В связи с тем, что ряд колхозов, более 50 %, осенью 31 года совершенно не сняли урожай, ряд затруднений с каждым днем все более углубляется и обостряется. До 32 года указанные колхозы больше получали хлеб под молоко, а также сильные корма (отруби) и на этом существовали. С 32 года положение резко изменилось, выдача хлеба под молоко — норма сократилась, плюс удой небольшой и получаемого хлеба хватает всего на несколько дней.

Например, одна из крупных коммун в районе — “Победа”, в которой находится 521 человек едоков, из них трудоспособных 192 человека. До декабря месяца в коммуне хлеб недостаточно, но давали, получая под молоко. Притом было получено 48 центнеров отрубей для скота, но эти отруби также пекли в общественной пекарне и выдавали нормы. Сейчас в коммуне совершенно нет хлеба. Например, 8 января коммуна, не имея ни куска хлеба, заняла 5 центнеров в маслозаводе и 5 центнеров в РайПО. 9 января получили 10 центнеров под молоко в Маслопроме и больше источников нет.

Часть коммунаров требуют, чтобы их отпустили на производство, а семьи вышли совершенно из колхоза, так как их на производство не отпускали. Часть коммунаров ходят по домам и собирают кожуру из-под картошки и едят.

Также при проведении контракции молока на 32 год на общем собрании коммунара Шатков, бедняк, говорит: "Вам мы отдаем все молоко, выполняем все планы, а самим жрать нечего. Народ будет терпеть до поры, а потом пойдем и будем колоть скот и есть его".

В дер. Осиново в сельхозартели продовольствия получают мало. Колхозники говорят: "Молоко сдаем, а хлеб не дают, надо хоть молоко есть, а то скоро совсем пропадем с голода. А тут еще получили крохи под молоко, но надо за гарни[ец] сдать"¹⁵. Например, колхоз задолжал гарница 12 центнеров. Сельхозартели сказали: "Если не внесете гарниец, то имущество артели будет продано в уплату гарница". Тогда правление, взяв деньги, командировало Предколхоза в Мариинский округ за хлебом, и в результате председатель там на месте купил 14 центнеров муки и сдал на местном элеваторе в погашение гарница.

В дер. Земляной члены сельхозартели "Память Ильича" едят разные суррогаты, как-то: бой от проса, скорлупа от картошки, мякина из зерновых культур.

В Жерновском колхозе на этой почве ряд колхозников, бросаая колхоз, уезжают на производство, при этом говоря: "Надо скорее уезжать, пока не сдох с голода".

В дер. Соколовка на партсобрании колхозник Сташков говорил: "Товарищи, как же нам выходить из положения? Вон я, например, уже 6 дней не видал хлеба. Колхоз же выдал по 3 килограмма в месяц на трудодни". Аналогичное положение у ряда колхозников.

В дер. Б.Сафоники колхозник Красиков Е.Ф., середняк, говорит: "Вчера у нас проезжал какой-то гражданин и говорил, что в Исилькульском районе от голода разбегаются много колхозов, колхозники бегут куда попало. Скот и лошади также дохнут без корма". Дальше Красиков говорит, что у нас тоже хлеба в колхозе нет, скоро начнем бежать из колхозов. Вот до чего довела Советская власть. Все это потому, что управляют властью не хорошие люди, а бродяги.

В дер. Грязное 25 января в сельхозартели "Завет Ильича" семенных материалов всего имеется 20 центнеров проса и горо-

ха, была также картошка 1000 пудов, но последнюю загноили и всю роздали на руки колхозникам. По поводу продзатруднений колхозники говорят: "Ну как-нибудь до весны пробьемся, а там все уйдем на производство. Можно бы и сейчас уйти, но зимой трудней устроиться, а весной рабочих везде потребуется много и везде возьмут".

В сельхозартели им. Калинина дер. Котино правление получило для колхоза керосин и весь этот керосин сейчас же члены (правления. — М.М., В.П.) уложили на подводу и увезли якобы в Тару менять на хлеб. Колхозники говорят: "Надо что-то делать, а то с голоду подохнешь". Среди колхозников разговоры: "В Красную Армию забирают, три года война идет вовсю с японцами". Колхозник Чирков 15 января из колхоза "Завет Ильича" говорил: "Все говорят, что нашу Россию иностранные государства хотят разделить на несколько частей". На вопрос Чиркову: "Лучше [или] нет, если нашу Россию разделят?", Чирков говорит: "Ну, конечно, лучше. Ведь сейчас ни одному человеку не нравится Советская власть, которая довела всех до голода. Народ ждет — не дождется войны".

Дер. Назаровка. Говорят: "Работать заставляют день и ночь как волов, а хлеба не дают. Надо взять за гребень тех, кто управляет и доводит до нищеты. Да лучше уехать на производство, там хоть поработаешь, так и поешь". Там же колхозник Назаров Иван Степанович говорит: "Если правление нам не будет давать хлеба, то придем в контору и возьмем за глотку кого следует. До чего народ довели?". Там же колхозник Назаров Ф.Ф. говорит: "Провались весь мир, а тем более Советская власть. Из-за нее и мои дети сидят голодные". Аналогичное настроение у ряда колхозников.

Колхозники Черемновки слились с Назаровским колхозом. Хлеба у них почти ни у кого нет. Сейчас усиленно продают на базаре разные вещи для покупки хлеба.

В селе Кисляки 30 января жена бывшего председателя колхоза "Красная нива" Евстигнеева Евдокия, жена (очевидно, дочь. — М.М., В.П.) бывшего кулака, говорит: "Колхоз наш надо разогнать, на черта он нам сдался, хлеба не дают, коров забрали, надо корову и овец своих забрать да продать на хлеб".

После статьи¹⁶ скот весь разобрали и сейчас усиленно режут коров, овец. Председатель сельсовета никаких мер не принимает.

В Назаровском колхозе колхозник Нестеренко 13 января говорил: "Если мне не дадите хлеба, заберу свою корову из колхоза и зарежу на мясо". Нестеренко — бедняк.

В дер. Б.Сафониха 6 февраля бывший колхозник Иноземцев (сейчас вышел из колхоза) говорил: "Если так жить, как сейчас мы живем, все время голодая, то лучше бы меня на месте застрелили, а то вот среди нас есть еще много дураков — голодные, а живут в колхозе".

Там же колхозник Пушкарский из колхоза "Новая жизнь" говорил: "Хлеба нет. Скоро все сдохнем с голода. Если бы я раньше знал, что в колхозе придется жить голодом, то ни за что бы не пошел в ихний колхоз". Пушкарский Максим — середняк. Часто на общих собраниях выступает против проводимых мероприятий.

В дер. Тупицыно председатель сельсовета, колхозник (фамилия не названа — М.М., В.П.), говорит: "Вот я неделю без хлеба. Несмотря на то, что не работаю физическим трудом и то весь ослаб. А вот беда — остальные колхозники, работающие на тяжелых работах, так тех совсем жалко. Многие отказываются идти на работу и, действительно, их нельзя посылать, так как люди голодные. Не знаю, как выходить из положения".

В дер. Милютино в сельхозартели ОДВА (Особая Дальневосточная армия. — М.М., В.П.) "в колхозе нет хлеба", — говорит председатель артели. Колхозники заявляют: "Хлеба не дадите — работать не будем". Дальше председатель колхоза высказывает мнение колхозников: "Если не достанем хлеба, то колхоз существовать не может". Благодаря обезличке, в колхозе из имевшихся осенью 120 хомутов осталось только 25 штук, остальные растащили и продали. Также и в отношении остального имущества.

Среди служащих, учительства и пенсионеров¹⁷ настроение также — это всякими путями из района убежать, так как снабжение не главным образом продовольствием (мукой), ненор-

мальные нормы снижены до минимума. На основании этого лучшие специалисты из района бегут, тем более, что на рынке ни за какие цены муки не найдешь. Например, просо продают по 40 руб. пуд; масло сливочное, и то редко и мало вывозится по цене минимум 8 руб. фунт, мясо скотское из-под полы продается от 1 руб. до полуторных рублей фунт.

По вопросу снабжения 8 февраля 32 года на совещании специалистов райагроном Щербаков (командир запаса) говорил: "У специалистов настроение из района убежать. Ну вот, например, я по себе скажу — у меня родился ребенок, я уже порвал две своих рубашки на пеленки. Муки стали отпускать 12 килограмм, что явно недостаточно, а при том и ту дают нерегулярно. На рынке на мое жалованье не купишь, в результате я уже продал ружье, часы — и все только на питание". Землеустроитель Зеленкин говорил: "Брат моей жены работает землеустроителем в Приволжском крае, на той же должности, что я здесь, но получает жалованья 270 руб, муки — 22 кило, кроме того масло, а я здесь получаю муки 12 килограмм, масла никогда не получал. Оклад у меня 150 руб. Меня интересует, почему у нас здесь нет никаких возможностей, как в Приволжском крае? Наша реальная зарплата такова, что у меня часто бывает так, что ничего нет — ни масла, ни мяса и др., и денег нет".

В больнице акушерка, благодаря малого оклада жалования и пайка, никого не спрашивая и не предупредив, села на поезд и совсем уехала из района неизвестно куда.

Ветврач Кудин часто говорит: "Ну жизнь пришла, хлеба и того не дают. Кто же будет работать в таких условиях?" В результате Кудин взял отпуск и уехал в Россию, говоря: "Ну, больше не ждите". Тоже очень ценный работник — тов. Кузьменко, раймелиоратор (командир запаса) говорит: "Правительство и ЦК партии постановляют создать условия специалистам, а у нас муки, и той даже норму не выдают. До февраля получали 15 кг, а сейчас дают только 12. Надо из этой ямы бежать". Сейчас тов. Кузьменко уехал в отпуск и говорил, что "подыщу место и из района уеду".

Служащие РИКа также все настроены бежать. Например, делопроизводитель РИКа тов. Дзюги говорит: "Весной все сдох-

нем". Сторожика РИКа говорит: "Что же это такое, неужели приходит конец нашей жизни? Я же неделю не вижу хлеба. Старик мой 12 лет работал сторожем РИКа, сейчас инвалид, — и РИК ему не дает ни фунта хлеба, я же одна на всю семью получаю 6 кг на месяц. Приведу своего старика в РИК и брошу — пусть на глазах председателя РИКа умирает с голода".

Инвалидам труда, в том числе и транспортникам, в продовольствии Райснаб совершенно отказал, и последние сейчас ежедневно с воем-плачем и проклинянием всего толкуются в РИКе, прося хлеба.

Кирпичный завод Называевской промартели, каковой по плану в зимнее время выделяет камышитовые пластины на жилстроительство Кузбасса, но ввиду отсутствия хлеба из 70 человек рабочих осталось 4 человека, а остальные все бросили работы и поразъехались, в особенности квалифицированные рабочие, и завод замер. Производственный план сорван.

Артель инвалидов в селе Сибирском имела свои мастерские. Пимокатную закрыли, так как рабочих им снабжать — нет хлеба.

Тоже накануне закрытия Районная промартель сапожная. Последняя починкой и шитьем новой обуви обслуживает весь район, в том числе в основном соцсектор. Но так как данной артели никто продовольствия не выдает, последняя накануне закрытия:

Аналогично в других организациях района.

В начале февраля 32 года кассир Называевского Союзтранса вечером, уйдя со службы, на следующий день на занятия не явился. Оказалось, что он вечером, придя домой, написал записку и ключи от кассы положил в пакет, собрал свои вещи и на поезде уехал. Записку оставил примерно следующего содержания: "Я человек из материи, а материя без определенной калорийности жить не может, и на 4 килограмма в месяц муки может прожить только Николай Святитель, а человек не может. И чтобы уйти со службы я неоднократно просил себе заместителя, но администрация до настоящего времени все обещает, а приглашать не приглашает. Поэтому я считаю себя правым уе-

хоть, не сдав дела, ибо в Советском Союзе насильственного труда нет. До свидания”.

В селе Утичье в конце января от печки загорелась школа, учительнице закричали: “Горит школа, спасай свои вещи”. Но последняя заявила: “У меня там нечего спасать, я даже последнюю перину продала на муку”. Указанная учительница действительно посылала ребенка к крестьянам собирать хлеб.

На март месяц и последующие месяца Райпо не имеет даже для тарифицированного населения ни одного центнера хлеба. Это еще больше вынудит тарифицированное население принять все меры бегства из района, учитывая то, что на рынке и у крестьян ничего нельзя купить, картошку и ту не продают.

Уполномоченный III ОГПУ

по Называевскому району

/Василевич/

ГАНО, ф. 1055, оп. 1, д. 11, л. 34-37. Копия.

№ 12

Констатирующая часть закрытого постановления Каменского райкома ВКП(б) от 24 февраля 1932 г. “О продовольственных затруднениях в колхозах”

1. Продовольственные затруднения в отдельных колхозах с каждым днем обостряются, значительная часть колхозников употребляет без всякой примеси в пищу лебеду и другие разные суррогаты. Зарегистрировано около 10 случаев употребления в пищу павших животных. Вследствии систематического недоедания и употребления в пищу лебеды начались желудочные заболевания (Крутиха 20 чел.), обессиливание и опухание детей и подброска их.

2. Вследствии продовольственных затруднений в городе и в особенности в деревне, значительно ухудшилось политическое состояние района. Обостряются недовольствия со стороны бывших красных партизан, семей красноармейцев, инвалидов гражданской войны¹⁸.

Кулачество и другие антисоветские элементы, используя эти затруднения, значительно активизировались и ведут боль-

шую антиколхозную агитацию, распускают слухи о начавшейся уже войне на Востоке. Значительные размеры принимает контрреволюционная пораженческая агитация.

3. Участились случаи всевозможных преступлений, а главным образом кража рабочего и продуктивного рогатого скота с целью употребления в пищу и спекуляции.

Зарегистрировано 5 случаев организованного ограбления с участием 19 человек.

ГАНО, ф. П-3, оп. 2, д. 205, л. 38. Копия.

№ 13

Докладная записка краевого прокурора Западной Сибири в Запсибкрайком ВКП(б) о положении в Хабаровском районе

16 марта 1932 г.

Прокурор Хабаровского района сообщает о чрезвычайно тяжелом состоянии колхозов. Из 40 ныне существующих колхозов продовольственным хлебом обеспечено 18, остальные имеют запасы не далее апреля месяца.

Есть попытки расхотать на еду собранные семфонды. В колхозе "Трудовик" уже съеден, "Ленинградский Пролетарий" съедает семена. В колхозе "Путь Сталина" семья вернувшегося с производства отходника Зозулина на глазах у всех сшибли ломом у амбара замок и взяла 1,5 центн[ера] хлеба, отмерила и другим, не встречая ни одного отпора.

Увеличиваются случаи отказа колхозников от выхода на работу.

Учащаются случаи хищения хлеба из колхозных амбаров (в стенах просверливаются дыры).

Целые колхозы снимаются с места и уходят в одиночку и с семьями на производство, в организованном и неорганизованном порядке. Уезжающие продают имущество другим колхозам, колхозы сливаются.

Вместо 80 колхозов на 1-е октября 31 г. стало 40, из 4475 хозяйств колхозников на месте 2727 хозяйств.

Следовательно, несмотря на тяжелое состояние колхозов, произведено укрупнение колхозов: вместо 55 хозяйств в среднем на колхоз сейчас приходится 70 хозяйств. Если же верно, что выехавшие из района 1500 с лишним хозяйств выбыли на производство временно и вернуться (выходов из колхозов оформлено только 37, а исключено 72 хозяйства), то укрупнение оказывается произведено в гораздо больших размерах.

В районных организациях растерянность. Участковый прокурор обследовав районные учреждения на ... (цифру прочесть из-за неудачной подшивки документа не представляется возможным. — М.М., В.П.) февраля нашел, что в РайЗО и Райколхозсоюзе плана работ по подготовке весеннего сева нет, никаких сведений о семенных и фуражных фондах не имеется, нет и сведений о количестве сельхозинвентаря и машин и их пригодности для весенних работ и т.д.

Ни одного производственного совещания произведено не было. РайЗО и РКХМ в работе не связаны, какое состояние МТС, они не знали. МТС — мастерская к ремонту не приступала.

Полагаю, что тяжелое состояние колхозов в равной мере зависит от неправильного руководства со стороны районных органов и что этот вопрос требует особого внимания краевых организаций.

Зам. Краевого Прокурора Запсибири — *Д.Лисица*

ГАНО, ф. 1055, оп. 1, д. 8, л. 13 и об. Подлинник

№ 14

Выписка из письма уполномоченного Запсибкрайколхозсоюза в Больше-Реченском районе о тяжелом положении в колхозах

16 марта 1932 г.

По сельсоветам по 2-3 уполномоченных командировано, организовано 20 бригад из лучших колхозников и колхозниц, созданы бригады из комсомольцев и женделегаток.

В колхозах на семена забронирован почти весь хлеб, имеющийся в наличии, и сейчас многие колхозы питаются суррогатом и последнего тоже недостаточно, так что надеяться на большие увеличения (посевных площадей. — М.М., В.П.) нет уверенности потому, что все меры, которые возможны, провели — из 2 % добились только до 8 %.

С кормами дело обстоит скверно, во многих колхозах недостаток. Есть отдельные колхозы, что скот стоит почти голодом, лошади уже не ходят от истощения. В Совхозе 155 корма также нет, скот не подымается, сейчас кормят ветками и камышом.

/Купцов/

ГАНО, ф. 1055, оп. 1, д. 9, л. 13. Заверенная копия.

№ 15

Ходатайство Уч-Пристанского райисполкома перед Запсибкрайисполкомом и Запсибкрайснаботделом о продовольственной помощи голодающему району

28 марта 1932 г.

Секретно

Положение с продовольственным снабжением тарифицированного населения, а также отдельных колхозов, не имеющих хлеба, чрезвычайно критическое.

На сегодняшний день РИК не имеет абсолютно никаких фондов и запасов продовольствия и никаких источников для получения хлеба, так как:

а) 10 % отчисление от гарнцевого сбора получено полностью от суммы собранного и дальнейшее поступление от гарнца составит совершенно минимальное количество.

б) Проводимые хлебозаготовки идут для обсеменения посевов, однако и эти заготовки составляют крайне незначительное количество, так например, за период с 20 февраля по настоящее время заготовлено лишь 12 центнеров.

в) Сделать заготовки путем самозаготовок на местах решительно не представляется возможным: во-первых, ввиду не только отсутствия излишков хлеба в колхозном, и особенно в

единоличном секторах, но даже уже имеется масса случаев, когда колхозы не снабжают, за отсутствием запасов, своих колхозников, которые вынуждены выезжать в соседние районы в поисках хлеба; и во-вторых, на местных рынках подвоза хлеба нет уже с самой осени.

Такое положение с продовольственным снабжением чревато рядом последствий:

1) Имея на снабжении тарифицированного населения вместе с членами семьи 3808 человек, из которых 1421 работающий на март месяц, район смог обеспечить лишь 70 % указанного количества работников, и то только по норме 8 кг на работника и 5 кг на члена семьи, сняв остальных за отсутствием хлеба.

2) Учительство колхозами почти по всему району (85 %) снято с продовольственного пайка, за отсутствием всяких фондов и запасов в колхозах, вследствие чего Райисполком ежедневно осаждается работниками с мест и самим учительством о выдаче хлеба и уже не редки случаи ухода с работы последних и выезда за пределы района.

3) Специалисты: агрономы, врачи, техники и др., также требуют обеспечения продовольствием, выражая протесты против низких норм пайка.

4) Благодаря отсутствию хлеба, в селе Михайловка закрылась школа колхозной молодежи, вследствие ухода по домам учащихся за необеспеченностью продуктами. Перед таким фактом стоят и другие школы колхозной молодежи и больницы.

5) Помимо того, что многие колхозники, бросая работу в колхозах, выезжают за сотни верст в поисках хлеба, очень много колхозников просто занялись нищенством.

6) Наконец, постигшие район ряд лет неурожаи, и особенно в 1931 году, и сдача хлеба государству колхозами с одного гектара в размере 1, 58 центнера, при урожае от двух до трех центнеров с гектара, согласно определения экспертной комиссии, при выполнении колхозами плана в 1931 году на 100 %, без получения скидки по сдаче хлеба, которую получили колхозы соседних районов по решениям краевых организаций, — привело к тому, что в настоящее время ряд колхозов остался без продовольственного хлеба.

Такое положение в колхозах привело, с одной стороны, к отливу из колхозов и, с другой:

а) к убою скота колхозниками; причем имеются даже случаи, когда колхозники идут на скотские дворы и разбирают обобщественный скот с целью увода домой для убоя или же выдаивают молоко для питания (Коробейниково);

б) бросают работу в колхозах по уходу за скотом (Коробейниково, Михайловка и Слюдянка), оставляя его без надзора;

в) среди населения, вследствие истощения, начали[сь] заболевания (тиф, опухание);

г) участились случаи воровства скота, грабежи и (кража. — М.М., В.П.) последнего хлеба, у кого он имеется;

е) в ряде сел население питается мясом павших животных, а в Шипуновской сельхозартели колхозники питаются жмыхом.

Суммируя вышеизложенное, Райисполком [в]стал перед настоятельной необходимостью со всей решительностью настаивать перед Крайисполкомом о выдаче нарядов на хлеб для обеспечения тарифицированного населения и части колхозов, совсем не имеющих продовольственного хлеба. Райисполком просит для обеспечения района хлебом нарядов:

1) для тарифицированного населения в количестве 3808 человек, исходя из норм, установленных Краем, — на 1820 цент;

и 2) для части колхозов, по тем же нормам тарифицированного населения, из расчета на 6092 чел. — на 2437 цент.

А всего нарядов на 4257 цент на период до нового урожая.

Пред. Райисполкома — *Дудников*

Секретарь — *Иванов*

ГАНУ, ф. 47, оп. 5, д. 150, л. 101–102. Подлинник.

№ 16

**Сообщение председателя Ключевского райисполкома
в Запсибкрайисполком о голоде в районе**

Март 1932 г.

Настроение в районе остается прежним — **неважным.**

Смертность казаков (казахов. — М.М., В.П.) усилилась. Есть случаи, когда милиция поднимает до 7 трупов в сутки.

Ряд крупных колхозов, также коммуна "Красный хлебороб" не имеют абсолютно продовольствия.

Тарифицированное население на апрель месяц продовольствия не имеет, даже просвещенцы.

ГАНО, ф. 47, оп. 5, д. 149, л. 113. Копия.

№17

Обращение по прямому проводу председателя Каменского райисполкома Цыганкова в Запсибкрайисполком о голоде в районе

[конец марта] 1932 г.

У аппарата Цыганков.

Продзатруднения принимают угрожающий характер. В городе прекратили выдачу хлеба. В районе масса больных, свыше десяти случаев смерти на почве голода. В пищу употребляются суррогаты, дохлый скот.

На почве голода усиливается воровство семян. Колхозники отказываются работать, бросают семьи, уезжают на производство. Сельский актив — семьи партизан и красноармейцев, часть учителей необеспечены. Служащие села и города бросают работу, бегут. Сельский актив отказывается работать. Ставятся под угрозу все наши мероприятия.

Конкретные факты у Заковского¹⁹. Одной массовой работы в таких условиях недостаточно, требуется материальная помощь минимально на время посевной для района 300 тонн, для города на апрель 100 тонн, до нового урожая — 392 тонны. Всего 692 тонны.

Местных ресурсов совершенно нет. Поступление хлеба прекратилось в феврале.

Нужна помощь Края; сигнализировали в январе, в феврале, в марте — упорное молчание. Прошу срочного разрешения вопроса о продпомощи.

Телеграммы не получал. Затруднения нисколько не преувеличиваю, можно проверить.

Массовая работа развернута максимально.

Сообщите сколько отпускается: 500 тонн или 500 центнеров. Около ста тонн нам нужно на апрель только для города. Но положение ужасное и в районе.

Наша просьба разрешить срочно этот вопрос. Можно выслать для проверки положения двух- трех работников. Все.

ГАНУ, ф. 47, оп. 5, д. 149, л. 119. Копия.

№ 18

Письмо председателя колхоза "Красный партизан" Покровского района в Запсибкрайком ВКП(б) о голоде колхозников

7 апреля 1932 г.

Письмо в Крайком ВКП(б) из Покровского района Карповского сельсовета от с/х артели "Красный партизан" ко всем краевым организациям и в особенности Крайкому ВКП(б) с просьбой и разъяснением к вам о состоянии колхоза "Красный партизан",

в том, что колхоз организован в 1929 году, существует до настоящего времени в количестве хозяйств 296 д[воров], в них едоков 1374.

Было посева в 1931 г. по культурам [:] пшеницы 762 га, валовой сбор 1913 цент., сдано [в] план государству 533,21 цент., отчислено на семена 1932 года 75,37 цен., фонд учителям и многосемейным 51,47 центнера, фонд отходников 14,40 цент. Осталось пшеницы по трудодням 1204,80 цент.

Овса посева 106 га 21 (сотка? - М.М., В.П.), валовой сбор 73,45 цент., сдано в план 23,79 цент., семенного 34,83 цент., фуража 8,53 цент. По трудодням не распределялось.

Посев проса 272,26 га. Валовой сбор 79,87 цент., семенной фонд 20,97 цент., сдано в план 57,80 цент., фураж 1,04 цент. По трудодням не распределялось.

Выработано всего трудодней в колхозе колхозниками 74222,31 трудодня. Причиталось на один трудодень 1,620 кг. пшеницей, а в среднем на одного колхозника 0,87 цент.

Первый сделанный обмолот 1 августа 31 года, к 1 февраля 32 года продуктов[ого] хлеба не осталось ни килограмм[амма]. Колхозники опухают с голода, едят белую глину, картофельную ботву, лебеду. Которые не хлеб, а получается одна земля, для жизни человека совершенно непригодная. Колхозники ходят по могильникам, собирают всевозможную падаль, каковую употребляют в пищу, не считаясь ни с какими причинами — от какой болезни пало животное, от простой болезни или же [от] сибирской язвы, что колхозники в настоящий момент употребляют в пищу, что вследствие могут приключиться всевозможные заразные болезни, которые опасны для всего окружающего населения.

Неоднократно обращались в районные организации о помощи нашему колхозу в продовольственном хлебе. Где выехала медицина для осмотра колхозников, где было выявлено, что колхозники опухают от голода. На что была оказана помощь отрубями из совхоза в количестве 10 цент., в каковых оказался песок в количестве весом на одну треть, что повлияло на здоровье колхозников — болеют желудки.

В колхозе имеется 800 голов скота. Колхозники ходить за скотом отказались ввиду того, что нет продуктов питания.

Подготовка к весенней посевной кампании.

С/х инвентарь отремонтирован. Рабочая тяговая сила разбита по бригадам и (лошади. — М.М., В.П.) распределены по участкам. Преопределенный план посевной площади — 1950 га, на что имеется заготовленной земли паров 834 га, зяби 981 га, а всего 1815 га. Семенная ссуда пока не получена. Остаются вышеуказанные семена.

Просим Краевые организации разъяснить, будет ли оказана помощь со стороны государства в продовольственном хлебе. Если же не будет оказана помощь со стороны государства нашему колхозу в продовольственном хлебе, то план весенней посевной кампании не будет выполнен ввиду того, что нет продуктов пи-

тания для колхозников. Мы полагаем, что Краевые организации этого не допустят. И на наше письмо ответят в кратчайший срок.

Пред. с/х артели "Красный партизан" — Шестаков.

Добавление. Из 296 домов выбыли со всеми семьями 127 домов. Из них едоков 621. Исключено 16 хозяйств (94 человек). Осталось в колхозе 154 хозяйств, в них 759 человек. Из 759 человек в отходе мужчин 40, женщины 23, подростков 1, в сов[етских] учреждениях 12.

Шестаков

ГАНУ, ф. П-3, оп. 5, д. 366, л. 23 и об. Подлинник. Рукопись.

№19

**Докладная записка секретаря Татарского райкома партии
секретарю Запсибкрайкома ВКП(б) Р.И.Эйхе**

25 апреля 1932 г.

тов. Эйхе

К дополнению наших информаций на Ваше имя сообщаю, что положение в районе все ухудшается — это в части питания колхозников, а отсюда остро вопрос стоит с посевной. У нас было мнение выехать лично мне и информировать Вас о состоянии в районе. Но принимая во внимание, что мы уже вступаем в 3-й Большевикский сев, и от этой работы уехать считаю невозможным, и вместе с тем, зная Ваши установки, данные нашему члену бюро РК по нашей докладной по вопросу помощи району, настоящей докладной я ставлю в задачу поставить в известность Крайком ВКП(б) о положении в районе:

Единственная тема у колхозников и окружающих — это о голодании. Вот сейчас передо мной десятки заявлений от секретарей партячеек и председателей колхозов. Все эти заявления говорят о следующем:

1. Сидят колхозники голодные по 5-6-7 дней.
2. Пухнут в ряде сельсоветов.
3. Едят падаль, хомяков и сусликов.

4. Уходят по миру (побираться) десятками из колхозов.

5. Бросают работу из-за немоци (К.-Мыс и др.), угроза в настроениях [к] слову замков у (амбаров, кладовых. — М.М., В.П.) с сем[енным] материалом.

6. Скот беспризорный, творится воровство.

Вот характер этих заявлений, и все пишут с просьбой удовлетворения хлебом, выдать хлеб, рассмотреть заявление и т.д.

Тов. Эйхе, вышеуказанные факты, взятые мной из информации и личных сообщений уполномоченных и членов бюро и своих наблюдений, (подтверждают, что. — М.М., В.П.) положение действительно тяжелое.

Вот факт шефской бригады: путем шефства ОГПУ и милицией и другими хозяйственными организациями района была организована помощь К.-Мысскому колхозу в севе. При широкой массовой развернутой работе наши ребята выехали пахать вместе с колхозниками. И в течение трех дней ежедневно люди все выбывали из строя, то-есть уходили с работы. В первый день ушло 7 человек, во второй день — 8 человек и на третий день 10 человек. Уходили, мотивируя [тем], что голодные.

Такая же картина и в ряде других колхозов (Щербаково, Кушаги и т.д.). Бросают работу члены бригады, пастухи и т.д.

Имеем неединичные случаи того, что режут молочный скот и кушают одно мясо.

В деле ВНО (всеобщего начального образования. — М.М., В.П.) также обстоит плохо: дети из школ расходятся. Особенно из школ крестьянской молодежи. Как факт: из 180 осталось 20 человек (К.-Мыс).

Колхозники десятками по целым дням сидят в правлениях колхозов с криком требования хлеба.

Нами Вам сообщалось от 16 апреля, что мы 65 тонн хлеба распределили по неблагополучным колхозам, но способным, с тягловой силой. Но надо сказать, что это осталось (только. — М.М., В.П.), а хлеба и сейчас нет на складах Заготзерно. Нарядов имеем на 111 тонн, но поступления хлеба нет.

Секретарь РК ВКП(б) — А.Ботов

ГАНО, ф. П-3, оп. 2, д. 205, л. 74. Подлинник

**Докладная записка руководителей Смоленского района
Запсибкрайкому ВКП(б) и Запсибкрайисполкому о голоде
колхозников**

14 мая 1932 г.

Секретно

Новосибирск. Крайком партии тов. Зайцеву М.В.

и Крайисполком тов. Грядинскому

Смоленский район имеет наряды на продовольственный и фуражный хлеб в количестве 158 тонн, в том числе для школ 38 тонн, но этого хлеба получить нигде не можем, а между тем получить его должны в Бийске в "Заготзерно".

Однако Заготзерно не выдает, ссылаясь на то, что хлеба на складах нет. Об этом неоднократно телеграфировали Краевым организациям, но ответа до сего времени не получили — поэтому считаем обязательным поставить Вас в известность, что с продовольственным хлебом район находится в тяжелом положении и неполучение в ближайшие дни продпомощи может отразиться на посевную кампанию, а также на политическое состояние района, так как отдельные колхозы и колхозники, занятые на посевной, хлеба совершенно не имеют, и имеем такие случаи, когда колхозники едят сами и кормят своих детей мясом дохлых лошадей, таких случаев уже имеем до десятка. Например, колхозники сельхозартели "Победа" с. Смоленского нашли на поле дохлую лошадь, разрубили на 2 части и сейчас едят. Того же колхоза Пивоваров Егор привез с поля мясо павшей лошади около пуда и тоже им питается, а Пивоваров Арсентий засолил дохлую свинью.

В сельхозартели "им. Молотова" (Старо-Тырышкино) во 2-й бригаде пали 2 лошади в поле, а их колхозники этой же бригады Тырышкин Ефим и Загороднев Павел откопали и увезли домой.

Во 2-й бригаде сельхозартели "Комбайн" Зайцев Илья откопал дохлую лошадь и увез домой для детей.

Все эти факты проверены и действительны.

Кроме этого можно привести несколько случаев подобного рода в с. Ново-Тырышкино, но мы считаем достаточным, чтобы убедиться в необходимости оказать району немедленную помощь в части получения занаряженного хлеба.

Информацию о посев[ной] кампании дадим в ближайшие дни.

О результатах получения продпомощи сообщите.

Секретарь РК ВКП(б) – *Соболев*

Пред. РИКа – *С. Алмакаев*

ГАНО, ф.47, оп. 5, д. 150, л. 133. Подлинник.

№ 21

**Письмо жителя села Первое Карпово Покровского района в
Запсибкрайком ВКП(б) о голоде колхозников**

26 мая 1932 г.

Наша Первая Карпова Покровского района в критических условиях, село коллективизировано все в одну артель “Новое Дело”, при выполнении хлебного плана забрано почти целиком, когда брали, говорили уполномоченные – вам дадут на семена и продуктового. Сейчас идет посевная, и рабочие, которые на пашне, варят суп – которая лошадь издыхать будет, они ее прирежут, а хлеба нет нисколько.

Народ с голоду стал опухать, многие уже без движения, ели дохлых лошадей. А теперь не пропадают. Рагозин Исак ел собак, Цыганков Ефрем ушел на полосу и не мог обратно прийти, там и умер, Рагозин Степан шел за телятами и не мог дойти – тоже помер. Едят мякину, всевозможные репки, на камне растут которые, картофельную ботву.

Просим Сибкрайком помочь нам в этой нужде. Дайте скорее помощи!

Попов

ГАНО, ф. 47, оп. 5, д. 150, л. 137, 139. Машинописные копии.

**Отношение Управления прокурора Западно-Сибирского края
Западно-Сибирскому Крайколхозсоюзу о положении в
Болотнинском районе**

8 июня 1932 г.

Секретно

В своем информационном письме от 21 мая 1932 г. нарсудья Болот[н]инского района Запсибкрая сообщает, что своевременное выполнение плана сева по колхозам Болот[н]инского района срывается по причине недостатка в колхозах едового [продовольственного] хлеба, так как весь хлеб забронирован и обменян на семена.

Это вызывает массовые невыходы колхозников на работу и служит поводом к агитации и разложению со стороны классового врага, что к настоящему времени по району с трудом организовано питание только тех колхозников, которые работают на полях, а члены их семей собирают по полям колосья²⁰ или ходят собирать куски хлеба и, наконец, что Болот[н]инский Райколхозсоюз, зная об этом, мер никаких не принимает и вообще не ведет руководство работой колхозов.

Считаю нужным довести это сообщение до Вашего сведения для принятия мер.

Нач. Оргинстра Краевых Органов Юстиции – *Веденяпина*
Ответственный инструктор – *Лелюхин*

ГАНУ, ф. 1055, оп. 1, д. 8, л. 36. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сталин И.В. Соч. Т.13. С.53.

² ГАНУ, ф. П-3, оп. 2, д. 158, л. 33–34. Осодмильцы – члены общества содействия милиции.

³ ГАНУ, ф. 47, оп. 5, д. 130, л. 2, 5, 7.

⁴ Отечественная история. 1994. № 6. С. 256–257.

⁵ ГАНУ, ф. П-3, оп. 4, д. 90, л. 4–5.

⁶ Там же, оп. 2, д. 150, л. 61.

⁷ Там же, л. 43, 44, 63.

⁸ ГАНО, ф. 47, оп. 5, д. 155, л. 8–9. Причина упоминаемого “недосева” 1930–1931 гг. связана с тяжелым положением колхозов и совхозов (бегство трудоспособных сельских жителей, отсутствие достаточной тягловой силы, недостаток семенного фонда и т.п.) и “классовым” пресом над единоличным крестьянством. Последнее сами крестьяне объясняли: “Кто много сеял, тех всех окулачили и в Туруханск отправили. Теперь бы кто посеял больше, так боится Туруханска” (1930 г., крестьянин-середняк из Ключевского района). – ГАНО, ф. 1072, оп. 2, д. 31, л. 87.

⁹ Гуманитарные науки в Сибири. История. 1995. № 1. С. 75.

¹⁰ История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 4. Л., 1968. С. 346.

¹¹ ГАНО, ф. П-3, оп. 2, д. 499, л. 234.

¹² Отечественная история. 1994. № 6. С. 258.

¹³ Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск, 1982. С. 244.

¹⁴ Решиков И.И. и Злобин А.Н. – заместители председателя Запсибкрайисполкома. Употребленные в тексте сокращения: ПредРИК – председатель райисполкома; ОСО – предположительно, общество (отдел) социального обеспечения; ККОВ – крестьянский комитет общественной взаимопомощи; ЗСКИК – Западно-Сибирский крайисполком.

¹⁵ Гарнец – сдаваемый в качестве платы за помол на мельницах натуральный налог зерном, который шел в пользу государства.

¹⁶ О какой статье речь, установить не удалось.

¹⁷ Названные категории сельского населения по закону должны были обеспечиваться продовольствием по установленным правительством нормам. В документах это население значилось как “тарифицированное”.

¹⁸ Эти категории сельского населения также относились к “тарифицированным”.

¹⁹ Заковский Л.М. – полномочный представитель ОГПУ по Западно-Сибирскому краю.

²⁰ Перезимовавшее на полях зерно ядовито, вызывает тяжелое заболевание – септическую ангину с большим процентом смертности.

*Предисловие и комментарии
В.С. Познанского и М.П. Мальшевой*

С ЧЕГО НАЧИНАЛАСЬ КОЛЫМА

В сознании советских людей Колыма многие десятилетия ассоциировалась с той частью Архипелага ГУЛАГ, где заключенные находились в наиболее тяжелых условиях и откуда мало кому повезло вернуться на Большую землю.

А начиналось все просто. С решения Политбюро, которое было оформлено как “Постановление ЦК ВКП(б) о Колыме от 11.XI.31 г.” Этот документ сразу же получил гриф “особая папка”. Все решения Политбюро были секретными, но в “особую папку” с 1923 г. попадали документы высшей степени секретности. Политбюро оценило свое решение о Колыме именно таким образом, не только поставив на нем гриф “особая папка”, но и оформив его как решение ЦК ВКП(б). Сделано это было как для того, чтобы засекретить масштаб затеваемого предприятия “для немедленной и максимальной добычи золота”, так и для того, чтобы скрыть тот факт, что именно Политбюро ЦК партии является действительной властью в стране, властью, которая взяла на себя все государственные и хозяйственные функции, но властью тайной, скрывающей свое подлинное лицо, перекладывающей ответственность на других. И хотя Сталин подписал постановление о Колыме, он сделал это от имени ЦК партии, разложив таким образом ответственность на всех членов Центрального Комитета, даже не подозревавших об этом решении. С документом по правилам, установленным Политбюро, были ознакомлены только те лица, которым надлежало отвечать за его исполнение. На основании этого постановления разрабатывались и принимались все последующие решения о Колыме, которые шли уже “в советском порядке”.

В настоящее время этот документ рассекречен и находится в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории (Москва, РЦХИДНИ, ф.17, оп. 162, д.11, л.57-63). Текст его отпечатан на машинке, заверен печатью ЦК ВКП(б) и подписью Сталина.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК ВКП(б) О КОЛЫМЕ от 11.XI.31 г.

Для форсирования разработки золотодобычи в верховьях Колымы образовать специальный трест с непосредственным подчинением ЦК ВКП(б)¹.

Наблюдение и контроль за деятельностью треста возложить на тов. Ягоду².

Для непосредственного руководства всей работой треста назначить директором треста тов.Берзина³ с пребыванием его на месте.

Предложить т.Берзину в 3-дневный срок представить на утверждение СТО устав организуемого треста.

Установить ориентировочно следующую программу добычи золота: к концу 1931 г. — 2 тонны; 1932 г. — 10 тонн и в 1933 г. — 25 тонн⁴.

Для обеспечения выполнения установленной программы провести следующие мероприятия:

**О переброске людей, оборудования, инструментов,
продовольствия и промтоваров.**

1. Для переброски в течение 1931 года грузов и людей, предложить т.Янсону⁵ немедленно передать в распоряжение Колымского треста ледокол "Лидтке"⁶ с тем, чтобы в течение ноября месяца он был направлен из Владивостока в Нагаево с грузом людей, обеспечивающими развертывание работ⁷.

Предложить т.т.Ягоде, Янсону и Бергавинову⁸ в 3-дневный срок выяснить возможность и целесообразность переброски ледокола "Ленин" из Архангельска во Владивосток, а также возможность использования для обслуживания нужд треста других ледоколов Тихоокеанского бассейна (ледокол "Добрыня Никитыч" и т.п.).

Для обеспечения поставки грузов от Нагаево до приисков⁹ предложить СНК СССР выделить 100 грузовиков и 30 тракто-

ров "Коммунар" с таким расчетом, чтобы 25 грузовиков и 10 коммунаров были доставлены во Владивосток немедленно, а остальные грузовики и трактора к навигации 1932 года.

Кроме того, обязать Колымский трест для перевозки за зимний сезон 1931 года скопившихся в Нагаево грузов использовать всех имеющихся в Нагаево лошадей и все наличные транспортные возможности края, привлекая всеми средствами к перевозкам олений транспорт¹⁰.

Обязать НКСнаб обеспечить эти переброски натуральными фондами в частности табаком, промтоварами и спиртными напитками по заявкам Колымского треста¹¹.

Поручить т. Ягоде систематически проверять фактически направляемые в Нагаево продовольствие и промтовары.

3. Обязать ОГПУ немедленно создать специальный аппарат для обслуживания Колымского треста и направить в Колыму дивизион войск ГПУ в 150 штыков¹².

4. Поручить т. Ягоде, т. Ежову¹³, т. Енукидзе¹⁴ и т. Крутову¹⁵ разработать льготы, которыми будут пользоваться как заключенные переселенцы, так и добровольцы за хорошую работу на Колыме (сокращение срока наказаний, восстановление в правах гражданства, обеспечение семей добровольно уехавших, повышение оклада и т.д.)¹⁶.

Созыв комиссии за тов. Ягодой.

Дорожное строительство и оборудование пристани в Нагаево.

5. Обязать Колымский трест использовать весь зимний сезон для форсирования работ по постройке дороги от бухты Нагаево до приисков, одновременно ведя изыскания и предварительные работы по трассе Якутск и Колыма.

Закончить главный тракт, обеспечивающий авто-гужевое сообщение Нагаево с центром приисков к осени 1932 года.

6. Дорогу вести по трассе Нагаево-Середнекан, применяя для прокладки дороги максимально возможное количество механического оборудования. Предложить Цудортрансу под личную ответственность т. Серебрякова¹⁷ выделить в распоряжение

Кольмского треста 5 передвижных компрессоров, 40 перфораторов, экскаваторов - 5 штук, экскаваторов башенных - 2 шт., скреперов конных - 120 шт., вагонеток - 250 шт., рельс узкоколейных - 10 км. и скрепления к ним, узкоколейных паровозов - 3, вагонеток Костромских - 60, канавокопателей - 5, катков - 10 шт., гридеров - 4 шт., паровых лопат - 4 шт., тракторов "Коммунар" - 10 (из числа 30) и интернационалов - 20, локомотивов - 5 шт., многолемешных плугов (дорожных) 6 шт., дисковых борон - 6 шт., планеров - 2 шт.

По производственным разведкам

7. Всемерно форсируя разведку по Кольмским приискам, обязать Кольмский трест использовать все возможности, способы и средства для немедленной и максимальной добычи золота в нынешнем и последующих годах, одновременно подготавливая базу для развертывания капитальных работ по нормальной эксплуатации районов, для чего:

а) Предложить Кольмскому тресту произвести уточненный расчет уже разведанных запасов рудного и рассыпного золота на Колыме к 1.1.33 г.

б) Предложить Востокзолоту передать в распоряжение Кольмского треста все материалы, относящиеся к Колыме.

в) ВСНХ выделить срочно 5 станков типа "Крелиуса" с полным оборудованием и немедленно отправить их во Владивосток.

г) Востокзолото выделить из Иркутского завода 50 буров "Эмпайр", из коих 10 направить в Нагаево немедленно с полным комплектом бурового инструмента и обсадных труб.

8. ВСНХ СССР и Распредотделу ЦК выделить 5 инженеров-разведчиков и 3-х горных инженеров, 1 химика-металлурга по золоту, 3-х лаборантов и 20 старших буровых мастеров, направив их на Колыму, с таким расчетом, чтобы они могли начать работу в 1-м квартале 1932 года.

9. Имеющуюся в Нагаево бегунную чашу с локомотивом немедленно перевезти на прииска и установить с таким расчетом, чтобы она вошла в эксплуатацию с мая месяца 1932 года.

10. Немедленно заложить по крайней мере 2 временных шахты и не позднее марта 1932 г. приступить к закладке 1-й капитальной шахты, для чего обязать ВСНХ немедленно заказать и доставить во Владивосток к маю м-цу 1932 г. комплектное шахтное оборудование: под"емники, насосы, компрессора и перфораторы и проч.

Обязать Владивостокский завод изготовить 10 комплектов бегунных чаш "Бельдон" со сроком сдачи в апреле 1932 г., одновременно обязать ВСНХ СССР выделить все дополнительное оборудование, включая и локомобили для этих 10-ти чаш со сроком доставки всего комплектного оборудования амальгамационных фабрик во Владивостоке к апрелю 1932 г.

11. Кольмскому тресту немедленно приступить к выбору места установки 10-ти Бельдонов и поручить начать постройку зданий амальгамационных фабрик с расчетом пуска их в 4-м квартале 1932 г.

Предусмотреть постройку эфельных заводов, одновременно ведя подготовку по постройке мощной американской фабрики с законченным циклом обработки руды с расчетом пуска ее в 1-й половине 1933 года.

12. Обязать ВСНХ обеспечить в 1932 году все необходимое оборудование для 1-й секции обогатительной фабрики с законченным циклом обработки руды, доставив это оборудование во Владивосток к навигации 1932 года.

13. Обязать Иркутский завод изготовить в ударном порядке для Кольма 2 комплекта $5\frac{1}{2}$ фут. паровых драг на деревянных понтонах с расчетом закончить выпуск всех частей не позднее 1 апреля 1932 г.

Кольмскому тресту провести подготовительные работы для перевозки и монтажа этих 2-х драг, организовав 2 монтажные бригады, а также своевременно завести монтажное оборудование. Подготовить разведанные площади для работы драг и построить для них понтоны ко времени их прибытия.

14. Обязать ВСНХ СССР:

а) Изготовить в 1932 г. в ударном порядке 3 электрических $7\frac{1}{2}$ фут драги с тем, чтобы доставить их во Владивосток к началу навигации 1933 г.;

б) в целях облегчения и ускорения сборки драг на Колыме и выгрузки их частей, импортировать 2 десятитонных крана типа "Деррик" с расчетом доставки их во Владивосток к апрелю 1932 г. и

в) разместить за границей заказ на 2 полных комплекта монтажного оборудования по спецификациям Цветметзолота для драг с расчетом получения их во Владивостоке к апрелю 1932 г.;

г) заказать для Колымы 5 экскаваторов типа паровых лопат с ковшами от 1 до $1\frac{1}{2}$ м³, 2 башенных экскаватора, 2 драглайна, 2 канавокопателя, экскаваторы должны быть паровые на гусеничном ходу (за исключением башенных). Экскаваторы доставить во Владивосток к апрелю 1932 г.

15. Ассигновать на все импортные нужды 500.000 рублей валюты.

16. Обязать Колымский трест произвести своевременно подготовительные работы для перевозки и монтажа трех драг электрических и подготовить для них разведанные площади.

17. Обязать Востокзолото немедленно отправить с Инокентьевского склада из Иркутска предназначенную для Алдана паровую лопату, а также сняв, в случае надобности, с других приисков 2 чаши "Бельдона", один подвижной компрессор и 10 перфораторов.

18. Обязать Колымский трест обеспечить оборудование 5 районных механических мастерских с одной центральной мастерской на Среднекане и одной в Нагаево к апрелю 1932 г.

19. Обязать Колымский трест немедленно приступить к постройке временной электростанции в приисковом районе, мощностью в 500 киловатт, с расчетом пуска ее в эксплуатацию в 4-м квартале 1932 г.

Памятник погибшим на Колыме
(автор Э. Неизвестный)

По жилищному строительству и обеспечению культурно-бытовых условий.

20. Считать необходимым в приисковом районе создать промышленный культурный город, для чего распланировать его соответствующим образом с тем, чтобы на месте этого города уже теперь приступить к постройке домов, бань, школ, столовых, больниц, красных уголков, кино и т.д.

Выбор места постройки города определить тов. Берзину¹⁸.

Обязать ВСНХ обеспечить строительство по заявкам Колымского треста материалами (железо, гвозди, стекло, пакля, печные приборы и т.д.).

В городе установить режим комендатуры с подчинением коменданту т. Берзину.

21. Считать необходимым в районе этого города, а также в районе каждого прииска развить мощное пригородное хозяйство (огороды, свинарники, молочные фермы, птицеводство), для чего обязать Наркомзем по заявкам Колымского треста забросить туда необходимое количество скота, семян и сельскохозяйственного инвентаря.

По связи.

22. Обязать Колымский трест к концу 1932 г. обеспечить связь путем проводки телеграфа и бесперебойной работы радиостанции, как внутри приисков, так и в Нагаево с Хабаровском и Якутском.

Обязать Наркомпочтель выделить для этого необходимое количество материалов и оборудования.

23. Поручить т.т. Ягоде, Алкснису¹⁹, Гольцману²⁰ и Берзину в 3-х дневный срок решить вопрос об обеспечении Колымского треста воздушной связью, путем выделения необходимого количества гидропланов и установления регулярных воздушных рейсов.

По финансированию.

24. Ассигновать в распоряжение т. Ягоды из резервного фонда Совнаркома авансом на организационные расходы и на

заготовку, приобретение и переброску оборудования и имущества — 20 млн. рублей. Предложить Управляющему трестом к 15 января представить финансовый план с учетом выданного аванса.

Все завезенные Цветметзолота на Колыму оборудования, инструменты и продовольственные промтовары списать со счета Цветметзолото и передать на счет Колымского треста.

25. Обязать ВСНХ, Наркомснаб, Наркомвод, Наркомпочтель, НКПС все заявки Управляющего Колымского треста выполнять вне всякой очереди из любых контингентов и запасов, кроме мобзапаса и запаса Комитета Резервов.

Дальне-Восточному крайкому оказывать Колымскому тресту всяческое содействие в деле проведения настоящего постановления, возложив персональную ответственность на тов. Бергавинова.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

И. Сталин

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Официальное название треста — «Государственный трест по дорожному и промышленному строительству в районе Верхней Колымы», сокращенно — «Дальстрой». До 1938 г. он формально находился в ведении Совета Труда и Обороны (СТО) СССР. 4 марта 1938 г. постановлением СНК трест был передан НКВД и преобразован в Главное Управление Строительства Дальнего Севера НКВД СССР.

В 1932 г. территория, которую охватывал «Дальстрой», составляла почти 450 тыс. кв. км. К 1942 г. она увеличилась до 2.266 тыс. кв. км и включала северное побережье Охотского моря от Удской губы до Пенжинской губы, полностью бассейны рек Колымы, Индигирки, Яны, Восточной Хандыги и Чукотский полуостров. В ведении «Дальстроя» находилась не только сеть лагерей ГУЛАГа, но и национальные районы Хабаровского края — Ольский, Северо-Эвенкийский и Среднеканский, для которых «Дальстрой» являлся органом верховной государственной власти (РГАЭ, ф.9163, оп. 5, д. 63, л. 1; А.Н.Пиллясов. Трест «Дальстрой» как суперорганизация // Колыма. 1993. № 8, 9—10).

² Ягода Г.Г. (1891—1938). В 1931 г. — заместитель председателя ОГПУ. Расстрелян.

³ Берзин Э.П. (1894–1938). Перед назначением на Колыму возглавлял строительство Вишерского целлюлозно-бумажного комбината силами заключенных. С 1931 г. – начальник “Дальстроя”. Э.П. Берзин со своим окружением прибыл на Колыму 4 февраля 1932 г. Расстрелян.

⁴ В 1932 г. было добыто всего 500 кг золота, в 1933 г. – 800 кг, в последующие годы добыча золота резко возросла за счет подключения заключенных, которые до этого были заняты в основном на строительных работах. За 11 лет (1932 – 1942) “Дальстрой” дал 523.526 кг шлихового золота. Пик золотодобычи пришлось на 1940 г. – 40 тонн (РГАЭ, ф.9163, оп. 5, д. 63, л. 2; А.Н. Пилысов. Указ. соч.// Колыма. 1993. № 8. С.37; А.Г. Козлов. Во времена колымских лагерей// Колыма. 1992. № 10–11. С. 33).

⁵ Янсон Н.М. (1882–1941). В 1931–1933 гг. – нарком водного транспорта. Расстрелян.

⁶ С помощью ледокола “Лидтке” (другое название – ледорез “Литке”) пароходы пробивались к бухте Нагаево.

⁷ Нагаево – бухта и порт в двух километрах от Магадана, куда прибывали грузы для “Дальстроя”. В 1930-е гг. 95 % всех грузов “Дальстрой” получал через порт Нагаево. “Груз людей” – это заключенные. Первые два года они были заняты в основном на строительстве города Магадана и прокладке Колымской трассы. С 1934 г. заключенные перебрасывались уже на прииски Колымы. По официальным данным “Дальстроя”, за период с 1932 по 1942 гг. на Колыму было завезено примерно 356 тыс. заключенных. В 1932 г. – 10,2 тыс. человек (РГАЭ, ф. 9163, оп. 5, д. 1, л. 62).

⁸ Бергавинов С.А. (1899–?). В 1931 г. – член Президиума ВСНХ; в 1932–1933 гг. – первый секретарь Дальневосточного крайкома ВКП(б). Расстрелян.

⁹ Из Нагаево заключенных отправляли в ближние (побережье, трасса до 47 км) или дальние (самые тяжелые) командировки (так назывались лагеря) и в большую зону (лагеря горных управлений). Горные работы (по колено в воде), холод в брезентовых палатках или наспех сколоченных бараках (зима на Колыме длилась 7–8 месяцев, минимальная температура достигала –60–65°), голод (месячную зарплату 20–30 руб. присваивали уголовники или надзиратели, а ежедневная пайка содержала физиологический минимум калорий) за две–три недели превращали людей в “присковый шлак” (А.Н. Пилысов. Указ. соч.// Колыма. 1993. № 9–10. С. 37; А. Сандлер, М. Этлис. Современники ГУЛАГа. Книга воспоминаний и размышлений. Магадан, 1991. С. 43, 97, 135–136 и др.).

¹⁰ В ведении “Дальстроя” находились и коренные народы Севера, для которых устанавливались твердые задания по перевозке людей и грузов, в том числе и с использованием оленьего транспорта, а также разверстки по обеспечению треста продовольствием (А.Н. Пилысов. Указ. соч.// Колыма. 1993. № 9–10. С. 39).

¹¹ Постановлением Политбюро от 19 ноября 1930 г. была разрешена продажа водки в районах лесозаготовок, сплава и пушно-рыбозаготовок; постановлением Политбюро от 15 сентября 1930 г. намечалось увеличение производства водки – на 1930/31 гг. план по спирту составлял 90 млн. ведер (РГЦИДНИ, ф. 17, оп. 162, д. 9, л. 31, 81).

¹² По данным магаданского краеведа А.Г.Козлова, до открытия навигации 1932 г. в Нагаево прибыли более 100 заключенных и небольшой отряд охраны –

сохранилась фотография Э.П. Верзина с 11 стрелками ВОХР, охранявшими заключенных (А.Г. Козлов. Указ соч.//Кольма. 1992. № 10–11. С. 29).

¹³ Ежов Н.И. (1895–1940). В 1931 г. – заведующий распредотделом, отделом кадров и промышленным отделом ЦК ВКП(б). Расстрелян.

¹⁴ Енукидзе А.С. (1877–1937). С 1922 по 1935 г. секретарь и член Президиума ЦИК СССР. Расстрелян.

¹⁵ Крутов Г.М. (1894–1938). В 1931 г. – работник Дальневосточного крайисполкома. С марта 1933 г. – его председатель. Расстрелян.

¹⁶ До 1935 г. режим содержания заключенных был сравнительно мягким: они получали премиальное котловое довольствие, имели возможность досрочного освобождения при перевыполнении норм выработки (осужденные по уголовным статьям составляли более 50 % всех заключенных). В последующие годы шло целенаправленное ужесточение режима. А. Сандлер и М. Этлис приводят свидетельство бывшего заключенного колымских лагерей А. Эдельберга, который помнит, как объявили приказ о том, что “с 18 декабря 1937 г. все лагерные льготы отменяются, устанавливается двенадцатичасовая рабочая смена, восстанавливаются ночные работы, заработная плата и пользование лавкой предоставляются только уголовникам и “стахановцам” из числа “врагов народа”, перевыполняющим нормы. Таких, однако, практически не было”. (А.Н. Пилясов. Указ соч.//Кольма. 1993. № 8. С. 36; А. Сандлер, М. Этлис. Указ соч. С. 183).

¹⁷ Серебряков Л.П. (1888–1937). С 1931 г. – начальник Цудортранса при СНК СССР, фактически первый нарком автодорожного транспорта. Расстрелян.

¹⁸ Строительство Магадана, по одним данным, началось в 1929 г., по другим, в 1933 г., чаще всего указывается, что строительство развернулось в начале 1930-х гг. Статус города Магадан получил в 1939 г. В городском парке была установлена белоснежная скульптура Сталина с простертой рукой.

¹⁹ Алкснис (Астров) Я.И. (1897–1938). С июня 1931 г. – начальник ВВС РККА и член РВС СССР, затем член Военного совета Наркомата обороны СССР. Расстрелян.

²⁰ Гольцман А.З. (1894–1933). В 1931 г. – сотрудник ГУ ГВФ (Гражданского воздушного флота). Погиб в авиационной катастрофе.

* * *

Постановление ЦК ВКП(б) о Кольме от 11 ноября 1931 г. положило начало освоению природных богатств Крайнего Севера рабским трудом заключенных. История Кольмы – это прежде всего история колымских лагерей, откуда бежать было практически невозможно. Это Серпантинка и рудник Бутыгыгчаг, гаранинские расстрелы и гибель от голода, холода и болезней сотен тысяч заключенных. Слово – В.Т. Шаламову, который отбыл на Кольме 16 лет:

“На Кольме тела предают не земле, а камню. Камень хранит и открывает тайны. Камень надежней земли. Вечная мерзлота хранит и открывает тайны. Каждый из наших близких, погибших на Кольме – каждый из расстрелянных, забитых,

обескровленных голодом – может быть еще опознан – хоть через десятки лет. На Кольме не было газовых печей. Трупы ждут в камне, в вечной мерзлоте.

В тридцать восьмом году на золотых приисках на рытье таких могил стояли целые бригады, непрерывно буря, взрывая, углубляя огромные, серые, жесткие, холодные каменные ямы. Копать могилы в тридцать восьмом году было легкой работой – там не было “урока”, нормы, рассчитанной на смерть человека, рассчитанной на четырнадцатичасовой рабочий день. Копать могилы было легче, чем стоять в резиновых чунях на босу ногу в ледяной воде золотого забоя – “основного производства” “первого металла”.

Эти могилы, огромные каменные ямы, доверху были заполнены мертвецами. Нетленные мертвецы, голые скелеты, обтянутые кожей, грязной, расчесанной, искусанной вшами кожей.

Камень, Север сопротивлялись всеми силами этой работе человека, не пуская мертвецов в свои недра. Камень, уступавший, побежденный, униженный, обещал ничего не забывать, обещал ждать и беречь тайну...” (В.Т. Шаламов. Левый берег. Рассказы. М.: Современник, 1989. С. 435–436).

*Авторский текст и комментарии
И.В. Павловой и С.А. Папкова*

ЗАЛОЖНИКИ СОВЕСТИ (Толстовцы на Соловках)

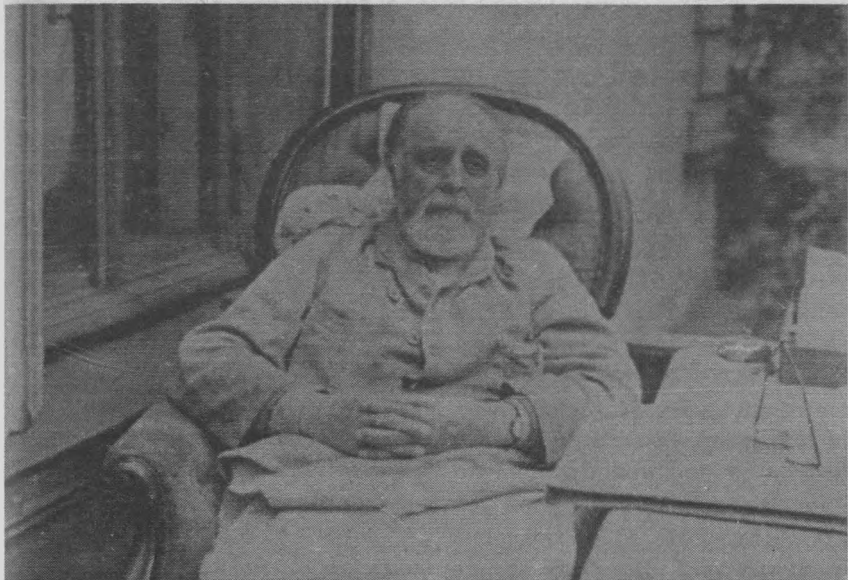
В первых двух выпусках нашего альманаха “Возвращение памяти” (Новосибирск, 1991, 1994) читатели могли познакомиться с материалами, рассказывающими о трагической участи крестьян-толстовцев в годы сталинской диктатуры.

Эту тему продолжает теперь новый документ из рассекреченных фондов Государственного Архива Российской Федерации (ГАРФ) – письмо-ходатайство В.Г. Черткова, направленное Сталину в феврале 1930 года.

Владимир Григорьевич Чертков (1854–1936) был близким другом, доверенным лицом Льва Николаевича Толстого и издателем его произведений. После кончины великого писателя (1910 г.) он многие годы посвятил тому, чтобы творческое наследие Толстого получило широкое распространение в России и за рубежом. Ему принадлежала также важная роль в пропаганде этического учения Толстого.

Когда большевистская власть перешла к решительному слову жизненных основ российского крестьянства, последователи учения Толстого подверглись жестокому преследованиям. Власти громили не только их общины и коммуны. Еще раньше насилию подверглись люди, открыто отстаивавшие пацифистские убеждения и нравственные идеалы толстовства.

Публикуемый документ – одно из свидетельств неоднократных попыток В.Г. Черткова защитить толстовцев – узников совести – от постоянных преследований государства или по крайней мере добиться для них смягчения тюремного режима. Документ состоит из двух частей: письма Владимира Григорьевича к Сталину и приложения, озаглавленного “Записка о заключенных...” Автор “Записки” нам неизвестен, но, несомненно, что это человек, близкий Черткову и хорошо информированный

В.Г. Чертков, 1933 г.

о положении последователей Льва Толстого, заключенных в Соловецкий лагерь. Чтобы Сталин мог отдавать себе отчет, что речь идет не о преступниках или противниках власти, а исключительно о мучениках за веру (хотя для Сталина это в сущности был пустой звук), "Записка" сопровождается кратким изложением тех религиозных мотивов, которыми толстовцы руководствовались в своих поступках и из-за чего постоянно подвергались тяжелым наказаниям со стороны лагерной администрации.

Остается однако неясным, какова была реакция Сталина (или его помощников) на данное обращение и какие последствия имело письмо для самих узников Соловецкого лагеря.

Документ публикуется без каких-либо правок и сокращений.

Место его хранения – ГАРФ, ф. 8409, оп. 1, д. 406, л. 71–78.

Многоуважаемый Иосиф Виссарионович,

С риском показаться Вам докучливым, решаюсь обратиться Ваше внимание на тяжелое положение группы так называемых "толстовцев", отбывающих наказание в Соловках. По возрасту моему (75 лет) и по состоянию моего здоровья я могу в любую минуту умереть (как, впрочем, и каждый, независимо от возраста), и до смерти я хотел бы высказать Вам по этому делу, как человек человеку, то, что у меня на душе, по тем сведениям, которые я получил.

Дело в следующем: 29 октября прошлого года в Москве одновременно были арестованы несколько молодых людей, так называемых "толстовцев", уже отсидевших разные сроки за отказы от военной службы по религиозным убеждениям: Иван Прокофьевич Баутин (мой личный секретарь), Борис Васильевич Песков, Иван Михайлович Сорокин и Юрий Иванович Неаполитанский. Всех их продержали до 1 декабря пр[ошлого] г[ода], после чего выслали в Соловки на 5 лет, вместе с Алексеем Ивановичем Григорьевым, также "толстовцем", отсидевшим свой срок за отказ от военной службы. В Соловках они оказались в ужасных условиях, так как уголовные, с которыми они сидели, их обокрали до гола, таким образом лишив их зимой всякой теплой одежды. А, главное, над ними за то, что они по требованию совести отказались от принудительных работ, стали производить различные пытки — правда, без применения непосредственных побоев или увечий, но не менее мучительные по причиняемым страданиям. Прилагаемая записка содержит краткое описание того, что им приходится там переносить.

Не знаю в точности, в чем именно их обвиняют, но могу ручаться за то, что они, по своим убеждениям отвергая всякие конспирации и насилие, никогда не станут участвовать ни в каких заговорах против советской власти. Мне кажется, что Вы согласитесь с тем, что участь, постигшая их (5 лет Соловков), слишком сурова.

До меня дошли сведения, что при допросе их обвиняли в 1) антимилитаризме, 2) помощи заключенным единомышленникам и 3) участии в "кружке молодежи".

Антимилитаризм. Они не отрицают, что они антимилитаристы, но пропаганды в этом направлении среди населения они не вели.

Помощь заключенным. Заключенные "толстовцы" находятся в большой нужде. Помимо обычного затруднения для всех заключенных получать передачу от своих семейных, живущих далеко или не имеющих средств для помощи, положение "толстовцев" ухудшается еще и тем, что почти все они убежденные вегетарианцы и стеснены в принятии тюремной пищи. Та скромная помощь, которую я им оказываю на собираемые от друзей небольшие средства, не является в моих глазах незаконной.

Участие в "кружке молодежи". "Кружок молодежи" с закрытием Московского Вегетарианского Общества имени Толстого перестал существовать. В том же, что некоторые друзья и единомышленники, более или менее разделяющие взгляды Толстого, собираются иногда в гости друг к другу, между прочим и ко мне, не вижу ничего предосудительного.

Что касается деяний, инкриминируемых "толстовцам", но не предъявляемых им при допросах, то, конечно, защищаться от этих обвинений, не зная их, совершенно невозможно. Например, существует "негласное" обвинение многих из нас в "шпионаже". Опровергать такое обвинение возможно только при разборе поведения каждой индивидуальной личности. Здесь же могу только сказать, что придание такого характера каким-либо действиям "толстовцев" есть страшная придирка и что по существу своему обвинение это безусловная ложь.

Когда указанная группа "толстовцев" прибыла в Соловки, на Попов остров в карантин, то она была так поражена грубым до бесчеловечности обращением ближайшего начальства с уголовными, которые подвергались при этом полному подавлению

человеческой личности, — что под полученным ими невыносимо тяжелым впечатлением — они решили отказаться от всяких принудительных работ, предписываемых этим самым ближайшим начальством. В этом отказе они руководствовались тем убеждением, что подчиняясь беспрекословно человеку, так обращающемуся с людьми-братьями — они не только сами поступили бы неправильно, но и развращали бы и тех, кто ими повелевает. Они хотели также разделить одну участь со всеми и не быть в привилегированном положении.

Этим людям особенно тяжело переносить режим Соловков, так как все они вегетарианцы, здоровье их уже было подорвано в самые юные годы тем, что они, как антимилицаристы, отбывали в свое время разные сроки тюремного заключения за отказ от военной службы по религиозным убеждениям. Уже до ссылки в Соловки трое из них были очень слабы здоровьем, а в настоящее время, вследствие перенесенных в Соловках испытаний, здоровье их совершенно подорвалось и внушает самые серьезные опасения за жизнь. (Мне известно, что один из ранее сосланных туда "малеванцев", разделяющих те же убеждения, Бебек И.В., уже умер, не выдержав, по-видимому, подобных испытаний. Сколько было и есть в Соловках таких людей, какие они переносили страдания и сколько было от этого смертей, мне, конечно, не известно).

На основании того, что я Вам сообщил, позволяю себе обратиться к Вам, многоуважаемый Иосиф Виссарионович, с убедительнейшей просьбой избавить этих людей, если они живы, от столь суровой кары, и если уже вы считаете нужным их карать, то перевести их в другие места ссылки, где их жизнь, или сколько от нее осталось, была бы сохранена и где они могли бы кормить себя земледельческим трудом.

А прежде всего прошу Вас способствовать тому, чтобы дана была в Соловки срочная телеграмма о прекращении крутых мер принуждения по отношению к этим людям. Само собой разуме-

ется, что я готов устно сообщить по этому делу все те дополнительные сведения, которыми располагаю.

С надеждой, что я не ошибся, полагая, что Вы не посетуете на меня за это письмо.

Остаюсь искренно уважающий Вас Чертков

5 февраля 1930 г.

Адреса:

Городской: ул. Баумана, Лефортовский пер., д. 7/а
тел. 2-03-25 и 83-07

Загородный: Всехсвятское, уг. ул. Левитана и
пер. Тропинина, д. 18/6.
тел. Всехсвятское 1-06

Кстати, посылаю Вам при сем, Иосиф Виссарионович, копию с моего ответа на полученные мною вопросы от Института Ленина при ЦК партии.

Этот ответ быть может возобновит в Вашей памяти отношение В.И. Ленина к сектантскому вопросу.

ЗАПИСКА О ЗАКЛЮЧЕННЫХ В СОЛОВКАХ ПЯТИ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ "ТОЛСТОВЦАХ"

Нижепоименованные так называемые "толстовцы" были 1 декабря 1929 г. посланы из Москвы в Соловки на пять лет.

1) Иван Прокофьевич Баутин (личный секретарь В.Г. Чертова) был секретарем Московского Vegetарианского Общества имени Л.Н. Толстого до его закрытия. По происхождению крестьянин с Украины. При призыве на военную службу отказывался от нее по религиозным убеждениям и отбыл положенный срок наказания. Пребывание в тюрьме, в особенно тяжелых условиях, сильно отразилось на его здоровье. Продолжительное заключение в Соловках (5 лет) навряд ли выдержит. Он принципиально отказался от принудительной работы. Тем не менее его отвезли в Парандово на Балонах (место самых тяжелых лесозаготовок). С половины января его снова вернули на Попов остров неизвестно по какой причине. Дальнейшая судьба его

неизвестна, но так как он ни на какие работы по принуждению не соглашается, то можно опасаться того, что его подвергают мучительным наказаниям, которые он может не выдержать, несмотря на большую свою стойкость. Друзья его сомневаются жив ли он в настоящее время.

2) Григорьев Алексей Иванович, крестьянин по происхождению. По прибытии на место ссылки, несмотря на отказ от принудительной работы, отправлен с Попова острова в командировку на работы за 90 километров пешком. На новом месте опять отказался от работы. Его назначили в карцер и к наказанию на 5 суток на "вышку". Вышка – это постройка в 3 сажени высоты на самом ветреном месте с открытой площадкой наверху. Наказываемый должен стоять целый день лицом к ветру без верхней одежды, а ночь проводить в сыром, холодном карцере со вшами, крысами и испражнениями. На третий день солдат, карауливший Григорьева, пожалел его и повязал ему теплый шарф под белье. Для согревания один из арестантов научил Григорьева искусственно дрожать. Благодаря этому он выдержал свое испытание и через 5 дней снова отказался от работы. Его погнали в штрафную роту – обратно за 90 километров. Там за новый отказ от работы его назначили к новому испытанию – стоять 3 дня лицом к ветру. Здоровый и жизнерадостный человек, Григорьев теперь представляет из себя совершенно больного с распатанными нервами человека, с лицом подергиваемым судорогами и с беспричинным смехом или рыданиями.

3) Неаполитанский Юрий работал в фото-кинематографическом учреждении. Отбывал тюремное заключение за отказ от военной службы по религиозным убеждениям. Болен туберкулезом. Назначен работать в канцелярию в Соловках.

4) Песков Борис по происхождению рабочий. Отказывался от военной службы по религиозным убеждениям. Из тюрьмы вышел с распатанным здоровьем. Во время пребывания его в Соловках известно, что ему назначили наказание "секиркой", которое считается одним из самых тяжелых. "Секирка" – это продолговатая комната вся в щелях, ветер дует насквозь, страшная сырость, и посередине этой комнаты по боковым сте-

нам две узких доски-лавки без спинок. На этих узких лавках должны сидеть наказываемые с ногами в висячем положении. За ними следят, чтобы они ни с кем не разговаривали, не двигались и не касались ногами пола. Если они двинутся или заговорят, то срок наказания добавляют. Дальнейшая судьба Пескова неизвестна, и за жизнь его также опасаются друзья.

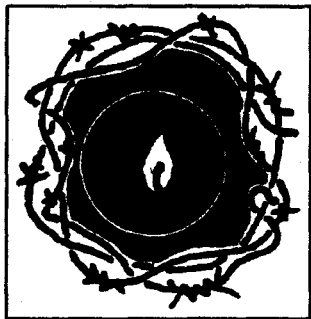
5) Сорокин Иван Михайлович, крестьянин. Будучи учеником земледельческой школы военного типа, он однажды назначен был ночным караульщиком яблок в саду и в темноте нечаянным выстрелом из ружья убил человека. Его судили и оправдали, но сам он не мог оправдать себя и страдал до тех пор, пока в одной из книжек Толстого не нашел ответа на мучивший его вопрос. С тех пор он сделался его последователем и отказался от военной службы. На суде Военного трибунала он поражал своими прямыми, искренними и умными ответами. Последнее время занимался на родине крестьянским хозяйством и жил вне Москвы. В этот раз он привез в Москву свою больную мать для определения ее в больницу и, находясь у Баутина в гостях в вечер ареста последнего, был также арестован. По прибытии на место ссылки назначен на работу по канцелярской части в Кемь, что считается очень удобным, но он не захотел быть в привилегированном положении и отказался. После этого его посадили на голодный паек: полфунта хлеба и стакан воды в день. На таком пайке он жил приблизительно месяц, совершенно обессилел и заболел. Врачи положили его в лазарет и в январе месяце дали отпуск на две недели. За время голодного пайка Сорокин, ослабевший, лежал на грязном полу во вшах под нарами, в страшной грязи, потому что в бараках карантина заключенные должны были убирать сами, но не могли, так как почти все были поголовно больны и слабы. Сейчас Сорокин согласился работать в больнице санитарную работу, чтобы хоть немного облегчить тяжелое положение массы больных. Вид Сорокина ужасный. Хотя он поехал в Соловки здоровым и крепким, теперь он говорит слабым, медленным голосом, почти шепотом, ходит с трудом, как тень.

Необходимо несколько слов пояснения для того, чтобы незнакомые с верою "толстовцев" могли понять мотивы их поведения.

Находящиеся в заключении "толстовцы" и люди одинаковых с ними убеждений, когда с них требуют работы по принуждению, находятся в исключительно тяжелом положении. Религия их состоит в том, что каждому человеку надо следовать указаниям своей совести, не допуская над нею никакой посторонней власти. Они могут исполнять только те требования "начальства", которые сами считают разумными. Поэтому многие требования, которые в обычном порядке беспрекословно исполняются остальными заключенными, они исполнять не могут. При том веления совести у различных людей этой религии различны. И степень стойкости в неотступлении от этих велений под давлением физических мучений также различна, смотря по индивидуальным свойствам каждого. Те же из них, кто отказывается от принудительных работ, поступают так опять-таки по различным мотивам, согласно особенному индивидуальному пониманию каждого. Одни считают, что так как все люди равны, то не следует одним начальствовать, а другим подчиняться. На этом основании они отказываются от исполнения всяких приказаний. Другие отказываются только от исполнения тех принудительных работ, которые они считают неразумными, но признаваемые ими полезными работы, хотя бы и принудительные, они соглашаются выполнять. Третьи, наконец, соглашаются даже на работы, полезности которых они не признают, но и зловредности которых они не видят. Кроме того бывает, что толстовцы отказываются от работ и даже от всякого повиновения, вследствие возмущения против бесчеловечного обращения вокруг них начальства с заключенными или в виде протеста против такого обращения.

Предисловие С.А. Папкова

ВОСПОМИНАНИЯ

В.А. Толмачев

ДОЛЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ

О преступлении режима против простого народа, против бедного русского, да и не только русского, крестьянства написано до обидного мало. И это понятно. Дело в том, что крестьянство в своей огромной массе было неграмотным, оставшиеся в живых крестьяне (и рабочие тоже) не способны были рассказать о себе, о своей трагической судьбе. Крестьяне погибали, уходили в небытие "молча", они не оставили после себя никаких письменных следов.

1. Истоки семьи Отец мой, Толмачев Алексей Иванович, 1895 года рождения был привезен в Сибирь его родителями в возрасте 4–5 лет из Рязанской губернии, мать – до замужества Томилина – Анастасия Ивановна, ровесница отца, родилась в Сибири, ее родители – Иван Григорьевич и Домна Григорьевна – переселились из Тамбовской губернии еще до рождения дочери. Безземелье, частые неурожаи, голод, нужда погнали моих предков в такую далекую и такую страшную неведомую Сибирь в надежде на лучшую долю, на лучшую жизнь. Жизнь их в родных местах была уж очень неласковой к ним, просто невыносимой, так что крестьяне, крепко привязанные к родным местам душой, рискнули на такой отчаянный шаг. Ведь надо было расстаться со всем родным, привычным, хотя и тяжелым, прошагать пешком 2–3 тысячи верст с нищенским скарбом, с малыми ребятишками. О подобных переселенцах известный художник С.В. Иванов написал картину "В дороге. Смерть переселенца" (1885 г.). Предки мои в дороге не умерли, добрались до предгорий Алтая и поселились в селе на берегу реки Оби, в месте впадения в нее небольшой речушки Ануй. Село так и называется – Усть-Ануй.

В первую мировую войну отец был призван в армию, несколько лет находился на фронте, был контужен (засыпан зем-

Толмачевы Алексей Иванович и Анастасия Ивановна.

лей при взрыве немецкого снаряда). Поженились мои родители до призыва отца в армию. По возвращении отца с фронта продолжалась крестьянская жизнь, наполненная тяжелым трудом. У родителей матери было несколько дочерей, но не было сына, и отец вошел в их семью – в крестьянской семье должен быть мужчина, а дед мой был уже в годах. Отец мой и мать были крепкими, дружными, здоровыми, умелыми и трудолюбивыми крестьянами. Пахали, сеяли, убирали урожай, заготавливали сено, ухаживали за скотиной, растили детей – работы всегда хватало с раннего утра до поздней ночи. В длинные зимние вечера при свете семилинейной керосиновой лампы пряли лен и шерсть на самопряках и веретенах, ткали холст на краснах. Папа зимой занимался вместе с односельчанами извозом – возили из Бийска на стеклозавод в Акутиху соду, а обратно – готовую продукцию – стекло. Семья наша в 1928–1930 гг. состояла из шести человек: дедушка, бабушка, папа, мама и я с младшей сестренкой. Брат и еще три сестры умерли ранее – детская смертность в крестьянских семьях была всегда очень высокой.

Расскажу подробно о хозяйстве семьи, так как за это хозяйство семью нашу раскулачили и уничтожили дедушку и бабушку. Семья имела пятистенный дом, такой же, как у подавляющего большинства крестьян нашего села, 2–3 лошади, 2–3 коровы (точно не помню, но не менее двух и не более трех), несколько овец, собаку. Пятистенный дом – это рубленый из сосновых бревен дом, состоящий из двух комнат. В первой комнате большая русская печь, перед нею пространство, которое называли кутью, что-то вроде кухни, но не отгороженной от остальной части комнаты. Зимой в кути держали маленьких телят и ягнят. В комнате – стол, несколько табуреток, кровать, вдоль стен – лавки. В переднем углу – икона, с потолка свешивалась керосиновая лампа с абажуром. Когда были малыши – подвешивалась зыбка. Более чем над половиной комнаты – полати, на которые мы, ребятишки, с великим страхом добирались по брусу с печки. Путь с печи на полати. Мы, ребятишки, спали на печи или полатях. В первой комнате висела и сушилась верхняя одежда и обувь (летом сапоги, у женщин чирки, зимой пи-

мы). Вторая комната – чистая, называлась горницей, отапливалась из первой комнаты "голландкой". Там тоже была кровать, стол и несколько табуреток. К первой комнате примыкали холодные, из теса, сени. Во дворе хозяйственные постройки – амбар, помещения для скотины, навес для саней, телег. В огороде – баня по-черному. В школьных учебниках обычно пишут, что "кулаки" были ужасными эксплуататорами, они держали батраков. Вот чего не было, того не было. И вообще в нашей деревне такого понятия как "батраки" не было – все крестьяне в своем хозяйстве справлялись сами. А в случае, когда требовалось по роду работ несколько человек – устраивали "помочь", т.е. собирались несколько соседей или родственников, выполняли необходимую работу и устраивали пирушку. Пьянкой крестьяне тоже никогда не занимались – им некогда было. В праздники "гуляли". Собирались родственники или друзья семьями, выпивали, "играли" песни. Но только по праздникам. Пили в меру и хорошо закусывали.

2. Коллективизация Раннее детство мое совпало с началом сплошной коллективизации. На окраине села, под сопкой была организована "комуния". Время было беспокойное. Взрослые говорили о налогах, о сдаче зерна "по разверстке", по дворам ходили писцы, переписывали скотину. В начале 1930 г. всех крестьян записали в колхоз, отобрали лошадей и угнали их в Алтайские горы. Весной, перед посевной, лошадей пригнали обратно, но что это были за лошади – это были скелеты. Колхоз распустили. Лошадей мужики кое-как подняли, кое-как поля засеяли. Осенью, после уборки и выполнения "первой заповеди" – сдачи хлеба государству и уплаты налогов – у крестьян не осталось почти ничего. Многие мужики из нашего села завербовались на стройку в Новокузнецк. Завербовался и папа. У сельсовета на скорую руку построили трибуну, обтянули ее кумачом, с трибуны говорили какие-то речи, а потом мужики, и папа мой тоже, с красным флагом отправились на стройку. Было это глубокой осенью 1930 г.

3. Нас "зорят" Зимой, в конце февраля или начале марта 1931 г. к нашему дому из "комунии" пригнали несколько подвод. Всю нашу семью из дома выгнали на улицу, дом разобрали, бревна погрузили на подводы и увезли в "комунию". Все наши вещи растащили, разграбили. Это называлось "раскулачивание" или "зорить кулаков". Дедушку и бабушку моих посадили на подводы и увезли в город, на станцию. Как много семейств в этот раз разорили – я не знаю. Разоренных увозили семьями – взрослых и детей. Нас с мамой почему-то бросили на улице, на произвол судьбы. Женщины и дети, и разоренные, и еще не разоренные, в ужасе плакали, ревели скотина – ее тоже куда-то угоняли, выли оставшиеся беспризорными собаки. Мы в один час потеряли все – потеряли самых близких нам людей – бабушку и дедушку, потеряли крышу над головой, потеряли все нажитое тяжелым трудом добро, все вещи. Остались на улице под открытым небом в чем нас выгнали из дома. Но мир не без добрых людей, переночевали мы у соседей, а на следующее утро отправились в город, где нас приютила жившая в пригороде Мочище наша дальняя родственница Феклуша. Вскоре из Новокузнецка приехал папа, которому дали знать о приключившемся с нами несчастье. Папа поступил на маслозавод возчиком. Опять вроде бы начала налаживаться жизнь. Но работать ему пришлось недолго – в середине мая его "забрали". Содержали его в каком-то рубленом бараке на самом берегу реки Бии, в центре города. Мама собрала передачу, и мы отправились. Передачу не приняли, свидания не дали. Через несколько дней папу выпустили. Сказали, чтобы он собрал семью и отправился на станцию. День был серенький, моросил мелкий дождик. На станции было столпотворение. Погрузили нас в товарный, двухосный, так называемый "телячий" вагон. В вагоне были нары. Молодые, старые, мужчины и женщины, старики и дети – вагон загрузили, что называется, "под завязку". Люди расположились и на полу, и на нарах. Провожать нас было некому. Я взобрался на нары, поближе к небольшому окошку под потолком, с решеткой, но без стекла. Из таких вагонов, как наш, был сформирован длинный состав.

4. Нас ссылают Вскоре вагон закрипел, качнулся, медленно тронулся, потом все громче, громче застучал колесами. За окном сначала медленно, а потом все быстрее поплыли, побежали постройки, вагоны на соседних путях, столбы, кусты. Поехали. Моя первая поездка по железной дороге. Вскоре начало темнеть, и все население нашего "телячьего" вагона погрузилось в кромешную тьму, в сон. Следующий день был яркий, солнечный. Поезд проходил по еще голым полям. На станциях все население выбегало из вагонов с ведерками, котелками набрать воды и кипятка. Иногда поезд останавливался в чистом поле, и все многообразное население его выбегало из вагонов "до ветру". К вечеру третьего дня нас привезли в Черемошку. Это за городом Томском.

5. Черемошка Разгрузили нас на берегу реки Томи. Здесь под открытым небом был большой лагерь, который постоянно пополнялся из подхитивших эшелонов с "кулаками". В ожидании дальнейшей отправки огромный человеческий муравейник жил своей жизнью — люди слонялись по лагерю, готовили на кострах пищу, здесь же, в кустах, справляли свою нужду. Злачные места засыпались гашеной известью. По реке ходили буксирные пароходы, подводили большие деревянные баржи, на которые и грузили людей. Почему, за что людей забрали, куда везут — никто ничего не знал. В лагере мы прожили дней семь. Голод, по ночам холод, грязь, вши. Нам очень везло — почти все время погода была сухая, а жили-то мы под открытым небом. Наконец и нас загнали на палубу баржи.

6. Вниз по реке Был теплый солнечный день. Несколько барж, плотно загруженных людьми, зацепил буксирный пароход, и весь наш караван поплыл вниз по рекам, сначала по Томи, а потом по Оби. Среди многочисленного населения баржи обращали на себя внимание люди с темными скуластыми лицами и в одежде, отличной от одежды всей массы людей. На шеях женщин — мониста. Несмотря на теплую погоду, одеты в шубы и своеобразные шапки. Очевидно, это бы-

ли казахи или киргизы. В дальнейшем этих людей я более не встречал. Должно быть, все они погибли в первые годы ссылки.

Был конец мая. Правый берег, заросший уже начинающим зеленеть кустарником, был залит весенней водой. Кругом море разливное. Все это для меня было новым и интересным. Куда мы плыли, никто не знал, даже взрослые. После нескольких суток такого интересного плавания наш караван пристал к берегу. Это было уже в верховьях реки Кети. К берегу, к самой воде, подступала густая, дремучая тайга. Здесь весь наш огромный плавающий лагерь и был выгружен. Говорили, что где-то рядом был поселок Палочка.

7. На Палочке Здесь, в глухой тайге, мы прожили дней десять. По вечерам жгли костры из пихтовых лап, спасаясь от гнуса. От костров шел специфический запах горевших смолистых лап, в черное таежное небо летели к звездам искры. А днем население этого огромного лагеря осматривалось. Куда же оно попало, как дальше жить? Готовили на кострах скудную еду. Мужики ходили в поселок, по начальству, что-то выясняли и утрясали. Мои родители каким-то образом узнали место, куда выслали дедушку и бабушку. Нам разрешили "соединиться" с ними. Ведь во всем этом огромном лагере у нас не было не только родственников, но не было ни одного односельчанина. Таких семей, которым разрешили "соединиться", набралось около десятка. Мужики обзавелись пилами и топорами, быстро смастерили два плота, погрузили на них своих женщин и ребятинек и снова отправились по реке Кеть, теперь уже в обратную сторону, в сторону поселка Тогур, где Кеть впадает в Обь.

8. На плотах Путешествовать на плоту было еще интереснее, чем на барже, — вода вот она, совсем близко, у ног и под ногами. А когда плот подходил близко к берегу, над головами проносились ветки деревьев. Мужики управляли плотами с помощью больших весел. На ночь наши плоты приставали к берегу. Однажды пристали у какого-то поселка. Поглазеть на наш плавающий табор высыпал весь посе-

лок, а сердобольные женщины принесли молоко и обрат и угощали нас — ребяташек. Молока мы не видели давно.

9. Неудачный путь на Галку В Тогуре наш плывущий лагерь рассыпался — на "соединение" отправились все по разным местам самостоятельно. Мы считали, что дедушка с бабушкой находятся на Галке. Из Тогура мы добрались до пос. Баранаково. Далее до Галки предполагалось добираться по реке Чае. Но к этой поре весенняя вода в реках уже начала спадать, судоходство по реке Чае прекратилось. Как добираться далее — мы не знали. В пос. Баранакове был большой перевалочный лагерь. В память врезалось — по берегу бродила женщина с растрепанными волосами, в изодранной одежде, иступленно кричала, кого-то звала. Говорили, что у нее погибли дети и муж, и она сошла с ума. На Галку по реке добраться мы не могли. Нас направили в рабочий поселок Могочино для работы на лесозаводе. Дедушка с бабушкой, к которым мы стремились попасть, как потом мы узнали, к этой поре уже погибли. Когда и где они погибли, при каких обстоятельствах, этого нам никогда не удалось узнать. Погибли ни за что ни про что. Лес рубили, летели щепки. Бабушка Домна Григорьевна всю жизнь была в делах по дому, всегда очень занятая. Я с ней общался менее, нежели с бабушкой Иваном Григорьевичем. Был он, как и все мои родственники, неграмотным крестьянином. Но он знал много русских народных сказок и в редкие часы досуга рассказывал их нам — своим внукам. Я любил быть в его обществе — он идет задавать корм скотине, и я бегу за ним, он идет за дровами, и я тут как тут. Дедушку я любил больше, чем кого-либо, был он крупный, добрый. Была у него седая борода, голубые глаза, большие руки, которыми он всю жизнь работал. Большим криминалом при "раскулачивании" была эксплуатация чужого труда, труда работников. Повторяю, никогда никаких работников в семье не было. Очевидно, работниками сочли моих маму и папу. Очевидно, потому нас с мамой и не увезли вместе с бабушкой и бабушкой. А уж потом и нас сослали как близких родственников "кулака". Вот такой скверный анекдот.

10. Покос В рабочем поселке Могочино было два лесопильных завода, несколько промартелей, но колхоза не было – поселок расположен на правом берегу реки Оби и весной затопляется полой водой. Для ведения колхозного хозяйства не было земли. Крутом болота с отдельными гривами, на которых росла трава. В это время как раз выезжали на сенокос, на заготовку сена для лошадей лесозавода. Вот на сенокос нас сразу же и направили.

Работа на сенокосе для отца и матери привычная с малолетства. Жили в шалашах (называли их "балаганами"). Папа был сильным, крепким, опытным крестьянином. Он стал метчиком, т.е. складывал сено в стога. Тут же работала и мама. С ребяташками моего возраста стал и я работать на покосе – возить копны на волокушах, и за работу мы все получали паек и какую-то зарплату. Таким образом, у нас в семье из четырех человек работало трое, получали паек, не голодали. В обед нас обеспечивали из общего котла. Возить копны по 12–14 часов на легнем солнце, когда тебя донимают комары и мошки, тяжело, но рядом были родители, рядом возили копны такие же ребяташки, как и я, и это не казалось нам уж таким страшным. Нормальная крестьянская жизнь. Сезон сенокосный затянулся до глубокой осени, до "белых мух", как говорили. На сенокосе работало несколько бригад, в общей сложности человек до полусотни. По мере скашивания травы в одном месте весь наш табор переезжал на новое место. Помню случай, когда из поселка приехало какое-то начальство и арестовало одного паренька. Дело в том, что это был совсем не паренек, а девушка, которая была сослана в гиблые места, может быть, на Галку. Потеряла всех родных, из тех мест сбежала, переделалась пареньком и работала на покосе.

11. Переезд в поселок Когда полетели "белые мухи", сенокос закончился, и нас перевезли в поселок. Поселили нас и еще две или три семьи в "хомутовке", то есть в помещении, где чинят хомуты и другую сбрую, а в начале каждой смены производят раскомандировку. Отделили нас какими-то тряпками, сделали тряпичный занавес. И на по-

косе, и в "хомутовке", конечно же, никакой бани не было. Не было и в первый год нашей жизни в поселке — мылись тут же, где и жили, ели, спали. И, естественно, развелись вши и в голове, и платяные в белье.

Потом в поселке открылась общественная баня, позднее построили свои банешки "по-черному", маленькие, примитивные. Стали в них мыться регулярно, а белье прожаривать, и с этим злом было покончено. В такой тесноте, в такой скученности знакомы нам были и клопы, и тараканы, и блохи. Со временем и с ними было покончено. Вообще вся-то наша жизнь есть борьба и борьба — так пели в песнях. Отец стал работать конюхом, мать на заводе, на подсобных работах. Через некоторое время нас переселили в очень маленькую комнату, а вместе с нами поселили двух пареньков — братьев Махнутиных Мишку с Колькой, похоже, тоже сбежавших с Галки. Семью они потеряли. Зимой их от нас отселили, ведь мы спали и на полу, и на топчане, и на полатах, т.е. в три этажа.

12. Я иду в школу В школу я поступал дважды. В первый раз это было в начале мая 1931 г. еще в Бийске. Почему это было в начале мая, а не в начале сентября — не могу понять по сей день. В школу отвел меня отец. Был хороший, солнечный день, по двору школы бегало множество ребятишек. В школе мне понравилось. Но образование мое на этот раз продолжалось два или три дня — нас сослали.

И вот уже в Могочино, глубокой осенью 1931 г. отец опять повел меня в школу. Папа был неграмотным, очень об этом жалел. Он говорил: "Ну, что мы — неграмотные? Чурки с глазами". Он очень хотел, чтобы его ребятишки были грамотными. И на этот раз учеба продолжалась не очень долго. Почему-то занятия в нашем классе (тогда говорили — группе) прекратились. И только где-то через месяц занятия возобновились, но не в школе, а в красном уголке клуба. На этот раз учеба продолжалась всю зиму. Группа наша была небольшой, ребятишек двадцать. К концу учебного года научили нас с грехом пополам читать и писать. К Первомайскому празднику меня в числе других премировали за старательную учебу отрезом на рубашку. При полу-

чении премии каждый мальчишка или девчонка выходили к столу и говорили какие-то слова благодарности. И хотя кругом были свои ребятишки, выходить было как-то страшно. Но все так делали и что-то говорили. Пришлось и мне выходить и говорить. Я только сейчас начинаю понимать, что это была воспитательная акция, нас подгоняли под общий шаблон и приучали благодарить начальство за все. Делали из нас "винтики". Весной нашу группу перевели в здание школы, расположенной в центре поселка, школа для вольных. Весной 1932 г. нас переселили в спецпоселок по улице Северной, и в дальнейшем я ходил в школу для детей спецпереселенцев.

13. Спецпоселок На самом севере поселка вдоль длинного заболоченного, заросшего травой резуном озера проходила грива километра на два. Вот на этой-то гриве и построили около восьми десятков бараков из досок, засыпанных опилками. Все бараки стояли торцами друг к другу, имели по две входных двери, в середине барака – перегородка. В одном из таких бараков, в середине поселка, нас и поселили. Жило в комнате, где-то 5x8 м, три или четыре семьи, человек 15 всех возрастов. В такой скученности, в таком гвалте жить было плохо, и к осени папа в стороне от бараков выкопал большую яму и обустроил землянку. В землянке поставил печку, с фасадной южной стороны крыша землянки выступала над поверхностью земли на 50–70 см, там сделали небольшое окно. Вход в землянку – из пригона, где у нас была корова, приобретенная к этой поре. В землянке было тихо, спокойно и тепло, совсем как дома! Местность, на которой располагался поселок, была нездоровой – болота, сырость, комары. Каждую весну все население болело малярией ("лихорадкой", "лихоманкой"). Взрослые работали на лесозаводе. Были в поселке промартели. Коренное население – остяки, а их было мало, жили на берегу Оби и занимались рыболовством и охотой. Спецпереселенцам охотой заниматься запрещалось – охота связана с оружием. Вообще – спецпереселенцам многое запрещалось – запрещалось отлучаться в соседнюю деревню, запрещались браки между спецпереселенцами и вольными, а если это нарушалось – супруже-

ская пара и их потомство попадали в ведение комендатуры. На содержание комендатуры из зарплаты вычитали 15 %. Никаких прав у спецпереселенцев не было, и по положению к ним могли и допускались любые беззакония и любой произвол. По поселку разъезжал на лошади какой-то тип по имени Солган, разъезжал с плетью, которой наводил ужас на людей. В поселке часто были пожары. Сгорел барак в середине зимы. Жило в нем семей 100 или более. Были ли человеческие жертвы – не знаю, барак был расположен далеко от нас.

Стали обживать, заводить коров, огороды, землянки и избушки. В землянке мы прожили год, а потом папа построил избушку – срубил ее из осинника, а для утепления обшил тесом и засыпал опилками. В избушке была одна комната, о трех окнах. В окнах были одинарные рамы. На двойные не было ни стекла, ни средств для их приобретения, и зимой окна покрывались толстым слоем льда.

Освещение – в школе керосиновые лампы, а дома – копилки (пузырек с керосином, в который опускался фитилек). Все взрослые работали на заводе, а мы, ребяташки, бегали в школу, бегали в буквальном смысле слова, ведь морозы очень сильные, а одеты мы были плохо.

В нашем рабочем поселке жили и вольные. Помню большую семью Каламаевых – отец, мать, несколько мальчишек, старшие где-то мои ровесники – Ванька, Петька, Колька, Сашка и еще несколько, совсем голопузых. Мальчишки и их родители – всегда в неопрятной одежде, жили они в бараке, были всегда веселы, жизнерадостны, свободны. Я завидовал им потому, что они были вольные, что их "раскулачивать", обращать в спецпереселенцев ровным счетом не было никакой причины. Пример их оказал большое влияние на мое сознание и на всю мою последующую жизнь: чтобы быть вольным, я никогда не стремился иметь никаких вещей, которые возбудили бы у людей зависть, дали возможность им раскулачить меня. У меня никогда не было и никогда не будет ни машины, ни мотоцикла, ни своего дома, ни даже приличной одежды. Государство в этом мне очень помогало – платило нищенскую зарплату, которой всегда не хватало на самое необходимое, периодически обирало. Я думал

(и сейчас так думаю): вот мои родители, мой дед и бабушка с раннего утра до позднего вечера, не разгибая спины, работали, работали, работали. В награду — отбирают все, что они нажили тяжким трудом, — дом, скотину, одежду, ссылают в гиблые болота, убивают деда и бабушку. Клеймят как только можно, считают тяжкими преступниками — "кулаками", "мироедами", спецпереселенцами, врагами народа. А Каламаевы эти как птички божии — не знают ни тяжелой работы, ни заботы, ни труда. Они — образец гражданственности, пролетарии, гегемоны, а не какие-то там липенцы. Вот если бы только такие мысли вошли лишь в мое сознание — об этом и говорить не стоит. Но хуже всего, такие мысли вошли в сознание всего народа. Ни один сверстник мой не имел и не имеет ни машин, ни собственного жилья. Этим всем стали обзаводиться последующие поколения. Наше поколение, очень маленькая часть его, не уничтоженная в войну, так и осталась ломпенизированной.

Уничтожение частной собственности — один из краеугольных камней социализма. Уничтожение, разрушение семьи — второй важный признак и принцип социализма. И здесь режим за 75 лет господства достиг огромных успехов. Началось сразу же, с 17 года. После гражданской войны — огромная масса беспризорных детей, в период коллективизации — гибель родителей, осиротелые дети. Семьи разбивались, разрывались родственные связи. Я, например, прожил всю свою жизнь вдали от родственников, никогда никто ни мне не мог помочь, ни я никому. Индустриализация, стройки, на которых всегда одинокие мужчины и женщины живут в бараках, балках, как попало. Налицо ломпенизация сознания, падение нравов. Этому способствовало запрещение религии — третий признак построения социализма. Результатом всего этого — построенный в боях социализм. Огромная, в 1/6 часть земного шара, страна, с несметными богатствами — и нищий, безнравственный народ, вырождающийся, вымирающий, без будущего.

14. Папу забирают Каждое лето мы с папой уезжали на покос. Раз в 10–15 дней обычно приезжали домой, мылись в бане, меняли белье. 15 августа 1937 г.

мы утром собирались возвращаться на покос. К нам пришел молодой человек в военной форме и два дальних соседа. Был произведен очень поверхностный обыск, для видимости (а что искать-то!), и папу увели, увели, как говорили в поселке, "в паузок". "В паузок" в это лето увели уже много людей. Арестованных помещали в небольшие баржи, паузки, и куда-то их увозили, куда, за что, про что — никто ничего не знал. Люди исчезали бесследно. Говорили, что это враги народа. Чуть позднее, когда я пошел в школу, в седьмой класс, я узнал, что почти у половины ребятешек отцы — враги народа. Через четыре года вот так же в массовом порядке людей забирали и отправляли на фронт. И мне кажется, что в 1937—38 гг. людей забрали в паузок не менее, чем потом в 1941—45 гг. на фронт. Я и многие мои школьные товарищи стали неполноценными дважды — были спецпереселенцами, а сейчас стали еще и детьми врагов народа. Никаких вестей от уведенных в "паузок" не было. Где они — спросить было не у кого. Чуть позднее, в книге Л.Фейхтвангера "Семья Оппенгейм" я прочитал и очень удивился: один из героев книги был арестован фашистскими властями. Братья его, как ныне говорят, начали "права качать" — выяснять, а правильно ли, законно ли арестовали их брата. Прочитал я это, и в голове моей глупой стали появляться совсем нехорошие мысли. Ведь ни я, никто из моих многочисленных товарищей даже подумать не смели не то что "права качать" и хотя бы униженно спросить, а куда же подевали наших отцов? И за что?

В последующие год-два от папы было два маленьких письма, где он сообщал, что его судили по ст.58, дали 10 лет, и что он находится на Колыме, в поселке Зырянка. Более писем не было. Ни разу мы не слышали, чтобы кто-то из забранных "в паузок" присылал какие-либо весточки. Сегодня я знаю — они и не могли прислать — все, все до единого через месяц после ареста были расстреляны. В то, что арестованные были врагами, никто никогда не верил. Я по наивности думал, что забирают для использования арестованных в качестве бесплатной рабочей силы. Оказалось хуже — просто для уничтожения. Для чего уничтожали — это для меня является загадкой и по сей день.

15. Я иду работать В 1937 г. я окончил 6 классов, учиться очень хотелось, и я пошел в седьмой. Летом в 1938 г. после окончания семилетки я вынужден был пойти на завод. На работу принимали с 16 лет, мне было только 15. Получил я в комендатуре справку. А что с ней делать? Не примут на работу. Товарищ мой и ровесник Шурка К. поделился своим опытом: исправить в справке год рождения, и проще всего, по его словам, цифру "23" на "20", что я и сделал. После такого исправления на работу меня приняли как взрослого человека, достигшего 18 лет. Подростки работали по 6 часов и только днем, взрослые – 8 часов и днем, и ночью. Промучились мы с приятелем несколько месяцев, поработали в ночных. А мальчишкам в 15 лет уж очень тяжело работать ночью! Особенно тяжело, особенно хочется спать под утро и по вечерам, перед выходом на работу. Сходили за новыми справками, поработали некоторое время подростками, а потом, к зиме, меня все равно перевели на работу со взрослыми, другой работы не было.

Работал я зимой на лошади верхом, коногоном. Работа мерзкая, да еще на очень сильных морозах. В декабре и январе температура часто опускалась ниже -40°C . По положению работы на открытом воздухе при температуре -35°C и ниже прекращаются, но когда еще дадут команду прекратить ее! Мороз пробирает до костей, особенно мерзнут ноги. Через каждые 50 минут дается десятиминутный перерыв на обогрев. Не успеют еще ноги согреться – опять на мороз. Я старался с этой работы по возможности уйти. Одно время меня переводили на расчистку "ледянки", ледяной дороги, по которой из бора на лесозавод возили бревна. Эта работа мне нравилась значительно больше, я находился не на лошади, а на земле. Я был сам себе хозяин, двигался и не так сильно мерз. В марте, когда уже "ледянка" перестала действовать, меня опять перевели в коногоны, однажды лошадь упала, я зазевался, и моя нога оказалась между боком лошади и обледенелой землей. Раздавило стопу правой ноги. Нога проболела около месяца, после чего я уже в коногоны не пошел – пошел пилить дрова. Работа тяжелая, но

правилась она мне более, чем коногонить. Пилить дрова и в физическом, и в нравственном отношении более здоровая работа.

За работу получал зарплату, которую тратили на приобретение хлеба, соли, сахара и на уплату налогов. Было очень туго с одеждой, бельем. Конечно же, садили огород, держали корову, от голода пока еще не страдали. Следует, очевидно, отметить, что все работавшие на улице зимой ходили с обмороженными щеками и носами. На работу, на обед, брали сумочки с хлебом, а у кого были коровы, то и бутылочки с молоком.

16. Снова иду в школу Учиться очень хотелось — и осенью 1939 г. я пошел в восьмой класс. К этой поре гнет комендатуры начал ослабевать. В декабре 1937 г. были выборы в Верховный Совет. Спецпереселенцы (теперь нас уже называли "трудпоселенцы") принимали участие в них. Нас, школьников, начали принимать в пионеры, в среднюю школу, позднее — в высшую. Демагогией это пояснялось так, что эксплуататоры трудом немного перевоспитались и им можно уже участвовать в выборах, но выезд за пределы поселка по-прежнему не разрешался. Юношей не брали в армию, не доверяли, но широко распространялся демагогический лозунг — "сын за отца не отвечает". В классе оказалось несколько моих прежних соклассников — они застряли или в 7-м, или 8-м классах, и я их догнал. Полтора года работы сделали меня более взрослым. Их детские шалости в классе мне казались странными. Из-за перерыва в учебе у меня возникли некоторые проблемы с немецким языком и историей — по языку я отстал, а по истории — пропустил средние века. В остальном все было хорошо. Классным руководителем у нас была Анна Ивановна — небольшая сердечная женщина. Позднее узнал, что мужа ее расстреляли в 1937 г., что она по происхождению дворянка, училась в Смольном, и сейчас в школьном музее хранится фотография, где юная Анна Ивановна с группой смольянок снята вместе с генералом А.А. Пушкиным, сыном поэта. Эта слабая физически женщина очень помогала нам не впасть в отчаяние в тяжелые предвоенные и военные годы. К нам, замурзанным, полуголодным, а далее и просто голодным и убого одетым дере-

венским мальчишкам и девчонкам, и притом социально неполноценным, она относилась по-человечески, с теплотой и участием. Сын ее, Юра, наш ровесник, погиб в трудармии.

События перед войной развивались стремительно и больно задевали нас. В начале 1940 г., когда шла война с Финляндией, у нас исчез из продажи хлеб. В последний день зимних каникул побежал я, как всегда, в магазин. А там столпотворение. Здоровенные мужики после работы тоже зашли за хлебом, а его явно очень мало, и они рвались к прилавку. Где уж нам, ребятишкам. Попытался купить муку — ее тоже не было. На следующий день с соседским мальчишкой пошли мы в глухой поселок, расположенный за бором и болотами километрах в 12 от нашего поселка — там тоже мука исчезла из продажи. Хлеб из свободной продажи исчез всерьез и надолго — лет этак на пятнадцать. Стали мы стоять в очередях за хлебом сначала с раннего утра, а скоро — и с вечера. А морозы были крепкие, под 40 °С. Помучились так с месяц, а потом хлеб стали выдавать по спискам. Было голодно, но еще была картошка. Летом на завод я не пошел, а пошел в свою же школу заготавливать дрова, сено, работал на других хозяйственных работах. События в стране по-прежнему развивались бурно — летом наши танки "освободили" бессарабцев, западных украинцев и западных белорусов, прибалтов, и в новом учебном году в классе у нас появились "освобожденные" евреи из Бессарабии. Одеты они были более прилично, чем мы, знали хорошо математику, физику, играли на музыкальных инструментах, в частности, на скрипках. Чуть раньше произошло еще важное событие — вышел указ от 26 июня 1940 г. Запрещался переход с одного предприятия на другое, за опоздание на работу на 20 мин. и более — "6,25", то есть вычет из зарплаты 25 % в течение 6 месяцев, рабочий день удлинялся до 8 часов (скоро он стал 12–14 часов), за трехкратное опоздание на работу свыше 20 мин. — отправляли в лагеря. Товарищ мой Шурка М. был летом 1940 г. отправлен на работу на несколько месяцев в Черемошку. Там он внезапно заболел после обеда, к врачу не обратился. Дали ему "шесть двадцать пять". Осенью, по окончании командировки, он возвратился домой. Весной следующего года его забрали, отправили в

Мариинские лагеря – обвинили в том, что он, не отбыв "шесть", уехал (скрылся, сбежал?). Да он всех этих тонкостей и не знал. У всех кончилась командировка, и у него тоже, и все поехали домой. Дальнейшая его судьба трагична – из Мариинских лагерей его отправили на фронт, где скоро ранили в грудь. После госпиталя снова на фронт, где он сразу же погиб. Весь настрой нашей жизни был в ожидании войны. Всех нас настраивали – не сегодня, так завтра Германия на нас нападет. И усиление трудовой дисциплины, указ от 26 июня 1940 г. – это все для укрепления обороноспособности. А когда 22 июня 1941 г. началась война, нас стали убеждать, что война началась внезапно и неожиданно, что Гитлер на нас напал вероломно. Никто и никогда не мог подумать, что он так нехорошо поступит!

17. Война началась Наводнение в 1941 г. было особенно большим, как и в 1937 г. Весна наступила поздно, и уже в мае полая вода шла прямо по снежным сугробам. На этот раз корову мы переправили на левый берег, а сами продолжали жить дома, на чердаке. Поселок к этой поре был обвалован дамбой, дамба напор воды выдержала, но все низины были затоплены грунтовой водой, летом дамбу в нескольких местах раскапывали и выпускали из поселка воду. Мы же жили за дамбой, а в поселок плавали на лодке. В воскресенье, 22 июня 1941 г. я, как всегда, поехал на лодке встречать с работы маму. Работали в это время уже по 12 часов, без выходных. Вода на огородах понизилась, но без лодки до дома мы еще не могли добираться. Мама сказала, что у них был митинг, объявили, что началась война с Германией. Эта весть, хотя ее и ждали, была обухом по голове. И огород наш был под водой, садить картошку на левом берегу мы не могли – мама все время на работе, у меня еще силенок мало. Картошка, посаженная в начале июля, когда она должна уже цвести, почти не уродилась, хлеба по списку давали мало, и мы начали по-настоящему голодать, голодать жестоко года до 1954. По окончании десятилетки в 1942 г. работал в школе, а летом был зачислен в институт, получил временный паспорт и пропуск и уехал в Томск. В институте продолжал жестоко голодать.

18. Папа возвратился Возвратился с Колымы папа весной 1948 г. Я выполнял дипломную работу. В середине апреля он разыскал меня в общежитии. Со дня ареста он не знал о нас ничего. После освобождения 15 августа 1947 г. он продолжал оставаться на Колыме, выехать на материк не разрешали. Разрешение получил зимой 1948 г., самолетом добрался до Якутска, от Якутска до ст. Большой Невер с попутными машинами. Поехал в Бийск, где отыскал родственников, узнал адреса – мой и мамы. И вот он разыскал меня. Выглядел он здоровым, но потерял зубы, а икры обеих ног были исполосованы глубокими шрамами – следы цинги. С первым пароходом он отправился в Могочино, к маме. Жить там он не собирался. Его как бывшего врага народа в любой момент могли арестовать снова. Повод найти проще простого: случись пожар (а на лесозаводе, где кругом сухая древесина, пожары случались нередко) – вот и повод для ареста, пожар – это дело вражеских рук. Переехали они с мамой в подсобное хозяйство МВД, расположенное в 40 км от Томска, где и продолжал работать на известной ему с раннего детства работе – конюхом.

19. Папа рассказывал Разговоры с папой о его пребывании на Колыме всегда были как бы случайными. Похоже, он был предупрежден "о неразглашении". С течением времени, после XX съезда и речи Хрущева разговоры стали более подробными. Из всех разговоров я пытаюсь составить какой-то последовательный рассказ. К сожалению, я не записывал в свое время рассказы папы, и многие подробности забыты. После ареста 15 августа 1937 г. всех арестованных на паузках отправили в Колпашево. Паузки с арестованными стояли на реке. К следователям возили в Колпашево. Что спрашивал следователь? Следователь говорил:

– Ты согласился вступить в банду. Как только начнется война, эта банда будет выступать против Советской власти.

– Но я ни в какую банду не вступал.

– Врешь, ты вступал в банду вместе с Котовичем и Мартынюком.

- Но я их знаю только в лицо. Живут они на другой улице, работаем мы не вместе. Я даже не знаю, где они работают.

- Ты все врешь!

- Приведите их, пускай они скажут.

- Их увезли.

- Но ведь это 58-я статья, это расстрел.

- А откуда ты знаешь про 58-ю статью?

- Все мужики в паузе так говорят.

Следователь начал уговаривать, предлагал закурить. Папа отказался, он никогда не курил.

- Ты не бойся, подписывай. Видишь ли, нам надо обживать Север. Надо золото добывать. Война скоро будет, и надо золото, много золота. Поработаешь и отпустят. Подписывай.

- Но я не умею, я неграмотный.

- Врешь!

- Я неграмотный.

- Ставь крестик!

Поставил. А кто не соглашался, тех били. Не соглашались многие, были люди грамотные, например бухгалтер ("булгахтеры", как говорил папа), они не соглашались, и их били. Мне объявили - 10 лет.

Повезли. Сначала в Томск, а далее в эшелоне на восток. Из Находки на пароходе "Журма". О пароходе "Журма" я впервые услышал от папы. Позднее это название встретил в мемуарах генерала А.В. Горбатова, у А. Солженицына в "Архипелаге Гулаг". Посадили несколько тысяч человек. Пароход большой, трехэтажный, морской. Загнали на этот пароход наших отцов, в условиях ужасных, хуже, чем скотских, повезли по морю. На пароходе были как "враги народа", так и уголовники, "друзья народа, социально-близкие элементы". Невольные пассажиры испытали все прелести морского путешествия - голод, холод, морскую болезнь. "Сильно качало. Я качку переносил хорошо, а многих рвало". Суток через 5-6, в полдень, пароход прибыл в Магадан. Это был огромный лагерь - несколько небольших избушек и палатки. А уже было холодно. В Магадане, в лагере, продержали до снега. Приглашали выходить на работу, кто работал - дополнительно кормили. Уже по снегу собрали этап че-

ловек 250. Вещи погрузили на оленей (у папы никаких вещей не было, из дому он ничего не взял, и денег не было, так что и приобрести он ничего не мог). Люди шли пешком. Были уже сильные холода. Выдали валенки, полушубки, шапки (так говорил папа, а я не догадался уточнить, что это были за валенки, полушубки и шапки. В дальнейших разговорах отец обычно упоминал ватники, бушлаты). Шли дней пять или шесть. До места назначения, в районе оловянного рудника Улмай (название по слуху, папа мог произнести неправильно) дотянуло человек 50, не более, остальные в дороге померзли (вот так валенки с полушубками!). Место, куда прибыли, называлось экспедицией. Поставили палатки, начали строить бараки. Отца определили пилить вручную доски продольной пилой. Напали вши – скинешь полушубок, а он шевелится от вшей, даже страшно становилось (как будто все остальное не было страшно!). Построили баню, вшей вывели. Бревна для строительства барачков таскали на себе – человек 10 брали бревно и толкали его по снегу. Далее – таскали за 3 км уголь в ящиках. Норма – 3 ящика в день, т.е. в день надо пройти 9 км с пустым ящиком и 9 км – с углем. Не выполнишь норму – 300 г хлеба, а выполнишь – 800 г. Приварок? Вода, в ней какая-то рыбешка. Обмороживались, умирали с голоду. Тракторами делали траншею, в нее скидывали трупы и засыпали снегом или просто бросали их за лагерь. Были случаи, когда голодные люди тайно обрезали мясо с трупов, варили его и ели. Весной снег растаял, и трупы стали плавать в воде.

Начали распухать ноги, стали, как чурки. Освободили от работы на три дня, лечения никакого. Врач сказал – ходить надо больше. Уж куда больше! Ноги продолжали распухать, икры распухли и лопнули, пошел гной с кровью. Снова обратился к доктору. Он сказал, что это ты сделал что-то сам, нарочно, лечить не буду, ты – симулянт. Иди и работай. Ушел в барак. С ног соскабливал щепкой гной с кровью, перевязывал тряпками. После цинги списали по акту, отправили в лагерь, расположенный километрах в двадцати от Магадана. Зачислили в инвалидную команду. Ожидали отправку на материк. Но на материк не отправили. Это было уже летом 1938 г. Лагерь был палаточный.

К зиме стали строить бараки. Позднее увезли на Кольмму, в район Зырянки. Здесь работал на лесоповале – валил лес. С лесом спустились вниз по Кольмме. Несколько зим был в Амбарчике. Последние четыре года в Зырянке. После освобождения осенью 1947 г. работал сторожем на аэродроме, перед освобождением – некоторое время нянькой, ухаживал за ребятишками какого-то начальника.

Рассказывал папа совсем невероятную историю, которую позднее мне подтвердили другие бывшие в тех местах и в то время. Еще позднее об этой истории приходилось читать. Суть ее такова. Полковник Гаранин – зам. начальника "Дальстроя" и начальник управления северо-восточных ИТЛ – приезжал в лагерь, выстраивали заключенных, со свитой проходил мимо строя, показывал пальцем, на кого указывал – выводили из строя и тут же расстреливали. А позднее арестовали и самого Гаранина и объявили его самозванцем. Якобы из Москвы был послан настоящий и хороший энкаведэшник Гаранин, но в дороге его убил бандит, овладел его документами и с этими документами обосновался на Кольмме и начал вытворять свои бандитские дела. Через год-другой был разоблачен и обезврежен. Из Москвы привозили жену Гаранина для опознания, и она заявила: "Вы что, издеваетесь? Это совсем не Гаранин". Я думаю, что вся муть об убийстве хорошего Гаранина и плохих действиях его двойника придумана в НКВД. Думаю, был Гаранин настоящим энкаведэшником.

Реабилитирован отец 13 декабря 1956 г. военным трибуналом Сибирского военного округа (тоже нашли военного преступника!). В справке сказано: "Постановление тройки УНКВД по ЗапСибкраю от 10 сентября 1937 г. в отношении Толмачева А.И. отменено, дело прекращено за отсутствием состава преступления, и он по этому делу полностью реабилитирован". В этой справке более всего умиляет выражение "дело прекращено за отсутствием состава преступления". Это спустя более 19 лет после ареста и 10 с половиной лет каторги догадались дело прекратить! А 23 мая 1993 г., спустя почти 50 лет после ареста МБ РФ по Томской области на мой запрос ответило: "Арестован 15 августа 1937 г. и необоснованно обвинен по ст. 58-2-8-11 УК

РФ
Администрация Алтайского края
КОМИТЕТ ПО ДЕЛАМ АРХИВОВ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
АЛТАЙСКОГО КРАЯ

650049, г. Барнаул, ул. Алашова, 72
т. 24-63-22

13.02.95 № Т-113
На № Т-415 от 22.02.95.
Толмачев В.А.

ИЦ УВД Алтайского края.
656025, г. Барнаул,
пр. Ленина, 74.

Архивная справка

По документам исполнительного комитета Быстроистокского районного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов за 1931-36 гг. установлено, что житель с. Усть-Ануй Толмачев Алексей Иванович был лишен избирательных прав за эксплуатацию батраков (выписка из протокола заседания Усть-Ануйской избирательной комиссии от 28 февраля 1933 г.), признан кулаком (карточка обследования хозяйства за 1929-31 гг.).

В хозяйстве Толмачева А.И. имелось: посевная площадь 3,45, лошадей 3, коров 2; быков 2, овец 4, ягнят 2, свинья 1, козья 1, молотилка 1 (вышеупомянутая карточка обследования).

Состав семьи: Толмачев А.И. 34 л., жена Анастасия 34 л., сын Василий 7(8) л., дочь Мария 5 л. (вышеупомянутая карточка обследования хозяйства).

Сведения о выселении, других членах семьи, другом имуществе, конфискации имущества и его опись отсутствуют.

Основание: ФР 668, оп. I, д. 104, лл. I, 2, 3, 6.

Директор госархива
И.о. зав. отделом
Гусейнова

Н.И. Данилина
В.Ф. Плксина

РСФСР как участник эсеровско-монархической организации. 10 сентября 1937 г. тройкой при УНКВД по ЗапСибкраю приговорен к 10 годам ИТЛ с поражением в правах на 5 лет" и что "в результате проверки при пересмотре дела установлено, что указанной организации на территории Томской области не существовало, а обвинение было полностью сфабриковано следователями НКВД. Вероятной причиной ареста в условиях массовых репрессий и борьбы с так называемыми социально-чуждыми элементами послужило то, что Толмачев А.И. находился на учете в Могочинской комендатуре как "трудпереселенец", хотя он не выселялся. Из объяснения, данного в 1956 г., следует, что раскулачен и выслан был из Алтайского края в 1931 г. тесть, у которого Толмачев проживал".

Похоже, папа – единственный из поселка, кто возвратился. Остальные, в том числе и Котович с Мартынюком, как это стало известно сейчас, были расстреляны в Колпашеве. Кто были эти расстрелянные? Рабочие, сторожа, конюхи, плотники, колхозники.

20. Послесловие После сталинского колымского курорта папа прожил еще 35 лет и умер в 1982 г. 5 мая, мама умерла раньше (жизнь ее тоже была очень тяжелой) – в 1973 г. 5 сентября. До конца жизни отец занимался крестьянской работой, был конюхом, а когда ушел на пенсию (а маме пенсии не дали – не смогли собрать необходимые документы), он пытался завести свою лошадь. Без лошади он не мыслил свою жизнь – лошадь очень нужна крестьянину – и дрова подвезти, и сено для коровы, и огород вспахать. Но власти очень боялись, что владелец лошади обуржуазится, и весь соцстрой от этого рухнет, и лошадей отбирали, приказывали их сдавать. История повторялась несколько раз – отец приобретал лошадь, а через некоторое время ему приказывали ее сдать. В конце концов он стал ухаживать за лошадью, принадлежавшей школе. У школы не было средств содержать лошадь, а лошадь школе тоже очень необходима, и папа безвозмездно содержал ее, а за это подвозил себе дрова и сено.

Последние 35 лет своей жизни он считал счастливыми – не было гнета комендатуры, не было колымского конвоя. И еда, хотя и скудная, но была – родители держали корову, сажали картошку, держали небольшой огород. В подсобном хозяйстве у них была казенная комната, а когда переехали в Межениновку, купили свою избушку. Избушка убогая, но жили же!

К.А. Лапшин

ВОТ ТАК И ЖИЗНЬ ПРОШЛА...

Я родился в 1919 году в вагоне на станции Обь. Мать ехала к моему отцу в Новониколаевск, но мост через Обь был взорван, город горел, колчаковцы отступали. А тут роды... Ну, она все свои драгоценности – серьги, кольца отдала возничкам, согласившимся отвезти нас обратно в Барнаул, пока обстановка не стабилизировалась, и мы смогли приехать к отцу. Жили на улице Фабричной. Потом в Казань уехали, вернулись, какое-то время жили на теперешней Коммунистической, затем на Нарьмскую переехали. Там в рубленом пятиквартирном доме на углу улиц Нарьмской и 1905 года – напротив пересельной тюрьмы – отец выкупил двухкомнатную квартиру.

Отец мой, Алексей Петрович, в царское время был морским офицером. В гражданскую войну, хотя и был он дворянского сословия, получил орден – за сооружение ледовой переправы через одну из сибирских рек. Сначала, правда, хотели расстрелять (там, на неокрепшем еще льду провалилась какая-то техника – обвинили строителя), но приехала из Москвы комиссия, разобралась во всем и вместо расстрела наградила. Потом он воевал на КВЖД, был тяжело ранен. Когда его в 1938-м арестовали, тот орден пропал. Как и золотой портсигар, золотые часы, золотая цепочка от пенсне, дорогая бритва. У него было еще за германскую войну два креста. Но в протоколе обыска значатся только паспорт и профсоюзный билет.

Его в командировке прямо с поезда сняли и предъявили целый букет самых страшных обвинений – от измены родине и участия в контрреволюционной организации до подготовки террористического акта по отношению к Сталину. Мы этого ничего не знали тогда, в 1938-м году. Поехал человек в командировку – и исчез. Мать спрашивала у него на работе – там ничего не знают. Стала ходить в НКВД – отвечают: "У нас такой не числится". А потом как-то возвращается из очередного похода в это

учреждение в слезах. Ей там сказали: "Не ходи, не спрашивай, не то, если хочешь быть там, где твой муж, мы тебе это сделаем".

Дня через три у нее случился приступ аппендицита. Ее "Скорая" увезла в клинику Мыша – был тогда в Новосибирске такой профессор. Я на другой день навестил ее там. Она сама ко мне вышла, спустилась со второго этажа, сказала, что приступ прошел, но ее готовят к операции. А на следующий день позвонили мне на работу из клиники и сказали, что ее оперировали и через два часа после операции она скончалась. Я на другой день был у Мыша, он сказал, что ее оперировал какой-то практикант, не подготовив надлежащим образом, без его ведома. И посоветовал обратиться в суд. Ну, я ни в какой суд обращаться не стал: разве суд вернет мне мать? Потом уж сообщил: может, эти, из НКВД, таким образом исполнили свою угрозу. Это уже 1939-й год был. А вскоре мне повестка пришла из военкомата: призывают в армию. Я говорю, не могу, мол, у меня на руках сестренка десяти лет и братишка шестилетний. А они: – Сдай детей в детский дом. – А квартиру куда? – А это нас не касается.

Так ли, этак ли, а пришлось как-то устраивать детей. Отыскал тетушку, она к нам переехала, стала за детьми присматривать. Но квартиру не уберегла. Выселили их в 1941-м году, когда я на фронте был. Пришли какие-то люди в белых полушубках с бумагой и велели освободить квартиру в течение двух часов. Что за два часа сделаешь? Собрала кое-какие детские теплые вещи, постель и перебралась в неотопливаемый чулан. А потом из этого дома вовсе съехала в подвальчик на Ядринцовском спуске. И потерял я всякую связь с ними.

Моя судьба как сложилась? Служил в Забайкалье, сразу после халхин-гольских событий. Это была не пограничная часть, но вблизи границы – второй эшелон, что ли. Тревога чуть ни каждую ночь. Так что, когда 5 мая 1941 г. нас подняли по тревоге, мы думали – это, как всегда. Но на сей раз было по-другому: погрузили в эшелон и повезли. Куда-то на запад, а куда – не знаем. Под строжайшим секретом. Письма отправлять запретили. Из эшелона выпускали по нужде только на малень-

ких станциях и то – небольшими группами... Только в Аральске мы узнали, что Советский Союз производит передислокацию войск. А до того по радио слышали, что Германия сосредоточила на наших границах 170 дивизий. Так что, в общем, понимали, к чему дело идет. И вот на станции Конотоп, часов в 5 утра я, помню, из вагона выскочил, а к нам подходит дежурный по станции, с ним еще двое. "Война, – говорят, – Киев бомбят, горит..." Я – к комиссару эшелона, разбудил его: "Война", – говорю. А он: "Ты паникер, я тебя сейчас расстреляю!" Но дежурный по станции подтвердил. Ну, все из вагонов повыскакивали, митинг. А потом, только отъехали километров 20 – налетели истребители немецкие и стали расстреливать наш эшелон. Когда прибыли в Киев, у нас оказалось 27 убитых и больше 50 раненых.

Нас повезли дальше – на Чернигов, Могилев – выгрузили в Орше. Бомбежка – а оружия никакого, кроме нескольких карабинов для охраны. Ночью – немецкий десант, можно сказать, прямо нам на голову. Как-то их перебили. Наутро нам наконец выдали оружие.

Как я воевал, про это долго рассказывать. Всякое было. Принял участие и в обороне Москвы. Под Вязьмой меня контузило (а еще до того, под Смоленском – ранило). Снаряд рядом разорвался. Соседу моему голову оторвало, а меня землей засыпало, оглушило, глаз левый ничего не видит. Меня в прифронтовой медсанбат положили, а там весь персонал – латыши, ни они меня, ни я их не понимаю. И лечения почти никакого. Словом, как только глаз видеть стал, я оттуда сбежал. И справки никакой не взял. Теперь вот на этот глаз совсем ослеп и на левое ухо оглох, а доказать, что это результат фронта, не могу. Нет документов.

А в 1943-м, мы тогда в Белоруссии были уже, я попал в плен. Пошел в разведку, да неудачно. Перебегал дорогу – меня в ногу ранили, дальше бежать не могу. Стал возвращаться, тут меня и взяли.

Трижды был под расстрелом. Первый раз – когда попал в облаву – меня за партизана приняли. Согнали нас в сарай, потом вывели, построили, и какой-то жандарм на ломаном языке

объявил, что "как партизанен вы будете весь расстреляны". Но тут другой офицер подошел к нему, что-то сказал, и меня вывели из строя, отвели в сторону. А остальных расстреляли прямо на моих глазах. Меня, наверное, спасло то, что я был под чужой фамилией – разжился справкой на имя Александра Гордеева, ученика ФЗУ. Вроде я несовершеннолетний, домой иду из училища. Как бы то ни было, оттуда отвезли меня в лагерь под Смоленском. Страшный лагерь был. Кормили – на день консервная банка вареной ржи. И все. А гоняли на работу, вытаскивать из Днепра бревна. Зима, они обледенели, их обкалывать надо. Раздеваемся догола – и в воду, а другие в это время на берегу костер жгут для нашего обогрева. Потом меняем. Зато можно было накопать мерзлой картошки и в том костре запечь. Конвой не препятствовал. Только благодаря этой картошке, наверное, и выжил. А так в лагере ежедневно человек по 200 умирало.

Потом стали нас переводить в какой-то другой лагерь, на другой окраине Смоленска. И вот ведут по улице Лёнина, по сторонам стоят местные жители, старики, женщины; стали поворачивать на боковую улицу – и тут в какой-то момент я замечаю, что конвой на повороте меня не видит, и делаю широкий шаг в сторону и оказываюсь среди этой публики, что по сторонам стояла. Это был смертельно опасный шаг: нас пока вели, многие "на рывок" бросались из строя в подворотни, но конвой всех пристреливал. А мне повезло: когда я оказался в поле зрения конвоира, он меня уже за одного из публики принял. Прикладом еще шуганул, чтобы не выходил с тротуара. Спрашиваю у людей, когда колонна прошла, куда мне теперь. Посоветовали переждать до ночи в каком-нибудь разрушенном доме, а ночью – к Днепру – и помогай Бог.

Я так и поступил. Дождался ночи и пошел. Но когда уже почти перебрался, провалился в едва затянутую ледком полынью. Промок по пояс. А декабрь. Одно спасенье – двигаться. Прошел километра полтора, какая-то деревушка. Я в избу заходить не стал, забрался в сарай, в солому. Думал, как-нибудь перебысь. Но через некоторое время чувствую – невтерпез. Постучался в избу. Открывает женщина, говорит: "В деревне

немцы". А я ей: "Погибаю, провалился, мол, в воду, замерзну". Ну, она меня выпустила, дала какую-то одежонку переодеться, покормила. "Но, — говорит, — вам надо уходить. Поймают — и вам не сдобровать, и нам". А у нее ребятишек куча. Делать нечего, ухожу... Долго шел... Вышел на дорогу, прошел километра три — догоняет меня мужчина на санях, спрашивает, кто я, что. Я как-то объясняю. Он говорит: "Садись, подвезу." И привез меня в деревню Емельяново Издешковского района. Я там и осел. Куда пойдешь? Рана гноится, и обморожение дает себя знать — боли. Хорошо, одна бабка вылечила талой водой и лампадным маслом. Сам делал ручные мельницы, печки железные — тем и кормился.

Как-то ночью неподалеку наши десант выбросили. Двое разбились, парашюты у них не раскрылись. А один ногу подвернул, идти не может. Остальные ушли. Только предупредили жителей: "Не трогайте парашюты, которые мы тут зарыли, — пропадете". Но бабы не могли такое добро — шелк! — оставить, растащили по домам. Утром пришли финны, истребительный отряд. И — по домам. И где эти парашюты находят, жителей выгоняют на улицу, а дом сжигают. А мужчин всех собрали, поставили перед нами пулемет: "Где партизаны, десант?" Нам откуда знать? А они свое. И стали выхватывать каждого четвертого и тут же расстреливать. Но почему-то до конца не дошли. Так я второй раз избежал расстрела. Загнали нас на какую-то маслобойку и ушли. На их место пришла немецкая часть. Они после неудачного штурма засевших на высоте в лесу десантников погнали нас собирать трупы. Те сверху кричат нам: "Не смейте!" и стреляют. А эти стреляют сзади: "Вперед!" Кое-как мы эти трупы собрали. И опять нас в эту маслобойку. А кормить совсем не кормили. Местные жители своим что-то приносили, а те с нами делились.

Потом повезли в Германию. Тоже суток трое — ни еды, ни воды... Так привезли в Веймар. Там отобрали человек 50 кто поздоровее, раздели догола, вещи все погрузили на повозку, а нас так погнали, нагишом. Это, значит, чтобы мы не убежали. Километров 30 прошли мы так. Через деревни гонят, а жители на нас помои льют, грязью забрасывают: "Русские свиньи!"

Пригнали в лагерь. Невдалеке от нас – Бухенвальд. Там мастерские были, где части к ракетам делали. Мне там, к счастью, побывать не довелось. Скоро я третий раз едва не был застрелен. Заступился за солдатика молоденького, Костю Виноградова (мальчонка такой, москвич из ополчения, под Вязьмой в плен попал); его лагерфюрер избивать стал, а я... Ну, тот на меня переключился, приставил к горлу пистолет: "Пристрелю, как собаку!" Но обошлось.

Там был такой случай: взрыв – два цеха на воздух взлетели; а мы траншеи рыли, кабель прокладывали. Нас – трех русских и четырех французов – они рядом с нами работали – потянули в гестапо. Бить не били, но поместили в подвал и пустили туда воду; как она дошла до подбородка – ее спустили, потом опять; так несколько раз. Около недели нас там держали, таскали на допросы. Но мы к этому взрыву были непричастны, и нас отправили обратно в лагерь.

Потом мне удалось бежать. Был в Бельгии, Голландии, во Франции. Наконец, в январе 1945-го перешел линию фронта, вернулся к своим. И сразу – в СМЕРШ. И первый вопрос: "Был у немцев под арестом?" Отвечаю: "Да, был" и рассказываю про этот случай. А они: "Почему живой вышел оттуда?" Там чуть ни через одного расстреливать выводили за угол. Но обошлось, отправили в часть артиллеристом. Оружие, правда, выдали только через несколько месяцев, в апреле, когда мы дали присягу. (Я, выходит, давал ее вторично; первый раз это еще до войны было).

Нас бросили на Наревский плацдарм, а оттуда – через Эстонию, Латвию, Литву, Польшу – и до самого Штральзунда, где я и закончил войну. Хотя еще и потом, в Польше мы мирно не жили: АК-овцы, бандеровцы...

А в 1946-м меня арестовывают. Я уже к демобилизации готовился. Мы в то время в Польше находились. Но вот вызывают меня в штаб и предъявляют ордер. И – в лагерь. Он расположен был в бывшем немецком военном училище... Кого там только не было. Несколько Героев Советского Союза. Одного помню – полковник Мовхесян, руководитель первого десанта, кото-

рый в Феодосии высаживался. У него было тяжелое ранение, он был прострочен из автомата от плеча наискосок до пояса...

Месяца через полтора погрузили нас в вагоны и отправили на родину. Привезли в Минск, поставили на какой-то дальний путь и 1,5 суток держат там — не кормят, не поят. А холод, зима, вагон телячий, без отопления. Мы стали кричать. Целый эшелон криком кричит — никто не подходит, ни охрана, никто (там неподалеку был переходной мост, из вагона было видно). Но вот подъезжают машины — одна, вторая, третья — и к нашему вагону. Трап кладут, открывают двери, входит рыжий такой, курносый тип: "Я Цанава, министр внутренних дел Белоруссии. В чем дело?" Мы объяснили. "Все будет в порядке". Где-то через час подъезжают кухни, начинают раздавать еду — сухари, баланду. Потом повезли дальше. Кормили в пути так — болтушка из воды и муки, да и та не каждый день. Когда привезли в лагерь под Ленинабадом, сами мы идти не могли. Пришлось охране нас выгружать. Половину сразу отправили в санчасть.

Работать стали сначала на строительстве химзавода и полей фильтрации. Что там фильтровалось, мы, конечно, не знали, но урюковые плантации, которые были расположены ниже этих "полей" (отстойников) по Аму-Дарье, все погибли... Потом отправили меня на рудник. Опускали на глубину больше километра, температура — плюс 40-42. Работа адская. Жара, пыль. Респираторы залепляются пылью, дышать невозможно. Их сдвинешь, прочистишь, но они снова забиваются. А норму все равно выполнять надо. Я, правда, недолго мучился, года полтора. Как-то отремонтировал начальнику надзора немецкий мотоцикл — и меня перевели в электрики. Потом вольнонаемные отдали нам из своего клуба киноустановку, я ее смонтировал, стали в лагере кино гонять. Даже радио наладил. Начальник лагеря был там мужик порядочный, не зверствовал.

Я там был сначала без суда. Судили только в 1947-м году. Причем, перед судом меня в лагере же арестовали — специально для суда. Следовательно — Меркушев его фамилия была — нечего писать было. Я просто рассказывал, что со мной было, а он записывал.

Ночью суд был. Вызвали в суд (это был Военный трибунал Туркестанского военного округа), зачитали все обвинения... Дали 15 лет. А я ничего понять не могу. Спрашиваю: "За что меня?" Говорят: "За то, что остался живой". И отвели в отдельную камеру. А утром вызывает меня секретарь, говорит: "Приди кассацию". Я говорю: "Не буду писать. Я не знаю, за что меня судили, на что мне жаловаться." ("Иамена родине" - 58-16. Где я изменил, в чем эта измена заключалась, понятия не имею. Я и приговора не видел, мне его не дали). Ну он сам написал, мне только расписаться дал. И меня назад в колонию отправили. А где-то через месяц меня вызывают в контору: "Тебе 5 лет скинули, оставили 10 плюс 5 лет поражения в правах". Ну, а потом - Кайеркан¹, шахта.

В Кайеркане я оказался в 1948 году. Когда нас привезли, в левой половине лагеря (если смотреть от вахты) еще находились каторжане, они были отгорожены от нас; там перед БУРом был в вечной мерзлоте выкопан глубокий котлован, туда тоже в наказание сажали. Потом каторжан увезли. Горлаг² тогда только создавался.

А до этого я был на руднике Консай, потом Куроксай - недалеко от Ленинабада. Там в основном свинцовая руда добывалась, а на одном горизонте - я как раз там работал - "красная руда" - как мы догадались, урановая. Лагерь был смешанный, но для 58-й статьи был отдельный барак. Оттуда нас отправили в Ленинабад, потом самолетом в Ашхабад, а уж затем - поездом - в Красноярск, и далее баржей - в Дудинку и в Кайеркан.

И сразу же нашли номера. В бушлатах прорезали дырки, и вместо заплат нашли номера - на спину, на грудь, на колено и на шапку. Потом стали эти номера писать масляной краской. Называли нас не по именам, а по номерам. Мой - никогда не забуду - был Г-769. Бараки на ночь запирались, на окнах решетки, в бараках параша... И у нас ни фамилий, ни имен, одни номера.

В 1952 году застрелили машиниста маневрового паровоза. Он подъехал к воротам оцепления ближе, чем положено, часовой его и застрелил. В то время в нас стали стрелять чуть не ежедневно. Охранникам ввели за это награду - за предотвра-

ценный побег – внеочередной отпуск. Вот оно и пошло. Настоящая охота на людей. С шахты в жилую зону ведут нас строем – так люди боялись оказаться в задних рядах: пурга – отстанешь – застрелят. И таких случаев несколько было. Докажи, что ты не пытался таким способом убежать. А куда убежишь – это ведь производственная зона, кругом оцепление. (Был, правда, и побег как-то большой, человек одиннадцать сразу. Их долго искали, так и не нашли. Только весной, когда снег сошел, нашлись их трупы: все замерзли в тундре). Меня часто вызывали в казарму охранников – то радио, то свет наладить; так я видел, какие плакаты там по стенам про нас были развешаны: "...особо опасные государственные преступники, злейшие враги нашей родины..." – черт-те что! За такими, и правда, глаз да глаз нужен, и патронов не жалеть.

А тут еще пригнали к нам этап блатных – целый барак. Работать они отказывались, а работяг избивали, пайки отнимали. Кто там у них верховодил, кто "шестерил", не знаю. Ну, шахтерам это надоело, они собрались и подожгли этот барак, а сами встали вокруг с пожарными баграми и крючьями. Так эти "мишаньки", как мы их называли, и сгорели вместе с бараком³.

Обстановка после этого оставалась все же накаленная. Особенно ее накаляли "западники" – с Западной Украины, Прибалтики. Наконец, как-то – уже после смерти Сталина – приводят нас после работы к вахте – а в зону не пускают. В чем дело – не знаем, не говорят. Потом стали запускать, но не всех сразу, а небольшими партиями – в сопровождении надзирателя – в барак – и под замок... Что там творилось в лагере, не знаю. Меня, еще несколько человек электриков, отдельно выводили в шахту, под конвоем. Даже кормили нас там, прямо в шахтоуправлении. Что-то там в зоне происходило. Слышал, что вводили в зону "бронированный" (обшитый стальными листами) бульдозер, "успокаивали" восставших. Но кто они были и какие там были события – не знаю. После этих событий отношение к заключенным стало как-то более человечным. Хотя плакаты в казарме висели те же.

... Был такой эпизод. Мы прокладывали в тундре трубопровод. Надо было укладывать трубы в озеро. А там на дне лед.

Никто не хочет в воду ледяную лезть – кругом ведь тундра, никакого обогрева... Так охранники загоняли заключенных в это озеро прикладами...

Моя судьба складывалась в лагере относительно удачно. Я, во-первых, электрик, к тому же знаком с рентгентехникой, мог смонтировать и отремонтировать любую медицинскую аппаратуру. Хорошо знал всякую связную технику – телефон, радио. Знал киноаппаратуру. Так дня не было, чтобы меня куда-нибудь не вызвали что-то ремонтировать или устанавливать. Да я еще и в самодеятельности участвовал, на аккордеоне играл. Мне этот аккордеон итальянский подарил сам Рокоссовский. Ну, про это как-нибудь в другой раз... А руководил оркестром нашим лагерным Райский. Он теперь в Минске оркестром радиокомитета управляет...

А жена моя, Зинаида Петровна, она из Крыма сама. Отца ее в 1937-м арестовали, мать сослали за Байкал. Она с сестрой и братишкой остались сиротами. Спасибо, односельчане не дали пропасть. В войну спасали наших солдат, которые из катакомб выползали отравленные – их немцы газами травили. Потом оккупация... А в 1945-м пришли наци. И ей – как дочери врага народа – 58, 1а – "измена родине". И – в лагерь. На Сухоне на лесоповале работала по пояс в снегу. Кто не выходил на работу, начальник собственноручно расстреливал. Из нагана. Потом Челябинск атомный строила. А потом очутилась в Норильске, в 5-м лаготделении Горлага. Я с нею там и познакомился.

Она ко мне потом приехала в Казахстан, когда меня после лагеря отправили в ссылку. Очень строгая ссылка была – без права переписки. И без права где-либо работать, кроме "общих работ". Я, правда, сделал как-то директору совхоза приемник, чтобы он у него в машине работал, так он меня выпцарапал с этих "общих работ", сделал начальником радиоузла и межсовхозной электростанции.

Правда, это уже после того, как меня амнистировали (не реабилитировали, а только судимость сняли). Это в 1957-м было. Вот только когда я сумел выбраться в Новосибирск. Командировку выхлопотал на три дня. Но никого не нашел. Сестра погибла, ее задавили в очереди. Брат погиб в армии, в мирное

время. Квартиру забрали еще во время войны. И ни мебели, ни книг, ни фотографий не осталось.

Реабилитации отца добился я только в 1989 году. Он был арестован 28 февраля 1938 года и через две недели – 14 марта приговорен тройкой УНКВД по Новосибирской области (врали, значит, они матери, что "такой не числится") к "высшей мере", как тогда это называлось, и расстрелян еще через пять дней, 19 марта.

А меня реабилитировали только в 1991 году.

Публикация Л.С. Труса

ПРИМЕЧАНИЯ ПУБЛИКАТОРА

¹ Поселок в 30 км от Норильска, место расположения 2-го лаготделения Горлага.

² Горный лагерь – так назывался Специальный лагерь № 2 для "особо опасных государственных преступников", размещенный в Норильске и его окрестностях.

³ По распоряжению генерала Семенова, начальника Горлага, сюда (2-е лаготделение) были переброшены вооруженные ножами бандиты-беспредельники. В результате резни в зоне – жертвы. По этой причине лагерники не выходили на работу 5 дней. (А. Макарова. Норильское восстание. Май-август 1953 года // Воля. 1993. № 1. С. 89).

А.Е. Кропочкин

СУДЬБА № СЛ-208

Хозяйка встретила его при входе.

— Вы не насчет квартиры? — с надеждой спросила она. Но внимательно взглядевшись в лицо пришедшему, все поняла без слов. — Вы, наверное, здесь..., — только и смогла тихо выговорить она и, потупив глаза, вышла из комнаты.

Он стоял в дверях, глядя на маленькое мутное окошко, тускло светящееся высоко под потолком. Позже в его бумагах я видел фотографию этого окна. Белый от прямых солнечных лучей оконный проем был перечеркнут расплывчатыми контурами стальной решетки.

Да, эта маленькая комнатка, как бы вырубленная в огромном монолите стены, была его камерой. ОК № 6. Отдельной камерой номер шесть следственной тюрьмы Томского управления МГБ СССР. Спустя много лет он пришел сюда вновь — как бы на свидание со своей судьбой. Той самой. За номером СЛ-208.

Томская областная газета "Красное знамя", 11-12 ноября 1986 г.

СТАЛИНСКАЯ ГРАМОТА

С чего все началось?

Может быть, с университетского собрания, на котором я от имени студентов потребовал навести порядок в студенческих столовых, нещадно разворовывавших нашу и без того тощую пайку. Это был 1946 год, карточная система. Ректор тогда обвинил меня в стремлении — ни много ни мало — "использовать наши послевоенные трудности в подрывных вражеских целях". Но, скорее всего, 18-я комната общежития Томского университета, в которой я жил, была и без того под наблюдением "всевидящего ока". По крайней мере, потом, в ходе следствия я получил возможность ознакомиться со множеством доносов, в

которых скрупулезно воспроизводилось и перетолковывалось все, что происходило в этой комнате. Ближайшим поводом для ареста, вероятно, были непочтительные слова о "великом друге и вожде", сказанные мною за новогодним столом в ресторане "Сибирь" в присутствии каких-то неизвестных, подсевших к нам и заведших провокационный разговор об "отце и учителе". Именно они, Т. и Ч., следователи МГБ, арестовали меня два месяца спустя.

Само следствие вела Елизавета Николаевна Бабикина. Дело "группы Кропочкина, виновного в контрреволюционном заговоре", было первым ее самостоятельным делом, и она старалась, как могла, добываясь моего признания в злоумышлениях против Советской власти.

— Да я же коммунист, — говорю, — всю войну эту власть защищал с оружием в руках.

— Нет, это ты, фашистская морда, хотел вооруженным путем уничтожить социализм.

— Да как же я мог бы это сделать? Вой, Гитлер со всей мощью германского империализма и то не смог это сделать... На что бы я мог рассчитывать?

— На содействие англо-американского блока!

Впоследствии стажер-следователь Е.Н.Бабикина получила высшее образование на том самом историко-филологическом факультете ТГУ, который не довелось закончить мне, преподавала историю КПСС в одном из томских вузов.

В моей враждебности по отношению к Советской власти она не сомневалась, ведь муж моей сестры Федор Абрамович Михасев, видный партийный работник, был расстрелян в Новосибирске по решению "тройки" еще в памятном 37-м. Но обвинялся я не в абстрактной враждебности, а в "контрреволюционном заговоре с целью подготовки вооруженного восстания". Тут нужны были сообщники, явки, пароли...

В сообщники следствие определило моих друзей, соседей по комнате. Из шести обитателей 18-й комнаты, бывших фронтовиков — Александра Кропочкина, Федора Ломова, Ивана Круж-

А.Е. Кропочкин

Рис. В.И. Лебедева

кова, Михаила Бондарика, Николая Шупакова, Дмитрия Зольникова – первые трое были арестованы.

На полях одного из ломовских конспектов была обнаружена запись: "Жизнь только тогда будет хороша, когда из нее уйдет С." После применения "спецмер" Ломов признал, что "жаждал близкой кончины вождя". Таким же способом были получены признательные показания и от Кружкова по поводу его восклицания: "Житья не стало от этих крыс, везде, проклятые, швыряют".

Ночные допросы (днем спать не разрешалось), горячая пища один раз в три дня... Через несколько недель мы перестали соображать, что наплетено в подписываемых нами протоколах допросов.

С обвинением в контрреволюционном заговоре не вязались некоторые документы, характеризующие нас вполне положительно. Елизавета Николаевна уничтожила все такие документы, не потрудившись даже оформить это актом. Так пропала моя грамота с личной благодарностью Сталина за бои на Калининском фронте (в Архиве МО СССР она зарегистрирована, а из следственного дела исчезла).

Тем не менее, несмотря на все старания следствия, я получил "детский", как тогда считалось, срок – всего-то пять лет ИТЛ.

Спустя месяц нас привезли в Асино.

Вахта лагеря. "Фамилия, имя, отчество, статья, срок ..." Оглядываемся по сторонам. Первое, что бросилось в глаза, это ряды приземистых бараков. Навстречу нам шли две женщины, одна из которых показалась мне знакомой. Но этого не может быть ... Я не верил своим глазам. Да, это была профессор истории Томского университета Фаина Ароновна Хейфиц. Год назад она попрощалась с нами, уезжая в Москву – там печатался ее учебник "Новая история" в соавторстве с профессором Московского университета. И вот, вместо Москвы, – Асино – 10 лет по ст. 58 п. 10. Мы не стали спрашивать: "За что?"

Наутро первый выход на работу. Шпалорезка. Со стороны работа казалась легкой, но часа через два я почувствовал боль в

руках, потом начало рябить в глазах, подкашивались ноги. Но в бешеном вращении визжали пилы, шпалы за шпалой летят вниз. Казалось, вот спусти еще одну и упаду под надвигающийся на меня брус, но ... гудок на обед. Затихли визг, грохот, все остановилось. Со всех концов рабочей зоны потянулись люди к навесу, куда подвезли два котла с пищей. Баланду разливали в котелки, какие-то банки, черепки. Я не имел посуды и стоял в сторонке, не зная, что предпринять.

Уже кончали раздавать обед, когда ко мне подошел совсем еще мальчишка, запорошенный опилками, и молча протянул жестяной котелок. "Оставишь" – сказал он коротко и отошел. В этот ржавый котелок повар налил баланду и туда же бросил черпачок каши. Хлеб почему-то все съедали отдельно. Выпил я свою порцию через край, а кашу выбрал со дна корочкой хлеба, и тут же ко мне подошел этот мальчишка, взял у меня из рук котелок, заглянул в него, и только тогда до меня дошел смысл его слов "оставишь". За услугу нужно было расплачиваться. "Жмот", – сказал он, забирая котелок.

Так я получил первый урок лагерного закона. За все платить: окурком, пайкой, порцией баланды. Мне показали, где можно приобрести банку нужной величины для обедов в рабочей зоне. В лагерь их вносить не разрешали, а прятали каждый свою здесь же: кто закапывал в опилки, кто засовывал под бревно или щепки.

Как доработал до конца смены, я помню плохо, только увидел, что суставы в плечах и локтях вздулись до таких размеров, что было страшно смотреть, и на следующий день в лагерьном лазарете я получил освобождение от работы.

Недели через две человек сто не вывели на работу. Пронесся слух – собирают на этап. Потом уже, когда пришлось побывать не на одном этапе, знал, как взбудоражен бывает лагерь.

Построили по пять, сосчитали сначала в лагере, потом еще раз за воротами, и мы, в сопровождении конвоиров и собак, двинулись на станцию железной дороги. Там нас передали конвоем этапа. Снова сверка, снова счет и в вагоны. Стояли на ногах, вплотную друг к другу.

К вечеру приехали на станцию Анжерская. Первые числа ноября. Снова проверка, пересчет, нас оказалось 90 человек. Подгоняемая конвоирами и собаками колонна растянулась по дороге. Потеряв строй, с трудом вытаскивая ноги из грязи, перемешанной со снегом, мы медленно двигались по таежной дороге.

Стало совсем темно, когда в этой таежной глуши внезапно показались огоньки в окнах домов. Лесной поселок, скорее всего, леспромхоз. Ночью по тайге конвой не поведет – значит, отдых.

Минут через 15–20 подъехали сани – топкие клячи еле тащили их. На санях лежали люди. Это отставшие, истощенные (“доходяги”). Конвоир, сопровождавший сани, стал стаскивать с них людей, чтобы они встали в строй. Двое, еле переставляя ноги, подчинились. Двое других продолжали лежать в санях. Рассвирепевший конвоир бегал вокруг саней, стараясь криком, угрозами поднять людей. И когда убедился, что криком не поднять, он стал прикладом автомата бить лежавших и вдруг, как будто что-то сообразив, отскочил от саней и крикнул, обращаясь к толпе:

“Доктор есть?! Ну-ка, посмотри ... понравилось ехать, притворились, контрики”. Из толпы вышел коренастый чернобородый человек, как оказалось, бывший врач одной из киевских больниц. Он потом будет врачом медпункта в лагере.

Чернобородый подошел к лежащим и стал щупать пульс. “Они мертвы”, – обращаясь не к конвоиру, а к нам, сказал он. Хотя это ясно было уже тогда, когда конвоир бил прикладом автомата по неподвижным телам. “Приехали”, – сказал кто-то негромко, но это в гробовой тишине услышали все. Даже собаки и те перестали выть и рычать.

Крепчал мороз, небо очистилось от туч, и на нем высypали яркие звезды. Мы стояли, не зная, что будет дальше. Шепотом о чем-то совещались конвоиры, и потом команда: “Разберись по пятеркам!” В темноте мы долго не могли разобраться и встать как следует. Снова крики, ругань, лай собак, а мы старались втиснуться в середину пятерки, чтобы не быть с краю или в последней пятерке, то есть ближе к конвоиру или к кlyкам со-

бак. Когда убедились, что построить нас невозможно, два конвоира, отдав своим товарищам автоматы, стали выхватывать из толпы людей и ударами в затылок по пяттеркам заводить в какой-то сруб без крыши, окон и дверей. Через полчаса суматохи и неразберихи мы были водворены в этот загон. Стало понятно только то, что предстояла ночь на морозе стоя. Приказано было не шуметь. Люди переговаривались вполголоса. Начали строить разные предположения.

- Загнали сюда, чтобы заморозить.
- Не всех. Произойдет отбор. Естественный.
- Доходяги в лагере не нужны.
- Лучше подохнуть, чем так ...

- Нас осталось только облить водой и будем все герои, как генерал Карбышев.

- Так то ж немцы ... а здесь свои хуже. - Пусть дают пайку. Давайте требовать.

И вот сперва неуверенные голоса, потом все громче, громче: "Пайку! Пайку!" Потом все, поднявшись в каком-то порыве отчаяния, завопили: "Пайку!" Минуту, другую прислушивались и снова: "Пайку!" Треск автоматных очередей с двух сторон ударил по верху сруба, на голову посыпались щепки, и все затихло. Вдруг среди этой тишины взвился высокий, почти до виага голос: "Стреляйте, суки, все равно к утру все будем мертвыми", и снова в девяносто глоток: "Пайку!" Снова прислушивались.

В одну из таких минут, когда мы затихли, слышно было, как кто-то подошел к срубам.

- Слушай, контра! На пять человек буханка, делите сами, да без шума!

И вслед за этим предупреждением в сруб нам на головы полетели буханки хлеба. Тут же началась молчаливая свалка. Шарили под ногами, кто-то успел схватить буханки с плеч товарища. И вот, среди этой шевелящейся массы, прогудел бас: "Весь хлеб на середину, если хоть одна сука откусит от булки, порву пасть. Освободите круг!"

И люди сделали невозможное - еще потеснились и в центре образовался круг, диаметром в метр. Со всех концов береж-

но друг другу передавали булки и их складывали прямо на землю.

Среди сырых щепок нашли несколько сухих и при скудном свете начали разламывать булки на пайки по 200 гр. каждому. Можно было не проверять. На самых точных весах ошибка могла быть не более 5–6 гр.

Кто не раз бывал на этапах, тот знает, как это делается, с какой точностью, “на глаз”, делилась булка без ножа. Находилась крепкая нитка или шнурок, и булка разрезалась точно на пять равных паяк. Раздать пайки, как в столовой или на улице, не получалось – там становились в затылок один за другим – подходи, получай. И горе было тому, кто становился в очередь закусить вторую пайку. Отбирали полученную и били до тех пор, пока не вмешивался надзиратель или конвой, а они в таких случаях не спешили вмешиваться.

Но как раздать хлеб здесь, в темноте, в такой скученности, что булке упасть было невозможно на землю? Наконец, из многих предложений было принято одно: построиться лучами по десять человек лицом к центру, где светилась лучина. Это построение девяноста человек заняло у нас не менее часа. Наконец, начали раздачу. Пайка выдавалась первому из десятки, он ее передавал второму, второй третьему, третий четвертому и возглас: “Десятый – есть!” 200 грамм полусырого хлеба были розданы благодаря вмешательству видно опытного человека, этот человек вызывал невольное уважение.

Высокий, косая сажень в плечах, в брезентовом дождевике с башлыком, надвинутым на форменную фуражку капитана речника. Но голос! Такого низкого баса мне не довелось слышать ни до, ни после лагеря. Потом он у нас в лагере был бригадиром плотницкой бригады, но об этом позже. С пайками управились в минуту.

К огню вышел тот, чернобородый, что назвал себя врачом, когда осматривал умерших товарищей: “Слушайте все, кто хочет быть живыми. Не засыпайте! Сон на холоде – это смерть, передвигайтесь помаленьку, жмитесь друг к другу, но не засыпайте!”

Так, в полубреду, полусне шевелилась эта живая масса людей, коротая страшную ночь. Холод все сильнее сковывал тело. Шевелиться не хотелось, не было сил и стоять на ногах, и мы стали приседать на корточки, удавалось вздремнуть 20–30 минут.

Чуть забрезжил рассвет, и команда: "Выходи строиться!" Разминая затекшие руки и ноги, мы стали выползать из сруба. И снова: "Разберись по пятеркам! Первая пятерка, четыре шага вперед! Вторая, третья, четвертая! Восемнадцатая" Восемнадцатой пятерки не было. Вчера она была из трех человек, сегодня ни одного. Конвоиры бросились в сруб. Матерщина, удары.

Одного за другим волоком вытащили трех человек. Неестественно скрюченные тела говорили о том, что они уснули навек. Собаки было бросились на них, но сразу отступили, поджав хвосты. Теперь на саях было уже пятеро. Снова крики: "Подтянись!" Лай собак. Скоро лес стал как будто бы реже, у дороги были сложены штабеля леса. Теперь мы стали догадываться, что нас везут на лесоповал.

Как бы то ни было, 7 ноября 1947 года нас привезли в лагерь близ пос. Горевка Кемеровской области.

Началась каторжная, на износ, работа на лесоповале. Промерзшие землянки, вши, болезни, голод, изымательства "социально-близких" уголовников.

Правда, после одного случая заходить в нашу землянку "политических" блатные стали бояться. А случай был такой. Трое урок пришли к нам разжиться махоркой; закурить им дали, но когда они потребовали часть махорки просто им отдать, наш бригадир (тот самый, что помог разделить хлеб) схватил топор и погнал их до самой вахты... Какой он был бригадир – вот еще случай. Приезжает как-то к нам начальство из Сиблага. Нас собрали всех, и один из приезжих выступил с речью, полной ругани за нашу плохую работу. Закончил он угрозой: "Выявим саботажников, отправим в штрафной лагерь". В ответ прозвучало: "Хуже не будет".

– Кто сказал? Два шага вперед! – Я сказал! – из строя выступил наш бригадир. – И скажу еще. Нам по три дня хлеба не

выдают, заели вши, нормы не выполняем, потому что доходим, блатные отбирают пайку...

Проверяющий молча посмотрел на начальника лагеря. После долгого молчания сказал:

– Разберемся.

Разумеется, все осталось по-прежнему. Хотя бригадира нашего стало побаиваться даже начальство, мы продолжали все также изнурительно работать, "доходить" и умирать. Умерших сбрасывали в загодя вырытый ров. Через год от тех девяноста осталось в живых двенадцать. Много позже мне довелось узнать, что начальника нашего лагеря расстреляли. Но не за садизм и убийства, а за "контрреволюционный саботаж" – невыполнение плановых заданий. Теперь, поди, его вдова и дети считаются "лицами, пострадавшими от политических репрессий".

А тогда... Однажды меня вызвали на вахту: свидание с сестрой. Переступив порог, я сразу же увидел Аню, она рассеянно посмотрела на меня, на приведшего меня надзирателя... Узнала меня по голосу – после моего: "Здравствуй, Аня!" Как она испугалась! Из всего нашего тогдашнего короткого бессвязного разговора я запомнил только ее вопрос: "За что они тебя так?"

Невольно приходят на память слова подполковника Волкова, начальника Томского управления МГБ, вызвавшего меня однажды на беседу: "Парень ты боевой и – по дневникам твоим судя – неглупый. И повесть твою я прочитал с большим интересом. Но сейчас, к концу следствия, ты, наверное, понял, каким тебе следовало быть, чтобы иметь право называться нашим, советским человеком. Должно быть, друзья твои университетские будут говорить, что не за что тебя было сажать. Твой арест послужит предупреждением для всех, что на страже идеологии стоят не только комсомольская и партийная организации, но и чекисты. От таких, как ты, завтра можно ожидать не только разговоров, но и действий. Такие болезни можно вылечить лишь на ранней стадии." Да, ничего не скажешь, радикальная терапия.

Конечно, я с этим смириться не мог. Написал жалобу лично Сталину. Там были такие слова: "Дорогой наш полководец, мы твои солдаты, верой и правдой служившие тебе и Родине, ... Мы спасли тебя и твоих министров от немецкой петли, а сейчас органы МГБ чинят над нами произвол и расправу... Дорогой вождь, помоги нам, твоим солдатам, восстановить справедливость!" Самым сильным аргументом в жалобе было (как мне казалось) то, что в моем деле лежит Грамота с благодарностью за Его подписью плюс медаль с Его профилем. Лагерные знатоки считали, что результатом непременно будет мое освобождение: фронтовик, в плену не был, медали, и главное – Грамота.

И вот, однажды, уже в сентябре, вызывают меня на вахту: "Собирайся с вещами". Ну, вот, – обрадовался я, – освобождают! Но отправили меня под конвоем в Томск. Врезалось в память, как шел я хотя и под конвоем, но воображая, что иду на свободу. Рядом со мною девушка лет 18–20. Разговаривать запрещено, но мы заговорили и конвоир промолчал. Галя из Западной Украины, осуждена на пять лет. Отца с матерью арестовали раньше. Ее преступление состояло в том, что однажды вынесла воды напиться трем хлопцам. Напоила и забыла. А через два года, когда ей исполнилось 18 лет, в ее день рождения за нею пришли. На допросах мучили, требовали раскрыть "связи с бандеровским подпольем", обещали, если опознает этих парней, то ее сразу отпустят. Но кого она могла опознать через 2 года? Убедившись, что она, в самом деле, ничего не знает, дали пять лет "за оказание помощи бандеровцам". Пошли этапы, пересылки... Из асиновского (Томская обл.) женского лагеря попала на расконвойку сюда в Горевку. Теперь, вот, новый этап – куда? "Тебя, – сказала она, – может быть, и отпустят, а нас "бандеровцев" – ни за что". Я, как мог, успокаивал ее, говорил, что с расконвойки отправляют на этап только на освобождение...

На ночлег остановились в ветхом домишке на станции Яш-кино... Проснулся от крика, в следующее мгновение в комнату вбежала Галя. Конвоир, не ожидая встретить отпора от заключенной, пытался ее изнасиловать. Она шепотом просила меня защитить ее. Остаток ночи мы просидели, прижавшись друг к

другу. Решили, что если конвоир будет нас выводить, то мы выйдем только вместе. Но все было спокойно. Вероятно, он вспомнил, что в случае чего может сам схлопотать срок – не за изнасилование, конечно, а за "связь с заключенной". Наш совместный путь продолжался до пересыльного лагеря на ст. Яя, где она осталась, меня же отправили в новосибирскую пересыльную тюрьму, что на ул.1905 года. Теперь напротив того места, где была эта тюрьма, в Нарымском сквере поставлен закладной камень – знак будущего памятника сибирякам – жертвам репрессий Советской власти.

В пересыльной тюрьме соузники объяснили мне, что везут меня не на свободу, а за "довеском": Генеральный прокурор опротестовал все пятилетние приговоры по 58-й статье как необоснованно мягкие. – Абсурд! – решил я. – Как можно, не вникая в каждое дело, решать, обоснован приговор или нет?

Через десять дней я убедился в этом. Тот же Томский областной суд, тот же зал, тот же во весь рост портрет Сталина за спинами судей. Прокурор, защитник, секретарь, подсудимые. Вопросы, ответы, выступления сторон. И: "Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики... статья 58, п.п. 10 и 11 УК РСФСР... к лишению свободы сроком на 10 лет. – Чему вы улыбаетесь, подсудимый? – спросил меня прокурор. – Смешно, – говорю, – у вас адвокат вместо защитительной речи произнес обвинительную." Теперь улыбнулся прокурор.

БАЙКОНУР – ЭТО НА ЗАПАД ОТ ДЖЕЗКАЗГАНА

Выгрузились на станции Новорудное. Конец февраля 1949 года. Солнечно.

Чистое голубое небо и степь. Но некогда любоваться этой благодатью. Построение. "Первая пятерка, пять шагов вперед, ... вторая... третья... Не оглядываться, не разговаривать!" Проходим метров 200 и грузимся в неправдоподобно маленькие вагоны узкоколейки, приспособленные для перевозки заключенных. Погрузились быстро, но потом потянулись часы ожидания: то ли один конвой никак не мог передать нас другому, то ли еще

что. Наконец поехали. Между тем похолодало, пошел снег, поднялся все усиливающийся ветер. Через какое-то время поезд остановился. Вокруг бушевала ревущая степная пурга, которая, казалось, вот-вот унесет наши игрушечные, продуваемые насквозь вагончики вместе с нами. Мы сидели, прижавшись друг к другу. Но потом стало теплее — это вагоны занесло снегом. Так в кромешной тьме прошло неизвестно сколько времени. И тут все ощутимей стала духота. Надо было открыть вентиляционные люки, но где они, найди их в непроглядной тьме, когда не знаешь, как они выглядят на ощупь. Выбили через решетку оконце, но это не помогло, за окном плотно спрессованный снег, под которым мы оказались заживо погребенными. К тому же в этих вагонах не предусмотрен ни туалет, ни параша; запахло мочой, испражнениями. Положение становилось критическим. На наши истошные крики, колотье в стены никто не отзывался.

И вдруг, когда уже стали путаться мысли, меня осенило. Я вспомнил, как еще в 1938 году мы не то 8, не то 10 суток ехали по набору обкома комсомола из Новосибирска во Владивосток поездом, который почему-то называли "Максимкой"; ехали, хотя и в пассажирском вагоне, но на общих нарах, без постелей. Когда становилось жарко, я поворачивал над собой диск с окошечком так, что открывались такие же окошечки в потолке, и через них со свистом врывался холодный воздух. Такой же диск должен быть и здесь где-то посреди вагона! Долго шарил по потолку руками, нашел-таки этот диск, но он приржавел, не прокручивается. Снял ботинок, бью по диску каблуком — не помогает. — Ногой его! — посоветовал кто-то. Четыре человека подняли на руках пятого, и он стал бить ногой в то место, куда я ее направлял. Наконец, оттуда посыпались проржавевшие куски жести, и из образовавшегося отверстия потянуло холодом (очевидно, конвой освободил от снега вентиляционные грибки на крыше, он как-никак отвечал за доставку нас до места назначения живыми). Мы стали подносить к нему по очереди тех, кто потерял сознание. Как только человек открывал глаза, подносили следующего.

Прошло еще немыслимо долгое время, которому мы, впад в оцепенение, потеряли счет. Снаружи слышались еле различимые голоса, скрежет по стене, обозначился тусклый квадрат зарешеченного окошка, удары, треск отдираемой решетки, звон стекла, разбиваемого прикладом автомата. В окне появилось лицо конвоира. — Всем сидеть на полу, в окно не высовываться, стреляю без предупреждения. — Пить! Пить! — Молчать! А то сейчас напою. — Пить...

Минут через 15 в окошко просунули кусок слежавшегося снега, другой. Оттесняя друг друга, мы набросились на снег и не столько разобрали его, сколько растоптали. В окне появилась улыбающаяся физиономия казаха в лисьем малахае. — Что, фашист, жить захотел? — Значит, вот кто откапывал поезд — местные жители. За стенами слышались крики, мат, рев верблюдов. Пурга, по-видимому, утихла.

Во второй половине дня нам забросили соленой рыбы и по кусочку хлеба. Снова крики: — Пить! — И снова куски снега.

Наконец, раздалась команда: — По пять человек — на opravку выходи! — Под дулами автоматов выбираемся из вагонов, справляем нужду у самого вагона и — обратно. — Следующая пятерка — выходи...

Где-то в полночь двинулись в обратную сторону. К утру вернулись на станцию, с которой двое с лишним суток тому назад выехали.

Так судьба отвела наши пути от Байконура. Позже я узнал от тех, кому довелось побывать в этом небольшом лагпункте — почтовый ящик 392/7 — Степлага. Там было угольное месторождение. Глубина 100 м, толщина пласта — 60–100 см. Техники для таких пластов нет, но заключенные могут работать и без нее. Кайло, саночки, точнее деревянное корыто с лямкой через плечо, которое можно тащить только на коленях, — вот и весь инструмент. Выпрямиться можно только у шахтного ствола, где уголь пересыпался в бадью, поднимавшую его на-гора. И опять — ползком к забою. Наколенники и рукавицы после 5–6 смен превращались в лохмотья. А выдавались они сроком на месяц. Тогда на колени привязывались куски старых полу-

сгнивших телогреек, которые кучей лежали у ствола. Охраны труда – никакой, обвалы – рядовое явление. Редкий день проходил без того, чтобы на поверхность из шахты не выволакивали труп.

Новички привыкали к этой каторге мучительно. По ночам им снилась все та же шахта, они кричали: "Спасите!" Но ежедневные спуски в шахту, как в могилу, приводили их к отупению, безразличию к собственной судьбе. В сочетании с постоянным недоеданием все это быстро заканчивалось лазаретом и "деревянными бушлатом".

А космодром Байконур, получивший название от этого поселка, на самом деле находится от него на расстоянии 400 км у железнодорожной станции Тюра-Там.

*Привезут в Джезказган
в вагонзаке ...
О. Сулейменов*

*Это была та джезказганская медь,
добыванья которой ничьи легкие
не выдерживали больше
четыре месяца.
А. Солженицын*

МЕДНЫЙ КОТЕЛ¹

От станции до лагеря около четырех километров. Идем в колонне по пять, взявшись – по требованию конвоя – под руки, по талому снегу, перемешанному с песком. В высоком голубом небе трели жаворонков.

Справа от меня высокий, широкий в кости человек лет шестидесяти со сморщенным лицом. Он все тяжелее опирается на мою руку. Шепчет, не глядя на меня: "Не бросайте меня..." До-

¹ По-казахски это звучит «джезказган».

гадываюсь, что рядом со мною крайне истощенный человек, еле переставляющий ноги. А я уже и сам начинаю спотыкаться, правая рука онемела. Сосед слева смотрит на меня недоуменно, я глазами показываю ему налево, тот, поняв, крепче прижимает мою руку, поддерживает меня. Так в тройной связке подходим к лагерю. Нам велят сесть на снег, не нарушая "пятерки". Подопечный мой сразу же упал головой мне на колени. При команде "Встать!" мне не удается его поднять. "А там что, особое приглашение нужно?" — Он не может встать, — говорю конвоиру. "Все встали, а он не может. Ничего, здесь быстро вылечат". Принесли носилки и унесли бедолагу¹ в лагерь, поразивший всех нас четырехметровой высоты каменными стенами с колючей проволокой поверху и массивными стальными воротами.

— Отсюда выхода, пожалуй, уже не будет, — подумалось тогда, вероятно, многим из нас.

Лагерь был укомплектован, в основном, осужденными на 15–25 лет — бандеровцы, власовцы, поляки, немцы, румыны, венгры, чехи, русские, красные, белые. Мы с нашими десятью годами были там малосрочниками. Нас разбросали по разным бригадам.

Утром натягиваем на себя шахтерскую робу, чуни, подвязывая их обрывками проволоки. Столовая — 300 граммов хлеба, миска баланды, несколько ложек овсянки. Развод. За воротами нас окружают автоматчики с собаками и ведут голой степью к шахте. Идем привычным строем по пять, взявшись под руки — чтобы не сделать "шаг-влево-вправо-конвой-стреляет-без-предупреждения". Небольшой шахтный двор. "Садись!". Садимся прямо в лужи от тающего снега. Что-то нас ждет? Разговаривать запрещено.

¹ Так состоялось мое знакомство с бывшим советским послом в Англии и замнаркома иностранных дел Иваном Михайловичем Майским. После лазарета он стал заведующим лагерной пекарней, и мы с моим дружкой Володей Хоменко после работы в шахте часто приходили к нему, чтобы за подноску мешков с мукой наестся от пауза теплого хлеба с квасом. После этапов, следственных и пересыльных тюрем этот хлеб помог нам выжить. Но не прошло и полгода, как (после покушения на него) его убрали с лагпункта, завпекарней поставили какого-то чеченца и тот стал брать в подсобных только своих землячков.

Через полчаса откуда-то из-под копра появились три человека в таких же, как мы, робах с зажженными лампами-карбидками и скрылись за машинным отделением. Раздалась команда: "К спуску приготовиться! Первая пятерка – марш. Вторая... Третья..."

Тусклая лампочка еле освещала сверху какую-то квадратную яму, из которой тянуло сырým теплом и запахом тротила. Почти вертикальная лестница, скользко, сыро. Ступени кончаются – площадка – полок, и – опять яма, лестница, тротильовый смрад. И где-то внизу, в бездне свет еще одной лампочки. На пятой или шестой лестнице я сбился со счета. Тяжелое дыхание людей ниже меня и выше. Остановиться нельзя – на лестнице раздавят пальцы спускающиеся вслед за тобой, а на площадке (полке) удержишь спуск всей бригады: двоим там не разминуться. Когда дошел до нижней лампочки, вместо света от нее увидел какое-то желтое пятно – из-за плотного дыма после отпалки. Ствол, по которому мы спускались, был как бы дымовой трубой – естественная вентиляция шахты "Петро-2". 150 метров, 21 лестница по 7 метров каждая.

– Все? – спросил бригадир. Ждем минуту, другую. Никого нет.

Значит все. – Зарядить карбидки (толстостенный стакан с носиком, как у чайника, куда засыпается карбид; стоит смочить карбид водой, как начинает выделяться ацетилен; поднесешь спичку к носику – вспыхивает голубовато-красное пламя).

Растянувшись длинной цепочкой по штреку, бредем в дымной мгле за бригадиром. Пройти надо было всего метров 300, но тогда нам казалось, что этому не будет конца. Я было подумал, что это просто такой обряд – испытание для новичков. Не знал, что так здесь было всегда с тех пор, как существует эта шахта. Может быть, там и сейчас так.

Еще казалось, что вот кончится этот штрек – и мы выйдем куда-то, где свет и чистый воздух. И вот стены штрека вдруг как будто раздвинулись, но дым стал еще плотнее и удушливей. Вспомнился Калининский участок фронта, ноябрьская ночь 1942 года, когда полк ночных бомбардировщиков вылетел на задание. По прогнозу погода должна была быть хорошей, но

внезапно надвинулся такой плотный туман, что не стало видно вытянутой руки. Мы жгли костры, стреляли из ракетниц — все напрасно: возвращавшиеся с задания самолеты не могли сориентироваться для посадки. Туман не проходил, горючее в машинах кончалось, летчикам не оставалось ничего, кроме как садиться, где попало. Полк потерял 8 машин — почти целую эскадрилью. Особисты хотели тогда расстрелять перед строем двух девчонок с метеостанции (так гордо именовалась землянка с полевым телефоном, по которому они получали из дивизии "погоду" и передавали ее командованию полка). Не знаю, почему показательный расстрел не состоялся, но девчонок этих мы больше не видели.

Вот и сейчас бригадир мог только одно — скомандовать: "Садись!" Работать было нельзя. Через некоторое время мы начали различать силуэты людей, сидевших на куче отбитой руды. Потом стали проступать очертания забоя: высота его была 5—10 метров. Не верилось, что такой высокий грот сумели пробить в руде тверже гранита эти маленькие пещерные жители в фибровых касках и рваных робах.

Бригадир Левка Лавриков, "контрик из бытовиков" — как он отрекомендовался, сказал, адресуясь, по-видимому, к нам — новичкам: "Здесь я тебе и прокурор, и следователь, и судья. Не захочешь сдохнуть — будешь вкалывать — будет пайка. Да не вздумайте пререкаться с моим помощником — не досчитаетесь ребер."

Помощник его Пашка, неопределенных лет человек, был действительно страшен и опасен. Никто не знал, когда и за что он мог напасть на любого из нас и безжалостно избить забурником. Жаловаться начальству на произвол было равносильно смертному приговору самому себе. Он был из бандеровцев и так же, как и бригадир, имел срок 25 лет.

Затем бригадир распределил работу среди пополнения. Мне он дал тяжелую кувалду: "Будешь валунщиком. Разведу всех по работам и покажу, что и как делать." Минут через 15 он снова подошел ко мне. "Вот, смотри, такой валун не пройдет через колосники рудоспуска, значит, его надо разбить. Тут надо действовать с умом: не бей кувалдой по ребрам, а бей по лбу. Если

он лежит углом кверху, надо его повернуть так, чтобы он лег кверху плоскостью, и ударить вот так." И он вроде бы не очень сильно ударил по валуну кувалдой – она описала дугу над его головой – и валун как-то незаметно оказался весь разбитым на остроугольные куски. Внешне он даже выглядел целым, но когда я тронул его ногой, он развалился.

"Теперь давай ты", – бригадир передал кувалду мне. Я выбрал валун поменьше, прицелился, держа кувалду на уровне груди, и ударил. Брызнули мелкие осколки – валун остался целым. Ударил еще раз – результат тот же. Я поворачивал валун так и этак и бил, бил. Пот и слезы застилали глаза и скоро я обессиленно опустился рядом с этим валуном, ставшим круглым от моих беспорядочных ударов. А бригадир, стоя надо мной, резюмировал: "Сила есть – сноровки нет. Имей в виду: твоя пайка зарыта здесь под рудой, и к концу смены ты должен ее откопать, если хочешь есть." Потом резко скомандовал: "Бери кувалду! Да не задерживай ты ее в воздухе, бей – не руками одними – всем корпусом бей, дурень!"

В этот удар я, кажется, вложил всего себя – и чудо! Я еще не увидел, а почувствовал, что валун расколот. Наука оказалась не столь уж хитрой, да не вся. Я стал колотить валуны. Колот до тех пор, пока не потемнело в глазах. Последнее, что мелькнуло в сознании прежде, чем я упал: "Нужно было... с отдыхом!"

Очнулся весь мокрый. Кто-то принес в каске воды и вылил на меня. "Ну, что, освоил науку? Отдохни. Скоро съем."

Хотел подняться, но страшная боль в пояснице и в локтях повалила меня снова на землю. Завыла сирена – конец смены. Плохо помню, как дошел до ствола. Судя по всему, по ходьку мне было не подняться. По просьбе бригадира конвой разрешил поднять меня в клетки. (Это было в первый и последний раз. Всякий раз, заканчивая смену, все мы со страхом думали о том, хватит ли сил подняться на поверхность, преодолеть эти проклятые скользкие лестницы).

Наконец, все на поверхности. "По пятеркам разберись... Первая пятерка, пять шагов вперед..."

Вторая... Третья... Взяться под руки... Шаг влево, шаг вправо, стреляем без предупреждения... Марш!" Я в середине пятерки, взят под руки, шагаю, как в полусне. Ворота, собаки, шмон...

От вахты иду в санчасть. – Раздевайся, – говорит врач. Хочу снять робу, но не могу согнуть руки, растегнуть пуговицы. Врач свирепеет, срывает с меня куртку, бушлат, мнет суставы, с силой сгибает и разгибает руку. Я кричу от боли – опять темно в глазах. Ватка с нашатырным спиртом к носу, растирает виски. Смотрю на свои руки – суставы в локтях распухли до неправдоподобия. Врач накидывает мне на плечи бушлат, куртку: "Иди!"

Так закончился мой первый день работы в шахте "Петро-2", второй день пребывания в каторжном лагере п/я 392/1.

Я тогда испугался не на шутку. Испугался, что заболею и не смогу работать. Болеть в лагере – это прощайся с жизнью. "Дойдешь", станешь "фитилем" – "деревянный бушлат" неизбежен.

ИЗ ОГНЯ – ДА В ПОЛЫМЯ

Как-то после ужина (это уже была осень 1950 года) бригадир принес в барак лоскуты бязи размером приблизительно 5 на 10 см с написанными на них номерами и список бригады, в котором против каждой фамилии стоял номер. Бригадир раздал нам лоскуты с нашими номерами под расписку и велел нашить их на спину, на рукав и на грудь телогрейки, на штанину брюк, предварительно прорезав в этих местах дырки, чтобы номера были, как заплаты на них. До отбоя мы занимались этой работой. На утренний развод все должны были выйти уже занумерованными. Мне достался номер СЛ-208. Что означали эти буквы и цифры, не знаю до сих пор.

На разводе нас придирчиво осматривали начальник лагеря, начальник режима, начальник КВЧ, опер. Пробовали, прочно ли пришит номер. Двоих, у кого номера пришиты были слабо, вернули в зону.

Так наш лагерь из каторжного стал "особым", а у нас ко всем нашим обязанностям прибавилась забота о том, чтобы номера были хорошо видны. Раз в две недели бригадир приносил банку с краской и художник (!) из КВЧ подновлял кисточкой номера. Одно время даже сажали в БУР за грязный номер. Но сохранить их чистыми после смены в шахте было, конечно, невозможно, и начальство махнуло рукой на такое нарушение "формы одежды". Оно бы и черт с ними, с номерами, но последовало заметное ужесточение режима. Участились ночные шмоны. Надзиратели стали называть нас по номерам, и не дай тебе бог не сообразить, что оклик "СЛ-208!" относится к тебе. Наденут наручники и уведут на вахту "выяснить", почему ты не откликнулся на обращение надзирателя. Они стали ходить по зоне, поигрывая блестящими наручниками. Эти самозатягивающиеся наручники с "трещотками" называли американскими, но кто был в плену, уверяли, что это немецкое изделие.

Баракы стали на ночь запира́ть на замок. Курить при этом запрещалось, но люди, конечно, курили. Надзиратели, вроде, на это особого внимания не обращали. Но однажды наш надзиратель, погремев для виду замком, ухитрился незаметно остаться в бараке. И как только в полумраке засветились сигарки, он включил свет.

— Кто курит?! — В таких случаях нужно не шевелиться: нет меня — и все. Я же, по-видимому, только задремал и на окрик надзирателя машинально поднял голову. В тот же миг с меня было сорвано одеяло, а сам я сдернут на пол: — Пошли!

— Я не курил, у меня и махорки нет, — пытался я оправдаться.

— Сейчас узнаем, курил ты или нет.

В тамбуре слева каморка для надзирателей: зарешеченное окошко, стол, две табуретки.

— Руки на стол! Я стою в белье, руки за спиной, как положено. — Ты глухой? — Я не курил... — оглушающий удар в висок. Очнулся в наручниках, сижу на табурете, руки на втором табурете, надзиратель давит коленом на один наручник, потом

на другой. Браслеты пережимают запястья, из-под них проступают капельки крови.

Сколько продолжалась экзекуция, не знаю. Когда снимали наручники, боль была такая, будто вместе с ними с рук сдирали кожу. Я закричал.

В бараке дневальный дал тряпку, посоветовал смочить ее мочой и обмотать руки: пройдет. Но к утру не прошло¹, руки в запястьях не сгибались. Бригадир, посмотрев на них, сказал: "Выходи на работу, как-нибудь смену перекантуешься. Остаешься в бараке — отдыхать будешь в БУРЕ".

Так единственный раз за весь срок я, выйдя на работу, не работал. Мужики, скинув бушлаты, отдали их мне. Я подстелил их под себя, укрылся ими же и, согревшись, уснул, не слыша ни треска перфораторов, ни грохота вагонеток.

Но предстояло еще одно испытание — подъем на поверхность. На вопрос бригадира я ответил, что мне на это понадобится минимум час. И вот за час до конца смены я начал подъем. "Да смотри, не высунься из люка — схлопочешь пулю, — напутствовал бригадир, — жди на двадцатой". Поднимался, обнимая лестницы руками, согнутыми в локтях, в лазах опирался тоже на локти, на каждом полке отдыхал, сидя. Где-то на двадцатом полке меня, потерявшего сознание, догнали мужики и кое-как подняли на поверхность, довели под руки до лагеря.

Потянулись годы, неотличимые друг от друга. К 1952 году люди вокруг меня сменились почти полностью дважды. Словно работал невидимый конвейер: шахта — лазарет — этап — инвалидный лагерь Спасское под Карагандой — кладбище; двигателем этого конвейера был силикоз ("от лат. *silex* — кремень — заболевание человека, вызываемое длит. вдыханием пыли, содержащей свободную двуокись кремния, относится к проф. заболеваниям. Встречается у рабочих горнорудной, фарфоро-фаянс., металлургич., машиностроит. пр-сти... Отмечается присоединение туберкулеза... и др. осложняющих заболеваний". — БСЭ, т. 23, с. 364). Из выживших каким-то чудом вместе со мною па-

¹ Сейчас, когда я пишу эти строки, различаю на запястьях две полосы — там, где тогда — без малого полвека тому — лопнула кожа.

мять сохранила всего несколько имен: Иван Цилярчук, Владимир Хоменко, Владимир Григолавичус, Лешка Лавриков – бригадир...

Возможно, меня от силикоза спасло то, что я был переведен на верхнюю откатку. Туда допускались только те, кто отсидел половину срока, поэтому там работали "малосрочники", вроде меня. Работа такая: из поднятой клетки выкатить на плиту груженую вагонетку, в клетку затолкнуть пустую и отправить в шахту. Пока клетка шла вниз, мы разворачивали вагонетку с рудой, закатывали ее на рельсы и катили к рудному отвалу; когда я возвращался к стволу с пустой вагонеткой, уже подходила очередная груженная... И так всю смену. Если приходила вагонетка с породой, то ее разворачивали на рельсы породного отвала, подцепляли к ней трос лебедки, включали ее, и она вытаскивала вагонетку на вершину отвала, там ее опрокидывали и вагонетка, уже пустая, спускалась к нам на площадку. Иногда она, ударившись об ограничитель, срывалась с крюка и тогда с грохотом неслась вниз куда-то в отвал. Туда же она летела и если не успела опрокинуться, но тогда часовой покидал свою будку, снимал автомат, что-то кричал нам, а мы прятались за надстройки ствола. В самом низу отвала вагонетка обязательно опрокидывалась, и куски породы разлетались в разные стороны. Подъем стопорился. Звонки из шахты, звонки из машинного отделения. Опускаем пустую клетку. И снова подъем – спуск, подъем – спуск... Наваливается усталость, плывут перед глазами круги, не чувствуешь ни рук, ни ног. Скорей бы съем.

И завтра, и послезавтра, и через месяц все то же. Летом нещадно палит солнце, зимой в буранный с морозом день на эстакаде не укроешься, не спрячешься. А стоит по какой-то причине остановиться подъему – тогда вообще беда. Мой предшественник на верхней откатке обморозился, попал в лазарет, там "дошел" и – доходягой пошел на этап в Спасское.

ЗАБАСТОВКА

В 1953 году меня перевели в механические мастерские при шахте, это было для меня большой удачей. Но радостью, кото-

рую можно сравнить разве только с окончанием войны, была смерть Сталина – Иосифа Крѳавого, как мы его звали. Трудно описать, что творилось в лагере. Даже у двадцатипятилетников воскресла надежда на скорые перемены в нашей жизни.

Первой ласточкой казалось то, что в лагерь стали привозить кино. На час–полтора можно было забытья, созерцая далекую от нас свободную жизнь.

Но однажды в первых числах июня 1954 года по окончании фильма, когда погас экран, на балкончике столовой из кинобудки появился человек и объявил, что завтра на работу мы не выходим, потому что лагерь в Кенгире не работает уже месяц, и мы должны поддержать наших товарищей, если же кто сделает шаг к вахте, будет уничтожен.

Он говорил на каком-то тарабарском языке – смесь украинского, белорусского, молдавского – но смысл сказанного поняли все. Было ясно, что забастовку затеяли "бандеровцы" – так русские называли всех, кого сюда пригнали с Западной Украины и Западной Белоруссии. (Они нас, в свою очередь, звали "москалями" и "красными". Как ни странно, повязанные одной бедой, общими нечеловеческими условиями, эти группы, тем не менее, неприкрыто враждовали между собою). Чем она обернется для всех остальных? Им с их 25-летними сроками терять было нечего, а многие из нас, "москалей", отбыли уже половину срока, а то и заканчивали его. Теперь мы, если даже не будем активными участниками забастовки, то станем как бы ее заложниками. Как мы узнали потом, в Кенгире так и получилось.

Наутро лагерь точно вымер. Ни надзирателей, ни начальства. На угловых вышках – наш барак был ближе всех к вахте и угловой вышке – появились вторые часовые – с пулеметами Дегтярева. Расставлены часовые и на промежуточных вышках, где обычно их выставляли только на ночь. Значит меры уже приняты...

В столовую потянулись по расписанию. Сначала те, кому первыми идти на развод. В столовой тихо, ни суеты обычной на раздаче, ни мата.

Особых событий в тот день не произошло. Только перекрыли воду, поступавшую в лагерный бассейн для бытовых нужд. Но он был накануне заполнен доверху, воды должно было хватить при экономном расходовании на 4-5 дней. Сразу же поступил приказ: "Воду давать только в столовую!". С другой стороны на лагерную линейку через ворота вахты вытолкнули тележку с ящиками соленой рыбы. До этого мы соленой рыбы не получали. Балхаш кормил весь Степлаг сазаном, из которого нам варили нечто вроде ухи с разваренными до предела костями. Так что смысл этого "подарка" был предельно ясен. К ящикам никто не притронулся. Так они и простояли до конца забастовки.

На третий день, где-то после обеда из мощных динамиков, установленных на вышках рядом с пулеметами, зазвучала вдруг громкая музыка. Вот это нас удивило. После долгих лет молчания и каких-либо известий — радио! Сначала "Широка страна моя родная... где так вольно дышит человек", потом Русланова спела "Валенки" (сама она, по слухам, сидела в это время в лагере где-то в Тайшете). Потом громкий твердый голос произнес: "Заключенные!..." Последовала речь на тему о том, что шахты — это наше общее достояние, богатство Родины, и оно сейчас гибнет, шахту заливают вода, выходит из строя оборудование. "... Выходите на работу. На следующей неделе приехавшая из Москвы комиссия начнет пересмотр дел, реабилитацию, сокращение сроков заключения. Забастовкой вы только усугубите свое положение". И потом уже вовсе невозможные слова: "Товарищи, друзья... Еще немного терпения, и вы, многие уже вольными гражданами страны, будете трудиться на этом же комбинате на благо Родины". (Это был директор комбината П.Ф. Ломако).

Реакция заключенных была адекватной: "Волк в брянском лесу тебе товарищ!" и "Сперва свобода, а потом работа" ...

Следующим событием было появление двух человек, которых надзиратели втолкнули в лагерь через ворота.

Это были люди из Кенгира. Их забросили к нам для того, чтобы они рассказали, чем закончилась забастовка. А там было все: убийства "москалей", разрушение стен между зонами, в

частности, между женской и мужской, другие беспорядки. И как результат — танки, стрельба, жертвы. (Сейчас, через много лет, прочитав в солженицынском "Архипелаге" главу о кенгирском восстании, заключаю, что наши рассказчики не врал: все так и было). Руководитель нашей забастовки пригрозил этим двоим, что если хоть слово из их рассказа окажется ложью, то их ждет беспощадная расправа: "Из-под земли найду!" Но они стояли на своем. А наши дни и особенно ночи наполнились ожиданием расправы с нами, "красными". Пройти пыточные допросы, тюрьмы, голод — и умереть от ножа или удавки бандеровца только за то, что ты "малосрочник", "красный". И не помогут ни наши ночные дежурства в бараках, ни забаррикадированные двери: сожгут вместе с баракom.

Лагерь в эти дни был, как пороховая бочка. Достаточно было случайной искры — и слепая, безрассудная стихия насилия, убийства захлестнула бы тысячи обреченных людей. Ожидание становилось невыносимым.

На другой день после появления кенгирских "послов" к нашему бараку подошли трое. Один из них — маленького роста, невзрачный на вид, и был, вероятно, руководитель забастовки, двое других в папахах и вышитых украинских рубашках — его телохранители. Спросили, кто из нас знает "украинску мову" — мои бригадники указали на меня и Володю Хоменко. (Я неплохо освоил украинский и белорусский в университете, правда, в основном, по учебникам. С Иваном Цилярчуком мы, когда работали вместе на верхней откатке, разговаривали только по-украински. Сперва его забавлял мой выговор, но месяца через три мы стали "балакать" на равных). Мы вышли на крыльцо.

Руководитель, обращаясь к нам, начал с того, что надо бы кое-кого повесить, но некогда, а сейчас нужно перевести на русский и написать на бумаге то, что он будет говорить. Я, в свою очередь, стал убеждать его как-то утихомирить "западников". "Неужели, — говорю, — вы думаете, что у нашей охраны не хватит танков и на нас? Или того, что произошло в Кенгире, вам мало? Охрана сейчас только ждет самого ерундового предлога, чтобы ворваться в зону и тогда нам будет плохо всем — и "москалям", и "бандеровцам". Похоже, мои слова про-

извели на него впечатление: он как-то перестал пьжиться. Между тем его адъютанты положили мне на колени фанерку и лист бумаги в клеточку. По понятным причинам у меня не осталось копии того, что я тогда написал со слов этого маленького вождя. Но смысл помню хорошо: "Сейчас нужно забыть все распри и вражду, соблюдать в лагере порядок и дисциплину; если мы повторим Кенгир, то погибнем все. За выход к вахте – смерть". Володя Хоменко прочитал предводителю обратный перевод на украинский того, что я написал по-русски, и было видно, что он остался доволен. Тогда Хоменко написал украинский текст на таком же листе бумаги в клеточку. Потом и тот, и другой тексты были многократно переписаны и развешаны по всему лагерю. Такой поворот дела обрадовал нас, появилась надежда на какой-то благополучный исход. И исход не замедлил.

На рассвете 10 июля 1954 года со всех сторон послышался гул работающих машин, и я уловил запах солярки. Танки! Мы, фронтовики, знали и этот гул, и этот запах. Я обрадовался. Пусть будет какой угодно ужасный конец, чем этот ужас без конца. Слышался лай собак, на выпшках у пулеметов – по два человека. С грохотом раскрылись стальные ворота, в их проеме показались 5–6 человек во главе с генералом в полной форме. В сопровождении танков они вышли на линейку у вахты, танк остановился в воротах. Генерал – в мегафон: "Бригадиры – ко мне, остальным оставаться на местах!" Озираясь, вышли бригадиры, нарядчик. "Даю срок – 10 минут. Чтобы за это время все бригады были выведены на работу!" Повернулись и вышли из лагеря, оставив Т-34 в воротах.

Первой на развод строилась наша бригада – шахтостроители. Бригадир не успел договорить до конца команду на построение, как мы ринулись на линейку, обгоняя друг друга. Танк попытился, давая нам дорогу на выход.

За зоной мы сразу попали в кольцо автоматчиков с собаками. Оскаленные морды, натянутые поводки, команды, грохот работающих танковых моторов. И все же в это утро мы шли на нашу каторжную работу, как на праздник. Праздник избавления от страха, неизвестности, ожидания.

К концу третьего дня шахта "Петро-2" снова выдавала план, все вошло в русло обычной лагерной жизни. Только теперь никто не требовал подновления номеров на одежде, пошла нормальная переписка с волей, терпимее стали надзиратели.

И что было самым удивительным: на сей раз нас не обманули. В лагерь, и в самом деле, приехала комиссия по пересмотру дел. В кабинете начальника лагеря прием жалоб вел Вавилов, один из помощников Генерального прокурора. Подал свою жалобу с описанием приемов следствия и фабрикации нашего "дела" Томским МГБ и я. Вавилов принял жалобу лично. Сказал: "Верховный Суд РСФСР проверит вашу жалобу. Если все, что вы написали, подтвердится, то месяца через 3-4 будете реабилитированы. А сейчас наша комиссия сокращает вам срок до отбытых вами 7 лет. Вы будете освобождены и будете работать на руднике и отмечаться в комендатуре. Имейте в виду, за побег - 25 лет."

Этот разговор произошел 28 июля 1954 года. А в ноябре 1955 года комендант зачитал мне документ о моей реабилитации. Еще через неделю кенгирский поссовет выдал мне паспорт, а геологическая партия - трудовую книжку с записью, утверждавшей, что я работал в ШСУ (шахтостроительное управление) и в ГРП (геологоразведочная партия) все эти 8 лет и 10 месяцев. Еще через месяц я был уже дома, в Новосибирске. Мне было 36 лет, из них армией, фронтом и заключением вычеркнуто без малого 15.

Литературная редакция Л.С. Труса

Л.А. Коновалов

В ДЖУНГЛЯХ ГУЛАГА

Меня привезли в Норильск в 1942 г. Без суда. Суд состоялся потом.

А началось все в 1938-м, когда 18 июня арестовали отца. И больше мы его не видели. Вот фотография, это два брата Мозговы – мои прадеды. Один был юрист, он умер в 1918 году. А это – отец моей бабушки, его фамилия была Филатов, он в каком-то родстве с секретарем обкома нашего был. Но они никогда не встречались, не общались. А дед мой работал с Гариним-Михайловским на строительстве железной дороги, если не ошибаюсь, начальником участка. В гражданскую войну он был на стороне Колчака, захвачен красными и сожжен заживо в Томске. Отца расстреляли, а нас выслали – рассовали по районам, по деревням.

Я из всех этих ссылок убегал. И прибегал домой, в Новосибирск, к бабушке. В конце концов меня отправили в Томск, в колонию им. Заковского. Оттуда я тоже сбежал, но тоже был пойман, осужден, получил срок – три года и отправлен в Искитимский лагерь, Ложок, в верхнюю зону, где был собран цвет уголовного мира, человек около 300, осужденных за самые тяжкие преступления. Там было три зоны – нижняя, средняя и верхняя. Средняя зона – не такие страшные преступники, как в верхней, – около 1000 человек. А нижняя зона – это уже так, бесконвойные и т.п., еще 1000 с небольшим. Но верхняя зона была страшная. Там убивали за пойманную крысу: кто-то поставит петлю на крысу, так ты если вытащишь крысу из этой петли, не тобой поставленной, то тебя самого в эту петлю сунут. Такие там порядки были. Работали в известковом карьере – без какой бы то ни было спецодежды или защитных средств. Хватало там человека на полгода. Известь съедала легкие – и человек отправлялся в мир иной.

Меня спасла московская комиссия, которая летом 1939 года вывела из Искитима всех малолеток (нас там было человек 30). Меня перевели в Бердский совхоз – тоже лагерь такой был. Я на второй день оттуда убежал. (Такая натура у меня – свободолюбивая. В детстве из дома убегал, а теперь, вот, из лагеря). К бабушке, конечно. Меня опять ловят и дают срок – старый и плюс за побег. И повезли меня в Горшпорлаг. В одном вагоне с бывшим командующим СибВО. В товарном вагоне у него было полвагона – много багажа, ну и сам – все же командующий, хоть и бывший. Зима, а мы в товарных вагонах, и никакого топлива. Жгли в печках обувь, одежду...

Привозят нас на станцию Чугунашка¹. Открывают вагоны: "Выходите!" А мы – босиком, все сожгли. Кругом снег – белый, искристый, глаза режет, а мы босиком. Ну, нам на санях привезли лапти. Обули мы их и пошли. Пришли к зоне, а ее не видно, все снегом засыпано, одни вышки на снегу. "Копайте, здесь бараки, здесь будете жить." Откопали мы и барак, и кухню, и прочие лагерные сооружения. Откопали два трупа – прямо в бараке, на нарах. Видать, те, что были до нас, просто вымерли. Стали мы там жить.

Но какая это была жизнь – страшно вспомнить. Зачем нас туда привезли, непонятно. Работы там никакой не было, да и не в чем нам было на работу ходить. Никакой одежды не дали. И голод. Командующий наш дошел до того, что стал остатки пищи на помойке собирать. Я когда увидел это, поразился: как опустился человек. Да ведь не он один.

В марте нас из лагпункта этого отправили в другой лагпункт: три барака, кухня и вахта. Привезли туда больше 300 человек – новосибирский и томский этапы (командующего я больше уже не видел, куда он девался, не знаю). Два барака были из досок, третий – рубленый, там санчасть была, изолятор. Так мы один барак разобрали, чтобы печку топить в другом, в котором мы жили. Холодина, живот греешь – спина мерзнет. Нары в своем бараке стали жечь. Мы могли, вообще-то, из леса топливо брать, но привезут сосну срубленную, здоровенный такой "балан", в два обхвата, а пилить нечем да и некому: все дистрофики, истощены до последней степени. Авита-

миноз, куриная слепота. Пищу приносили в барак в бочке. А у нас ни тарелок, ни котелков, ни ложек. Из этой бочки черпали кто чем – консервной банкой, тубетейкой, калошей.

Больше разливалось, чем съедалось. Питьевой воды в лагере вообще не было. Собирали снег, растапливали его и пили. Как собаки.

В довершение всего вспыхнул сыпной тиф. Вымирать стали десятками в день. Трупы почему-то велели закапывать выше лагеря по склону. Сил у нас не было докопаться через трехметровую толщу снега до грунта (да ведь там еще и грунт мерзлый, каменистый, надо было бы углубиться – где нам!), так мы их в снег просто закапывали. А тут снег стал таять, и они к нам в зону поплыли.

И вот, приезжает какой-то начальник из НКВД. Собрали нас, полуживых "фитилей", построили кое-как. Этот чин произнес перед нами речь. Вы, мол, временно изолированные от общества люди, но страна верит, что вы вернетесь, вы еще молоды, будущее вам открыто, а ваши мучения – это вина врагов народа, которые стремятся посеять в народе ненависть к Советской власти. И два солдата вводят через вахту начальника по режиму, а этот – из НКВД – объявляет приговор, и начальника по режиму тут же в зоне расстреливают. Я тогда поверил, что справедливость совершена. Наивен был, не понимал, что это – преступники, уничтожившие тысячи людей, просто свалили все на одного, убили его, чтобы самим остаться чистенькими, будто они здесь ни при чем. Но, правда, после этого и бачки с питьевой водой в лагере появились, и питание более-менее нормальное. Но мы уже были истощены – цинга, пеллагра. А тут еще этот тиф.

Мне повезло, тиф меня не сморил. Но всего нас от трехсот с лишним человек осталось в зоне около 40. Это был 1941 год. Собрали нас и повезли в Темиртау. Там была центральная лагерная больница, целый больничный городок. Вот там меня стали опекать "контрики" – так называли осужденных по 58 статье, за "политику". Они как-то узнали, чей я сын, и в память о моем отце стали меня подкармливать. Но дистрофия у меня уже в такой стадии, когда организм пищу не принимает. Голодный

понос. Меня уже перевели в палату смертников. Нас там человек 15–20 было. Есть не хотелось, только жажда мучила. Чай пили, а нифиля (чайники, остающиеся, когда заварка вся слита) просто с жадностью пожирали. Но от пищи, от одного ее запаха мутило. Не принимает организм в таком состоянии даже ее запаха. Но если кто-то начинал есть, значит выживет, его тут же из этой смертной палаты выписывали.

Я выжил только благодаря медсестре одной. Она сама была вольная, как попала туда из Новосибирска, не знаю. Эта сестричка узнала у меня, что дома я любил простоквашу с сахаром, и стала меня ею кормить... И как стал я ее есть, меня сразу из смертной палаты выписали. Но в день, когда меня оформляли на выписку, мы узнали: война.

Сразу – как отрезало. Пайку сократили, про белый хлеб и думать забудь (а в больничном пайке он был), сахар там, молоко, масло – все исчезло, как и не было. Зато появились крысы – в огромном числе. Там дощатые тротуары были, так они прямо под тротуарами пищали, возились.

Поближе к осени я опять ушел в побег. Натура свое взяла. Поймали меня под Сталинском (теперь Новокузнецк). Вернули, конечно, в лагерь, но уже как подследственного. Причем в это время уже за побег стали давать не 82-ю статью, как раньше, а 58.14 – политическую. А по этой статье стали расстреливать – саботаж! Но на мое счастье следователь узнал меня; оказалось, он с моим дядей вместе учился в электротехническом техникуме в Новосибирске, бывал даже у нас дома, в гости ходил. Вот он меня от этой статьи и спас. Просто прекратил дело и вернул в зону. А срока мне оставалось года два. (Дядя ушел в это время на фронт, потом, после войны, когда он вернулся домой, его посадили – догнала-таки его 58 статья).

Но в лагере в это время – полный произвол. Хлеб урезали до 300 граммов, одежды никакой, а работа – в карьере. На работу гонят всех – больных, старых, инвалидов – всех. Не идет – собаками травят, а были случаи – и убивали прямо на вахте. Или в карьере. В ноябре однажды охрана ворвалась с железными прутьями в зону и – избивать заключенных. За что – так и не знаю. Сколько костей наломали, крови сколько тогда пус-

тили. Мне отбили почки. Моча с кровью; боль при каждом шаге. И я опять попадаю в тот же госпиталь, где перед войной был.

Теперь там были уже другие смертные палаты. Там опухшие от голодной водянки больные лежали. Не знаю, можно ли было их вылечить, но их умерщвляли. Медсестры приходили, делали уколы – какое-то желтое лекарство, после которого появлялся дикий аппетит. Они уже есть не хотели, а тут на них жор прямо напал. Все подряд готовы съесть, не жуя. Так продолжается с полчаса. Потом начинается хрип – по сей день этот хрип слышу. Потом хрип стихает – все, конец. (Мне тоже хотели сделать такой укол, да я не дался, единственный ходячий больной был в палате).

Приехала комиссия – набор в армию. Берут и меня. Я прошусь на флот, но это уже не для моего здоровья. Направили меня в артиллерию. Всего в нашей зоне освободили тогда 108 человек. Из них четверо были направлены в артиллерию, и я в их числе. Попал я в 181 артиллерийскую часть, и нас отправили в Ленинград, в пекло. Там училище артиллерийское было.

Но я в нем всего месяца полтора успел проучиться – СМЕРШ, допросы: "Почему скрыл, что твой отец репрессирован?" А кто меня спрашивал об отце, когда призывали? Кресты, Бутырка, свердловская пересылка, новосибирская, красноярская, и – с началом навигации 1942 года – баржей в Норильск. А у меня – ни статьи, ни срока!

Что такое баржа – это рассказывать бесполезно, все равно, кто не был – не представит. Скажу одно: в барже было больше тысячи человек, и четверть из них были трупами, когда мы пришли в Дудинку. Этот трупный запах я, наверное, до конца своих дней буду помнить... Пайку ели только те, кто были возле люка, уголовники, шпана. А вглубь уже ничего не доходило.

В Норильске я сперва попал на "Нулевой Пикет". По моим тогдашним представлениям это была неплохая зона. Представить только: в столовой у входа стояла бочка с кетой, нарезанной кусками – бери сколько хочешь. Но побыть там мне довелось всего два дня, отправили на Колларгон.

Что такое Колларгон? Говорят, по-ненецки это слово означает "гора смерти". Будто какие-то ненцы во время пурги свалились там со своими оленями со скалистой горы и погибли. Может, и не так. Там был бутовый и мраморный карьер. Работали одни штрафники круглосуточно, в две смены, по 12 часов. Штрафной лагерь. Меня туда привезли летом 1942 года. Первое, что я увидел, когда нас привели в этот карьер, — два голых человека рядом с конвоем. Это наказание такое было за неподчинение — "комарики". Мошка их облепила сплошным покрывалом. Редко кто выдерживал больше 5–6 часов такой пытки. Люди падали замертво, а мошка продолжала высасывать из них кровь.

В 1942 году произошла у меня встреча с Завенягиным. Мы в ту зиму на расчистке дорог от снега работали. Страшные метели были, "черные". Дело это считалось настолько важным, что нам даже спирт давали: мороз под 50 градусов, ветер метров 30 в секунду — вот нам для обогрева и давали: граммов 30 спирта и граммов 100 хлеба. И каждые два часа греться можно было в балке. Вот мы сидим в балке, вдруг входит мужчина — пальто, фетровые бурки — видно, что начальник, но кто — нам невдомек. Расспрашивает, как живем, какие жалобы, поддерживаем ли связь с родными. А мы: какая связь, когда ни бумаги, ни конвертов да и марки не на что купить. Тогда он достал тридцатку, дал ее кому-то из нас: вот, купите что надо, но обязательно поддерживайте связь с родными. И угостил всех нас "Казбеком". Мы всю пачку разобрали, он другую достал, знал, значит, куда шел. Потом, когда он ушел, мы от конвоя узнали, что это был Завенягин. После него начальником комбината стал Зверев, тот соответствовал своей фамилии, зверь был.

А еще встреча была с Урванцевым, с тем самым, который все эти норильские богатства открыл. Это году в 1948-м было, он уже был на свободе. Мы, правда, ничего про него не знали, думали, что все это Шмидт открыл (недаром же там "Шмидтиха" — гора Шмидта!). А про Урванцева позже узнали. Он к нам на строительство пришел (я тогда на строительстве работал) — невысокого роста, в бушлате, от заключенного не отличишь. Попросил нашего бригадира: эта квартира для меня

предназначена, вы уж постарайтесь на совесть. И тут заходит какой-то эмвэдэшник с женщиной и — Урванцеву: "Вы что здесь делаете?" Тот: "Да вот интересуюсь своей будущей квартирой..." Эмвэдэшник рассвирепел: "Эта квартира — для меня! Тут ничего вашего быть не может!" А их тогда боялись. Бывший заключенный, бывало, в автобусе не сядет, если эмвэдэшник войдет. В общем, ушел Урванцев. Чем это дело закончилось, не знаю.

Сразу расскажу, забегаю на несколько лет вперед, один случай, которому я был сам свидетель. Это было в 1948-м или 1949-м году, точно не помню, меня тогда в четвертый раз туда привезли, на перевоспитание. Вывели нас на расчистку железнодорожных путей. Мороз градусов 50, а мы полураздеты: рваные башлаты, на ногах ватные чуни из списанных телогреек. Все истощены, в чем душа держится, непонятно. Больные. Освобождение по болезни давал "лепила" — лагерный врач — таким образом: с вечера к нему выстраивалась длинная очередь "фитилей" — доходят, он обходил ее и говорил: "Тебе не дам, ты уже три дня отдыхал, дай другому", "Ты иди в барак, два дня канта (освобождения от работы)" и т.п. А днем, часов в 10–11 он приходил в карьер, одним взглядом оценивал обмороженные руки или ноги, которые ему протягивали эски, постучит еще по ним дощечкой, на которую он записывал имена освобожденных (мы ее называли: "дощечка канта"), и все: "Иди к проходной". Приведет в санчасть и начинается. Пальцы, руки, ноги режет, ампутирует — без всякой "заморозки", наркоза какого-то. Тот только вскрикнуть, бывало, успевает: "А!" А он: "... на! Все. Следующий!" А следующие тут же сидят, ждут своей очереди. И вот, пять человек, взявшись под руки, пошли прямо в тундру. Конвой кричит: "Стой!" А они — как не слышат, идут. Конвой стреляет — один падает, остальные продолжают идти. Еще выстрел, еще — а они идут. Так всех застрелили, но ни один не остановился, не обернулся даже. Пять человек — как одна душа — такого я не видел больше никогда. Как правило, если двое что-то замышляют, то один из них другого продаст. Я поэтому, когда в побег уходил, никогда ни с кем не советовался и не объединялся: обязательно кто-то продаст. А тут пятеро — как одно

целое. Но надо и другое представить – до чего Колларгон доводил. Люди сами себе руки-ноги отпиливали, рубили. Сколько раз видел: человек сам себе костыли делает, потом ногу отрубит, перебинтует и – на своих костылях отправляется к проходной. Но такого, как эти пятеро, я больше не видел и не слышал никогда.

Но я там не все время, правда, был. Осенью 1942-го года меня отправили в Курейку. Мы там были на правой стороне, у самого устья реки Курейки, а деревня, где Сталин ссылку отбывал в свое время, – на левой. Мы там раскорчевывали лес под картофельное поле, потом эту картошку копали. А жили в шалашах-землянках в одной зоне с женщинами. Когда начались заморозки, нас отправили обратно, в Норильск.

Вот оттуда меня вызвали в 3-й отдел, к оперуполномоченному, который мне сообщил (наконец-то!), в чем я обвинен. Я, оказывается, еще солдатом, год тому назад, когда нас в Ленинград везли, в поезде что-то плохое о Сталине говорил. Кому, что – по сию пору не знаю. И вот теперь меня за это судят, дают 10 лет. Мои возражения и слушать не стали. Какой там суд – видимость одна. Просто, нужны были Норильску рабы.

Десять лет! У меня как бы помрачение ума стало. То год оставался, а тут – на тебе, сразу 10. Все – жизнь кончилась!

И я потерял всякий страх. Ухожу в побеги раз за разом, в самых невероятных условиях, на удивление всему Норильску. Меня, конечно, ловят, я снова бегу. Однажды после очередного побега поставили меня бригадиром. А тут мороз с пургой. И я объявляю в бригаде: "Активированная погода. Начальство не признает, но мы на работу не идем." И не идем. Забастовка! Меня снова судят. И снова. И снова. Два раза к высшей мере приговаривали, но заменяли 10-летним сроком. Об окончании войны я узнал 14 июля, а до того сидел в камере смертников, куда никаких известий не поступало, конечно.

Когда меня в эту камеру смертную препровождали, что-то не понравилось надзирателям во время обыска, что-то они у меня нашли, не помню. За это меня посадили в "холодильник". Это такая была камера – на стенах лед, только возле двери

пятно сырое. Туда обычно сажали на 15–20 минут. Меня продержали трое суток. В одном белье. Только время от времени, когда я совсем окоченевал, старший надзиратель (в смертном отделении младшие надзиратели не дежурят – только старшие) меня за пиворот выволакивал из камеры – сам я уже не в состоянии был двигаться – и подтаскивал к "контрамарке" погреться. Это он в нарушение инструкции делал, жалеючи. Но потом отводил обратно в "холодильник". И так трое суток.

Наконец, после очередного, особенно дерзкого побега я очутился на Цемстрое. Это была из тюрем тюрьма! Ее называли "коттедж № 1". Она располагалась внутри Промбазы, сразу за БМЗ (Большой металлургический завод), вплотную к 8-му лаг-отделению Горлага (в то время в Норильске были лагеря трех типов – ИТЛ, т.е. исправительно-трудовые лагеря, где, в основном, уголовники сидели и бытовики, КТР – каторжане, это владовцы, бандеровцы – безграмотные "политические", в нарядах вместо росписи ставили крестик, и Горлаг – государственный особо-режимный лагерь² – здесь "интеллектуалы" сидели). Сложена она была из бутового камня и вмещала 300–350 человек, пять или шесть камер: две большие, на 100 человек каждая, а остальные поменьше. Одежда на нас – только казенная (если найдут у кого носовой платок или, не дай бог, монетку – переломают руки и ноги), причем одна штанина голубая, другая – зеленая, на заду бубновый туз, спина бушлата тоже другого цвета. Сырость была такая, что спичка не горела. Пол все время влажный, вначале даже водичка выступала. Нары, окочеванные железом, тоже сырые.

Заселили эту тюрьму в женский день, 8 марта 1948 года. Нас тогда повели в баню. В основном, там были собраны "сливки" норильлаговского уголовного мира. Но и такие, как я – с 58-й статьей; но таких было немного: кроме меня, два генерала, один летчик – всего около десяти. (Скорее всего, нас бросили туда в расчете, что нас добьют уголовники. Одного, действительно, добились. Но к некоторым они относились доброжелательно). И вот эти генералы сагитировали нас из бани, из моечного отделения не выходить до тех пор, пока нам не объяснят, за что и на какой срок нас сюда посадили. Так мы и заявили. Сидим в

бане. Приезжает Ходасевич, заместитель начальника Норильлага, и Светличный, начальник нашего "коттеджа". С автоматчиком. Он открывает дверь: "Выходи!" Мы молчим. "Будете выходить?" Мы не успели ничего ответить – началась стрельба из автомата. У нас паника – кто тапиками банными заслониться пытается, кто под лавки полез. Но автоматчик стрелял поверху, по карнизам, а эти – Ходасевич и Светличный, пьяные в дым, из пистолетов прямо в нас, на выбор расстреливали. Убили не то пять, не то шесть человек. Говорят, за это "усмирение" оба получили очередные звездочки на погоны.

На работу водили при любой погоде. Бывало, весь Норильск стоит, гудки гудят: активированная погода, а Цемстрой идет на работу. Работа была неподалеку, километра 1,5–2 (рудник 6/2 оставался правее) – бутовый карьер, в скале. Ни бура, ни взрывчатки, все вручную. Кувалда и клин – весь инструмент. Сначала водили туда без наручников. Но потом... Там рядом с тюрьмой протекал горячий ручей, мы его называли: "Гольфстрим". Так, чтобы на работу не идти, находились такие, что как только выведет конвой – прыгали в этот ручей. Ну, куда его, промокшего, когда мороз 50 градусов? По первости – обратно в тюрьму, в изолятор. А потом этот номер перестал проходить: его сразу в строй – и ведут вместе со всеми. Фактически на смерть. Побег? Побегов не было. Хотя охрана всячески старалась так устроить, что побег вроде бы был, а они его пресекли. Лучше всего, если убили заключенного при попытке к бегству. За беглеца 215 рублей давали. Вот они и старались. А с другой стороны, этот карьер был такой пыткой, что люди подставляли себя под пули, только чтобы от карьера избавиться. Был там один охранник, он за такими "беглецами" просто охотился: с какой бы стороны человек не выбросился из строя, он обязательно его подстрелит. По 600, по 800 рублей в день ужирался так настрелять.

Но потом стали водить в наручниках, да еще и скованными в "пятерки" и по периметру колонны. Приведут в карьер, наручники снимут – работой. А уж в карьере можно было только одно – работать. Обогрева – хоть мороз 50 градусов – никакого. Даже разговаривать запрещалось, за разговор били шлангами,

набитыми песком, смертным боем. Все это делалось руками уголовников, охрана, вроде, ни при чем.

И никакого членовредительства! Если, скажем, руку поломаешь, проволокой колочей перевяжут – и работай. А если кто инвалиды безногие, то им тюремный столяр делал деревянные ноги. Пригонят такого – и на скалу, на самый ветер. Если он ухитрится эту ногу поломать или сжечь, ему вечером уже новую сделают. И никаких больных-освобожденных. Всех хуже приходилось слепым. Стоит на скале и шаг боится сделать, чтоб не сорваться с нее. Так и замерзали, бывало.

Кормежка от выработки не зависела – всем 400 граммов хлеба в день плюс баланда. Но норму выполни! И наломай камень, и в вагон его погрузи.

У уголовников там начались разборки: кто из них "в законе", а кто "сука" или какая другая масть. (У них, к примеру, считалось, что, если был на фронте, то уже не "в законе", нечистый).

Утром – тишина. Но вот кто-то начал ходить по камере, к нему припаривается еще кто-то, вдвоем ходят. Значит – решают кого-то задавить. Ходят так, ходят, потом – заскакивают на нары, набрасывают своей жертве на горло полотенце и одним рывком душат и бросают к дверям камеры. И этот труп лежит там. И опять ходят. Какая-нибудь другая, а то и та же самая пара. Новую жертву обдумывают. Иной раз в день по три, а то и четыре трупа. А что им? В это время как раз отменили смертную казнь, заменили 25-ю годами. А срока не суммируются. Так что если такой бандюга месяц назад получил 25 лет и совершит новое убийство, то новый четвертак фактически означал, что он за убийство получил всего месяц. Но все равно старались на другого свалить. Убьет на глазах у всех, а потом заставляет какого-нибудь "мужика" (т.е. не "законного вора"): "Стучи!", т.е., вызывай охрану, бери это убийство на себя. Охрана отлично понимает, что этот "мужик" физически не может убить, тем более – вора "в законе", но зачем разбираться, когда он сам "сознался". Да им и без разницы. За раскрытое убийство получают поощрение, может, даже повышение.

Я пробыл на Цемстрое около двух лет. Вообще, там люди выдерживали месяцев 6-7, не больше. Я не загнулся только благодаря моим родителям, давшим мне такой здоровый организм.

И вот однажды, в 1951 году, меня выводят из этой тюрьмы и переводят - из калитки в калитку - в соседнюю зону, в 8-е лаготделение Горлага³. Тут мне впервые пришлось носить на одежде номер: К-218. В Горлаге все были с номерами. Большие такие номера - на спине бушлата или рубашки, на груди, на штанах выше колена. Режим - строжайший. За малейшее нарушение - 30 суток изолятора. А нарушением может быть все. Даже "не такой" разговор. Не говоря уже о том, если найдут при обыске писчую бумагу, мундштук от папиросы, монету: не положено. За невыполнение нормы выработки - тоже 30 суток. Работа только физическая (даже в ППЧ - планово-производственной части, в которой в ИТЛ заключенные работают, кроме начальника, конечно, здесь заключенных не было; нарядчики - и то - не наши были): котлованы рыть под строительство домов и промышленных сооружений разных. Там вечная мерзлота, поэтому котлованы рыли глубокие - до скального грунта. И все вручную, конечно, - кайло, лом, лопата - вся механизация. Даже кухни своей не было, пищу готовили в ИТЛовской столовой и привозили в баках прямо в бараки. Ложек не было, одни миски, так что ели по-собачьи. Из бытовых служб были только сушилка и баня.

Но все же здесь было лучше, чем в ИТЛовских лагерях. Не было истязаний со стороны самих же заключенных. Никакой картежной игры. Прожить за счет другого - это здесь было исключено. И бригадиры относились более человечно, чем у уголовников было заведено. Там за невыполнение нормы избивали, калечили. Здесь же одно - изолятор. Ну и народ, конечно, совсем другой - много фронтовиков, офицеров, в основном, русские.

Наступает 1953 год. Какое-то началось брожение, разговоры на тему: "Как жить будем?" Почти у всех срок по 25 лет, считай, пожизненно. Но до того времени разговоров таких не было. А тут пощли. Еще Сталин был жив, а про амнистию еще и в

Президиуме Верховного Совета, наверное, не думали. Конечно, от кого-то эти разговоры шли, мыслящих людей в Горлаге было много. Я с ними знаком не был, совсем другой круг. Но разговоры эти и в нашем кругу пошли, в бригаде: "Нужна ли такая жизнь?" В основном, такие разговоры вел бригадир (фамилию не помню, а так мы с ним тезками были) с мужиками, я помалкивал, в чужие разговоры не встречал. Чем дальше, тем круче эти разговоры становились. Стала падать дисциплина и у надзорсостава, в изолятор стали меньше сажать. Стукачи приутихли. К марту — еще при Сталине — стали уже высказываться в том духе, что дальше так жить нельзя. Надо выставить свои требования, пусть нам ответят, нужны мы обществу или только Гулагу нужны? Надо поднять всесоюзную забастовку. Мы начнем, нас поддержат — и КТР и ИТЛ... Наверное, потому амнистию тогда и объявили так поспешно, что знали об этих настроениях, и хотели погасить их накал. Но амнистия коснулась только уголовников, а Горлаг остался ни при чем.

И вот в последних числах мая — солнце, тепло — объявляет бригадир: "Завтра на работу не выходим. Бастуем". И лозунги появились: "Смерть или свобода!" Мы когда пришли с работы, эти лозунги уже висели. Начальство сначала пыталось вызвать бригадиров, организаторов за зону, но они за зону не пошли; тогда сами начальники стали приходить в зону, беседовать, уговаривать. Но что они могли? У них никаких прав решить наши вопросы не было. Мы говорили: "Пусть приедет Ворошилов, он решит." У нас создавался комитет, организовали дежурства на вахте и по зоне. Председателя комитета я в лицо знал и по фамилии, но запамятовал. Фронтоник, полковник, говорили. У него, помню, прострелены были плечо и рука.

Первое время в зоне продолжала работать санчасть и привозили на грузовиках продукты. Больше в зону никого не пускали. Хотя постоянно пытались войти войска. Но мы собрали горы камней, металлических прутьев, сложили их возле вахты, поближе к вышкам — отбиваться. Результатом этих попыток прорыва были два труп. Стреляли с вышки. Хотя с нашей стороны никаких попыток вырваться за зону не было. Мы к запре-

тке даже не приближались. И ничего такого особенного эти убитые не совершали.

Потом продукты завозить перестали. Больше недели нам не давали продуктов — уже до самого последнего дня. Правда, комитет предвидел, что нас будут брать на измор, и в зоне продукты были запасены за счет какой-то экономии. Так что мы как-то могли все же держаться. Однажды часов в 12 ночи (правда, в ту пору ночей практически не было, солнце почти круглые сутки светило) прибежал дневальный с криком: "Шверник приехал!" Не знаю уж, кто там был в действительности, но какие-то большие шишки из Москвы, видимо, были. Но не те, кого мы ждали. Они пытались войти в зону для новых уговоров, но их встретили камнями. Разговора не получилось. Мы легли спать.

Прошло часа два или больше — раздался дикий крик: "Расстреливают!" Я вскочил — опрометью из барака. А в зоне стрельба, крики, люди мечутся между бараками. Я хотел, было, вернуться в барак, но как-то бессознательно сообразил, что надежнее будет в другом месте, которое я давно высмотрел, еще задолго до забастовки, — под бараком. Наш барак стоял на сваях, под него можно было подлезть; там в одном месте были такие ледяные наросты — может, при мытье полов вода просачивалась сквозь щели, не знаю — а между ними такая как бы ложбинка. В эту ложбинку я и заполз — уж не знаю и как, в другое время, наверное, не протиснулся бы.

А в зоне творилось нечто неопишное — душераздирающий крик, стрельба, матерщина, автомобильные моторы, собачий лай — он даже заглушал крики и стрельбу — сколько же их там было, этих собак? Над головой у меня какие-то удары — это в бараке, стало быть, происходило — и крики. А потом стала капать кровь — наверное, через те же щели, что и вода, от которой лед образовался. Теперь он весь покрылся кровью. Часа два, а то и больше это продолжалось. (До сих пор редкую ночь не снится этот кошмар: крики, стоны, удары, рев моторов, стрельба, метание собак, лай.) Потом крики стали стихать, стрельба еще какое-то время продолжалась и кончилась только часам к 6-ти

или 7-ми утра. Но я оставался в своем тайнике. Понимал: увидят – убьют.

Так пролежал я там трое суток. Лежал бы и дольше, но замучила жажда. Я уж и лед этот лизал, что рядом со мною был, но не помогало. И замерз страшно. Вертелся и так, и этак, то одним боком, то другим отворачивался от льда, но все равно замерз. А в зоне идет какая-то возня: машины приезжают – уезжают, что-то на них грузят. На третьи сутки стало тихо. Гробовая тишина. На четвертые сутки я вылез. Тишина. Ни ветерка. Входная дверь барака висит на вырванном шарнире. Стекла выбиты. Порог весь в крови. Не закапан кровью, а залит, видно, лужа кровавая тут была. Теперь запеклась, почернела. Стою, стараюсь разогнуться, распрямиться. Меня качает. Голоден, а есть не хочется. Куда идти? В барак – страшно. Побрел в сторону вахты. Была – не была! Только вышел из-за барака – крик: "Стой!" Бегут двое с автоматами. "А ну!" И прикладами в спину погнали к вахте. Бараки стоят пустые, стекла все выбиты. Народу – никого. А вахта – вся в крови. И деревянные стены, полы, двери, всякие детали и камни вокруг. Вывели меня за зону, и – в изолятор. Там уже человек восемь или семь сидели. Я был последним. Что-то спрашивают, но мне не до разговоров, весь одеревеневший. Но слышу, кто-то говорит: "Ну вот, осталось нас от всей зоны 18 человек."

Просидели мы там двое суток. Ни хлеба, ни воды. Наконец, вызвали троих или четверых из нас, меня в том числе, и два охранника повели нас в другую зону, 12-й ее называли. Где 11-я шахта, напротив Шмидтихи. Сдали нас на вахте, завели в барак. Большой 4-секционный барак. Сразу расспросы: откуда, как? Мы рассказываем, а они: "Да, когда вас расстреливали, нас здесь надзиратели заперли в бараках и запретили в окна смотреть."

... В этой зоне – по сравнению с тем, что я знал раньше – был настоящий коммунизм. Бараки гостиничного типа: кровати с белыми простынями, одеяла с пододеяльниками, тумбочки, бумажные цветочки; в зоне – ларек. Никаких притеснений. Работай, отдыхай. Шахтеры по тысяче рублей зарабатывали. Баянов накупили, учатся играть, спать не дают.

Но клетка, она клетка и есть. И в 1954 году я ушел в очередной побег. На этот раз — удачно.

* * *

Вот все, что я могу рассказать. Только то, что сам видел. А чего не видел, про то рассказывать не стоит. Но один рассказ все же приведу. Я услышал его много лет спустя в санатории "Искра" от одного из участников того побоища в "восьмерке". Он в то время срок отбывал в Норильске, но был бесконвойный, вроде даже жил вне зоны. Работал шофером на пожарке. Перед этими событиями охранники велели им наварить на капоты машин спереди стальные листы — чтобы прорывать проволоку при прорыве в зону. Получилось что-то вроде бульдозеров. А на машины погрузили солдат с оружием и гражданских с ломami и палками. Ворвались — и пошли крушить все подряд. "Фашистов" — это они нас так называли тогда — забивали до смерти, ломami этими головы проламывали, хребты перебивали. Мясорубка. За что — никто не интересовался, "фашисты" — и все. Он рассказывал об этом, как о каком-то подвиге своем...

P.S. Может ли в этом мире быть что-то такое, чего бы я боялся, — после всего, что я пережил? Все мучения, которые людям приходится терпеть, люди творят. Люди, потерявшие право называться людьми, но — люди. И тот беспредел, который мы сегодня видим вокруг, он там зарождался, в гулаговских джунглях. А что еще могло вырасти на такой почве и из таких семян.

Публикация Л.С. Труса

ПРИМЕЧАНИЯ ПУБЛИКАТОРА

¹ Ст. Чугунаш, 150 км южнее Новокузнецка, 30 км севернее Спасска.

² Так расшифровывали это сокращение — Горлаг — не только заключенные, но нередко и администрация. Подлинное полное название этого Специального лагеря № 2 для "особо опасных государственных преступников", размещенного в Норильске и его окрестностях, было "Горный лагерь".

³ Здесь Л.А. что-то путает: в Горлаге в то время было всего 6 л/о. Судя по описанию, речь, возможно, идет о 3-м л/о, каторжном; оно находилось в пос. Кирпичном, между ботовым карьером и цементным заводом.

МНЕ ПОВЕЗЛО: Я ПО СПЕЦНАРЯДУ

Меня в Норильск привезли по спецнаряду НКВД летом 1939 г. Спецнаряд – это документ такой (я его, конечно, не читал, но мне объявили: "Ты по спецнаряду этапирешься"), который определяет командировку заключенного из одного лагеря в другой с назначением "для работы по специальности".

Вначале-то я был в Карагандинском лагере; сперва в Артакском лаготделении – на юг от Караганды – занимался там топографической съемкой плотины и поливных каналов для прокладки трассы, потом принял на себя переделку шлюза этой плотины. Зона была только для уголовников, остальные передвигались по всей территории свободно, а так как мы были на отшибе, то я себя чувствовал, как расконвоированный. Затем я попал в этап: нас собрали на пересыльном пункте в Карабасе, готовили к отправке на строительство Томско-Асинской железной дороги. Но этот этап по распоряжению Москвы расформировали и распределили по ближайшим лаготделениям Карлага. Я попал в пос. Долинское – недалеко от центрального лаготделения – в угольную шахту. Лаготделение было строгого режима: двойная зона, собаки, вышки, вся жизнь: барак-шахта-барак; на крышах по ночам часовые, на opravку ночью – только в белом, накрывшись белым чем-нибудь (кричишь: "Разрешите выйти до туалета!" – и если пойдешь без разрешения, можешь получить пулю в спину). Я попал туда не в наказание, а просто так, попал – и все, многие так попали. Пережив несколько обвалов в шахте, решил: хватит играть со смертью. И написал заявление в Главное Управление Лагерьей горно-металлургической промышленности о том, что я металлург-цветник, окончил Томский технологический институт, работал на Беловском цинковом заводе и т.д., и что могу принести больше пользы, работая по специальности.

Через несколько месяцев (шахту уже стало затопливать подземными водами) я получил извещение об этапировании по спецнаряду ГУЛага НКВД. Это меня и выручило.

... По прибытии в Норильск нам дали три дня отдыха, а потом нас по одному стал вызывать Завенягин. Мне он сначала предложил работу мастера на Малом металлургическом заводе — первый металлургический объект там был — я согласился. "Ну хорошо, идите к себе в зону, вас вызовут." А потом спрашивает: "А что у вас такой цвет лица зеленоватый, как вы себя чувствуете?" — "Ничего, — говорю, — что-то с кишечником". — "Это дело серьезное, обратитесь в медпункт. А я вам вот что: все-таки работа на металлургическом заводе тяжелая... Вы пробирное искусство знаете?" — "Конечно, я металлург, знаю: это определение благородных металлов в рудах, концентратах и т.д." — "Ну вот, я вам предлагаю идти в пробирный отдел центральной химлаборатории (ЦХЛ) комбината". Так я попал туда.

Завенягин был крупнейшим специалистом и отличным организатором. Орджоникидзе назначил его своим заместителем, но когда он приехал в Москву, Орджоникидзе уже был мертв (ходили слухи: застрелился). Он стал заместителем Л.М. Кагановича. Тот вскоре поручил ему составить своего рода "обвинительное заключение" на академика И.М. Губкина (того самого, что предсказал "Второе Баку" на Южном Урале). Завенягин отказался — Каганович его выгнал. Через два месяца его вызвал Молотов: "Мы решили вас не добивать, предлагаем взять на себя Норильск". Он согласился, понимая, что будет как бы заложником. Задача, за которую отвечал головой. Но не боялся. Если видел, что перед ним специалист, не боялся вытаскивать заключенного с "общих работ", даже если они вменялись ему приговором или "режимщиками". Очень много бывал на объектах, вникал во все. И был прост, доступен.

Первое, что он сделал, — создал Опытный металлургический цех (ОМЦ) с крошечным котлом и вагранкой, поставив его директором О.Н. Лукашевич — прелестную, образованнейшую женщину с великолепной памятью, благодаря которой ОМЦ освоил для НГМК агломерацию и плавку. С началом войны сюда прибыло много специалистов из Мончегорска, в их числе —

Ф.Т.Теряенко, который после отъезда Лукашевич с 1941 по 1956 г. руководил ОМЦ. Здесь я с 1943 до 1946 г. (освобождение) был руководителем группы по гидрометаллургии. На ОМЦ почти все инженеры, даже сменные, были заключенные.

По разработанной нами технологической схеме проектная контора (металлургическая группа под руководством заключенного Гамазина) сделала проект Кобальтового завода.

В Норильске в то время, не считая горных предприятий (они все были в горах – шахты, рудники 3/6, 7/9 – это все подземные, но были и открытые – как "Медвежка" на "Угольной"), промпредприятия – Механический завод (многокорпусной, полный профиль: литье, прокат, механическая обработка), Малый металлургический завод, Малая обогатительная фабрика (МОФ), плюс площадки, где начинали строиться Большой металлургический завод (теперь – плавильный цех), ЦЭМ (электролиз никеля), Аглофабрика и многое другое – все были взяты в огромную зону – "Промплощадка". Вблизи было только одно лаготделение – "Медвежий Ручей", вначале это было 2-е л/о – на стыке улиц Горной и Заводской (теперешний Норильск), там были дома из бутового камня для вольнонаемных. Но тут пошли этапы, масса заключенных – так эти дома переделали в секции (дом – 2 секции), уставили их 2-ярусными нарами "вагонного" типа. Все это взяли в зону 2-го л/о. На восточном склоне Рудной горы – 6-е л/о. Эти два лаготделения обслуживали всю нижнюю часть Норильска, в основном – Промплощадку. На горе были другие лаготделения, они обслуживали РОР (рудник открытых работ), шахты, верхний мехзавод. 6-е л/о, кроме Промплощадки, обслуживало шахты горы Шмидтихи, добычу рассыпной платины по Угольному Ручью (сезонно: зимой невозможно промывать). В этих же зонах – Центральная химическая лаборатория, Опытный металлургический цех, Проектная контора – очень крупное объединение, Геологическая партия (камералка), причем геологи, включая Урванцева, жили во 2-м л/о, там же – Центральная лагерная больница.

Огромная степень автономности. Свой уголь, своя энергетика, цемент, кирпич – простой и кислото- и огнеупорный, свои лесоповалы в Красноярском крае, деревообработка, свой водный транспорт, свои причалы в Красноярске и в Дудинке (здесь я познакомился с Жаком Росси, будущим составителем "Справочника по ГУЛагу", и Л.Н.Гумилевым – они позже были и в 6-м л/о), своим авиаотрядом (платиновый концентрат вывозился самолетами).

Единственное, в чем нуждалась эта империя, – это рабочая сила, заключенные. (Заявки на новые этапы составлялись каждый год, как нечто само собой разумеющееся – НГМК был в составе НКВД, Завенягин считался работником этого ведомства, его заместитель назывался: заместитель по ИТЛ). Смертность среди них была огромная. Особенно гробили людей этапы, баржи. Каждый этап привозил не только новых работников, но и новых покойников, дистрофиков, цинготников. Свирепствовали кишечные заболевания, чему немало способствовала норильская питьевая вода. По утрам возвращавшихся из ночной смены встречали на вахте автомашины и подводы с покойниками; их везли в навал, прикрыв брезентом.

Из этапов особо запомнились наши военнопленные после финской кампании: как они шли, перевязанные, огромными колоннами. Ими заполнили только построенный огромный гараж. В 1940 году прибыл большой этап из недавно "присоединившейся" Прибалтики, почти все они погибли в лагунке для "доходяг" на Ламе. Еще вспоминается пересыльный лагерь в Злобино (под Красноярском). Мы же этот лагерь и строили. Легкие фанерные бараки. Со всего Союза этапы шли сюда. На них было страшно смотреть. Один, например, весь ослеп: куриная слепота. Лагерь был забит. Днем работали в порту, грузили суда, направлявшиеся в Дудинку с грузами для Норильска. Особенно много было колочей проволоки.

Вечерами пели песни. Грузины особенно красиво пели.

На строительстве ЦЭМ работали заключенные, несколько тысяч. Работали круглосуточно. Днем – монтаж, бурение, по ночам – взрывали. Заключенных к буровзрывным работам, конечно, не допускали.

Хочется помянуть коллег, с которыми сдружился в Норильске: Зенюк, Гамазин, Тамара Сливинская ("кавэжэдинка"), Шикова, Бухарин – москвич, киевляне – Михайлов и Станкевич, доцент Томского политехнического института К.П. Шнитт, детский врач Кудрявцев, получивший без суда срок за финский плен, хирурги Родионов, Шипкин, Кузнецов, Розенблом, Бабушкин. Отдельно вспоминаются Исаак Кон и Виттен Крупский, П.П. Краснобаев, Ташкус – литовец. Всех не перечислить.

Перед войной 2-е л/о раскассировали, одноэтажные дома переделали для вольнонаемных. Я попал в 6-е л/о, а после начала войны в л/о на Медвежьем Ручье. Уголовники и политические содержались в одних лаготделениях, тут же были и женщины. Особый уголовный мир, который даже в условиях лагеря нуждался в изоляции – либо в закрытых бараках, либо в отдельных строгорегимных лагпунктах.

Работали ли уголовники? Работали. Были и отказчики. Это в основном "профессионалы", имевшие колоссальные суммарные сроки, им было все равно. А остальные работали. Тем более – бытовики.

Году в 1948-м был создан Горлаг с лаготделениями в районе кирпичного и деревообделочного заводов. Дальше – только знаменитый и таинственный Норильск-2. Говорили, что это лагерь для доходяг – веники, корзинки... Но шла страшная слава, что туда отвозят людей для физического уничтожения, приговоренных.

Научно-исследовательской обогатительной лабораторией (маленькое деревянное здание, несколько раз горело) при МОФе руководила Никонова – интеллигентная, эрудированная, она задавала хороший ритм. В 1939-м с одним из этапов прибыл известный обогатитель Михаил Аметов, которого я знал по Ле-

ниногорску. Они да еще вольнонаемный специалист Бочаров занимались технологией обогащения норильских руд, разработали селективное и коллективное обогащение. В конце концов победило первое. Проектная контора (в которой Завенягин собрал лучших специалистов — от инженеров до академиков, 600 человек (все они после создания Горлага были переведены туда)) спроектировала БОФ (Большая обогатительная фабрика), куда перешел главным технологом Аметов, вскоре умерший от опухоли мозга. Первым директором БОФа стал вольнонаемный инженер Б.А. Логинов (потом он некоторое время был директором НГМК), главным инженером — вольнонаемная Антонина Петровна Волкова, потом она стала директором, а главным инженером — О.Н. Малицкий, эвакуированный вместе с оборудованием из Тернауза.

Отношение со стороны охраны и надзора можно охарактеризовать только как бессмысленно жестокое при полной бесконтрольности и заведомой безнаказанности. Стрельба с выпшек в зону была явлением рядовым. При мне охранники (их на выпшке двое было) просто так, без всякого повода, пальнули в человека (не знаю, остался ли он жив). Он шел по тропинке, по которой мы ходили всегда на работу и с работы, он впереди, а я несколько позади, так что видел хорошо, что ничего противоречимого он не делал. Раз, помню, летом сидим мы у себя в комнате на Севастопольской при открытых окнах. Вдруг слышим — окрик и тут же выстрел. Выглянули в окно, смотрим — рядом остановилась колонна заключенных, они как-то расступились, и видно: на дороге лицом вниз лежит человек в поношенном плаще, прижимает к себе папку с бумагами; из головы или из шеи у него течет кровь. Заключенные кричат: "Вы за что бригадира нашего убили!" А конвой: "Ложись!".

Вскоре после этого случая горлаговские лаготделения забастовали. Я сам видел черные со скрещенными костями флаги над бараками. Они требовали приезда комиссии из Москвы. Это продолжалось довольно долго, несколько недель. Потом приехал

какой-то чин (генерал, что ли), вызвали войска, ворвались со стрельбой в зону на танках, бортовых машинах; на эти машины бросали трупы, а, может, и живых, накрывали брезентом и увозили.

Про "восьмерку" речь шла или нет, не знаю, но о том, что одно из горлаговских лаготделений в ходе "усмирения" было полностью уничтожено, разговоры такие были. Где находилась "восьмерка", не знаю. Если это "Цементстрой", то, по-видимому, в районе кирпичных и цементных заводов – на юго-восточной стороне Промплощадки.

Об Н.Н. Урванцеве. Я познакомился с ним в Красноярском пересыльном лагере в 1939 г. Там через зону протекал ручей, я любил вечерком развести возле него костерок, почаевничать. В такое время ко мне как-то и подошел Н.Н. (рост выше среднего, худощавый, темноволосый, некрасивый, но располагающий к себе) со своим припасом, представился, присоединился. Посетовал, что, мол, открыл эти норильские богатства на нашу и свою шею. Потом к нам подошел еще один человек, оказалось, Лурье – бывший главный инженер Кузбассугля. Такая вот компания подобралась. Все выпускники Томского технологического института.

В Норильске он как-то пригласил меня с женой к себе в гости. Это было уже после войны, году в 1949-м. У него еще не было квартиры, он жил в гостинице. К нему только что приехала жена Елизавета Ивановна, военный врач, ее китель с погонами висел на вешалке, и юбка на ней была военная. Сам он всегда одевался очень просто, по-походному, так что те, кто не знал его, вполне могли счесть расконвоированным заключенным. У нас с ним состоялся тогда профессиональный разговор об обогащении добываемых руд. Он был озабочен низкой, и к тому же падающей, продуктивностью норильских обогатительных фабрик.

Еще о Завенягине. Помню, как-то зимой на Промплощадке он шел со свитой, увидел вдалеке какого-то высокого заключен-

ного, видимо, узнал, или ему показали. Подозвал его, поздоровался за руку, о чем-то стали разговаривать. Тем временем подъехала легковая машина, они сели в нее и уехали. Это был Потапов – тот самый легендарный Михаил Георгиевич Потапов, который предложил остроумное инженерное решение проблемы снежных заносов, то и дело грозивших парализовать Норильск и отвлекавших на борьбу с ними огромные массы народу. Он поставил вдоль дорог высокие – метров пять – щиты, оставив внизу сравнительно узкие просветы; в них врывался норильский ураганный ветер и сметал с дорог весь снег. Вот тогда и состоялась та его встреча с Завенягиным, свидетелем которой я оказался.

Публикация Л.С.Труса

Р.С. Наши беседы, которые мы вели с Александром Петровичем с 1990 г., оборвались. 30 сентября 1995 г. в возрасте почти 88 лет он скончался.

А.А. Холмогорова

Я БЫЛА ИЗ КАТЕГОРИИ ЧСИР

Один из потоков репрессированных в годы Большого террора составили жены расстрелянных партийных, советских, военных и хозяйственных работников.

Избежать этой участи было практически невозможно. По постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 июля 1937 г. все жены "изобличенных изменников родины право-троцкистских шпионов" подлежали заключению в лагеря на срок не менее 5-8 лет. Дети отрывались от матерей и помещались в особых детприемниках. Некоторым удалось остаться на попечении родственников. За этими сухими строчками - море пролитых слез и тысячи изломанных человеческих судеб.

А.А. Холмогорова была одной из многих в этом трагическом потоке. К этому времени ей исполнилось 26 лет, а сыну - 3,5 года. Родилась 13 января 1911 г. в деревне Захнево Московской области в семье крестьян. В 1914 г. вся семья переехала в Москву. Через год девочку удалось устроить в гимназию Граковой. После революции появилась возможность продолжить обучение в школе имени Н.И. Бухарина (бывшей гимназии Алелековой). На последних курсах гимназии (1926-1928 гг.) Анна начала изучать стенографию, делопроизводство и машинопись и в 1929 г. после успешного окончания школы делопроизводства приступила к работе в должности стенографистки. За три года работы в различных учреждениях было много встреч с интересными людьми, занимавшими высокие посты в системе управления. Одна из них стала решающей, предопределив всю ее дальнейшую жизнь.

13 января 1932 года Анна вышла замуж за Бориса Осиповича Норкина, бывшего в это время управляющим "Всехимпромом". Анна стала незаменимым помощником мужа, сопровождая его во всех поездках по стране. В 1932 г. Норкина назначают начальником Кемеровского Химкомбинатстроя, и молодая

семья переезжает в Сибирь. Здесь же в декабре 1933 г. у них рождается сын, которого по традициям того времени называли в честь самого важного в жизни молодых (в данном случае – места работы) Кемером. Б.О.Норкин много работает, организуя строительство в Кузбасском районе. Счастливая семейная жизнь, успехи на рабочем поприще – казалось бы, судьба была благосклонна к этим людям. Но в стране уже развернулась очередная кампания преследования технической интеллигенции, все чаще раздаются обвинения во вредительстве, идет волна арестов административно-управляющих кадров.

Начинаются аресты и в Кемерово. 23 сентября 1936 г. на шахте "Центральная" в Кемерово произошел взрыв. Аварии часто имели место в это время, так как в погоне за выполнением планов не уделялось должного внимания технологии производства, технике безопасности. После взрыва были арестованы директор шахты И.Н. Носков и несколько его подчиненных. 30 сентября в Москве арестовали Б.О.Норкина. Для НКВД эта "своевременная" авария позволяла связать события в Западной Сибири с московскими работниками. Б.О.Норкин был в тесном контакте с Я.Н. Дробнисом (арестован 6 августа 1936 г.), а через него – с Н.И. Мураловым, бывшим генеральным инспектором Красной Армии, ранее работавшим в Западной Сибири и арестованным 17 апреля 1936 г. Таким образом складывалась картина "троцкистского заговора" в Западной Сибири во главе с заместителем народного комиссара тяжелой промышленности Ю.Л. Пятаковым. С 19 по 22 ноября 1936 г. в Новосибирске был проведен большой судебный процесс (так называемый Кемеровский процесс), на котором Военная Коллегия Верховного суда СССР под председательством Ульриха предъявила обвинения в организации катастроф на шахтах и предприятиях Новосибирска и Кемерово, попытке террористического акта против В.М. Молотова во время его посещения г. Прокопьевска директору шахты "Центральная" И.Н. Носкову и восьми другим специалистам. В приговоре было указано, что "контрреволюционная троцкистско-диверсионная группа" действовала под непосредственным руководством членов "контрреволюционного троцкистского центра" Западной Сибири Н.И. Муралова и

Я.Н. Дробниса, которые получали задания от члена "Общесоюзного троцкистского центра" Ю.Л. Пятакова. Все обвиняемые были приговорены к расстрелу.

Выбор Западной Сибири для показательного процесса был не случаен. Здесь находились крупные предприятия военной промышленности и "разоблачение" так называемых вредителей подкрепляло официальную версию о том, что враги активно действуют не только в центре, но и на местах. Правительство пыталось переложить ответственность за неблагоприятное положение рабочих на производстве, низкие темпы развития промышленности на представителей технической интеллигенции и руководство. Их обвиняли во вредительской и диверсионной деятельности, которая выражалась в срыве планов производства, замедлении или плохом качестве строительства новых предприятий, создании опасных и вредных для жизни рабочих условий труда, организации аварий и пр. Так создавался образ "врага", конкретного виновника различного рода неудач, на которого можно было направить гнев масс, тем самым сохраняя "светлый образ" заботящейся о народном благе Советской власти.

23–30 января 1937 года в Москве состоялся процесс по делу "Параллельного антисоветского троцкистского центра", по которому проходило 17 человек. Семеро из них на момент ареста работали в Западной Сибири. Участников "Параллельного центра" обвинили в проведении вредительско-диверсионной, шпионской и террористической деятельности с целью свержения Советской власти. Тринадцать человек, в том числе и Б.О. Норкин, были приговорены к расстрелу.

2 сентября 1937 года в Москве была арестована А.А. Холмогорова-Норкина. Ей пришлось испытать на себе тюремный режим Лубянки и Бутырок, узнать тяжесть лагерного труда. За восемь лет она побывала в Темниковских лагерях Мордовии, в лагерях под Архангельском. После освобождения в 1945 году находилась в административной ссылке в г. Александрове.

Волна повторных арестов 1948 года коснулась и Анны Андреевны. 8 апреля 1948 г. она вновь была арестована и вскоре этапирована во Владимир. После нескольких допросов ей было

предъявлено обвинение "в распространении слухов о невинности мужа" и оглашен новый приговор – пять лет по статье 58, пункт 1 (антисоветская агитация). Второй срок она отбывала в Казахстане, в Карлаге (Караганда) и Песчанлаге.

В апреле 1953 г. после освобождения, сделав неудачную попытку вернуться в центральные области страны, А.А. Холмогорова устроилась в Караганде. С 1956 г. начала добиваться реабилитации мужа и снятия двух своих судимостей. После первой реабилитации (сентябрь 1956 г.) вернулась в Москву. В феврале 1957 г. была реабилитирована по второй судимости. В 1963 г. добилась реабилитации и восстановления в партии мужа, Б.О. Норкина.

Читателю предлагается отрывок из воспоминаний А.А. Холмогоровой, написанных в 1985 г. и переданных на хранение докт. ист. наук. А.Л. Посадкову в 1992 г.

Материал подготовлен при поддержке общества «Мемориал» (Москва) и Фонда Генриха Белля (Германия)

О.Ю.Табунщикова

.... Итак, я была арестована. Наскоро, не читая, волнуясь, подписала какие-то бумажки и, одевшись в черное плюшевое (перешитое из мамино) осеннее пальто и черную бархатную с полями, украшенную пером шляпку, в сопровождении энкаведистов вышла из квартиры. На улице нас поджидал "черный ворон" (закрытый наглухо, окрашенный в черный цвет автомобиль).

Меня привезли на Лубянку, ныне площадь Дзержинского, и поместили в угловое серое здание, не помню на каком этаже, в так называемый бокс (все тюремные названия я узнала уже позже). Бокс – это комнатка немного больше, чем телефонная будка со звуконепроницаемыми стенами. В нем стоял лишь один стул и больше ничего. Мне предложили сесть, и дверь бокса захлопнулась. Я осталась одна. В боксе горела электрическая лампочка невероятно яркого света, по-моему, свечей триста. Я вскорости почувствовала, что свет этой лампочки прожигает мне мозг. Именно с тех пор я ощущаю сильные головные боли, и с возрастом они становятся все мучительнее. Я поступа-

ла в дверь бокса, попросила пить. Мне принесли стакан хорошо заваренного чая даже, кажется, с лимоном. Но в моей просьбе – выключить такую яркую лампочку – отказали.

Утром меня перевели в Бутырскую тюрьму, где я просидела около двух месяцев.

Когда я выходила из "черного ворона", я заметила у ворот Бутырской тюрьмы мемориальную доску, которая гласила, что в таком-то году эту тюрьму посетила ее Величество царица Мария Федоровна и одобрила.

Когда меня ввели в тюрьму, то сначала поместили в какую-то небольшую комнатку, совершенно пустую, где раздели догола. Какая-то женщина в тюремной форме начала тщательно проверять мою одежду, затем обшарила меня всю, залезая в уши, волосы, передний и задний проходы (кажется, даже без перчаток), и тщательно осмотрела мое тело. После этого она провела меня в баню и, сполоснув, вывела в другую сторону. Мужчина-банщик подал мне из печки мои прожаренные вещи. Они, оказывается, дезинфицировались.

Стыд, оскорбленное чувство женского и человеческого достоинства выдавили у меня горькие слезы.

После этого меня ввели в довольно большую камеру с двумя или тремя окнами. Но, несмотря на наличие довольно больших окон, в комнате было не очень светло, так как окна эти были задернуты так называемыми "намордниками", т.е. снизу снаружи были прилажены деревянные щиты, что загораживало двор или улицу, – не знаю, куда они выходили: кажется, во двор. Потом я узнала, что эти "намордники" на окна ввел председатель Совнаркома Белоруссии – Червяков, которого потом тоже арестовали, и с его женой я встретилась в Темниковском лагере. Он был тоже расстрелян. В камере находилось уже много женщин. Все они лежали на нарах. Нары были сплошные. Они были у двух стен одинарные и посередине сдвоенные. Мы лежали на них буквально, как сельди в бочке. Повернуться одному человеку было невозможно, так что поворачивались по команде все сразу. На "паращу" приходилось идти прямо по ногам. Никаких постельных принадлежностей не было. Каждому заключенному давалась железная полуржавая миска и такая

же кружка. Под голову я лично клала миску, а на нее свою шляпу с полями. Женщин потом скопилось более 200 человек.

Приглядевшись и несколько освоившись, я узнала, что это все жены арестованных и осужденных как изменники Родине ответственных работников, а также военачальников. Кроме жен, были также и их родственники. Например, мне запомнилась сестра Тухачевского и дочь какого-то ответственного работника, не помню ее фамилию. Последняя запомнилась тем, что находилась в камере с матерью, и однажды после возвращения от следователя она безутешно рыдала. Потом мы узнали, что ей сделали очную ставку с ее любимым отцом, который "странно, как замороженный", повторял за следователем: "Да, я завербовал свою дочь в контрреволюционную организацию". Осталась в памяти у меня Ядвига Сежерская - жена осужденного и расстрелянного работника Коминтерна - Бабинского. Филолог по образованию, она преподавала где-то в институте. Ей инкриминировали какое-то личное преступление. Даже созвали суд, на котором она выступила, и ее дело было передано на решение в Особое Собрание, которое тогда действовало. Вообще жен работников Коминтерна было несколько: Шипкевич, Чарко, фамилий их мужей не помню, и другие.

В ночь на 3-е сентября меня вызвал следователь и спросил:

- Что вы знаете о контрреволюционной деятельности вашего мужа?

- Ничего; я вообще считаю все это каким-то недоразумением: он никогда не был троцкистом, он их ненавидел. Более того, я считала его коммунистом-ленинцем высшего нравственного порядка, который самозабвенно отдавался работам, на которые его посылала Партия и Правительство, - отвечала я.

- Да? Но ведь вы ездили на машине?

- И на лошади тоже - на работу с Норкиным. Ведь в Кемерово, где мы работали последние годы с мужем, не было никакого городского транспорта.

- Это все, что вы можете нам сообщить?

- Да! - ответила я.

- Чтобы больше не затруднять вас, давайте подпишем сразу и второй протокол о том, что никаких дополнений не будет.

Я подписала, и меня вернули в ту же камеру. Женщин - "жен" - все прибавлялось. Нары уже не могли вмещать всех, начали укладывать людей на пол, под нары и в проходах. Появились две-три уголовницы, которые решили почему-то затеяться к нам. А может быть, они были преднамеренно подсажены, чтобы сообщать о наших разговорах. Однако разговаривали мы мало, каждый был удручен своим горем и каждый недоумевал, что же произошло?

Старостой камеры была не то выбрана, не то назначена Ольга Третьякова - артистка кино, жена заместителя Наркома путей сообщения тов. Постникова. Ее арестовали в больнице, где ей делали операцию по поводу не то воспаления, не то рака лимфатических желез. Она была очень красивая и очень похожая на ту, которую я видела на экране как раз перед арестом. Вся она была забинтована, однако вела себя очень бодро. Ее добрая улыбка (улыбалась она очень красиво, показывая необыкновенной белизны и красоты зубы), ее непреклонная вера в благополучный исход дела очень подбадривали нас. Помню, когда впервые принесли на обед какой-то суп с коровьими глазами (а я дома вела тогда вегетарианский стол), и я от отвращения не могла есть, - она подошла ко мне и сказала: "Ешьте, Вам нужно беречь силы, они Вам пригодятся". Сдерживая горючие слезы, я с отвращением все же проглотила несколько ложек.

Среди арестованных жен было очень много высокообразованных и даже талантливых женщин. Ольга Третьякова старалась использовать их знания, организуя лекции на разные темы, чтение стихотворений и рассказов. Так коротали мы свое заключение. Иногда какой-нибудь сатирический рассказ вызывал громкую реакцию с нашей стороны - смех - тогда являлся начальник тюрьмы, не помню его фамилии, и "змеиным" шепотом требовал тишины. Облик начальника тюрьмы вызывал неприязнь. Его прищуренный правый глаз как будто прицеливал-

ся к вам. Ходили слухи, что он действительно осуществлял расстрелы.

На прогулку нас не водили.

Помню также, как в одну из дочей со двора тюрьмы уходил этап мужчин. Через "намордники" мы, конечно, их не видели, но раздалась громкая песня: "И на Тихом океане свой закончили поход..." Однако она скоро оборвалась. Видно, конвой приказал замолчать. В это время мы все заплакали, особенно Антонина Алексеевна Парфенова, которая сообщила нам, что эта песня написана ее мужем – поэтом-историком – Петром Семеновичем Парфеновым, которого арестовали, кажется, за книгу, в которой он подверг критике коллективизацию. Сразу сообщу, что он так и погиб в лагерях. Его песню, которая была очень популярна, присвоил поэт Алымов. Но жена Парфенова через суд вернула ее настоящее авторство.

В конце октября, а может быть, в начале ноября нас – 200 человек "жен" – вызвали "с вещой" (так выражались корпусные тюрьмы) из камеры и провели в подвал. В камере оставалось несколько женщин, в частности, Ольга Третьякова, Кашиева – жена работника Коминтерна и жена расстрелянного по процессу Чернова. Я забыла ее фамилию, но помню, она была редактором журнала "Работница". Сама член партии. Вела она себя в камере очень гордо, считая, что наши мужья – вредители, а ее муж – кристально-чистый коммунист. Однако, потом в газетах ее мужа такими помоями облили, что хуже не может быть. Но это произошло позже, когда мы уже были в лагерях.

Из камеры нас перевели в подвал. В большой комнате стоял лишь стол с телефоном и пачкой бумаг да стул, на котором сидел человек, одетый в военную форму. Нас выстроили в ряд и начали вызывать по фамилии к столу, где зачитывали решение Особого Совещания, предлагали расписаться и уводили.

Моя фамилия по алфавиту стоит почти последней. Так что я все время стояла и ждала своей очереди. Наконец я осталась одна, а человек за столом меня не вызывает. Он был в некотором замешательстве: не найдя меня в списках, стал звонить по телефону, а я от волнения чуть не лишилась чувств, мне пока-

залось, что он произнес слово "расстрел". Но вот зашел какой-то служащий тюрьмы, что-то положил на стол, меня подозвали к столу и зачитали приговор Особого Совецания: "Заключить гражданку Холмогорову Анну Андреевну в исправительно-трудовые лагеря сроком на 8 лет по статье "Член семьи изменника Родине", или, как сокращенно называли тогда, "ЧСИР". Почему-то слово "заключить" мне показалось особенно страшным.

Дело в том, что когда конвоир водил меня к следователю на допрос, то он, поднимаясь со мной по лестнице, стучал по железным поручням лестницы огромным длинной, вероятно, с полметра ключом. Этот ключ висел у него на цепочке, пристегнутой к поясу. Иногда на этот стук слышался ответный стук. Тогда мы останавливались, чего-то пережидая. Потом я узнала: это делалось, чтобы ни в коем случае заключенные не встретились в пути. Между тем, каким-то чудом заключенные были достаточно осведомлены о вновь арестованных.

Когда зачитали приговор, то мне почему-то показалось, что именно таким тюремным ключом меня будут пытать, бить по голове. Однако этого не случилось. Меня провели в комнату, не очень большую, битком набитую теми женщинами, которые были вызваны со мной из камеры. Некоторые женщины нервно смеялись, не веря в чудовищность наказания. Запомнилась мне Синюкова, жена работника милиции; она сказала, что нас должны отпустить и отпустят с почетом — наши мужья были верными ленинцами. Но большинство женщин были в оцепенении, в том числе и я. Потом мне рассказывали, что я, придя в этапную комнату, почти тут же свалилась на пол (мебели там никакой не было) и тут же заснула да так крепко, что меня еле-еле разбудили. Что это было: сон или обморок? — кто знает.

Этой же ночью нас вызвали на этап. Как я уже упоминала, на мне было шелкового плюша пальто и бархатная шляпка с полями и даже небольшим пером. Мне показалось стыдным идти в ней в этой толпе осужденных. Я было спрятала ее в наволочку, которую взяла из дома по совету энкаведистов, как и смену белья. Видя, что я без головного убора, а на дворе глубо-

кая осень, конвой вынес мне "буденовку", но такую грязную, рваную, что я не могла ее надеть из чувства брезгливости. Я надела свою шляпку с полями и пером и так пошла "на этап". Глухой пасмурной ночью нас погрузили в фуры, на которых было написано "Хлеб", и с усиленным конвоем повезли на Пресненскую заставу, на какой-то запасной путь.

На дворе после дождя было очень грязно. Несмотря на это, конвой приказал нам встать на колени прямо в грязь. Тем, которые пытались возражать, пригрозили винтовкой. Затем подъехал товарный поезд, нас погрузили, и мы поехали. Привезли нас на 15 пункт Темниковских лагерей в Мордовии.

Лагерь представлял собою сравнительно небольшую, без единого деревца или кустика, песчаную площадку с несколькими деревянными, вновь выстроенными одноэтажными домами. Огорожен он был высоким глухим забором. От дома к дому были проложены узенькие деревянные тротуары. В одном из углов площадку прорезал рукав какой-то речки. Это нам очень понравилось. С наружной стороны площадки стояли вышки, на них дежурили стражники.

Как только мы приехали на участок, нас сразу же повели в баню, где отобрали нашу одежду и обрядили в новые, фланелевые, разных расцветок, но одинакового фасона платья, новое белье, состоявшее лишь из сорочки и панталон (бюстгальтеры нам разрешили оставить свои), хлопчатобумажные чулки и черные кожаные, тоже новые и по размеру наших ног ботинки. Дали нам также новые телогрейки и шапки-ушанки фланелевые. Как я потом убедилась, все это было слишком комфортабельно для заключенных.

В бане на выдаче белья я увидела Любовь Соломоновну Дробнис, которая прибыла в лагерь раньше. Она приветливо встретила меня. Мы потом с нею часто встречались, хотя жили в разных бараках. В ее бараке жила вторая жена Серебрякова, Татьяна Серебрякова, артистки Мезенцева, Русланова, жена коменданта Кремля — Мария Степановна Петерсон, артистка Маша Васильева, жена зам. начальника милиции г. Москвы — Синюкова и много, много других. Любовь Соломоновна Дробнис

жила в 1-м бараке. Заранее сообщу, что ей, по окончании восьмилетнего срока заключения, механически добавили еще срок, которого она не перенесла и скончалась в Темниковских лагерях, но на каком-то другом пункте.

Меня поместили во 2-м бараке. Второй барак, как и первый, был оборудован двойными двухэтажными нарами. Нары были новыми; матрацы, шерстяные одеяла, подушки – тоже новые. Имелись даже наволочки и простыни, которые, когда ходили в баню, меняли. (Это тоже для лагерей – роскошь, которая была допущена по отношению к нам, но мы этого тогда еще не могли оценить).

Со мной в одном бараке оказалась жена Карла Радека – Роза Маврикиевна – красивая, но уже не молодая польская еврейка, с черными, жгучими глазами и черными, но уже поседевшими волосами. Несмотря на разницу наших лет (мне было около 27, а ей за 50) мы с ней подружились. К ней многие "жены" относились плохо, считая, что из-за ее мужа, который обогал всех, погибли их мужья, а они оказались в заключении. Я так не думала, и она была мне за это благодарна. Как я потом узнала, она, как и ее муж, была польской эмигранткой, подпольщицей, приехавшей в Москву еще до Октябрьской революции. В 1927 году они с мужем, в связи с разгромом троцкистской оппозиции, к которой примыкал Радек, подвергались высылке из Москвы, но тогда и отношение, и условия для политических были совсем другие, такие, что практиковались в царской России, т.е. уважалось человеческое достоинство. Тогда и морально-нравственная сторона была несравненно выше.

Она мне также сказала, что ей после суда дали свидание с Радеком. Вид у Радека был какой-то отчужденный, почти потусторонний. Он сказал ей: "Не знаю, зачем им нужно было объявить мне не расстрел, а 10 лет?" Ей казалось, что его тоже расстреляли. Она категорически отрицала его виновность в последние годы его жизни. Она говорила: "Тогда, в 1927 году, он был виноват, а потом все пересмотрел и признал, что был неправ". И для нее тоже неразрешенной загадкой был процесс, на котором выступал ее муж, наговаривая на себя.

Особенно женщины не могли простить Р.М. Радек, что ей определили лишь 5-летний срок заключения, а не восемь, как большинству. Но ей и этих пяти лет было много. Р.М. Радек недолго прожила в лагере. У нее был рак печени. Пробыв в Темниковском лагере несколько месяцев, она умерла. Когда я навестила ее в стационаре, который находился в зоне лагеря, она просила меня разыскать ее дочь и сказать ей, что ни она — мать, ни ее отец ни в чем не виноваты.

Этой просьбы я не смогла выполнить. Много позже, когда я была вторично арестована и посажена во Владимирскую тюрьму (1948 г.), я узнала от заключенных, что дочь Радека также находилась во Владимирской тюрьме. Как сложилась ее дальнейшая жизнь, я не знаю.

Ольга Третьякова тоже умерла на 15 пункте Темниковских лагерей. Из Бутырской тюрьмы ее сразу поместили в стационар лагеря. Мы увидели ее необыкновенные лакированные туфельки лежащими для проветривания на окошке стационара. Таким образом мы узнали о ее смерти. А она так верила в хорошее будущее, и когда нас отправляли на этап, а она оставалась еще в Бутырках, она на прощанье сказала: "Не волнуйтесь, знайте, что все тает".

Надо сказать, что даже в первый год нашего заключения много поумирало женщин, а некоторые посходили с ума. Арестовывались даже женщины с грудными детьми, и эти дети особенно быстро стали умирать. Первой умерла девочка Ольская. Отец ее работал, кажется, в системе Наркомпита. Ребенка Хорошко удалось спасти: за ним приехал брат Хорошко — артист Большого театра — и взял ребенка.

Вообще этот лагерь был строгого режима, без права переписки. Впрочем, это было лишь в самое первое время. Потом, наоборот, с нас требовали ставить концерты. Однако Русланова категорически отказывалась петь, говоря: "Соловьи в неволе не поют". Впрочем ее скоро освободили, и она снова запела, подбадривая своими песнями воинов, сражавшихся с гитлеровскими полчищами. Но там были другие артистки: Мапа Васильева, Перслени, Мезенцева, Маро Хоперия — артистка грузинской оперы и еще кто-то, уж я не помню всех их. В общем, концерты

устраивались и очень неплохие, но нас они не развлекали, а, наоборот, усугубляли наше горе и нередко оканчивались всеобщим плачем. Мне особенно запомнился из-за этого спектакль "Без вины виноватые", который разыгрывался у нас в лагере.

Первое время мы не работали. Начальник лагеря Маслов, знакомясь с нами, сказал: "Мы вас сюда собрали, чтобы "сберечь". Ведь вам было плохо на свободе: вас увольняли с работы, презирали все вокруг. Здесь вы будете среди своих". Вообще, как я поняла в последующем, он был хорошим человеком и, несмотря на свою должность, внутренне жалел нас и в меру своих возможностей старался облегчить наше положение (новая одежда, по размеру обувь, новые бараки, новая постель, прорытый в лагерь рукав реки и пр., — все говорит за это). Может быть, за эти "вольности" он и был вскорости смещен. Ходили даже слухи, что он арестован. Начальником лагеря стал Шапошников.

Изнуряли нас лишь утренняя и вечерняя поверки, продолжавшиеся по несколько часов. Мы обязаны были встать около своих нар и ждать, когда подойдет корпусной и произнесет номер твоих нар, а ты должна была сообщить фамилию, имя и отчество, а также год рождения. Так как народу было очень много, только в нашем бараке, кажется, более 300 человек, да еще в другом бараке примерно столько же (я не помню точно, было два или три барака) заключенных. Все это затягивало время поверки настолько, что были случаи, когда женщины падали в обморок.

Корпусных у нас было несколько. Мне запомнились лишь двое. Амиров, кажется, азербайджанец. Он очень любил нам читать всякие нравоучения. Он выражался примерно так: "Хоть я академиев не кончал, но я обязан за вами следить, и вы должны меня слушаться". Или: "Огонь в виде утюга по зоне не носить". (Дело в том, что в бараках был утюг, но летом, естественно, печки не топились и мы брали уголь для утюга в столовой, а она находилась в другом конце зоны). Но, кажется, он был неплохой человек. Я не помню, чтобы кто-нибудь из нас был наказан за нарушение распорядка. А должны мы были ходить в столовую и обратно в барак попарно и строго по узким

деревянными тротуарам, не сходя на песок зоны; в туалете не запереться (туалет был в виде выгребной ямы в отдалении от бараков) и еще что-то в этом роде.

Второй корпусный был русский. Фамилии мы его не знали, но так как он очень гарцевал перед нами и всегда до умопомрачения опрыскивал себя каким-то дешевым одеколоном, то мы его прозвали "Фиалка". Но конфликтов у нас с ним не было.

Нескольким женщинам удалось получить работу в службе: в бане, в прачечной, дневальными, дворниками, на кухне. Татьяна Серебрякова работала в столовой подавальщицей вместе с женой Чернова. Татьяна Серебрякова была арестована на вокзале вместе с мужем, когда они возвращались из Франции (муж ее работал в Наркоминделе). В парижских туалетах она и прибыла в лагерь. Во время этапа конвой не пощадил их, и она, как и все мы, должна была брякнуться за Пресненской заставой прямо в грязь на колени. (Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно...).

Мы завидовали женщинам, которые получили работу. Слишком тяжело было оставаться наедине со своим горем. Мы начали просить работу, и вскорости была организована швейная мастерская. Мастерская шила спецодежду и мужское белье, вероятно, для армии. Заведующей мастерской была тоже "жена" по фамилии Адольф, Мария. Она была строгой начальницей: требовала от нас тонкие швы и прямые строчки. Не у всех у нас это получалось сразу, приходилось часто пороть. Шились вещи конвейерным способом. Женщины более старшего возраста пришивали пуговицы и металы петли. В частности, Роза Маврикиевна Радек метала петли. Молодые женщины – и я в том числе – работали на ножных швейных машинах. Работали мы совершенно бесплатно: никакими привилегиями в пище также не пользовались. Но работали на совесть. Нормы у нас существовали, и мы их старались перевыполнить. Это было вопросом нашей гражданской чести. Так я проработала на 15-м пункте Темниковских лагерей до осени 1938 года. Затем заболела воспалением почек, и меня сняли с работы.

Поздней осенью 1938 года меня с этапом, тоже в 200 человек, перебросили на 23-й пункт того же лагеря (т.е. Темников-

ского), где была организована вышивальная мастерская. Делались всевозможные вышивки (крестом, украинской гладью, рококо), мережки простые и рисунчатые, филейка: вышивались так называемые украинские (тогда модные) рубашки, вернее купоны рубашек, салфетки, дорожки, дамские сорочки, тоже купоны, на льняном полотне и маркизете. Тут уже были строгие нормы, притом большие. За их перевыполнение мы получали в качестве поощрения кусочек селедки. Никакой денежной оплаты и здесь не было, хотя наша продукция шла в Мосторг. Работали мы за харчи и одежду. Чтобы получить кусочек селедки, помню, я дотемна вышивала и начинала вышивать, как только рассветет.

Когда в 1939 году началась война с Польшей, нас – 700 человек – собрали на этап. Сняли с нас казенную одежду и вернули нам свою. Опять оделась я в свое плюшевое пальто, но вместо шляпы надела шерстяную вязаную шапочку, которую мне связала Маргарита Лауэр (сестра Маркова) еще на 15-м пункте Темниковских лагерей.

Ехали мы вновь в товарных вагонах. На дворе было уже холодно, и в вагоне имелась железная печка. Ночью, замерзнув, я подошла к еще теплой печке, чтобы подложить щепочек, и там застала Людмилу Федоровну Цотниашвили, жену начальника дистанции пути Ярославской железной дороги. Мы с ней разговорились и потом подружились, что называется, навеки. (Уже будучи реабилитированной так же, как и она, и живя в Москве, я хлопотала о ее похоронах).

Украинка по национальности, но, в связи с тем, что ее отец был железнодорожником, она родилась и до замужества жила в Тбилиси, где вышла замуж за инженера-транспортника грузина, которого потом перевели на работу в Москву. Муж ее не был членом партии, просто был порядочным человеком и хорошим инженером. За знакомство с Лифшицем, который был зам. наркома пути и ошельмован в принадлежности к троцкистам и расстрелян, его тоже погубили. Люда не знала точно, был ее муж расстрелян или умер в лагере, но он не вернулся, а по-смертно был реабилитирован. Ее арестовали в конце октября 1937 года, и она была одета уже в зимнее пальто.

Нас высадили в Архангельске и поместили в пересыльную тюрьму, которая представляла собою огороженную колочей проволокой площадку с огромным деревянным сараем, без окон, оборудованным сплошными двухэтажными нарами. Стены сарая имели большие дыры, так что железная печка, которую мы топили и днем, и ночью, нас не могла обогреть, и мы страшно страдали от холода.

Интересно вспомнить, что, когда мы шли со станции железной дороги по городу Архангельску, маленькие ребяташки, встречавшиеся нам, кричали вслед: "Зека, зека, сидишь за музыка", а некоторые, которые уже были постарше, выговаривали: "За мужика".

Не помню фамилии, но в этом этапе и в нашем же положении была жена начальника Архангельского НКВД. Ее муж тоже был арестован и расстрелян.

Мы должны были следовать на Печору на работу в каменноугольных рудниках. На первый пароход, который вез наших "жен" в Нарьян-Мар для последующей переброски их на рудники Воркуты, я не попала, так как моя фамилия в алфавите стоит в конце. Этот пароход не то затонул, так как в Белом море уже начались осенне-зимние штормы, не то с большим трудом добрался до Нарьян-Мара, но навигация после этого была прекращена.

Нас, оставшихся "жен", поместили в лагерь, который находился под Архангельском – в Талаги. Там срочно была оборудована специальная зона вдали от основного лагеря. В этом лагере осуществлялись следующие работы: лесоповал с выкорчевкой пней, трелевка леса, шпалорезка, копка картофеля из уже замерзшей земли.

На всех этих работах мне пришлось побывать и давать норму выработки. Работали бесплатно – за "пайку" хлеба: 600–700 и 900 грамм. Штрафная – 200 грамм.

Начальником нашей колонны, а ее уголовники в насмешку называли "5-й колонной", была тоже "жена" – Полина Борисовна Словесная. Ее осудили по статье "ЧСИР", хотя сама она была до заключения членом партии и работала в машинописном бюро

ЦК КПСС. Она обычно выписывала по указанию вольнонаемного начальника лагеря наряды на ту или иную работу и выводила нас в строгом порядке к воротам зоны. Там нас принимал конвой, и мы шли на работу. Работа была для меня непосильная. Нормы я не могла выработать и часто получала штрафную "пайку" хлеба – 200 грамм. Лагерь наш хотя и был строгого режима, но некоторые женщины каким-то окольным путем смогли списаться со своими родными и стали изредка получать посылки. К таким счастливицам принадлежала и Люда Цотниашвили. Ее зять тоже, как и ее муж, работал на транспорте инженером-мостовиком, и он помог Людиной матери посылать посылки. Люда получала не только продуктовые посылки, но и вещевые. Так она получила две пары валенок: одни новые, другие подшитые. Подшитые она отдала мне. Продуктами также всегда делилась. Мы с ней лежали на одних нарах. Все это меня спасало и от холода, а иногда и от голода, хотя только отчасти. Одевали в этом лагере нас плохо: все рваное, грязное.

Проработав несколько месяцев, я с высокой температурой (около 40°) попала в больницу, которая находилась в нашей зоне. У меня обнаружили опущение почек. Страшные боли в пояснице и кровавая моча при высокой температуре продолжались около месяца. После больницы меня с общих работ сняли и направили на работу в художественную мастерскую, которая находилась тоже в зоне. В ней работали наши "жены", в частности, работала так называемая теща Ворошилова (ее дочь была женой приемного сына Ворошилова). Ее муж Тюрников, инженер, был расстрелян якобы за покушение на жизнь Ворошилова, а она как "ЧСИР" была арестована. Впрочем, так как она в Талаги совершенно ослепла, ее освободили. Мы видели, как две дочки на саночках увозили свою мать на свободу. Наша зона была огорожена лишь двумя проволочными заграждениями, между которыми бегали собаки, а с четырех сторон стояли вышки, так что дорога, по которой увозили Тюрникову – тещу Ворошилова, – нам была видна. Мы не завидовали, мы радовались за нее. Заправляла художественной мастерской художница Черняк Лидия (тоже "жена"). В основном, в мастерской ра-

ботали более пожилые "жены" (почему-то было много жен репрессированных поляков), но сюда приводили и списанных с общих работ заключенных мужчин с 58 ст. (политических) и даже уголовников.

Так как художником я не была, то меня направили в косторезную мастерскую, где нами руководил и сам работал холмогорский косторез Узиков. Это был талантливый и знаменитый косторез. Как он нам рассказывал, вся вина его состояла в том, что он вырезал трубку какому-то начальнику, которого арестовали. Думаю, что это его завистники сфабриковали дело. Он также рассказывал, что сделал трубку и товарищу Сталину, и Ворошилову. Какая-то его поделка фигурировала на выставке во Франции и получила приз в виде медали. Это был ветхий старик с очень грустными глазами. Он с такой грустью смотрел на дорогу, которая была видна из окна нашей мастерской сквозь проволочную ограду и которая, как он утверждал, вела в его родную Пинегу, что и у нас навertyвались слезы. Хотя начальство лагеря его щадило и разрешало, например, видеться со своими детьми и выдавало ему повышенное питание, но он таял на глазах и вскорости умер. Да, он умер от тоски по своему родному краю. Жил он не в нашей зоне, его приводил конвой утром и вечером уводил. Мы: я, Цотниашвили и еще кто-то — заготавливали ему кости, то есть распиливали их вдоль и терпугами (самобытным инструментом) превращали в нужной толщины пластинки. Узиков же из этих пластинок резал разные художественные вещи необыкновенной красоты.

Со смертью Узикова закрылась и косторезная мастерская; меня перевели в сапожную мастерскую, на ремонт обуви. Я там сучила дратву и ставила заплатки, подбивала подметки. Не помню почему, но потом меня перевели в швейную мастерскую закройщицей. Мастер делал лекало, а я по этому лекалу кроила. В этой мастерской я встретила с женой Фельдмана, который проходил по тому же процессу, что и Норкин. Ее взяли из больницы для умалишенных. Она была явно слабоумная, часто без всякого повода смеялась и очень ругала своего мужа, говоря, что он ее нарочно запрятал в психиатрическую больницу, чтобы вести контрреволюционную работу "без помех".

Лагерь Талага принадлежал Кулойлагу. В нем было несколько зон и одна зона была отведена для особо опасных воров-рецидивистов. Их не пускали на лесоразработки, боясь, что они сбегут. Под усиленным конвоем их приводили в производственную зону, где жили и мы. Особенно запомнился мне один вор-рецидивист. Это был молодой человек, даже приятной наружности, довольно грамотный. Одно время он работал с нами в косторезной мастерской и рассказал нам, что воры разделяются на несколько категорий по профессии: "домушники", которые воруют по квартирам; "карманники", которые очищают карманы граждан в транспорте и на улице, и "медвежатники", которые "работают" по банкам и магазинам. Их не так много, они имеют международную корпорацию.

* * *

В начале лета 1941 года я была отправлена с этапом под Архангельск в Ягринлаг, где мы работали на земляных работах по строительству двух аэродромов. Работали мы лопатами, возили песок и землю на тачках. Жили мы в бараке с женщинами-уголовницами, а работали отдельной бригадой под усиленным конвоем. Там мы пробыли до глубокой осени. Уголовники и уголовницы имели возможность разводить в осеннюю пору костры, что они усиленно и делали. Почти целыми днями они сидели у костров, при этом начальство выписывало им наивысший паек хлеба — 900 грамм в день. Нам же — "женам" — костров разводить не разрешалось. И хотя мы целыми днями (12 часов) ходили, что называется, "в упряжке", выписывали по 400, а то и по 300 грамм хлеба. Причем хлеб был суррогатный: с мякиной и часто пах керосином. Однако он был нашим основным питанием, так как супы (баланда), которые нам давали утром и вечером, были настолько жидкими, что совершенно не насыщали. Более того, и этого несчастного куса хлеба мы нередко лишались: уголовники у нас его запросто отбирали. От голода некоторые стали сосать какую-то глинку, отчего многие поумирали. Забирая у нас хлеб, уголовники еще насмехались над нами, говоря: "Вы же враги народа, а Иоська (так они на-

звали Сталина) – наш друг". Администрация лагеря боялась уголовников и нас от них не защищала. Более того, она старалась как можно скорее избавиться от уголовников, выскивала всякие предлоги, чтобы амнистировать, якобы за "хорошую" работу. Девки-уголовницы амнистировались по беременности. Амнистированные с детьми, некоторые из них доезжали лишь до первой станции, затем детей подбрасывали куда-нибудь, а сами продолжали свою прежнюю воровскую жизнь и вновь попадали в лагерь. За период моего пребывания в Ягринлаге я имела возможность наблюдать, как одна и та же воровка после "амнистии" вновь попала в наш барак, ничуть этим не смущаясь, и даже с гордостью говорила: "Ну и что же, погуляла на воле и все."

Столкнувшись вплотную с уголовным миром и узнав их аморальную сущность, я уже не могу принимать Горького, написавшего пьесу "На дне", за гениального писателя. Все у него надуманно и не соответствует действительности.

Одевали нас в Ягринлаге прескверно: рваные, грязные, лишь продезинфицированные в "жарилке" телогрейки, бушлаты и ватные брюки, полотняные, на деревянной подошве башмаки – вот наша одежда. Правда, иногда выдавались кожаные, неизвестно какого срока, рваные, огромных размеров, за что мы их называли "ЧТЗ", башмаки. Потом стали давать, так как появились случаи обморожения ног, ватные бахилы с резиновыми галошами, изготовленными из автомобильных шин.

Баня была за зоной на порядочном расстоянии. Водили нас сразу после работы по несколько "колонн". Измученные непосильной работой и голодным существованием мы не имели сил мыться. Да и какое мытье, когда выдавалось лишь по одной шайке воды и по маленькому (в мизинец) кусочку мыла и то не всегда. Поэтому мы стремились лишь пройти так называемую "сухую" баню, т.е. мы не мылись, а лишь сдавали в прожарку всю нашу одежду, связав ее брюками в узел и привязав бирку, стройным шагом проходили через "мыльную" и выходили голые в противоположное помещение. Там мы после прожарки получали от мужчины-банщика свою одежду. К этому времени у меня и вообще у нас не было никакого чувства стыда или ос-

корбленного человеческого достоинства: нам было безразлично, мы превратились просто в рабочий скот. Белье, т.е. рубашка и панталоны, редко менялись. В баню ходили один раз в месяц, редко – два раза. Вши как нательные, так и головные свободно ходили по нашим телам и головам, и мы тоже их не очень замечали. Иногда, впрочем, мы все же снимали рубашки и, подойдя к печке, стряхивали их. Уголовницы же стряхивали их куда попало, иногда нарочно на нас.

На этом участке я встретила и даже подружилась с женой бывшего заместителя Грузинского НКВД, где тогда наркомом был Берия, Клавой Оделавадзе. Она работала дневальной нашего огромного барака, т.е. подметала барак, топила печки – их было не то две, не то три – и дежурила. Нары были двухэтажные, сплошные.

Как-то сильно простудившись, с высокой температурой, я была освобождена врачом от работы за зоной, и меня послали на кухню мыть котлы. После этого я вернулась в барак. Мы с Клавой Оделавадзе остались наедине до возвращения бригад с работы. Работали в лагере тогда по 12 часов, и у нас с Клавой было много времени. Разговорившись, она поведала мне, что Берия находится в родстве (не помню: не то приходится двоюродным, не то троюродным братом) со Сталиным. Надо сказать, что Берия в это время уже был наркомом внутренних дел СССР, сменив Ежова. Клава также сказала мне, что Берия очень жестокий человек. Несмотря на то, что ее муж до ареста общался с Берия вне работы, ездил с ним на охоту, он все же не пощадил его. При очной ставке с ее мужем Берия самым бессовестным образом нагло утверждал, что Оделавадзе в такой-то день и час встречался с контрреволюционной группировкой, которая разрабатывала вопрос о покушении на Сталина. Хотя весь этот день ее муж с Берия был на рыбалке, когда же на очной ставке с Берия Оделавадзе сказал об этом, то следовательно избил ее мужа. Когда же ее муж, сбитый следователем, упал, то Берия еще толкнул его сапогом и вышел.

Тбилисская тюрьма была более доступна для жен арестованных. Они, в частности Клава, довольно свободно общались со своими мужьями в тюремной камере. Это позволило мужу Оде-

лавадзе рассказать ей обо всем, что ему пришлось испытать во время следствия. Когда он категорически отрицал свою причастность к заговору по убийству Сталина, его поместили в карцер, который представлял собою небольшую комнату с цементным полом. Посреди комнаты имелись два столбика высотой около метра, на которых умещались лишь ноги заключенного. Его ставили на эти столбики, а потом карцер наполнялся водой почти до самого верха столбиков, так что заключенный должен был стоять на этих столбиках, не шевелясь, окруженный со всех сторон водой. Когда же он терял сознание и падал, то вода из карцера сейчас же спускалась в люк, заключенного поднимали, приводили в чувство, вновь ставили на столбики, и вновь карцер наполнялся водой. И так до тех пор, пока заключенный не подписывал предьявленные ему сфабрикованные обвинения.

* * *

По окончании земляных работ на строительстве двух аэродромов нас — "жен" — направили на строительство портпричала на Северодвинской губе. (Хочу заметить, что сравнительно недавно я услышала по радио, что один из аэропортов под Архангельском, в котором заложен мой труд, реставрирован).

В это время шла Великая Отечественная война, и в лагерь поступало много заключенных из Эстонии, Латвии и Литвы. Нас стали водить на работу под усиленным конвоем. Строй мы не могли ни в коем случае нарушать — сейчас же на нарушителя набрасывалась собака. Она могла не только здорово покусать, но и загрызть насмерть. Латыши, литовцы и эстонцы, не привыкшие к такой нечеловеческой жизни, часто падали замертво, не доходя до места работы, и мы, чтобы не нарушать строя, должны были идти прямо по их телам. Это было ужасно !!

На строительстве портпричала мы работали одни, нигде поблизости не было других бригад, их водили куда-то дальше с собаками.

В это время море уже начало штормить, и случалось, что дамбу, которую мы днем засыпали гравием и песком, ночью шторм смывал всю в Белое море, и работа начиналась снова и

снова. Это был поистине "сизифов труд". И все же в конце концов мы осилили строительство портпричала. К нам стали приходить корабли из Америки и Канады.

Мы были удивлены, что они осведомлены, кто мы. На ломаном русском языке они предлагали нам эмигрировать на их корабле в Америку или Канаду, бросали нам печенье в пачках и папиросы. Но, что хочу заметить, никто из нас - "жен" - не поехал в эмиграцию и даже редко кто соблазнялся подобрать брошенные нам пачки печенья и папирос. Наша гражданская гордость, оказывается, еще не умерла, и она не позволяла нам унижить так нашу Родину.

Наступил 1945 год - год моего освобождения. Однако думать о полной свободе я не могла, так как прошли слухи, что нас - "жен" - механически ссылают в Красноярский край на поселение.

Из-за тяжелейших, непосильных работ и нервного напряжения, при наискуднейшем питании, я опять оказалась в стационаре. У меня открылась пеллагра 2-й степени, т.е. такое истощение организма, когда он, не получая пищи извне, начинает питаться собою: в первую очередь при этом страдает кишечник, он становится стекловидным. Когда же кишечник окончательно "остекленеет" и пища им уже не может всасываться, то человек неизбежно умирает. Но это пеллагра 3-й степени. У меня она была 2-й, т.е. кишечник еще не совсем "остекленел", но все же пищу стал усваивать плохо, начались постоянные поносы, изнурившие меня. У меня сильно отекли живот и ноги. Но долго лежать в стационаре не было возможности, слишком много было пеллагриков. Какое-то время, кажется, еще с месяц, меня держали в стационаре в качестве судомойки. Там со мной произошел очень интересный, прямо анекдотический случай. Как-то лечащий врач уехал на центральный участок лагеря за медикаментами. В стационаре осталась я и медсестра Армик. Я не помню ее фамилии, она была армянка и очень хороший человек. Так как отсутствие врача несколько затянулось, она попросила меня помочь ей произвести осмотр больных. При этом она сказала им, что будет осматривать новый врач, т.е. я. Больные, в основном, были пеллагрики. У них открывались на этой почве

наружные раны. Армик их промывала и бинтовала. Но вот пришел больной, худой, как скелет, сильно простуженный. От кашля он не мог дышать. В аптечке стационара не было никаких лекарств, кроме вазелина. Важно осмотрев этого больного, я со всей серьезностью сказала Армик: "Сделайте ему вазелиновую повязку на всю грудь". И что же? Эта повязка согрела несчастного больного и облегчила ему дыхание. Когда вернулся врач и отменил вазелиновую повязку, то больной был так возмущен, что сказал доктору: "Не врач вы, а коновал. Вот та была врач, действительно врач!"

Потом меня направили "на поправку" в прачечную стирать белье уголовников. Заведующая прачечной была "бытовичкой". Ее осудили за сделанный ею незаконно кому-то аборт. Тогда это категорически запрещалось. По специальности она была врач-гинеколог.

Она пожалела меня и почти тут же перевела на глажку белья для вольнонаемных сотрудников лагеря. Семья полковника Хахардина – начальника Ягринлага – тоже присылала свое белье в нашу прачечную. Гладила его я. Утюг был угольный, нет-нет да и просыплется пепел на какую-нибудь вещь, особенно не везло пододеяльникам, несмотря на все мои предосторожности. Конечно, я замывала это пятно, но след, хотя и мало заметный, все же оставался, а "полковничиха" была очень строгая: чуть что – присылает белье обратно, причем все помятое. Порой белье раза по три возвращалось обратно. И хотя стирать приходилось не все, но гладить все. Тогда я исхитрилась и решила не только гладить вещи, но и чинить их. Это главным образом касалось чулок и трико. Мы даже сделали в слесарной мастерской, которая была в зоне, специальный крючок, которым можно было поднимать спущенные на чулках и носках петли. "Полковничиха" немного утихла, а потом опять начала придирается. Тогда я начала прикладывать к проглаженному белью маленький подарочек в виде вышитой вещички. Потом придумала даже делать матрешек для чайников. Заведующая прачечной выдавала это за свою работу, хотя она снабжала меня лишь материалами. Работы было много, но я рада была работать в тепле.

Однажды пришел к нам в прачечную начальник нашего участка Мордухович (он отбывал срок по бытовой статье – за растрату) и сказал заведующей прачечной, что участок собирается организовать при столярной мастерской игрушечный цех, и он намерен перевести ее туда для изготовления игрушек. Тут она призналась, что это не она делает игрушки, а я. После этого меня перевели на работу в игрушечный цех. Столярная мастерская изготавливала деревянные болванки – головки кукол, а я, в качестве бригадира, и еще две старушки из Западной Украины раскрашивали эти головки, пришивали туловища и ноги, шили им платья и шапочки. Куклы получались довольно приличные. Их продавали в магазине. Одновременно я делала и матрешек – грелки для чайников и Дедов Морозов для елки. Шила также, вернее, натягивала разные ткани на каркасы абажуров, плетя при этом для них кисти.

В эту мастерскую иногда приходил по делам завхоз участка Михаил Моисеевич Гааз – украинский еврей, отбывавший в Ягринлаге второй срок. Первый срок он получил, будучи директором ресторана в Киеве и растратив государственные деньги. Второй – за укрывательство хищений начальства этого лагеря, взяв всю вину на себя. За это начальство ему мирволило. Он имел отдельный домик, и при нем даже был дневальный. Одна из наших "жен" – Лиля Фрейтаг (не помню, кто был ее муж, но он был немец и расстрелян, а сын утнан в Германию) начала сожительствовать с Гаазом. Хотя в лагерях это строго запрещалось, начальство Ягринлага в этом Гаазу не перечило, и Лиля жила у него в доме. Гааз был расконвоированным и мог купить кое-что в магазине. В частности, он купил Лиле отрез на платье. Надо сказать, что мы – "жены" – давно оставили мечту носить что-нибудь свое. Мы обязаны были летом ходить в черных, лагерного покроя, платьях, а зимой – в ватных, списанных в армии, старых брюках, в рваных телогрейках или бушлатах, в ботинках из белого полотна на деревянной подошве, или кожаных, 3-го срока, невероятного размера, или в бахилах (стеганные на вате сапоги) с "галошами" из старых автомобильных шин. На телогрейках и бушлатах во всю спину были написаны белой краской наши номера.

Итак, Лиле Фрейтаг Гааз купил отрез на платье. Она работала тогда в столярной мастерской, кажется, варила клей. Получив в подарок отрез, она обратилась ко мне за помощью. Я помогла ей сшить это платье. Оно шилось не на машинке, а на руках. И с этого началась наша дружба.

Так как Гааз искренне любил Лилю (она была красивая и имела доброе сердце), то хорошо относился и ко мне, называл меня сестричкой. Имея огромное влияние на начальство лагеря, он исклопотал мне замену высылки в Красноярский край на высылку в город Александров Владимирской области. Более того, за месяц перед выходом на свободу меня взяли на работу в больницу судомойкой, где Лиля Фрейтаг была уже заведующей. И там начали меня "поправлять". Действительно, я приобрела более человеческий вид, хотя и живот, и ноги все еще были сильно отеками. Женщина — врач больницы тоже хорошо ко мне относилась, так как я ей кое-что выпивала. Она разрешила Гаазу после моего освобождения привезти меня к ней в Молотовск, где она жила, и я у нее пробыла, кажется, два дня.

Когда я работала в больнице, то там лежал один больной- "доходяга" из г. Александрова, некий Брюханов. На воле он был директором Александровского торгового дома и за растрату был осужден на 10 лет. Он там и умер. Узнав через Фрейтаг, что я еду в Александров, он снабдил меня письмом к своей жене, Александре Павловне, с просьбой приютить меня, а Гааз это письмо вручил мне уже за зоной лагеря. (Скажу, что сам Гааз, не отбыв второго срока заключения, умер).

Когда я приехала в Александров, то Александра Павловна Брюханова очень хорошо приняла меня с весточкой от мужа. Позже, когда я с ней подружилась, она призналась мне, что, увидев мой живот, опасалась — не беременна ли я от ее мужа. (Она не представляла, каким "доходягой" стал ее муж, как, впрочем, и я, и нам было не до романов).

* * *

В Александрове я явилась в НКВД и зарегистрировалась. Там мне сказали, что я не имею права никуда выезжать без их

ведома. Затем я стала искать работу, которую быстро нашла в качестве машинистки горпромкомбината, в ведении которого были столярная, сапожная и швейная мастерские, сапоговаляльный цех, где работали в основном слепые, гончарный цех. Директором был Михаил Семенович Макаров, прекрасной души человек. После войны народ жил очень бедно. Хлеб и продукты выдавались по карточкам. Первое, что для меня сделал М.С. Макаров, так это выписал авансом новую телогрейку, потом из моего бархатного пальто, которое было изрядно испорчено лагерными прожарками, в швейной мастерской ГПК сшили мне жакет на вате. Он же выписал мне по государственной цене валенки – хорошие, белые валенки. М.С. Макаров познакомил меня с директором Александровского мясокомбината, чтобы я за натуру – колбасу, субпродукты и кости – печатала мясокомбинату всевозможные отчеты. Своей машинки у них не было. Таким образом, мой быт начал понемногу налаживаться. М.С. Макаров познакомил меня со своей женой, тоже очень доброй, сердечной женщиной, и она дала мне из своих запасов картофеля, лука и других овощей.

Единственное, чего мне не хватало – это встречи с сыном, которого я восемь лет не видела и почти ничего о нем не знала, так как все эти годы была лишена переписки. Правда, иногда мне удавалось написать ему письмо и даже один или два раза получить ответ. Из этих писем я узнала, что сына взяла Лика, сестра мужа, и живут они на Большой Молчановке, в той же маленькой комнатке, где раньше жила Лика со своими родителями.

Но как поехать в Москву, если мне туда въезд запрещен? Немного оглядевшись, я встретила в Александрове и других, бывших заключенных "жен", в частности, врача-терапевта – Левину, не помню ее имени-отчества. Ее муж был тоже врачом, работал в "кремлевской" больнице.

Встретила также Антонину Алексеевну Парфенову, с которой мы разлучились, когда меня этапировали на Север. Встретила еще и Никонову Ксению Александровну – жену заместителя начальника ПУРа Красной Армии. Ее муж был расстрелян по "делу" Тухачевского и др. Ксения Александровна обладала

великолепным, широкого диапазона голосом: контральто, меццо-сопрано, колоратурное сопрано. Она даже неплохо подражала нашему отечественному "соловью" – артистке Неждановой.

Родилась и выросла она в Загорске, в Троицко-Сергиевской лавре. Кто был ее отец, я не знаю, она о нем ничего не говорила. Мать же ее вышивала ризы для священников лавры Ксения Александровна до революции окончила гимназию. Петь она научилась в лавре в церковном хоре. Ее там услышала великая русская певица Нежданова и за свой счет направила учиться в Московскую консерваторию. Это было до революции. Однако закончить консерваторию Ксения Александровна не смогла, так как вышла замуж. Это было уже в начале революции.

Ее муж Никонов до революции учился в кадетском корпусе в Петербурге; во время революции перешел на сторону Красной Армии.

Как жена военного Ксения Александровна всюду следовала за мужем, в связи с чем ей пришлось вести бивачный образ жизни. Всюду, куда посылали ее мужа, она организовывала концерты. Из Александрова Ксения Александровна выехала в 1948 году, кажется, в Воронеж, или сначала еще куда-то, а потом в Воронеж. Мне думается, что своим отъездом она избежала второго ареста и заключения, которому подверглась я.

В Воронеже Ксения Александровна работала уборщицей в больнице, где тоже организовала хор. Местные власти прознали про хор больницы и про ее руководителя и привлекли Ксению Александровну к организации самодеятельности из отбывших срок и проживающих в Воронеже бывших заключенных, в основном уголовников, чтобы они были на виду в свободное от работы время и имели интересное и полезное занятие.

Создание такого хора было нелегким делом. Бывшие уголовники не сразу пошли в хор. Надо было их привлечь, вернее, заморозить прекрасным исполнением песен. Их сначала приглашали присутствовать на репетициях, что они также делали неохотно. Были использованы те бывшие уголовники, которые попадали в больницу. К ним приходили их друзья тоже из бывших уголовников, им тоже давались приглашения. Потом постепенно их вовлекли в хор. Работать с ними, как мне говори-

ла позже Ксения Александровна, было трудно: у них полностью отсутствовала дисциплина, не исключены были и хулиганские выходки. Однако с этой задачей она справилась с честью, за что Ксению Александровну Никонову наградили орденом.

В Александрове она работала в парикмахерской, где была и кассиром, и уборщицей. Жила тоже в парикмахерской. Встретившись с ней случайно, я потом часто заходила в парикмахерскую, где после работы мы приятно проводили время: топили печку, готовили себе ужин, который часто состоял из оладий, испеченных из мороженой картошки, собранной в поле после копки картофеля. В эти вечера Ксения Александровна улаждала меня своим пением. В воскресные дни летом мы уходили в поле, и там она тоже пела.

В 1958 году я вновь встретила Ксению Александровну, но уже в Москве. Она опять-таки занималась своим любимым делом – пела. Пела в хоре старых большевиков. Умерла Ксения Александровна от рака желудка в военном госпитале в Москве, где ее старший сын работал военврачом.

Когда я отбывала ссылку в Александрове, кто-то подсказал мне, как незаметно попасть в Москву. Для этого нужно было из Александрова пройти по железнодорожным путям километра два-три, потом сесть на товарный поезд и доехать до станции Загорск, а там дачным поездом добраться до Москвы: на таких поездах редко проверяли документы. Итак, моя мечта повидаться с сыном, кажется, могла осуществиться. Какое счастье!

Я так и сделала, сказав об этом директору горпромкомбината М.С. Макарову. Спешную печатную работу я выполнила, задерживаясь на работе. Таким образом, у меня было два или даже три дня, включая воскресенье. Об этом я уведомила Лику. Однако, приехав в Москву, я не застала никого дома. Сосед по квартире сообщил мне, что они у приятельницы Лики – Берты Осиповны Оперинной, и дал ее адрес. Я пошла туда.

Встреча была трогательной и теплой. Кема (мой сын) воскликнул: "Теперь у меня две мамы!" Он Лике называл матерью, она его усыновила и вообще всем говорила, что он ее родной сын. Впрочем, она на это имела полное моральное право. Она любила Кемера и отдавала ему все возможное и невозможное,

чтобы выходить, вырастить и дать ему высшее образование. Поздно вечером мы пришли в комнату Лики, и, переночевав там и недолго пробыв днем с сыном, в воскресенье же я отправилась обратно в Александров.

О Михаиле Семеновиче Макарове и его жене у меня осталась на всю жизнь добрая память. Почти каждый месяц он выписывал мне ордер на валенки. Одну пару валенок я отвезла сыну, который ходил в рваных чулках и очень старых ботинках. Другую пару я продала за ту же цену, что уплатила сама (50 с чем-то рублей, на базаре они стоили 400–500 руб.), старшему другу и воспитателю моего сына, который жил с ним в одной квартире. У него не было одной ноги. Если не ошибаюсь, он был литератором. Во всяком случае, именно он приобщил сына к литературе: сын даже начал пописывать стишки, причем довольно высокого нравственного содержания. Мне помнится строфа из одного его стихотворения: "Надо копать глубже себя и огород, тогда все, что нужно, хорошо взойдет". Какое-то его стихотворение было опубликовано в журнале "Пионер".

Итак, три пары валенок я легко использовала: одну – себе, другую – сыну, третью – воспитателю сына (не помню его имени). А куда девать четвертую пару, на которую добрый М.С. Макаров мне выписал ордер? Идти на базар и продавать там по спекулятивной цене я не могла, хотя в Александрове это широко практиковалось. Слепые рабочие сапоговаляльной мастерской запросто ходили на базар и продавали валенки своей валки. Через свою подругу Никонову Ксению Александровну я все-таки решилась продать эти валенки на рынке. Так было, кажется, два раза. Но это меня смущало, да и выгоды от этого было мало: все, что приносила мне Ксения Александровна, я делила пополам. Какие-нибудь 150–200 рублей, вырученные за валенки, обеспечивали мне лишь 1,5–2 буханки хлеба весом в 1 килограмм – тогда такие цены были на хлеб на рынке. Однажды я сказала об этом М.С. Макарову, заявив, что мне претит и то, что я втягиваю в это дело свою подругу, и то, что это дает мне мало прибыли. Сама же я не могу идти на базар продавать валенки. Тогда М.С. Макаров выхлопотал мне в Александровском горкоме карточку для собаки. На "собачью" карточку куда больше, чем

на нашу, давалось продуктов. Меня же перевели по штатному расписанию в рабочие, а на рабочую карточку тоже давали больше хлеба, кажется, 700 граммов. Таким образом, я зажила лучше, хотя хлебом, как таковым, старалась пользоваться поменьше. Я делала так: несколько дней не покупала хлеб, затем отоваривала карточку сразу белым хлебом, которого давали несколько меньше, и везла его в Москву сыну. На мясокомбинате покупала кости и причитающуюся мне за работу колбасу, не помню сколько, кажется, два килограмма, и тоже везла все это сыну.

Так прошло три года. Я работала в горпромкомбинате и продолжала печатать для мясокомбината. Правда, Михаил Семенович – мой покровитель – был переведен на новую работу – директором кирпичного завода. Его место занял другой директор, который пришел с фронта. Он взял нового секретаря-машинистку, а меня перевел в гончарный цех браковщиком. Машинописную работу для мясокомбината мне уже приходилось исполнять только после работы, когда пишущая машинка была свободной.

В конце 1947 года я переехала от Брюхановой (у нее был собственный деревянный домик на окраине г. Александрова, с двумя комнатками и кухней, где за перегородкой спала я) в комнату, которая принадлежала горсовету и находилась при "Доме колхозника". Комната была небольшая, на втором этаже, полутемная, так как окно комнаты выходило на лестничную площадку. В ней жила до меня жена репрессированного и загубленного кинорежиссера Гатуева. Гатуев до своего ареста жил в одном доме со мной, в Калашном переулке в Москве. Его жену – Фатиму – я знала хорошо с юности. Встретившись с ней в Александрове, куда она была выслана из Москвы, я возобновила знакомство. Когда же она решила изменить свое место ссылки, чтобы соединиться с сыном, который тоже был выслан, и получила на это разрешение, то она помогла мне занять ее комнату. Фатима работала на вокзале маникюршей и хорошо знала всех высокопоставленных дам Александрова. Через них-то она и выхлопотала мне прописку в ее бывшей комнате. В комнате была голландская печь. Но так как она была очень большая, то-

пилась из коридора, а дров тогда было мало, то я ее не топила, а пригласила печника, и он соорудил мне кирпичную, с чугуным верхом, плиту в самой комнате. Кроме того, у меня оказалась электроплитка, и летом я готовила на ней. В комнате стоял топчан, два деревянных стула, полка для посуды, железная этажерка, заменившая мне туалетный столик, и даже настольная лампа, правда, без абажура. Абажур, и очень красивый, я сделала сама; сшила также красивую матрешку, которой прикрывала стоящую на столе электроплитку. В столярной мастерской горпромкомбината мне изготовили вешалку, на которую я вешала свои платья и верхнюю одежду. "Мебель", которая находилась в моей комнате, я купила почти что за ничто у Фатимы Гатуевой. Можно сказать, получила ее в подарок. Продала она мне также два волосяных матраца. Две подушки, одеяло и постельное белье мне подарила Лика. Кроме того, Лика отдала мне также драповое пальто ее отца на беличьей подкладке. Из верха пальто мне в горпромкомбинате тоже сшили пальто, а из беличьей подкладки я соорудила коврик на топчан. В общем, в комнате было, хотя и бедно, но уютно.

В Александрове я обжилась настолько, что в 1947 году пригласила к себе летом своего сына – погостить. Днем я была занята на работе в гончарном цехе, но он тоже приходил туда и очень интересовался работой гончаров. Вечером мы ходили гулять в городской сад. Однако погостил он недолго: ему, кажется, не очень понравилось у меня. Хотя они с Ликой жили тоже бедно, но я еще скуднее.

Несмотря на то, что в Александрове жизнь моя была сносной, все же я ее считала временной. Так как приближался конец моей ссылки – 2-го сентября 1948 года, я начала хлопотать о разрешении мне вернуться в Москву, к сыну.

* * *

Вместо ответа на мою просьбу в ночь на 8 апреля 1948 года ко мне явился сотрудник НКВД, и меня вновь арестовали и водворили в карцер Александровской тюрьмы. Карцер находился в полуподвале. Окно было зарешечено, но без стекла. На дворе

было еще холодно, и я была одета в зимнее пальто. Но пальто с меня сняли. И вообще все вещи, которые я взяла с собой: простыню, одеяло, подушку и еще что-то, у меня отобрали и в одном платяшке поместили в этот холоднящий карцер.

В карцере были лишь нары, на которых лежала какая-то грязная рвань, остатки, кажется, бывшей ватной телогрейки. Я так продрогла, что к концу ночи решила даже прикрыть ноги этой тухлой рванью.

Утром меня вызвали наверх, вернули все мои вещи и велели идти вместе с работником НКВД. Мы на легковой машине доехали до железнодорожного вокзала, затем сели в поезд и поехали, как я потом узнала, во Владимир, где у вокзала нас ждал "черный ворон", который привез меня во Владимирскую тюрьму. Там без проволочек заключили меня в камеру, которая находилась в так называемой башне Пугачева. В камере никого не было. Так как я очень устала и продрогла за ночь, то я прямо свалилась на пол и заснула. (Ни кровати, ни нар в камере не было).

Не знаю, сколько времени я спала, но меня разбудила корпусная. Она тщательно обыскала меня, опять залезла во все дырочки на теле. Но это меня уже не удивило. Забрав у меня вещи, в одном платье перевела меня в корпус и поместила в камеру, где находилась еще одна женщина, тоже заключенная. Как я потом узнала, это была жена брата Троцкого, не помню ее фамилии.

Владимирская тюрьма — очень строгая тюрьма, хотя содержалась она в исключительной чистоте. В камере, в которую поместили меня, стояли две железные кровати, на каждой было по матрацу и подушке в наволочке, с одеялом и даже совершенно новой простыней. Строгость заключалась в том, что на прогулку выводили всего на пять минут в маленький дворик, где по углам были вышки с охраной. Заключенным следовало идти строго попарно, с заложенными назад руками. Если хотелось высморкаться или, скажем, почесаться, и вы, боже избави, перевели руку в нужном направлении, сейчас же с вышки раздавался свисток, и заключенный немедленно лишался прогулки и вновь водворялся в камеру. Разговаривать тоже строго за-

прецалось. Заключенных часто переводили из камеры в камеру. И, странно, всюду были постелены новые, ни разу не стиранные наволочки на подушках и простыни.

Я пробыла во Владимирской тюрьме недолго – меньше месяца. В ближайшую ночь меня вызвал следователь.

– Вы распространяли слухи, будто бы ваш муж не виноват, – сказал он.

– Нет, я таких слухов не распространяла, так как жила очень замкнуто, общалась лишь с такими же женами – ЧСИР, которым не нужно было ничего говорить, они сами все знали. Но я неоднократно писала Сталину из лагерей и из ссылки заявления, в которых просила разобраться в деле моего мужа, так как его расстрел считаю трагическим недоразумением. Он никогда не был троцкистом и вредителем. Он хорошо работал. Планы строительства заводов "Кемеровокомбинатстрой" выполнял и даже по некоторым объектам с превышением.

– И это все, что вы можете сказать?

– Да!

– Подпишите протокол.

Я подписала, и меня опять водворили в камеру, но уже другую, не в ту, из которой меня взяли на допрос, а в одиночку.

Войдя в камеру, я безутешно зарыдала. В камеру вошел дежурный по коридору. Это был довольно пожилой человек с добрым русским лицом. Он стал утешать меня, сказал, что, хотя отсюда никто не выходит без срока заключения, но я должна себя к этому приготовить и не распускать зря нервы. Он также сказал, что устал быть свидетелем непомерного горя ни в чем не повинных людей, что ему остается недолго до пенсии и он ждет не дожидается того дня, когда сможет распрощаться с этой ужасной работой. Хотя ничего утешительного он мне не сказал, но я все же ободрилась и стала покорно ждать своей участи.

Через день, опять ночью, меня вызвал тот же следователь, но допрос ничего нового не дал. Он говорил, что я распространяю слухи, что мой муж не виновен. Я же настаивала на том, что никаких слухов я не распускаю, да и кто мне поверит, раз о нем было напечатано во всех газетах, но я действительно счи-

таю его невиновным и об этом писала Сталину. Опять меня водворили в камеру и опять в новую, в одиночку. Потом меня следователь вызвал днем и сказал, что бухгалтер, управляющий горпромкомбинатом и директор "Дома колхозника" товарищ Малов, где я последнее время жила, сказали, что я была исправным работником, и хотя они от меня ничего, в чем меня обвиняют, не слышали, но я была слишком заносчивой и держала себя скрытно. "Таким образом, гражданка Холмогорова, обвинение, предъявленное вам, к сожалению, не подтвердилось". Он так и сказал: "К сожалению".

Тут я возмутилась:

— К сожалению? Вы сожалеете, что не нашли во мне врага нашей Родины. Вы сожалеете, что не нашли во мне преступницу? Невероятно!

— Оставьте ваши морали! Я устал от вас, — сказал следователь (к сожалению, я забыла его фамилию). — Распишитесь в протоколе.

Я расписалась. И опять конвоир повел меня, но не в тот подъезд, откуда привел, а совсем в другой. Оказывается, следователь задержал меня во время обеда, и конвоир привел меня в столовую тюремной больницы и велел хорошо накормить. Не знаю, кого кормили в тюремной больнице таким обедом, но после тюремной баланды, которой нас кормили, этот обед мне показался царским. Кроме того, поскольку следователь мне сказал, что предъявленные обвинения в отношении меня не подтвердились, я воспрянула духом: мне уже мерещилась свобода.

Но не тут-то было: я жестоко ошиблась. После того, как я съела больничный обед, конвоир снова повел меня в камеру. В этой камере не было железных кроватей, а только сплошные деревянные нары (одноэтажные) без подушек, матрацев и одеял. На нарах уже лежали две женщины. Как они позже сообщили мне, обвинения, предъявленные им, также не подтвердились. Когда я с недоумением рассказала о том, как следователь заявил мне, что предъявленные мне обвинения, "к сожалению", не подтвердились, одна из них, которая, кажется, работала в

НКВД, ответила: "Чему же тут удивляться? Разве Вы не знаете, что следователи находятся на сдельщине: чем больше они выявят преступников, тем больше получают жалованья".

Я ужаснулась: "Боже, что же такое делается?"

— Нужна бесплатная рабочая сила, уголовники-то не очень работают, — был ответ.

Как работают уголовники — я-то знала; как они получают в лагерях наибольшие пайки хлеба — основной пищи заключенных, целый день сидя у костров, и как мы, ни в чем неповинные люди, фактически их, по воле начальства, кормили, а сами превращались в пеллагриков. Заработанное нами отдавалось им.

Как это ни удивительно, но в этой камере коридорные оказались порядочными людьми. Они строго следили за тем, чтобы обед не нарушался никакими вызовами: ни в баню, ни на прогулку. Разрешали нам даже громко говорить. Возбужденные мечтой о скором освобождении, мы даже смеялись. Одной из заключенных (она жила во Владимире) принесли передачу, которые сюда уже разрешались. В передаче были сырые яйца — это была, кажется, пасхальная неделя. Она предложила нам намазать желтком лицо, чтобы выйти на волю более "красивыми".

Мы так и сделали. Намазав лица яичным желтком, мы вытянулись на нарах и стали ждать, когда желток высохнет на наших лицах. В это время в камеру вбежала коридорная. Испуганная она начала дергать нас за ноги. А когда мы, как ни в чем не бывало, приняли сидячую позу, но все же с закрытыми глазами, она с облегчением сказала: "Фу, черти, что удумали, а я-то думала, что отравились".

В этой камере я пробыла недели полторы. Потом меня вызвали, выдали личные вещи, посадили в "черный ворон" и повезли.

"Куда? — конечно, на свободу", — подумала я. Но, оказывается, не на свободу. Меня привезли к какому-то зданию, ввели в кабинет и дали расписаться, что я по решению Особого Сопределения приговорена к лишению свободы сроком на 5 лет, по статье 58, часть 1. Что она означает, я знала: "антисоветская агитация".

тация", не доказанная. Затем меня на этой же машине отвезли за город, в пересыльную тюрьму. Кажется, она называлась "Покровская".

В этой пересыльной тюрьме меня поместили в большую, светлую камеру с окнами без "намордников". Окна выходили во двор тюрьмы и были открыты. В камере на сплошных одноэтажных нарах лежало и сидело много женщин. Как я потом узнала, здесь были и уголовницы, и бытовички, которые имели свои, доказанные следствием, преступления. Их судили настоящим судом. Лишь одна я была осуждена Особым Советом без свидетелей, прокурора и защитника, лишь на основании протокола следствия.

Это было в 1948 году, т.е. когда давались очень большие сроки заключения – до 25 лет и даже "вышка" (расстрел). Мои 5 лет в те годы казались "детским сроком".

Рядом со мной лежала женщина, которую осудили на 10 лет. Она была медсестрой во владимирской больнице, где ее муж работал главным врачом. Она рассказывала мне, что ее посадила другая медсестра, которая работала в той же больнице, что и она. Эта сестра заявила в НКВД, что будто она говорила, что у нас в стране голод, даже хлеба не хватает. Фактически говорила это не она, а та самая медсестра, а она лишь "поддакнула". Это инкриминировалось как "контрреволюционная агитация".

Так как в камере было очень тесно и, несмотря на открытые окна, душно, воняло "парашей", то я стремилась всеми способами выйти под каким-либо предлогом из камеры. Предлогом оказались мойка полов в коридоре, а также наряды на сельскохозяйственную работу. Так как у меня был 5-летний срок заключения, то меня охотно посылали на эти работы. Однажды, возвращаясь с работы за зоной, я увидела мужчину и женщину, идущих, мило обнявшись, в зону пересылки. А когда я пришла в камеру, то моя соседка-медсестра, радостная, сообщила мне, что ее муж принес ей теплые вещи. Я рассказала, что видела мужчину и женщину, которые направлялись к нам в зону. Описала их одежду и внешность. Я хотела ей сделать приятное,

думая, что женщина является ее родственницей. Однако оказалось, что это был ее муж и та мерзавка, которая, чтобы завладеть ее мужем, оклеветала ее, в результате чего она на 10 лет лишена свободы.

Вот какие дела у нас творились. Действительно, была нужна бесплатная рабочая сила, и всякая клевета на честных тружеников поощрялась, а всякие мерзавцы, аморальные люди широко пользовались этим.

Лика тоже посетила меня на этой пересылке. Я хотела вернуть ей подаренные ею подушку, одеяло, простыню и наволочку, которые мне уже были не нужны. К сожалению, Лика пришла в воскресенье, начальство пересылки якобы отсутствовало, и мне не разрешили это сделать. Мы с Ликой обменялись лишь короткими записками, да еще она привезла мне что-то съестное, кажется, баранки.

Продержав на этой пересылке около месяца, меня вызвали на этап и в огромной грузовой машине — "черном вороне", рассчитанной на транспортировку изрядного количества заключенных, куда-то повезли. Внутри машина разделялась железными решетками на три кабины. В самой задней были мужчины-уголовники; затем женщины-уголовницы и, наконец, в очень маленькой, прямо крохотной — мы, так называемые политические. Нас было не то трое, не то четверо. Кабина шофера и конвоя была отделена от нас железной стенкой, которая имела окошко-глазок, чтобы конвой мог видеть, что делается во всех этих трех камерах.

Делалось же что-то ужасное. Уголовники вместе с уголовницами пели безобразные песни; более того, нисколько не стыдясь, стоя у всех на виду, через железную решетку совокуплялись. В последующем я догадалась, зачем они это делали. Дело в том, что матери-уголовницы, беременные и с грудными детьми амнистировались, и поэтому они хотели, не доезжая до лагерей, забеременеть.

От тесноты, духоты, безобразий в закупоренном помещении мне стало плохо. Но в камере, где мы сидели, было так тесно,

что я не имела возможности во время рвоты отвернуться в сторону. Поэтому я не только испачкала себя, но и своих соседок.

Вдруг машина остановилась. Нас — "политических" — ссадили с машины. Мы оказались в лесочке, где протекала узенькая речушка. Конвоиры (их было четверо) предложили нам в ней умыться и смыть рвоту с одежды, а также "размяться", только поблизости. В лесочке около речки все же нам посчастливилось сорвать несколько ландышей. Это было счастье; человек может испытать его, только вырвавшись из стен тюрьмы.

Остановка была недолгой. Потом нас повезли дальше на железнодорожный тупик, где, вдалеке от города, посадили в "телячий" вагон, в котором на полу валялось сено, и мы поехали. В вагоне ехали также уголовники.

Приехали мы на Куйбышевскую пересылку. Там нас сначала поселили вместе с уголовницами в огромный барак, оборудованный сплошными одноэтажными нарами. Среди "политических" оказалось много так называемых "бендеровок", т.е. женщин из Западной Украины, которые были действительно против установления у них Советской власти. Мужья их не то сдались сами в плен к немцам, не то случайно попали туда. Через несколько дней нас расселили по камерам. В камере, куда я попала, было человек шесть. В основном это были уголовницы. Когда нас свели в баню, то оказалось, что одна из заключенных больна сифилисом, она вся была покрыта красной сыпью. Однако ее не изолировали, мы сами старались ее сторониться. Наши просьбы об изоляции сифилитички остались "гласом вопиющего в пустыне".

* * *

Куйбышевская пересыльная тюрьма на меня произвела удручающее впечатление: конвоиры и дежурные по пересылке бессовестно вызывали к себе молодых красивых женщин "на свидание", якобы для мытья полов, и там насиловали их. Некоторые женщины возвращались все в слезах, а некоторые — даже довольные, неся в руках пайку черного хлеба и несколько кусочков сахара. К счастью, меня эта участь миновала (я была

уже не молода, не имела яркой красоты и вообще была "доходягой").

Пересыльная тюрьма находилась где-то в котловине, окруженной со всех сторон невысокими горами, на которых стояло много вышек. Ночью охранники на вышках перезванивались и перекликались. Это было неприятно и даже жутко.

Во дворе тюрьмы стоял сарай, а в нем находились водопроводные краны, где мы умывались. Вода из кранов стекала прямо на пол в цементные желобки. Вода здесь была почему-то очень жесткая: если в ней вымоешь голову, то волосы так слипнутся, образуя буквально колтун, что расчесать их было невозможно чуть не целую неделю.

В Куйбышевской пересыльной тюрьме я пробыла недолго, дней десять. Потом меня опять повезли в "черном вороне", затем по железной дороге.

Очутилась я в пересылке в Казахстане (не помню, как она называлась). Находилась эта пересылка недалеко от Карагандинских лагерей. Опять там я была вместе с уголовниками. Уже на второй день все имеющиеся при мне вещи "урки" запросто отобрали при полном попустительстве, а может быть, и по указанию стражников пересылки.

Через день или два начали приезжать "купцы" – так уголовники называли хозяйственников, которые приезжали на пересылку за рабочей силой. Первыми явились "купцы" из Джезказгана, где разрабатывались урановые рудники. Так как я была слишком "доходягой", эти "купцы" меня забраковали. Следующими приехали "купцы" из Карлага. Увидев меня и узнав, что у меня лишь 5-летний срок заключения, т.е. "детский" по тем временам, они меня тут же взяли. На лошадке, в повозочке меня привезли в Карлаг, на центральный участок. В нем было три зоны: зона расконвоированных, зона для заключенных – не очень опасных преступников и зона строгого режима, охраняемая не только охранниками, но и собаками. В этой зоне содержались уголовники-рецидивисты.

Меня расконвоировали и поместили среди других расконвоированных, которые занимались хозработами. Избушка, в ко-

торой меня поселили, была небольшая, деревянная, довольно светлая, с земляным полом. Нары – одноэтажные, парные. Посреди стояла кирпичная печь.

Мое зимнее пальто, платье и белье, в которых я приехала, были отобраны и сданы в каптерку. Взамен мне выдали телогрейку первого срока без номера на спине, платье и белье (рубашку и панталоны). Платье черное лагерного фасона. Также выдали мне простыню, одеяло и подушку с наволочкой. Выдали первого срока ботинки.

* * *

Итак, я поселилась в зоне расконвоированных и начала работать учетчиком полеводческих бригад. Как раз шли прополочные работы. Здесь я столкнулась со следующими трудностями: другие учетчики, что называется, "выводили" процент выполнения бригадой работ. Если бригада даже не выполняла нормы, учетчики все равно приписывали им проценты для обеспечения бригаде паек хлеба, при этом старались даже обеспечить бригаде по 700 граммов, которые полагалось за 100%-ое выполнение нормы, а 900 граммов – за будто бы ее перевыполнение. Учетчики завышали нормы выработки за счет якобы повторных прополок и пр. Таким образом, все были довольны: и учетчики, и бригадиры. Я же стала точно учитывать работу. Нормы не выполнялись, и бригады стали получать маленькие и даже штрафные "пайки" хлеба.

подавляя страх, я заходила в бригады особо опасных преступников, правда, с конвоем и собакой, и точно замеряла их работу. Бригадиры в этих бригадах – их вожаки – просто нахально не работали, а требовали, чтобы им выписывалась наивысшая пайка хлеба – 900 граммов. Затем шла пайка 700 граммов, потом – 600 граммов и, наконец, штрафная – 200 граммов. Увидя, что бригадир совсем не работает, я ему персонально выписала 200 граммов. Это его, конечно, обозлило; он отобрал большую пайку у труженика бригады. Естественно, бригада была мною недовольна. Говорили, что я не умею "мозгами крутить".

Узнав, что бригадир отнял хлеб у того, кто получил 900 граммов (я производила индивидуальный учет работы каждого заключенного), я зашла к начальнику зоны и потребовала, чтобы этого бригадира посадили в карцер. На следующий день я в трепетном страхе шла в бригаду, чтобы замерить выполненную работу. Я преднамеренно оставила конвой и собаку в конце поля, желая продемонстрировать, что не боюсь их. Некоторые уголовники были в восхищении от моего поступка: никто прежде не отваживался засадить их вожака в карцер, большинство же были недовольны.

Действительно, карцером дело не исправишь. Рабочих надо кормить и надо "мозгами крутить", как требовали большинство заключенных, а как "крутить"? Заниматься приписками я не могла и не хотела. Тем более, что Карлаг, видя, что бригады хорошо справляются с действующими нормами, повышал эти нормы, не очень-то желая тратить хлеб на заключенных. Но морить бригады голодом тоже не годилось. Тогда я решила сама заняться прополкой и другой работой, что мы производили, и проверить возможность выполнения действующих норм. Оказалось, что нормы в результате бесконечных приписок были очень завышены. Я написала об этом заявление в Карлаг и просила прислать работников планово-учетного отдела для проверки и установления реальных норм выработки по каждому виду работ.

Карлаг моментально откликнулся на мое заявление: была прислана комиссия, в результате чего все нормы были пересмотрены в сторону их приближения к реально выполнимым. Это очень сблизило меня с бригадами, примирило с вышедшим из карцера бригадиром-вожаком. В общем, все были довольны: я точно учитывала сделанные работы; труженики бригад получили возможность честно зарабатывать хорошую "пайку" хлеба. А хлеб в лагере — основная пища.

Когда вышел из карцера злополучный бригадир, я одна, оставив собаку и конвоира вдалеке, подошла к нему и начала с ним по-дружески беседовать на моральную тему. То, что я без собаки и конвоира подошла к нему и задушевно говорила с ним, очень повысило мой авторитет и в его глазах, и в глазах брига-

ды. Они начали считать меня учительницей. Я сначала категорически отрицала это, но потом решила не разочаровывать их: пусть я буду учительницей.

Начальники лагеря и участка были мною довольны и перевели меня на другой – женский участок уже не учетчиком, а плановиком, где мне с бухгалтером была выделена даже отдельная комнатка, находящаяся в зоне. С агрономом участка, тоже женщиной, на лошади и тележке, мы ездили по полям, чтобы видеть, что делается на полях, а потом и убедиться, что зерновые убраны, картофель тоже. В зоне находилась молочная ферма; за хорошую работу мне было выписано право на получение 0,5 литра молока каждый день. И я стала заметно поправляться.

Так продолжалось до поздней осени. Я сделала отчет о проделанных с хорошими результатами работах за летне-осенний период. Отчетность была сложная: нужно было переводить в коэффициенты на коне-дни и т.д. Я с большим трудом ее одолела, ездила на другой участок к опытному плановику. (Надо сказать, что им оказалась некая гражданка Браудэ. "Браудэ? Какой-то Браудэ числился защитником на процессе Норкина. Не его ли это родственница, а может быть, и жена?" На мой вопрос она отказалась ответить). Однако Браудэ доброжелательно отнеслась ко мне и помогла мне. В результате мой отчет был с одобрением принят Карлагом, что привело в удивление как начальника участка, так и меня.

В связи с успешным завершением полевых работ начальство пригласило даже артистов из Караганды и устроило концерт. Я тоже была приглашена на этот концерт. Но, странно, впереди меня сел начальник участка и нет-нет да и обернется, и посмотрит на меня. Во мне очень развито, что называется, шестое чувство: например, в тюрьмах я всегда знала, когда меня вызовут на этап, – какой-то голос во сне выкликал меня: "Холмогорова, с вещой". Когда я просыпалась, то всегда сообщала своим товарищам по камере, что сегодня я покину их, и действительно, так всегда бывало. Тут я тоже почувствовала что-то неладное. "Но что? Что меня может ожидать? Ведь все идет хорошо: мною довольны, я даже получила возможность нет-нет да

послать сыну письмо через экспедитора, который ездил по всяким делам на Долинку, где располагался Карлаг..."

Однако мое предчувствие меня не обмануло: после спектакля начальник участка сказал мне, что, к сожалению, меня от него забирают. Наутро он со своей дневальной прислал мне какую-то снедь: кажется, белый хлеб и сало, и на лошади отправил меня на центральный участок.

Начальник участка принял меня в кабинете и сказал: "К сожалению, Вы ошибочно поступили к нам. Поэтому, согласно приказу из Центра, мы должны расстаться с Вами".

С меня сняли казенную одежду и выдали из каптерки мою. Эта же лошадь повезла меня опять в пересыльную тюрьму, не помню, как она называлась. Оттуда ночью (а на дворе уже стояла глубокая осень) меня и еще довольно много заключенных женщин повезли куда-то. Привезли нас тоже ночью и поместили в темный, нетопленный барак. Ветер (а казахстанский ветер славится своей силой) через незамазанные окна пронизывал нас насквозь. В потемках я вскарабкалась на верхние нары и прижалась к лежавшей уже там женщине. Кое-как мы дождались утра. Эта женщина – Мария Андреевна Дубинина – оказалась молодым преподавателем математики из Днепропетровска.

Утром нас распределили по баракам. Из более пожилых женщин были назначены дневальные, которые затопили печки. С нас сняли одежду и выдали 3-го срока телогрейки опять с большими номерами на спине, рваные ватные брюки и невесть какого размера ботинки, тоже старые, пропахшие чужим потом.

Мы узнали, что этот лагерь называется Песчаным, мы будем заготавливать в каменном карьере бутовый камень и цемент для строительства Нурекской электростанции. "Жен" здесь, кроме меня, не было. Все женщины имели свою собственную статью, были судимы судом, а не так, как я, – по решению Особого Совещания. Большинство из них были из Западной Украины, Прибалтики, Румынии, а также из Молдавии. Почему-то было много монашек, которые решительно отказывались работать на "антихриста" и в силу этого постоянно сидели в карцере и пели молитвы.

Была там жена Корнейчука (кажется, разведенная) и племянница болгарского коммуниста Димитрова. В карьере по состоянию своих сил и здоровья я не бурила каменную гору — этим занимались более крепкие и сильные женщины, а лопатой собирала бут и возила его на тачках куда прикажут, в частности, на цементный завод. Приходилось также возить в тачках цемент и грузить его на автомашины, которые вывозили его, как и бутовый камень, за зону каменного карьера.

* * *

Песчаный лагерь был лагерем строгого режима: переписка в нем не разрешалась. Заключение в большинстве своем (среди них были и уголовницы-рецидивистки) из этого лагеря на волю не выпускались, а механически получали новый срок и высылались либо в Красноярский край, либо в Кулунду.

Приглядевшись, я заметила, что оперуполномоченный лагеря способствует получению нового срока: в постелях заканчивающих срок заключения оказываются кем-то подложенные всевозможные антисоветские листовки. Постели же наши состояли лишь из соломенных матрацев, таких же подушек и старых, рваных одеял. Ни наволочек, ни простыней не давали.

Я прибыла в Песчаный лагерь во второй половине октября 1949 года. До окончания срока заключения (8 апреля 1953 года) у меня оставалось более трех лет. "А что ждет меня впереди? Неужели Красноярск или Кулунда?" Должна сказать, что в этом лагере было сильно развито "стукачество", т.е. некоторые заключенные переходили на тайную службу к оперуполномоченному и доносили, а чаще и просто клеветали на того или другого заключенного. Думаю, что по указанию этого же оперуполномоченного.

В целях предосторожности я почти ни с кем не дружила и не вела разговоров, кроме Марии Андреевны Дубининой и Хильи Яновны Сакс, и то очень ограниченных. А чтобы под моим матрацем не оказалось подкинутой антисоветской литературы, я, уходя на работу, вытаскивала матрац и подушку на улицу, так что на нарах оставались лишь голые доски. Чтобы легче

было носить на улицу постель, я даже потом вытряхнула из матраца солому, стала спать на голых досках.

И странно, что я, будучи яркой безбожницей (в школе состояла в кружке безбожников, делала доклады на антирелигиозные темы), вдруг стала взывать к Богу. Ложась вечером спать, я мысленно молилась: "Боже, если ты есть, ты же знаешь, что я ни в чем не виновата, так сделай что-нибудь такое, чтобы меня уже больше не мучили, чтобы я не попала ни в Красноярский край, ни в Кулундинские степи".

За несколько месяцев до окончания моего срока меня сняли с работы в каменном карьере и послали работать в починочную мастерскую, где ремонтировалась спецодежда и, главным образом, рукавицы для работающих в каменном карьере заключенных. Рукавиц было много, ремонт производился в ночную смену, и приходилось "вкалывать" до изнеможения.

Не знаю, молитвы ли мои были услышаны Богом (можно поверить и в это), но только 8-го марта на поверке, которая в нашей зоне производилась ежедневно рано утром, перед тем, как вывести бригады на работу (нас вызывали по номерам, нарисованным на нашей одежде, а мы отвечали: "Здесь"), нам объявили, что 5-го марта умер Сталин.

Трудно поверить, но я искренне заплакала. Хотя я слышала много плохого о Сталине и от уголовников, которые называли Сталина "Иоськой, нашим другом", и от жены заместителя наркома Грузинского НКВД Клавы Оделавадзе, и от моей приятельницы по Темниковским лагерям Людды Цотниашвили, я все же глубоко верила в его непричастность ко всем безобразиям, которые творились у нас в стране в те времена. Для меня тогда имя Сталина было священо.

В последующем я поняла, что именно Сталин — главный виновник моей трагедии и трагедии тысяч и тысяч, а может быть, и миллионов невинно загубленных людей и каких людей! Для примера скажу, что все, кто мало-мальски знал Норкина, были арестованы, большинство погибло в лагерях. Некоторые покончили жизнь самоубийством. Следователь Норкина — Голубчик тоже был арестован и погиб в подвалах НКВД. В Тем-

никовском лагере, на 15-м пункте я встретила с "женами" охраны, которая везла Норкина из Новосибирска в Москву.

* * *

Кроме сообщения, что Сталин умер, нам зачитали еще указ об амнистии лиц, имеющих срок заключения до 5 лет включительно. Но вот наступило долгожданное 8 апреля, а меня и не думают отпускать на свободу. Я пошла к начальнику лагеря, который сказал, что мои документы задерживаются в ГУЛАГе (Главном Управлении Лагерей). Опять у меня появились сомнения. Радость померкла. Дни, которые я провела в лагере после срока, работая на ремонте рукавиц, тянулись уже медленно, мучительно медленно.

Матрац и подушку я продолжала выбрасывать на день на улицу, боясь какого-нибудь подвоха.

Наконец, 17 апреля 1953 года меня вызвали к оперуполномоченному, который потребовал от меня подписку о неразглашении всего того, что я видела и пережила, — что я честно и выполняла вплоть до своей реабилитации. Мне выдали также справку об амнистии. Затем вывели за зону, выдав новую телогрейку и новые ботинки. Платье оставили старое. Дали буханку хлеба и несколько селедок.

Со мной выпустили на волю еще двух монашек. Мы втроем переночевали в маленькой деревянной избушке, находившейся поблизости от зоны.

Утром нас повезли в Чурбайнуру, в управление Песчаного лагеря. Там мне выдали справку, почему-то от 16 апреля 1953 года за N006202, 8 АЕ, в которой было записано: "...осужденной по делу N464 УМГБ Владимирской области 26 июня 1948 г. по ст. ст. 58-10 ч.1 УК РСФСР к лишению свободы на пять лет ..., имеющей в прошлом судимость в 1937 году за к/р агитацию сроком на 8 лет, в том, что она отбывала наказание в местах заключения МВД по 17 апреля 1953 г. и по амнистии, в соответствии ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27.3.53 г., освобождена 17 апреля 1953 г. со снятием судимости по второму приговору и следует к избранному месту жительства

ва в город Александров, Владимирской области, до ст. Александров, Ярославской жел. дор." Эта справка была подписана начальником лагеря В.Сергиенко и еще начальником отдела (подпись неразборчива). На справке вверху было также написано: "Видом на жительство не служит. При утере не возобновляется".

Боже, как все неверно, фальшиво, нет ни одного слова правды: меня не судили, лишали свободы по заглазному решению: первый раз по ст. Член Семьи Изменника Родины – "ЧСИР", а не за контрреволюционную агитацию, а второй раз за то, что я писала Сталину и другим руководителям Партии и Правительства, что Норкин расстрелян невинно и просила пересмотреть его дело. Вот уж, действительно, "своя рука владыка, что хочу, то и ворочу".

Из этой справки видно, что уже в 1953 г. МВД не считало уместным упоминать ни то, что действовало в 30-х годах и даже еще в 1948 году Особое Совецание, которое вправе было шельмовать и заключать невинных людей на длительные сроки в трудовые лагеря. Не была упомянута и незаконная статья "ЧСИР", которая также компрометировала наше правосудие.

Далее в справке говорилось: "Освобождена 17 апреля 1953 г. и следует к избранному месту жительства город Александров, Владимирской области". "Город Александров? – я его не избирала. Это город моей ссылки, а не жительства". Я сочла это за ошибку и поэтому решила поехать в Москву.

Из Чурбайнуры нас, трех амнистированных, не помню точно: не то на грузовике, не то на дачном поезде, если тогда там существовала железная дорога, довели до Петропавловска сотрудники лагеря и там с нами распрощались. На станции скопилось много народа, и мы при всем старании долго не могли купить билеты. Деньги, выданные нам на дорогу в Песчаном лагере, почти все были потрачены, хлеб с селедкой съедены. Так как у меня сохранилось зимнее пальто и телогрейка, выданная мне в лагере, то мы решили продать ее на базаре и купить хлеба. Не помню, сколько нам дали за новую телогрейку, но мы ее скоро "проели". Потом пошли в ход и телогрейки мо-

нашек. А перспектив на приобретение билетов не было никаких — очередь не уменьшалась.

Тогда я решила пойти к оперуполномоченному вокзала. Когда я вошла в его кабинет, мой гражданский и интеллигентный вид (я была одета в зимнее пальто с беличьим воротником и фетровый, опущенный беличьим мехом капор — мне их подарила сестра, когда я жила в Александрове) обманули его: он принял меня не за амнистированную заключенную, а за обычную женщину, что обязало его галантно встать со стула, раскланяться и предложить мне стул. Когда же я рассказала, кто я, и что мы — трое амнистированных — просим дать нам возможность купить вне очереди билеты до Москвы, — он сразу изменился в обхождении со мной, сделавшись почти грубым. Он сказал: "Купить билеты? (Мне даже показалась насмешка в его голосе). Нет, этого я вам не обещаю, но я вас отправлю в Москву".

Действительно, не успела я вернуться в вокзал, как нас уже выкликали по радио и приглашали зайти в комнату милиции вокзала. Милиционер тут же провел нас на какой-то запасный путь и предложил сесть в 31-й поезд. Мы вошли в вагон. Это был товарный вагон, оборудованный сплошными двухэтажными нарами. У вагона стояли военные. В вагоне находилось уже много женщин. Как я потом узнала, это были амнистированные и отбывшие срок уголовницы. Мы расположились на нижних нарах и забились вглубь. Первое, что с нами сделали уголовницы, — это отобрали у нас купленный на дорогу хлеб.

31-й поезд был поездом "особого назначения": он шел не по основным путям пассажирских поездов, а окольными путями. Останавливался он вдалеке от станций и опять-таки на запасных путях и стоял там подолгу. За трое суток, которые мы провели в этом поезде и в этом вагоне, трудно передать, что мы пережили.

Несмотря на то, что поезд останавливался далеко от города, уголовницы каким-то образом ухитрялись красть чемоданы, продавать их содержимое, закупать водки, пирожных и всевозможных закусок. Все это делалось в сумерках, а ночью устраи-

вались оргии. Каким-то образом к нам в вагон проникали мужчины-уголовники. Вагон не освещался. Это нисколько не смущало уголовников. Со спичками и еще какими-то коптилками они, рассевшись прямо на полу, начинали пить, есть и безобразничать. Мы — я и монашки — старались, как можно глубже, забраться на нары и чуть ли не дышать, чтобы ненароком не обратить на себя внимание. Так мы провели три кошмарные ночи и решили во что бы то ни стало при первом удобном случае выйти из вагона, пешком дойти до ближайшей станции и уже там приобрести билеты в Москву. Так мы и сделали. На этот раз нам повезло: на станции, не помню, как она называлась, мы купили билеты в жесткий вагон, на сидячие места, и благополучно добрались до Москвы.

* * *

Приехав в Москву, я, конечно, тут же направилась на квартиру, где жил мой сын со своей теткой, сестрой мужа — Ликой, на Большую Молчановку. Вечером побывала на своей прежней квартире на Никитском бульваре. Там от бывшей соседки Берты Марковны Каплун я узнала, что в моей комнате и комнате, которую еще раньше, т.е. при мне, в 1937 году, заняла семья коменданта этого кооперативного дома гражданина Зосимова, живет семья работника МВД. Зосимову дали жилье в другом месте.

Я побежала к своей мачехе — Валентине Николаевне, которая жила в нашей прежней квартире, т.е. квартире моих родителей и моей, в Калашном переулке, в доме № 10, кв. 9 (отец к этому времени умер), и попросила ее дать разрешение на мою прописку. Валентина Николаевна дала свое согласие, и я пошла в Краснопресненский райисполком с просьбой прописать меня в Москве, в квартире, в которой я проживала с раннего детства до 1933 года.

Председатель Краснопресненского исполкома г.Москвы, просмотрев мои документы, вернее паспорт, сказал мне, что я не имею права жить не только в Москве, но и еще в 26 цен-

тральных городах Советского Союза, так как являюсь так называемой "ограниченной". Он мне предложил немедленно выехать в Александров во избежание неприятностей, потому что в Москву мне въезд запрещен.

Но в Александров я не поехала, а решила вернуться в Караганду. Не помню: недельку или чуть больше, украдкой я все же прожила в Москве. Лика мне устроила ночлег у Берты Марковны Аперинной, которая жила на Гоголевском бульваре, в доме № 29, кв.30.

Не могу не сказать, что Б.М. Аперина, детский врач, была прекрасной души человек. Она помогала Лике и растить моего сына.

* * *

В Караганду я поехала еще и потому, что у одной из знакомых Лики в Караганде жила и работала в пошивочной мастерской родственница, так что я ехала туда не на голое место. Эта женщина встретила меня очень приветливо и устроила на работу помощником браковщика в пошивочную мастерскую, которая шила не только спецодежду, но и женские платья. Там работала также бывшая заключенная не то литовка, не то латышка; она разрешила мне, пока я не найду место для жилья, поселиться в своей комнатенке, которую снимала у старожила Караганды. Она же познакомила меня с женщиной, жившей на 32-ом квартале Караганды, у которой сын не то служил в Армии, не то отбывал срок заключения. Эта женщина была готова сдать мне мезонин в занимаемой ею квартире. Сама она жила в финском фанерном домике.

Мезонин был, конечно, не пригоден для жилья зимой в условиях Караганды. Потолок комнаты лишь в середине был чуть выше человеческого роста, шириною чуть больше метра, а потом скашивался почти на нет. Штукатурки снаружи не было вовсе, а внутри была ветхая, со щелями, в которые проникал буйный ветер Казахстана.

У меня сохранился акт обследования моих жилищных условий. Привожу его дословно:

АКТ

обследования жилищных условий т. Холмогоровой А.А., — машинистки геологической партии треста "Казахутлегеология".
г. Караганда, 17 сентября 1956 г.

Мы, нижеподписавшиеся: председатель жил. быт. комиссии разведкома Геологической партии треста "Казахутлегеология" — Кирилов Н.П. и представители от общественности т.т. Наумова З.Г. и Зимин П.И., в присутствии т. Холмогоровой, произвели обследование жилья последней и установили:

1. Тов. Холмогорова живет в мансарде, т.е. в чердачном помещении площадью в 12 кв. м. стандартного дощатого финского дома, неоштукатуренного снаружи. Дом принадлежит ЖКО треста "Карагандауголь".

2. Внутри штукатурка, ввиду отсутствия своевременного ремонта, дала сквозные щели. Это позволяет предполагать и утверждается Холмогоровой, что в непогодные дни комната не защищена от ветра.

3. Лишь 1/2 комнаты, т.е. 4 кв. метра имеет высоту 2,2 м (середина), а по бокам соответственно скату крыши высота комнаты достигает 1,2 м.

4. 2/3 комнаты, т.е. по скату крыши, не имеет потолка, ввиду чего комната в зимнее время легко промерзает.

5. Обследуемая комната при строительстве приспособлена под жилье лишь в летнее время. По словам Холмогоровой при заселении не было печи, которую Холмогорова поставила в последующем, по своему ходатайству и за свой счет.

Пол также не утеплен и по заявлению т. Холмогоровой зимой также покрывается инеем.

Местком Геологической партии треста "Казахутлегеология" и общественность считает, что жилье, в котором находится т. Холмогорова, совершенно непригодно для зимних условий Караганды.

Председатель жил. быт. комиссии разведкома Геологической партии треста "Казахутлегеология" /Н. Кирилов/

Представители общественности: /З.Г. Наумова/ /П.И. Зимин/

Этот акт заверен печатью разведкома.

Несмотря на явную непригодность этой комнаты к жилью, я все же поселилась в ней. Я, конечно, постаралась побыстрее найти печника и соорудить кирпичную печь-плиту, для чего потребовалось выхлопотать разрешение пожарников города.

Несмотря на все неудобства, я чувствовала себя счастливой: у меня была крыша над головой. Правда, зимой, когда стены промерзали, мне приходилось спать у самой печки, которая всю ночь топилась углем, а уголь в Караганде для бытовых нужд продавали некачественный, многозольный, разжигать его было сущим мучением. Дров было трудно купить, и я собирала повсюду, где только попадались, разные палочки, досочки, сложенные ящики и пр.

Работа в пошивочной мастерской мне не нравилась. Увидев вскорости объявление, что трест "Казахутлегеология" приглашает на работу машинистку, я пошла туда, и меня приняли на работу.

Управляющий трестом т. Самсонов, главный инженер т. Костливец и главный геолог т. Михаленко очень хорошо ко мне относились, старались, кроме работы непосредственно в тресте, обеспечить меня побочной работой, рекомендуя меня геологам, составлявшим геологоразведочные отчеты.

Так как моя новая квартира зимой нисколько не прельщала меня, то я часто ночевала в конторе "Казахутлегеологии", что мне также не возбранялось. Это позволяло мне много работать и неплохо зарабатывать – настолько, что я стала посылать какие-то деньги в Москву сыну, который к тому времени уже стал студентом.

Однако жизнь в Караганде я считала временной, я хотела жить около сына. Для этого я стала хлопотать о снятии с меня первой "судимости", хотя никакого суда не было. Извещение о снятии с меня этой, так называемой "судимости" пришло довольно скоро. Когда же я во время отпуска, приехав в Москву, опять сунулась за разрешением переехать в Москву в Краснопресненский райисполком, председатель райисполкома т. Розанов снова мне отказал в этом. Он мне заявил: "Снятие судимости делается за давностью срока совершенного

преступления", а вообще это не означает, что я могу жить всюду. Ограничение в выборе места жительства за мной остается. В Москве мне по-прежнему жить запрещено. И я опять вернулась в Караганду.

Надо сказать, что в Москве я разыскала семью писателя Парфенова, жена которого также была арестована и по ст. "ЧСИР" осуждена на 8 лет в лагеря. Все эти годы она провела в Темниковских лагерях: ее не этапировали на север, как меня, и второй раз не арестовывали. Ее, правда, тоже ссылали в Александров, где я с ней встречалась, но она из Александрова переехала в Вологду. В прописке в Москве после трех лет проживания в Александрове ей было также отказано.

Работала она помощником режиссера в Вологодском театре. Обо всем этом мне рассказала ее мать, которая жила в ее прежней квартире; вернее, в одной комнате этой квартиры, вторую комнату занимали работник НКВД с женой. Мать Парфеновой растила ее двух сыновей. Я запаслась вологодским адресом Антонины Алексеевны Парфеновой, и мы начали переписываться. Вдруг я получаю от нее письмо не из Вологды, а из Москвы, в котором она советует мне поднять вопрос о реабилитации. Я даже не сразу решилась на это: ведь судимость моего мужа не снята, хотя я все время хлопотала об этом, а я репрессирована за него. Свои сомнения я высказала в ближайшем письме к Антонине Алексеевне, на что она злобно ответила мне: "Не валяй дурака, пиши в МВД просьбу о своей реабилитации, — и все. Они там сами разберутся, что к чему".

Я послушалась доброго совета и написала ходатайство о реабилитации. Шел уже 1956-й год.

В сентябре 1956 года я получила справку из Военной Коллегии Верховного Суда СССР за N 4н-07491/56 от 28 августа за подписью председательствующего Судебного Состава Суда Военной Коллегии Верховного Суда СССР полковника юстиции Лихачева о своей реабилитации.

Получив эту справку, я поехала в Москву и вновь начала хлопотать о предоставлении мне жилья. Моя мачеха Валентина Николаевна разрешила мне прописаться с ней, т.е. в квартиру,

где я проживала до замужества, вернее, до отъезда в Кемерово. И меня там прописали.

Комнатка, где жил мой сын с теткой, была настолько мала (11 кв. метров), что там не было для меня места.

Однако Краснопресненский райисполком (председатель Розанов) не торопился. Нужно было вмешаться тов. Фурцевой, которая тогда была секретарем ЦК и курировала Издательство художественной литературы, где я уже работала с 28-го сентября 1957 года, чтобы я получила жилье.

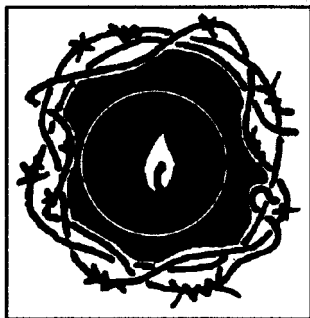
Комнату в 12,77 кв. м. в двухкомнатной квартире по адресу: Киевская ул., дом 24, кв. 39 я получила лишь в 1958 году, не помню точно когда – не то летом, не то осенью. Во всяком случае, в марте 1958 года я еще имела ответ из Краснопресненского райисполкома, что они постараются ускорить предоставление мне жилья.

Как мне пришлось убедиться, московские органы власти очень ходко забирали у нас имущество и жилье, но с большим трудом приходилось выцарапывать крохи из того, что у нас было отнято и даже разворовано.

В хлопотах о жилье обнаружилось, что я реабилитирована лишь по первой репрессии, а второе мое заключение не рассматривалось. Опять нужно было писать просьбу о реабилитации меня уже по второму заключению.

Только в феврале 1957 года я получила справку из Военного Трибунала Московского Военного Округа от 16/П-1957 г. за N н/346/ос за подписью зам. председателя Военного Трибунала МВД полковника юстиции И. Гуринова о том, что и по второму заключению я реабилитирована...

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА

Г.Г. Фельдгун

ЗАПИСКИ ЛАГЕРНОГО МУЗЫКАНТА ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ

*Памяти моей матери
Наталии Ивановны Фельдгун,
трагически погибшей в 1938 году*

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В данных записках рассказано лишь о том, чему в молодости мне пришлось быть свидетелем. Приводимые факты лишены художественной образности, излагаются без литературных прикрас и романтических условностей, если о таких вообще можно говорить применительно к лагерной теме.

Вместе с тем, подобные воспоминания субъективны, ибо в них отражены сугубо личные переживания: что-то, вероятно, излишне драматизировано, а что-то, может быть, слишком смягчено, окрашено в розовый цвет. Дело в том, что я находился в местах заключения сравнительно недолго – всего семь лет. Было, конечно, все: голод, холод, унижения. Но мне повезло получить редчайшую для арестанта возможность – отрешиться от действительности, уйти в мир искусства, музыки. И еще была наивная вера в высшую правду и справедливость.

Очень сложно с позиций сегодняшнего исторического сознания писать также об идеалах комсомольской молодости 30–40-х годов, оценивать крепко усвоенную общественную мораль того времени. Никакие столкновения с самой гнусной действительностью долгое время не могли ее поколебать.

Сейчас, на склоне лет, все это кажется странным, совершенно неправдоподобным, как в страшной сказке или фантастической пьесе. Увы, мне не довелось сыграть в ней роль ге-

роя, ставшего “выше и упрямей своей трагической судьбы...” (А. Жигулин). Я выступил всего лишь как маленький статист, по недоразумению попавший в грандиозную массовку, изображавшую бесчисленных “врагов народа”. В этом проклятом спектакле я участвовал долгие годы, и клеймо “враг народа” нельзя было смыть подобно гриму. Миллионы таких, как я, погибли, мне же повезло. В 1958 году (то есть через 16 лет после ареста) некий товарищ, вручая мне справку о реабилитации и душевно пожимая мою руку, сказал:

– Забудьте все, что с вами произошло ...

Современный читатель вряд ли может представить себе значение подобной справки. Она выводила меня и мне подобных из круга проклятых, неприкасаемых, отверженных. И главное – хоть и поздновато (мне было уже 36 лет), но благодаря ей я смог более или менее состояться как специалист-музыкант.

Ну что ж, я постарался, как смог, встроиться, вжиться сначала в оттепельную, затем в застойную систему человеческих и производственных отношений. Я учился, работал и даже кое в чем преуспел, жил, как большинство советских людей, участвовал в соцсоревновании, исправно посещал политзанятия и всякого рода собрания, радовался нашим успехам (подлинным и воображаемым), умеренно критиковал “еще кое-где встречающиеся отдельные недостатки ...” Никогда не был диссидентом, скорее, как поется в известной песне Э.Рязанова, “гордился общественным строем”. В общем, прожил жизнь, можно сказать, умеренно благонамеренным гражданином нашей великой Родины.

О лагерях, как мне советовал товарищ из КГБ, я действительно попытался забыть, тем более что по условиям реабилитации срок заключения мне засчитали за службу в Советской Армии и даже выплатили соответствующую компенсацию. Мой листок по учету кадров был чист, и я очень ценил возможность никому ничего не рассказывать о прошлом.

Казалось, что совсем уже все забыто, но тайный ужас, продолжавший жить где-то в сокровенных глубинах души, нет-нет, случалось, вдруг поднимался к горлу, сковывая сердце. И до

сих пор, вот уже пятьдесят лет, мне снится: я брожу в громадном страшном лагере, среди десятков тысяч заключенных. Мой срок кончился, пробил час освобождения, но меня не вызывают, где-то затерялись документы. Проходят дни, месяцы, а их никак не могут найти. Лишь пробуждение в холодном поту спасает от этого кошмара.

Я сознаю, что патологический страх, который, вероятно, не оставит меня до смертного часа, делает меня в нравственном отношении вполне достойным времени, из которого я вышел. В этом я и многие другие, подобные мне, — дети своей эпохи. Но даже та часть нашего поколения, которая не сумела стать Рютиными, позже Жигулиными, Солженицыными, не только отражает свою эпоху, но и расходится с ней. Это, во всяком случае, относится к тем, кто хоть на старости лет понял всю чудовищную абсурдность сталинщины и ее наиболее уродливого проявления — сталинских лагерей.

Сегодня этой теме посвящено немало публикаций различного рода, но можно сказать, что исследование феномена “Архипелаг ГУЛАГ” еще только начинается. Художественные и публицистические произведения, например, В. Гроссмана, Ю. Домбровского, В. Шаламова, А. Рыбакова, Е. Гинзбург, Е. Гнедина, Л. Разгона, А. Сандлера и даже ставшее, наконец, достоянием советского читателя капитальное исследование А. Солженицына далеко не исчерпывают данной темы.

Дело в том, что тема многовариантна. Тюремщики различных рангов в подавляющем числе случаев проявляли немалую изобретательность, ужесточая режим заключенных. Цель — духовно сломить их и, в конечном счете, физически уничтожить. Существовало много способов решить подобные задачи. Они зависели от активности того или иного начальника, от климатических условий, в которых находился лагерь, и от ряда других факторов. Поэтому каждая из тюрем, каждый из бесчисленных лагерей были отвратительны по-своему.

Вместе с тем, там иногда служили люди, не лишённые чувства порядочности, которые, как могли, старались облегчить участь зэков. И, конечно же, миллионы “государственных преступников”, сидевших в лагерях по пятьдесят восьмой статье, в

огромном большинстве своем совершенно безвинных, каждый по-своему тоже определяли "лицо" мест заключения. Они боролись за существование, стремились как-то приспособиться к среде обитания за колючей проволокой с тем, чтобы дожить до свободы.

Среди них были и люди искусства – профессионалы, любители. Об условиях их жизни, в которую я постепенно оказался втянутым, об их месте в структуре лагерного быта и вообще об отдельных слоях и прослойках лагерного "общества" в данных записках говорится особо.

И еще, может быть, о том, что в условиях одичания, глубокого унижения человеческого достоинства, обесцененности самой человеческой жизни искусство и, особенно, музыка помогали преодолевать мрак и отчаянье лагерного бытия, зарождали в душах людей искру надежды на лучшее будущее.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АГИТБРИГАДА ДАЛЬСТРОЯ МВД СССР

Таково было официальное название ансамбля заключенных, в котором мне пришлось возглавлять музыкальную часть с лета 1947 по начало 1949 года, то есть до моего освобождения.

В отличие от орской культбригады это был, в целом, высокопрофессиональный коллектив. Затем, как оказалось, условия работы тоже не имели никакого сравнения с теми, что были в Орске.

К моему приезду уже сформировалось ядро эстрадного, как его тогда называли, оркестра. Его составляли три эстонца – скрипач, профессор Таллиннской консерватории Эвальд Турган, аккордеонист Артур Торми и саксофонист Рейнгольд Куузик. Все они были превосходными музыкантами. Разумеется, профессору Тургану, окончившему не только Таллиннскую, но и Парижскую консерваторию, более пристало концертировать в столицах европейских государств. Но лучший друг народов товарищ Сталин сначала освободил эстонцев от буржуазных порядков, а затем и от права жить, возделывать землю, торговать,

работать и т.д., как им хотелось. Затем он принялся за тех, кому это не понравилось, и даже за тех, кому это, по мнению КГБ, потенциально могло не понравиться. Советские “компетентные органы” стали в массовом порядке арестовывать и судить эстонцев за “буржуазный национализм”, “измену Родине”, расстреливать или, в лучшем случае, высылать на другой конец света. Так профессор Эвальд Турган и его коллеги-музыканты оказались в Бухте Ванина.

Конечно, тогда я еще был бесконечно далек от подобной трактовки событий. Помню, в 1940 году я бурно радовался появлению в составе СССР новых республик, видя в этом шаг к осуществлению идеала старых большевиков – Всемирной республики Советов. Заветы советских дипломатов еще полностью владели моим сердцем.

И вот встреча с моими воссоединенными земляками. Эстонцы, при всей их природной невозмутимости, не могли скрыть крайнего удивления, когда новичок обратился к ним на чистейшем эстонском языке. Они забросали меня вопросами: как, что, откуда... Я рассказал вкратце свою историю, и мы, теперь уже вместе, подивились превратностям судьбы, забросившей нас бог знает куда. Вывод, который мы сделали, был в достаточной степени тривиальным: “Пути господни неисповедимы...”

Профессор Турган свободно изъяснялся на немецком, французском и, разумеется, эстонском языках, но не знал русского. Он был рад тому, что круг его собеседников, ранее ограниченный только его земляками, расширился. Со мной он говорил по-эстонски и по-немецки, а с приехавшим вскоре известным театральным художником Соколовым-Островским, человеком высокой культуры, – по-французски.

У начальника системы так называемых Северо-Восточных лагерей (СВИТЛ), группировавшихся вокруг Бухты Ванина и Советской Гавани, полковника Котова было странное хобби. Он своею властью выдергивал из бесчисленных этапов, шедших на Колыму, музыкантов, певцов, актеров, режиссеров, поэтов и направлял их в ЦАБ.

Таким образом, у нас постепенно сложился концертный джаз-оркестр. В нем играли: на саксофоне-альте уже упомянутый выше эстонец Рейн Куузик, на саксофонах-тенорах – Коля Дайнека и немец Саппа Вальтер, феноменально владевший своим инструментом. Трио скрипок образовали профессор Турган, я и Вовочка Вавржиковский. Последний, взяв в руки тромбон, образовывал также трезвучие с двумя трубачами. Фамилия одного из них была Смагин, другого не помню. Далее в джазе сидело два аккордеониста, причем Артур Торми играл на громадном, роскошном, многорегистровом аккордеоне фирмы Хонер “Танго-5”. Наконец, у нас был блестящий тубист из образцового духового оркестра 1-го Украинского фронта Вася Ворожейкин, извлекавший из своего инструмента поистине бархатные звуки, и ударник Алик Шпильман.

С оркестром выступали профессиональные певцы – солист Куйбышевской оперетты баритон Юрий Мухин, солист Рижского оперного театра тенор Сеня Малюк.

Драматическую труппу возглавлял бывший режиссер театра им. Волкова Юрий Ярославский, а конференс вел талантливый журналист и поэт Асир Сандлер; он же писал тексты песен, реприз и т.д. Словом, художественный потенциал “Ансамбля Дальстроя МВД СССР”, как нас пышно именовали, значительно превосходил скромную культбригаду Орской ИТК № 3.

Масштабы артистической деятельности в Орске не шли ни в какое сравнение с размахом концертной деятельности Дальстроевского ансамбля. Мы, собственно говоря, на стационаре, то есть в Ванинском транзите, куда нас скоро перевели, почти не выступали.

После Орска мне казалось, что здесь я полной грудью дышу воздухом свободы. Там – редкие выходы за зону с руками за спину, в сопровождении двух-трех конвоиров и чуть ли не собак. Здесь – единственный конвоир на бригаду в 40–50 человек обычно клал свое оружие в футляр от тромбона. Конвоир старался не выделяться, и всюду, где бы мы ни выступали, за нами сохранялась полная свобода передвижения.

Концерты проходили в Доме офицеров Военно-Морского Флота (Советская Гавань), в драматическом театре, на кораблях Дальстроя, во дворцах культуры богатейших рыболовческих совхозов. У нас был вагон, в котором мы путешествовали от Бухты Ванина до Комсомольска-на-Амуре, обслуживая поселки орочей, в частности, их столицу поселок Уська-Ороченка на реке Тумнин и многочисленные лагеря "Стройки-500" вдоль железной дороги, которую еще никто тогда не называл БАМ.

Это была жизнь артистической богемы и, вместе с тем, жизнь бабочек-однодневок. В любой момент каждый из нас мог быть брошен в трюмы "Феликса Дзержинского", "Джурмы" и загреметь на Колыму в тесной, смертельно опасной близости с ворами, суками и бог знает с кем еще. О том, как это происходило и чем сопровождалось, сурово и правдиво поведал Варлам Шаламов.

Но пока судьба дарила нам небывалый для заключенных "врагов народа" шанс, один на тысячу..., нет, один на сто тысяч: выжить, не стать лагерной пылью. И самое главное - в этом уродливом мире подарить нашим товарищам по несчастью хотя бы несколько минут встречи с музыкой, песнями, танцами, с хорошей литературой и драматургией.

Ну, а что же наши тюремщики? Их патернализм к людям искусства питался различными соображениями. Например, необходимостью приукрасить фасад "Архипелага ГУЛАГ", придать ему респектабельность как исправительному учреждению, наделенному воспитательными функциями.

Кроме этого, конечно же: НКВД - карающий меч революции, но НКВД и покровитель муз, так сказать, лучший друг актеров, художников, музыкантов, пусть даже в чем-то остывшихся.

Правда, было немало свирепых и тупоумных начальников, которым доставляло высшую радость видеть, как артист, художник орудуя лопатой, ломом и кайлом. Но были и другие, считавшие: пусть он, сукин сын, и в тюрьме служит своим искусством советскому государству, Коммунистической партии, славит их могущество и блеск.

Кроме того, властители во все времена нуждались в шутах и скоморохах, которые бы их развлекали.

Наконец, ради справедливости следует сказать, что в среде чекистов еще попадались порядочные люди, достаточно интеллигентные, чтобы понимать, любить искусство и с уважением относиться к его носителям, даже если это заключенные. Таким, например, был начальник Политуправления Бухты Ванина. Его фамилия Чалов, имени и отчества, к сожалению, не помню. Честный человек, старый большевик, он, очевидно, знал подлинную цену тем обвинениям, которые на нас возводились. Во всяком случае, он много делал для нас. Доставал хорошие пьесы, моряки привозили ему из Канады и США джазовые партитуры для нас. Вообще, он заботился о нашем материальном быте и творческом самочувствии.

Так или иначе, но в течение двух лет, с 1947 по 1949 годы, концерты "Ансамбля Дальстроя МВД СССР" вызывали огромный интерес не только десятков тысяч заключенных, но и всех, кто жил и работал тогда на территории от Комсомольска-на-Амуре до Советской Гавани.

Эстрадный оркестр, возглавляемый мной, играл музыку различных жанров и стилей. Программы каждый месяц менялись. Одну из них, особенно запомнившуюся, мы начинали искрометной джазовой американской пьесой "Одиннадцать виртуозов", в которой у каждого музыканта, включая ударника, было головокружительное соло. Затем шла музыка из американских фильмов "Песня о России", "Серенада Солнечной долины", триумфально прошедших по советским экранам. С нами не было обаятельных американских актеров Линн Бари и Джона Пей, но саксофоны и трубы звучали почти так же выразительно, как и в джазе Глена Миллера.

Чтобы нас не обвинили в чрезмерном пристрастии к американским союзникам, мы включили в репертуар также превосходные джазовые обработки (возможно, Виктора Кнушевицкого) глиэровского "Яблочка", "Танца с саблями" Качатуряна. Игались также Увертюра к музыке из кинофильма "Дети капитана Гранта", песни из кинофильма "Цирк" Дунаевского. Большим успехом пользовались "Темная ночь" и "Шаланды, полные ке-

фали" Богословского. Концерт завершался "бисовыми" номерами – "Караван" Дюка Эллингтона и "Сен-Луи блюз" в обработке Луи Армстронга.

Если говорить о мастерстве этого ансамбля, то он, полагаю, приближался к уровню джаза Эдди Рознера, бывшего, по крайней мере для меня, эталоном исполнительского совершенства.

С оркестром выступали наши солисты Сеня Малюк и Юра Мухин.

"Що-о, Коломбина, нежный верный Арлекин где-е-есть где-е-ет один... Меня, мой ангел, любовь сжигает ..." – пел сладчайшим тенором Сеня. Оркестр преображался. Джазовой его специфики как не бывало. Артур Торми извлекал из своего многорегистрового аккордеона то звуки гобоя, то фагота, звучали кларнет, валторны, пиццикато скрипок. В общем, мы, джазмены, вполне корректно играли музыку Леонкавалло. Затем исполнялась ария герцога из оперы "Риголетто" Верди. Сеня пускал захватывающее дух фермато перед концом, что неизменно вызывало шквал горячих аплодисментов.

Юра Мухин выходил на сцену этаким опереточным любимцем публики. И, действительно, народ жаждал услышать арию Раджами из "Баядеры" Кальмана, арию графа Данилы из легаровской "Веселой вдовы" и многое другое в том же духе. Юра умел все это петь в хорошем стиле и воплощал свой образ городского, хотя и несколько стареющего, опереточного героя.

Надо сказать, что благодаря нам многие клубы, в которых обычно стоял мат, а напившаяся молодежь нередко учиняла пьяные драки, начали преображаться. Человек, заброшенный в эту немислимую "глубинку", как-то приходил в себя и вспоминал об оставленных где-то на Западе формах общения и вообще о цивилизации.

Второе звено нашего ансамбля работало в разговорном жанре. Драматическая труппа ставила советские пьесы, нередко с музыкальным сопровождением. Это были пьесы из жизни колхозников, рабочих-сталеваров, рабочих легкой промышленности, из жизни чекистов, моряков, ученых (физиков, химиков, мичуринцев, лысенковцев) и т.д., и т.п. Писатели и драматурги,

писавшие эти пьесы, как бы распределились по ведомствам и каждый трудился, разрабатывая собственную золотиносную жилу. Но сюжеты были как две капли воды похожи друг на друга и развивались по одной накатанной схеме, например: он любит ее, она любит его. Но он (она) недооценивает новый сорт яблок, выведенный прогрессивными мичуринскими селекционерами, или новый способ разлива стали, или новый способ выдергивания зубов (в пьесе из жизни зубных врачей). Конфликт назревает и все – разрыв! Финал первого акта. Во втором акте в драму вмешивается местком или симпатичный секретарь парторганизации. Общественность (простак, субретка) всякими хитроумными способами способствует сближению влюбленных, в ходе чего, и это главное, утверждается прогрессивная идея пьесы. В конце второго, а иногда и третьего акта герои, наконец, бросаются друг другу в объятия. Председатель месткома или парторг соединяют их руки. Заодно уже женятся также простак и субретка, которые на протяжении всего действия, оказывается, тайно любили друг друга. На сцене для пущего смеха фигурирует и комический персонаж – чудака-академик в ермолке, с козлиной бородкой или колхозник, “идуший в коммунизм” дед (Еремей, Пантелей, Пахом). Все они в финале подымают бокалы за новобрачных и, конечно же, за новую счастливую жизнь.

Откровенно говоря, ни мы сами, ни зрители не замечали пошлости подобных пьес, ибо они являлись в известной мере отражением пошлости и убогости повседневной жизни.

Хорошим концертным номером являлись также выступления Юры Ярославского. Он прекрасно читал “Страну Муравию” и “Василия Теркина” Твардовского, стихи Константина Симонова.

Яркой личностью в ЦАБе был Асир Сандлер. Он умел радоваться жизни, даже имел десять лет срока, и вообще воспринимал действительность романтически. Его конференции, репризы всегда искрились юмором и отличались хорошим вкусом. Он писал стихи, которые расходились в рукописях и пользовались в лагерях широкой известностью. В частности, многие знали

“Балладу о баланде”, сочиненную им в содружестве с Н. Заболотским и еще одним поэтом, которого он в своей книге “Узелки на память”, изданной в Магадане (1988 г.), именует “Тедди”. Мне запомнился экспромт Асира по поводу выпитого однажды одеколona. Нет, он не был алкоголиком, но такое по молодости лет с ним, да и не только с ним, в тех условиях случалось:

*Спасибо за одеколон,
Который внутрь употреблен.
Поэт не может без вина,
Но это не его вина.*

По-моему, это четверостишие очень характерно для Асира. Я, Турган, Соколов-Островский иногда в шутку называли его лагерным Беранже.

Весьма дружественные отношения возникли у меня с профессором Турганом. Мы вели с ним долгие разговоры на близкие нам темы. Он вспоминал Париж, профессоров Парижской консерватории Бушери, Луи Капэ, у которых учился; я – Одессу и моего учителя, знаменитого профессора Петра Соломоновича Столярского. Оказалось, что когда-то в Таллинне я и он начинали заниматься на скрипке у одного и того же педагога – профессора Йоханнеса Паульсена, только с разницей во времени, поскольку Турган был старше меня лет на девять–десять.

Вообще, надо сказать, что музыкальная культура Эстонии была во многих отношениях удивительным явлением. Все знают знаменитые праздники песни, выдающихся певцов Тийта Куузика, Георга Отса. Менее известно, что эта маленькая страна выдвинула в 30-х годах целую плеяду отличных скрипачей. Они были учениками профессора Паульсена, но не только. Эстонские скрипачи учились за государственный счет за рубежом. В этой связи можно назвать лауреата Брюссельского конкурса имени Э.Изаи (1937 г.) Антона Аумере, будущего ректора Таллиннской консерватории Владимира Алумяз, скрипачку Кармен При.

Профессор Эвальд Турган входил в их число. Скрипку он любил до самозабвения. В его даровании преобладало, как мне казалось, скорее рациональное, чем эмоциональное начало, что,

однако, не мешало ему играть пьесы виртуозно-романтического характера. Его “коньком”, в частности, были “Вариации на венгерские темы” Хубая.

Кроме этого, в наших беседах с профессором Турганом нередко затрагивались вопросы общезстетического и даже философского порядка. В частности, я знакомил его с основами исторического и диалектического материализма, черпая свои знания, главным образом, из присной памяти четвертой главы “Краткого курса истории ВКП(б)”. Этот материал, по моим представлениям, давал весьма стройную и общепонятную концепцию сущности человеческого бытия, образовывал теоретический фундамент моих убеждений и вообще покорял своей логикой. Мне почему-то ужасно хотелось, чтобы и Турган восхитился этими замечательными идеями и сделал бы их, подобно мне, своим радостным достоянием. В моем изложении уроки политграмоты выглядели, насколько мне помнится, следующим образом:

– Эвальд, прежде всего, будем исходить из того, что материя первична, а идея вторична.

Не утруждая себя особыми доказательствами этого положения, я бодро продолжал:

– Следовательно, материя – базис, а идея, или вернее, идеальное начало – надстройка. Таким образом, бытие определяет сознание. Отсюда ведут свое начало идеи научного социализма. Раз производство (базис) приняло общественный характер, то и способ присвоения производимого продукта не должен оставаться частнособственническим. Но, – вещал я дальше, – капиталисты никогда не уступят добровольно власть трудящимся массам, рабочим. Значит, неизбежна революция, а затем диктатура пролетариата для подавления эксплуататорских классов. Подобная диктатура мне представляется абсолютно справедливой, ибо это диктатура большинства над меньшинством..., – в моем голосе все больше звучал металл. – Империализм – последняя стадия загнивающего капитализма. Одни все больше наживаются, другие – все больше нищают. Уже дважды в XX веке империалистические хищники бросались друг на друга и все никак не могут поделить рынки сбыта, все ищут

“жизненное пространство”... Пора, наконец, во всемирном масштабе отдать фабрики рабочим, а землю — крестьянам.

Вот мы, например, — ты слушаешь меня, Эвальд, — социализм уже, в основном, построили и живем по принципу: “от каждого по способностям, каждому по труду”. За нами идут теперь народы стран народной демократии. Скоро и они осуществят социалистические преобразования. А там трудящиеся капиталистических стран, увидев, как прекрасно мы живем, свергнут своих буржуев и министров-капиталистов, и весь мир бодро, весело и жизнерадостно начнет строить счастливое коммунистическое общество, идеалом которого станет принцип: “от каждого по способностям, каждому по потребностям!”

Вот так, или примерно так, я излагал Эвальду Тургану свое кредо, некоторые заповеди своей веры.

— Георг, я слушаю тебя и не могу понять, почему ты сидишь здесь, с нами. По-моему, ты должен быть в первых рядах строителей этих новых замечательных общественных отношений. Честно говоря, я мало что в этом понимаю. Поэтому давай переведем разговор на другую тему. Помогите мне в изучении русского языка. Я часто слышу в женском бараке удивительно красивое слово “lahudra” (лахудра). Оно звучит почти по-испански. Объясни, пожалуйста, что оно значит?

Ну, что я мог ответить Эвальду? Я понимал только, что весь мой запал, все мое красноречие пропадали даром. Было обидно. Мне тогда в голову не приходило, что, поскольку “бытие определяет сознание”, Турган в условиях Ванинской транзитки не был готов к восприятию светлых идей марксизма-ленинизма.

К концу 1948 года эти условия значительно ухудшились. В лагерь пришел этап, в котором была сотня или более того “несправедливых сук”. Их возглавляла какая-то уголовная знаменитость по кличке “Профессор”. От наших “справедливых” сук они отличались тем, что у каждого было пять-шесть “рубов”, то есть убийств, два или три срока по 25 лет. Никаких законов — воровских, сучьих — они не признавали. Для “несправедливых сук” убить человека — фраера, вора, суку, начальника — было все равно, что высморкаться. Терять им было решительно нечего. Они немедленно объявили смертельную

войну до той поры царствовавшим на транзитке “справедливым сукам” и во всех ее зонах началась резня, повальные грабежи этапов, поступавших каждый день из европейской части СССР и из “стран народной демократии”.

Лагерь был объявлен на военном положении. ЦАБ перевели с транзитки в недавно организованный Портовый лагпункт. Раньше там жили японские военнопленные. Командованию явно было не до нас. Оно умирало взбесившихся сук. Из транзита то и дело раздавались автоматные очереди...

И тут пробил, наконец, долгожданный час моего освобождения. Я первым среди моих коллег уходил “на волю”, ибо у меня, кажется, единственного было семь лет сроку; остальные, увы, имели по червонцу. Они еще успели загреть на Колыму, но, как писал Асир Сандлер, “... прибыли туда с именем – колымское начальство знало, что едет готовый ансамбль, и всех распределили по управлениям в культбригады ...”¹. Для моих коллег звонок прозвенел в 1952 году.

ЭПИЛОГ

Еврейская пословица гласит, что и в несчастье нужна удача. В этом отношении мне посчастливилось: прежде всего, я дожил до освобождения, то есть в почти безвыигрышной лотерее мне достался (примерно один на сто тысяч) счастливый билет. Затем, слава богу, я никого не оклеветал и никому не принес несчастья. Самому мне тоже удалось избежать второго лагерного срока. Но, разумеется, все это не более, чем случайное стечение обстоятельств.

Я шел на свободу, правда, весьма относительную. Еще оставалось три года поражения в правах. В паспорте ставилась отметка “-39”. Это означало, что мне не разрешается жить в тридцати девяти городах нашей великой Родины. Сюда входили Москва, столицы союзных республик и все областные центры. Но мне такие вещи уже казались пустяками.

¹ Сандлер А. Из записок реабилитированного// Собеседник. 1987. № 43 (октябрь).

Итак, прощайте, друзья, прощай, Бухта Ванина, прощайте ЗУРЫ, карцеры и БУРЫ. Мне было 27 лет и впереди оставалась целая жизнь.

С тех пор прошло полвека. Многие годы мы переписывались с Вовочкой Вавржиковским, так и оставшимся на всю жизнь в Магадане. Он работал дирижером в Магаданском музыкально-драматическом театре. Разумеется, после XX съезда КПСС был реабилитирован, мечтал выбраться на материк и под конец жизни все-таки сумел переехать в Ялту. Но перемена климата роковым образом повлияла на его здоровье. Вовочка писал мне в своем последнем письме, что он плохо чувствует себя в Крыму и с тоской вспоминает прозрачное северное небо Кольмы и пока еще незамутненные воды сурового Охотского моря. В конце 1988 года его не стало.

Эвальд Турган прожил в Магадане до середины 50-х годов, после чего тяжело больной туберкулезом легких и горла возвратился в Эстонию, где вскоре скончался. В 1981 году я побывал в городе моего детства в связи с тем, что Таллиннская консерватория являлась ведущим учреждением при экспертизе моей диссертации. Эстонские педагоги никак не ожидали, что соискатель ученой степени кандидата искусствоведения из Сибири будет свободно говорить с ними на родном языке, и были глубоко взволнованы, когда я им кратко описал обстоятельства моего знакомства с профессором Турганом. Мне подарили книгу, выпущенную по случаю юбилея Таллиннской консерватории. В ней было упомянуто и имя эстонского скрипача.

В середине 70-х годов я в очередной раз был в Москве проездом в ЧССР, где выступал с лекциями на Международных курсах высшего исполнительского мастерства. Зайдя в закусочную ресторана "Прага", как обычно, встал в очередь. Вдруг какой-то рослый дядя бросился ко мне:

- Жорка, сосиска проклятая, ты ли это?

- Вадим! Откуда ты взялся?

Да, это был тот самый Вадим Брахман, с которым у нас некогда была одна пара штанов на двоих и который играл на четвертом участке Орской ИТК № 3 роль юного лейтенанта в гу-

севской пьесе "Где-то в Москве". Теперь "где-то в Москве" мы встретились. Оказалось, что он работает тут же, на проспекте Калинина, чуть ли не начальником главка какого-то министерства. Он с гордостью показывал мне свой роскошный кабинет, потащил домой. Увидев меня, чуть не упала в обморок его жена, Верочка, тоже бывшая лагерница.

Мы сидели допоздна, вспоминали Орск, нашу горькую молодость. С тех пор мы неизменно встречаемся, когда я бываю в Москве, и до сих пор обмениваемся поздравительными открытками, сообщая друг другу, что мы еще живы.

С Асиром Сандлером мы вошли в контакт только в 1987 году. Он прислал мне свою книжку, опубликованную в Магадане, — "Узелки на память", — в которой, среди прочего, описывает Бухту Ванина и упоминает скрипача Жору Фельдгуна.

Изредка получаю из Калинина письма от художника Прохора Сокуренько.

Где-то в разное время встречался с ударником Аликом Шпильманом и тубистом Васей Ворожейкиным.

Вот и все те немногие, кому посчастливилось остаться в живых и дожить до наших дней.

Февраль—июнь 1989

Новосибирск

С.И. Панфилов

ТРИ РАССКАЗА

ПЕРЕХОД

Судьбы человеческие. Странное, порой необъяснимое хитросплетение жизненного пути. Встретишься с человеком, выслушаешь его исповедь, примешь в свое сердце чужую боль и радость. А потом – в ночной тиши – мысленно прокрутишь рассказанное и спросишь сам себя: почему жизнь прожита человеком именно так, а не иначе? Подумаешь и не найдешь ответа. Было.

Николай Николаевич Рубцов (фамилия по отчиму) родился 15 июля 1918 года на станции Пограничная – в Манчжурии. Родители – матушка и батюшка – приехали из Черниговской губернии на освоение Приморья. Здесь и встретились, и полюбили друг друга. Любовь привела их под венец. Православный батюшка соединил их руки пред ликом Пресвятой Троицы. Мир да любовь.

В 1897 году началось строительство КВЖД. Семейство собралось и поехало на заработки. Отец вначале работал составителем поездов, потом на таможне. Матушка вела домашнее хозяйство да рожала детей. Восемь человек подарил им Господь. Среди них – Николенька.

А в России полыхала гражданская война. Шло кровавое братоубийство. Белые, красные, зеленые, большевики, кадеты, эсеры и прочая, и прочая накипь разрывала тело бывшей Российской империи на части. Наконец, определились победители – большевики. Остатки белых армий отступили в Китай.

До 1924 года КВЖД подчинялась советскому правительству. Но в 1924 году Китай предъявил на дорогу свои права. Поэтому предстояло сделать выбор – какое принять подданство: советское или китайское. Родители остались под советской юрисдикцией. Правда, это не спасло семью от трагедии.

Случалось так, что отец легально с пропуском переходил границу – пробирался к родственникам, которые жили в пограничной деревне Поповка. До 26-го года все его переходы были удачны. Но однажды отца достала беда – он столкнулся с пограничным разъездом.

– Стой! – закричал старший наряда.

Отец остановился.

Пограничники обступили его со всех сторон.

– Кто такой? Откуда?

Отец мотнул головой в сторону Китая.

– Контрабандист!

Отец начал отнекиваться, но старший злобно рывкнул:

– Знаю я вас, чертей! Сделаем так: проводишь нас до границы, покажешь, где у китайцев маковые поля.

– Да не знаю я ни про какие маковые поля. Не привязан я к этим делам. Прошу вас, умоляю, отпустите меня с миром. У меня восемь душ детей сидят по лавкам.

– Так, так ... – старшой нахмурился, – ладно, считай, что ты арестован.

– Руки за спину. Вперед – марш!

Отец заложил руки за спину и, не подозревая о худом, побрел вперед.

Есть у чекистов прием: сделать побег. Конвой остается стоять на месте, а обреченный идет навстречу смерти. Шаг, другой ...

Отец услышал выстрелы, толчок, страшная непереносимая боль и – падение в черную бездну.

Но недолго Николай – с братьями и сестрами – прожили на сиротском положении. Вскоре – матушка вышла замуж за кап-пелевца – Николая Максимовича Рубцова. От советского подданства пришлось отказаться. Рубцов – белогвардеец, монархист, участник боев против красных, ненавидел советы всей душой, страстно. Коммунисты – могильщики Православной России. Поэтому: анафема им – бесам – анафема.

До 1929 года прожили на Пограничной. Худо-бедно, потихоньку налаживали скромный быт. Но – пришла новая беда.

В 1929 году разыгрался конфликт на КВЖД. Советские самолеты обрушили на Пограничную мощный огневой удар. Тогда-то Николай узнал, что такое война. Рев самолетов, свист бомб, страшные разрывы, огонь, пожирающий дома, — холодным ужасом вполз в детское сердечко.

Рубцов боялся, что станцию захватят красные. Не хотелось капцелевцу попадать в руки советских. Поэтому — один выход: бегство.

Переехали на станцию Имяньпо. Большой железнодорожный узел. Проживало много русских эмигрантов. Была церковь, гимназия, в которой преподавали дворяне. Русские, волею судьбы изгнанные из России, старались сохранить и воссоздать на чужбине — привычный, любимый и так мало (к несчастью) хранимый — быт.

Гимназисты получали дневник, в котором на первой странице был напечатан гимн Российской империи — “Боже, царя храни!” На второй странице — “Коль славен наш Господь в Сионе”. Изображен русский флаг, стихотворение о флаге. А также — мораль русского человека. Своеобразный кодекс чести.

Требования к гимназистам предъявляли повышенные. Билет в кино им продавали по предъявлении дневника успеваемости. Кассир внимательно изучал страницы и, если не было замечаний, то выдавал желанный билет на просмотр кинокартины!

— Пожалуйста, молодой человек! Вы честно заслужили право на развлечение.

Кроме того, обучение в гимназии было платным. Поэтому Коле Рубцову не пришлось изучать ни физики, ни химии. Грамоту он освоил впоследствии частным порядком. А пока — пришлось потрудиться физически, зарабатывая хлеб насущный. Рубцов открыл кузню: ремонтировали телеги, ковали лошадей, делали новые колеса. Пришлось Коле качать мех, махать кувалдой.

В 1931 году ребята-сверстники предложили Коле:

— Вступай в наш отряд скаутов.

Существовала в эмиграции такая организация, чем-то напоминавшая советских октябрят и пионеров. Названия различались. В Союзе – октябрята, в Китае – у эмигрантов – волчата. В Союзе – пионеры, в Китае – скауты.

В скаутской организации было три разряда, по степеням посвящения. Сначала ты проходил стажировку. Изучал устав. У каждого разряда – свой. В уставе перечислялись обязанности, которые должен выполнять скаут. Помощь ближним, уход за больными и многое другое, которое можно выразить одним словом – гуманизм.

При приеме в скауты ты должен прочитать устав наизусть перед строем. И если братья решали, что ты достоин, то тебя зачисляли в отряд, присваивая третий разряд. Высшим был первый разряд – мастер-скаут.

Каждый разряд имел свою форму: гимнастерка с погончиками, шорты, галстук, пилотка. Что-то, напоминающее военную форму. Как тут не загореться мальчишескому сердцу? Пристал к отчиму.

- Дядя Коля, позволь вступить в отряд.
- Зачем тебе?
- Дядя Коля, хо-о-чется!

Поехал дядя Коля в Харбин, привез из поездки подарок – скаутский костюм. Вступай, милый!

Но недолго Коля тешился скаутской романтикой. В 1931 году началась война между Японией и Китаем. Самураи оккупировали Манчжурию. Снова – тревога, снова – скорбь.

В Харбине жила Колина старшая сестра Маруся. Рубцов отвез мальчика на время к ней. Устроили его в парикмахерскую – прислугой. Обязанности просты: встречать клиентов, принимать пальто и шляпу ... В общем, прислуга.

Но закончилась война. Вновь Рубцов открыл кузню. Понадобился подмастерье. И Коля вернулся на станцию Имяньпо.

В 1935 году появилась возможность зарабатывать хорошие деньги. На станции Яблоня работала японская лесозаготовительная концессия “Кондо”. В сторону тайги была проложена 120-километровая железнодорожная ветка, по которой вывози-

ли лес. На 30-м километре стояла станция. Фактически – полностью русский поселок. На этой станции менялись машинисты. Сюда же подвозили на своих лошадях лес – шпалы, бревна. Работа была тяжелая, но денежная. В день можно было заработать около восьми рублей. А раньше на такую сумму – месяц живешь на квартире да еще столуешься.

– Поедешь, Коля, попробуем подзаработать, – предложил Рубцов, – глядишь, разбогатеет.

Поедем, так поедем.

Работа шла сезонно. Зимой вывозили лес, а летом заготавливали корм для лошадей. На станции скапливались сотни телег, лошадей. Китайские кузнецы не справлялись с работой. Да и не умели они так ловко и складно, как русские ковахи, починить колесо, подковать лошадь.

Поработали Николай с Рубцовым на вывозке леса. Благо – своя лошадь. Да захотелось ему – помимо вывозки – заняться привычной работой: молотом в кузне грохать. Сказано – сделано. Потрудились и перевезли свою кузню из Имяньпо на 30-й километр. Паши – не хочу.

На 30-м километре проживало много русской молодежи. Объединяла их монархическая организация с романтическим названием – мушкетеры. Политикой мушкетеры не занимались, больше уделяя внимания личному совершенствованию. Проводили сборы, занимались спортом, устраивали вечера отдыха. Продукты и вино покупали за свой счет. Выступали с концертными номерами, танцевали. На вечера приезжали богатые люди. Они делали крупные пожертвования. часть денег шла на церковь, часть для детей, учащихся в гимназии.

На вечерах заходили разговоры о России. Многие мечтали попасть на родину. Правда, они не представляли истинного положения вещей. Не хотели думать о том, что Россия уже не Россия, а Советский Союз. Что на первом месте там стоит идеология, превращавшая человека в винтик гигантской машины. О, молодость! О, наивный и опасный романтизм!

В 1936 году Николай ушел работать на паровоз кочегаром. Рубцов скончался в 1937 году. После отпевания – он был похоронен на русском кладбище.

Русская эмиграция отличалась большой любовью к Православной церкви, видя в ней связующую ниточку с такой близкой, но утраченной родиной.

Светло и радостно справляли православные праздники. Рождество. Еще на улице не развиднялось, темное звездное небо, но под окнами уже журчат серебряными ручейками детские голоса. Пришли первые визитеры – дети – славить родившегося в мир Спасителя.

– Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия миру свет разума.

Гремели запоры, растворялись двери:

– Входите, дорогие дети! Поведайте нам о Царствии Небесном!

Следом приходили взрослые – дворник, почтальон, участковый. Гостей встречали хозяева:

– С Рождеством Христовым!

– Спаси, Господи!

– Примите, люди добрые, на разговение наше угощение!

Подносили на тарелке рюмку водки и закуску.

Три дня стояли в горницах накрытые столы. С Рождеством Христовым! Слава Тебе, Боже наш!

На Пасху – тепло, сухо. После богослужения все идут веселые, радостные.

– Христос воскрес! Воистину воскрес!

На полянах – качели. Накрытые столы. Катают крашенные яйца. Играют в лапту. И над землей – до поздней ночи – колокольный звон.

Так летели годы эмигрантского житья-бытья. Худо-бедно дотащились бы до могилы и нашли бы упокоение в земле Китая. Но судьба сулила иное. 1 сентября 1939 года началась Вторая мировая война. Битва гигантов.

В марте 1943 года Николая призвали в Манчжурскую армию. В Манчжурии проживало несколько национальностей: китайцы, русские, японцы, монголы, корейцы. Каждая национальность обязана была рекрутировать определенное количество

во молодых людей в национальные части. Командовали всем японцы.

Николая отправили служить в русский кавалерийский отряд, который базировался на станции Сунгари-2. Он охранял железнодорожный мост через реку. Квартировали кавалеристы в добротных казармах, которые построило царское правительство. Начальником отряда был полковник Смирнов – бывший офицер белой армии. Во время прохождения службы Николай закончил унтер-офицерскую школу. Демобилизовался он в июле 1945 года.

Вернулся на 30-й километр. Но недолго наслаждался положением штатского. 8 августа СССР объявил войну Японии. Советские воинские формирования перешли границу, ведя наступление. Японцы объявили мобилизацию. Русские эмигранты не хотели сражаться против земляков. Командиры отказывались выполнять распоряжения японцев-офицеров. Многие заплатили за это своей жизнью.

На станции Хайлар стоял русский казачий полк. Началось наступление Советской Армии. Командира полка Пешкова и офицеров пригласили в японскую военную миссию. Казаки, не ожидавшие никакого подвоха, вошли в кабинет. Офицер-японец сказал:

– Вы направляетесь вместе с полком в зону боевых действий. Вам оказана большая честь – сражаться против Советов во славу японского императора!

Казаки переглянулись:

– Не глянется нам такая честь, господа хорошие.

– Значит, вы отказываетесь подчиниться приказу?

– Отказываемся.

– Хорошо. Вы арестованы!

Под конвоем вывели во двор и расстреляли. Казачки же, когда узнали о трагической гибели своих командиров, разбежались кто куда. Плевать на японского императора – своя рубашка ближе к телу.

Николая призвали на службу. Собрали пятнадцать человек и отправили в город Ханьдаохэдэи. Там формировались два

отряда из русских эмигрантов. Не глянулось русским воевать против русских. И вот офицеры порешили: собрать население поселка, запастись продуктами питания и ночью уйти в тайгу. Как задумали, так и сделали.

13 августа ушли в лесные дебри. Все прошло благополучно. В тайге разбили поселок. Военные охраняли мирное население. А 18 августа в Ханьдаохэдзы вошла Советская Армия. Когда таежники проведали об уходе японцев, то вздохнули с облегчением: Советы пришли. Думалось, что — свои!

Вернулись беженцы в город, пришли в комендатуру, сдали оружие.

А в город все подходили и подходили боевые части армии Рокоссовского. Много было среди солдат оторви-голов. А город лежал перед ними беззащитный, поверженный, богатый. Чего только в нем не было: базы, склады, магазины, винный завод, на территории которого стояли цистерны со спиртом. Все рядом — только руку протяни. Началось повальное пьянство. Алкоголь разжигал похоть, хотелось — ломать, крушить, грабить и баб. За женщинами пошла охота. Их отлавливали, словно куропаток. К жертве выстраивалась очередь. По ночам же гремела стрельба. Хорошо, что пожаров не было. Продолжалась эта вакханалия до 30 августа. В этот день в городе появился СМЕРШ.

Заходили по эмигрантским квартирам посыльные. Выясняли: кто живет? Есть ли молодые мужики? Да приглашение не забывали оставить: приходите в здание военной миссии для беседы.

И потянулись к своему узилищу будущие каторжники. С приходящих снимали пока легкий допрос: кто? как жили? чем занимались?

Дня через три собрали мужчин-эмигрантов со всего города, и советские офицеры провели с ними что-то вроде политбеседы. Охота вам в Россию? Да! Тогда поживите пока всем гуртом в здании бывшего склада. А там — на родину!

Удивительно, что взрослые люди с такой легкостью попались на крючок. Склад, в котором жили эмигранты, практически не охранялся. Можно было уходить в город. Но никому не приходила в голову спасительная мысль: опасность! бежать!

Николай в свободное время бродил по брошенным японским квартирам. Наступал сентябрь. В складе было очень холодно. Спать приходилось на полу, на голых досках. Протрясешься всю ночь, словно эпилептик, и не выспишься толком. Находил Николай брошенные японцами вещи. Собрал две шубы, одеяла, кое-какое белье. Взял матрасовку, пришил к ней ляжки, и получил рюкзак. Набил его Николай доверху трофеями. Спать по ночам стало веселей.

5 сентября построили обитателей склада в колонну. Объявили:

– Идем в город Мудяньцзян. Вперед!

Вели под конвоем. Шли налегке. А Николай забросил за спину матрац с вещами – подавай Бог ноги. Соколонники посмеивались над бурлаком. Но в дороге прихватила ночь. Расположились на ночлег возле речки. Николай укутался шубами, словно медведь валежником, спал до утра без просыпа. А те, кто смеялся над ним, проохали до утра. Вот тебе и смех. Утром пошли дальше. Мимо проходили пехотные части, пронеслись танки. Внезапно одна “тридцатьчетверка” остановилась. Из люков высунулись пьяные танкисты.

– А-а, фашистов гонят! Сейчас мы их пощелкаем!

Танковая башня медленно повернулась, и пушка уставилась на колонну мертвым взглядом. Хана. Но вперед вышел капитан конвоя.

Танкист пьяно заорал:

– Капитан, отойди в сторону!

Но капитан вскинул автомат и прицелился в лоб горлопану. Танкист нырнул в люк и “тридцатьчетверка”, взревев по-медвежьему, тронулась дальше.

Колонна облегченно выдохнула. Спасибо капитану. Защитил от гибели.

Больше приключений не было. В Мудяньцзяне определили на постой в здание клуба. Возле дверей сидел конвоир. Но вход-выход был свободным. Приходили советские офицеры, успокаивали:

— Скоро поедете на родину. Вот придет приказ из Москвы — и в путь! Наберитесь терпения.

И ребята терпели. А пока — суд да дело — водили их на работу — сколачивать ящики для трофеев. Тянулись однообразные, серые, словно мыши, дни. Вот и сентябрь приблизился к финалу.

Наконец, в один из дней началась суета. К зданию клуба подкатил грузовой “студебеккер”. Конвойные забегали, закричали:

— Собирайтесь. Первая партия — выходи грузиться!

Набились отъезжающие в кузов до отказа. Закрыли конвойные борт. Грузовик тяжело тронулся с места. Долго смотрели вслед оставшиеся. Какое-то щемящее чувство грусти заползало в сердце. Что там впереди?

На следующий день приехали забирать остальных. Возбужденные предстоящим отъездом люди с любопытством спрашивали солдат:

— Ну, как там наши ребята устроились?

— О, — отвечали с легкой усмешкой конвоиры, — устроились — лучше некуда. Живут они в гостинице, каждому отдельная койка, все удобства. На этот счет можете не беспокоиться. Будете всем обеспечены с лихвой!

Ребята слушали, затаив дыхание. Сладкая ложь, сказанная убедительно, успокаивала. Хотелось верить в лучшее. И поверили.

— Ура! — вырвался вопль из радостных глоток. — Мы едем на родину! Долой все китайское!

В воздух полетели китайские деньги, запасная одежда. Люди вели себя, как одержимые. Николай стоял в сторонке со своим самодельным рюкзаком. К нему подошли.

— Николай, не будь глупцом. Бросай свою матрасовку! Скоро будем дома.

Николай усмехнулся.

— Вы хотите спать на советских простынях — ваше дело. А я лучше буду спать на японских шубах.

Погрузились. Поехали. Вот и китайская граница осталась позади. Ура! Мы – дома! Приедем на место – гречки наедемся от пуза.

Добрались до станции Городсково. Студебеккер тормознул. Солдаты отворили кузов.

– Выходи!

Куда только девалась былая добродушность. В голосе зазвенели стальные ноты. Ребята выпрыгивали из кузова, оглядывались. Куда их занесла судьба? Одно-, двухэтажные деревянные дома. Солдатские казармы, выстроенные при царском правлении. Не успели еще толком прийти в себя, как раздалась команда:

– В помещение – вперед!

Распахнулись двери одноэтажного дома. Солдаты командовали:

– Быстрее, быстрее!

Зашли в помещение. Голые стены, голый пол. Возле дверей – печка и параша. Подумалось невесело: "Где же ваши простыни?"

Николай бросил на пол рюкзак, распаковал. Подозвал близких знакомых:

– Разбирайте, пока добрый.

Началась новая жизнь По распорядку. Кормили один раз в день: 400 граммов хлеба и каша, сваренная из чумизы (пшено). Водили на работу в совхоз Настроение, конечно, переменялось. Нет-нет, кто-нибудь украдкой вздохнет: да что же это?

А тут – новое испытание. Стали по ночам таскать на допрос. Час, два ночи. Вдруг открывается дверь и строгий голос ныряет в затаившуюся камеру:

– Такой-то, на выход!

Допрашивал младший лейтенант Баранов. Конвойный уже не миндальничал.

– Руки за спину! В случае побега – стреляю без предупреждения!

Младший лейтенант Баранов сидел за столом. Напротив – табуретка. На нее садился допрашиваемый. Начиналась обычная процедура:

– Фамилия? Имя? Отчество? Где родился? Когда?

Снималась полная автобиография. Многие – по простоте душевной – начинали откровенничать со следователем. А тому – только этого и надобно. Один из наивных – Игорь Бержицкий – разговорился:

– Я – патриот своей родины! Гражданин следователь, я чистосердечно расскажу вам, чем я занимался, проживая в Китае. А потом поясню, почему я этим занимался.

Младший лейтенант усмехается:

– Давай, выкладывай.

Исповедник старается, живописуя факты своей биографии. Когда он заканчивает рассказ о том, что делал, и собирается объяснить – почему он это делал, то следователь немилосердно обрывает:

– Почему делал – теперь не важно. Главное – что делал!

Попал на допрос и Николай. Младший лейтенант Баранов начал выматывать из него душу. Подводил к тому, что он – Николай Рубцов – активный враг Советской власти. Писал протоколы допроса, потом давал на подпись. Николай прочитывал и говорил:

– Нет, я этого не подпишу. Здесь – все ложь.

Баранов изменялся на глазах – лютел. На голову Николая обрушивались крики, мат.

– Подписывай, гаденьш!

– Нет.

Следователь рвал протокол допроса и писал новый. Но Николай стоял на своем: не подпишу, и все!

Однажды, когда он препирался с Барановым, отказываясь подписать протокол допроса, в комнату вошел капитан. Он добродушно посмотрел на Николая и сурово сказал Баранову:

– Что ты, младший лейтенант, орешь на парня? Я по лицу вижу – парень хороший. Как звать?

– Николай.

— О, да у тебя красивое имя. Сейчас мы с тобой, Николай, побеседуем по-доброму.

Капитан садится на место Баранова и продолжает допрос. Но, что младший лейтенант, что капитан, — суть одна. Пытаются доказать: враг ты, Николай Рубцов, хоть и красивое у тебя имя.

Опять написана куча листов, опять приказ:

— Подпиши!

Николай говорит:

— Да тут же все ложь. Не буду!

Капитан открывает свою капитанскую пасть, и фонтан мата окатывает Николая.

Внезапно в комнату входит громадный детина с револьвером в руке и говорит, обращаясь к капитану:

— Да что вы с ним возитесь? Дайте я пристрелю этого гада! И дело с концом!

И заходит со спины. Капитан кричит ему:

— Брось, не надо. Он подпишет показания.

И подает Николаю бумагу. А Николай снова решительно отказывается.

— Ах ты, сволочь!

Детина, стоявший за спиной, врезал со всего маху Николаю по уху. Он вместе с табуреткой улетел к стенке. Из рта, ушей, носа побежала кровь. Николай на мгновение потерял сознание. Когда пришел в себя, то понял, что оглох на одно ухо. Детина перебил ему барабанную перепонку.

Бросили ему мокрую тряпку:

— На, утрись. Пойдешь в камеру, и не дай Бог, если кому хоть слово скажешь про случившееся. Получишь пулю в лоб. Иди и замри. Понял?

А Николай уже не тот. В душу закрался страх.

— Понял, — ответил.

Подошел декабрь. Как-то устроили заключенным баню. А вечером в камеру вошла комиссия из пяти человек военных. Спросили:

- Вас в баню водили?
- Да.
- А белье прожаривали?
- Нет.

Они ушли. А через мгновение в камеру ворвался начальник:

- Жаловаться? Сейчас я вас прожарю!

Товарищ Николая Георгий шепчет ему:

- Николай, тут подвох. Белье не отдавай.

Забрали у арестантов белье. Минут через пятнадцать вернули. А оно все мокрое. Вот это прожарили.

Часов в двенадцать ночи открылись двери камеры, и привычный мат хлестнул арестантов:

- ..., собирайтесь, выходите с вещами!

На улице - ветер, мороз. Собаки лают, конвоиры матерятся.

- Разобраться по пять, так-растак! Шаг влево, шаг вправо - считается побегом, стреляем без предупреждения!

Пересчитали колонну, тронулись.

По колонне пробежал испуганный шепоток:

- Куда ведут? Куда ведут?

Кто-то угрюмо буркнул:

- На расстрел!

В душе что-то оборвалось. Неужели?

Подогнали колонну к железной дороге. На путях стоял железнодорожный состав. Вагоны для перевозки скота.

- Загружайся!

Маленько полегчало. Все-таки - жизнь.

В вагоне - слева и справа - нары, наверху - нары, в углу - параша, две железные печки. Возле них - отсыревшие дрова и уголь.

Вагон, конечно, нетопленный.

Вагон забили доверху. 130 человек. Спать пришлось по-сменно. Кое-как разобрались, устроились. Поезд тронулся. Выбрали двух старост.

- Ну что, ребята, надо печки топить. У кого есть спички?

Какое там — спички. Зекам спичек иметь не положено. Идет поезд, колеса постукивают на стыках рельсов. Темень вагонная, словно в пещерах. А если жизнь пошла, как в первобытнообщинном стаде, то и огонь надо было добывать по-пещерному. Обстругали две палочки, достали дощечку и вату. Начали катать, сменяя друг друга. От трения задымилось дерево, появились искорки. Подкладывали вату, осторожно дули: зажгись, зажгись. Загудело пламя в печах. Жить стало веселей.

Поезд шел медленно, подолгу стоял на станциях. Когда распахивались вагонные двери, то взгляд невольно убегал на волю, ища ответа на вопрос: какая станция? Что за люди? Как живут? Обычно видели бедноту: женщины в телогрейках, дети бегали с котелками, прося что-либо из съестного.

Морозы в те дни стояли страшные. Кроме холода, стали мучить бедную плоть два врага: жажда и голод. Паек и воду выдавали, но ужасно мало. Голод еще можно было терпеть, но жажду... Вода, водичка. Вроде бы не в пустыне, а поди ж ты. Кому-то удавалось соскребать со стенок вагона иней. Холодный снежок жажду не утолял. Но люди занимались самообманом.

Через три дня пути появился первый покойник. Старик. Похоже, что пораженное обманом и царящим беспределом не выдержало сердце. Кто-то обобрал усопшего. Сняли все, кроме белья. Три дня лежал труп среди живых. Поплыл сладковатый трупный запах, вселяя в сердца и души страх перед тайной смерти. Наконец, начальник состава — капитан — решил что умерший выполнил свою роль — устрашения — и можно его убрать.

А вскоре появились в вагоне дизентерийные больные — двое страдальцев. На одной из станций попросили конвоиров:

— В вагоне — двое дизентерийных. Пригласите, пожалуйста, врача.

Солдаты посмотрели на просящих, как на пустое место, и, ничего не ответив, ушли.

Обида взяла за горло. Надо что-то предпринять. Собрались люди, стали раскачивать вагон, стучать по стенкам, громко кричать.

Настойчивость протеста привела к успеху. В вагон заглянул военврач с майорскими погонами. Представительный, добрый, вежливо улыбается:

— Ну, что случилось?

В эмиграции привыкли к тому, что офицер — это образец воинского долга и чести. Представительная внешность и показная доброта майора ввели в заблуждение. Эмигранты забыли, в какой стране они находятся. Вагонники окружили майора:

— Помогите, господин майор!

Он улыбнулся:

— Не господин, а гражданин. Помогу, чем смогу!

У кого-то сохранились деньги. Скинулись и вручили пачку майору. Он молча взял приношение и удалился. Ушел и как в воду канул. Поняли тогда, что офицерская честь мало что значит для советских.

Через два дня майор все-таки зашел навестить болящих. Но вместо лекарства принес кусок сала и кусок колбасы для людей, которые оправляются кровью.

— Возьмите! — улыбнулся.

Поняли — издевается майор. А больные, увидев сало и колбасу, затряслись от вожделения. Уговаривали бедолаг:

— Не ешьте. Он вам смерть принес.

Один послушался и остался жив. Другой же не выдержал искушения. Жадно впился во вкусно пахнущее мясо колбасы. Вскоре — он лежал на своих нарах бездыханным.

А путь в бездну продолжался. Охрана часто устраивала проверки. Два-три дня пройдет — входит капитан со своими опричниками. У одного в руках деревянный молоток, у другого — железный крючок. Капитан держит в руках фанерку. Приказывает:

— С левой стороны на правую по одному бегом марш! Ложиться вниз лицом.

А сам отмечает мелком: один, второй, третий... Кто зазевается или покажется, что медленно бежит, тому молотком по затылку или железным крючком по горбушке — не спи! Пересчитают. Потом начинают вагон обстукивать — не прокопали бы

норку, чтобы на волно ускользнуть. Фу-у! Нет, все в порядке! Можно до следующего раза спокойно спать.

А в вагоне маета – то очередь на парашу, то вши начали заедать. Снова очередь, но уже к печке, чтобы вшей на горячей трубе жарить. Все – немытые, небритые, заросли грязью, отпустили бороды. Неуют бытовой, неуют душевный, тоска. Хорошо, что ехал в вагоне православный священник. Утешал он скорбящих пастырским словом. А на Рождество Христово службу правил.

– Рождество Твое Христе Боже наш, возсия мирови свет разума...

Лучик из иного мира проклюнулся во мрак вагонный, согрел на время сердца и души. Многие плакали.

Однажды капитан устроил всевагонный обыск. Должно быть, лукавый подсунул ему мысль: "Люди жили за границей. Богатые, не иначе! Потряси хорошенько – червонцы да золотые безделушки дождем посыпятся."

Вошел капитан с автоматчиками на одной из остановок и приказал:

– Всем лечь лицом вниз!

А потом стал выкликать по одному:

– Петухов!

Подходит Петухов к капитану. Трясется, думает: "Чего ожидать от гада?"

А капитан командует – раздевайся догола!

Сбросил Петухов одежду, стоит голяком. Капитан сидит на табуретке, словно пан, и наблюдает, как его подручные шарят в карманах, прощупывают швы на одежде да подмышки и в задницу Петухову заглянуть не забудут. Ничего.

– Следующий!

Так целый день официальные грабители над людьми измывались. А толку ни на грош. Посмеялся лукавый над капитаном.

Наконец, добрались до места назначения. Тюменская область.

Отворили двери вагонные, кричат:

– Выгружайся, приехали!

Выпрыгнули из вагона. Кто-то идти не может, ослаб за время вагонного сидения, на снег садится. Таких на подводу забрасывали – повезли в лагерь. Остальных построили в колонну по пять человек, погнали своим ходом. Идут, караульные топропят, подгоняют.

– Быстрей, быстрей!

А куда там быстрей, когда на жидком пайке живот подвело и сил поубавилось.

Нет-нет, кто-нибудь остановится, чтобы дух перевести. А конвойный тут как тут. Прикладом по горбу:

– Шагай, пес, не останавливайся!

Дошли с грехом пополам. Вот он – лагерь. Бараки, коллочка. На долгие годы станут околюченные загоны местом обитания заключенного Николая Рубцова.

Вошел он в барак, присел около печки, задумался, а душа словно говорит:

– Приехали, Колька! Жизнь теперь начнется – только держись!

Так без суда Николай Рубцов оказался в заключении.

Лагерь охраняли вольнонаемные. Новоприбывшие спрашивают:

– Сбежать-то от вас можно?

А охранники смеются:

– Попробуйте. Зимой – снега метровые, а летом – болота. Кому охота смерть разыскать – бегите!

Поселились. Лагерное сидение известное – режим. Подъем – отбой. А между ними – высасывающая силы и унижающая человеческое достоинство – система. Работа.

В 1946 году Николая перевели в город Тавда – продолжать следствие. Там находился пересыльный лагерный пункт управления ВостокУралЛяг. Зашел Николай в зону, видит – женщины, дети, старушки с палочками бродят, мужики. Собрали, словно каждой твари по паре.

Начал Николай свое житье-бытье в пересылке. Днем работает, а ночью на допросы ходит. Допрашивает капитан. И удивительно: лагерь другой, следователь другой, а вопросы и запи-

сываемая ложь – те же. Только Николай стал другим. Запишет следователь показания, наврет с три короба, протянет Николаю листки:

– Прочти и подпиши!

Прочитает Николай капитанскую брехню, а желания сопротивляться не появляется. Пообтесался в лагерях. Подпишет молча.

– Идите!

Свалишься на свое место, скорей бы забыться сном. Хоть ненадолго.

Закончилось следствие. Николая оставили в лагере. Зачислили в бригаду плотником. Строила она клуб для персонала из лагерного управления. В свободное от работы время – хотели они культурно проводить свой досуг.

Планировкой клуба занимался архитектор из эмигрантов-харбинцев. Пожилой мужчина, помнивший еще благодатное царское время. Спланировал он клуб, как церковь: купол, зал, сцена. Там, где сцена, – алтарь. Он говорил:

– Советская власть падет – ставь на купол крест и служи.

Сохранился ли клуб-церковь до сегодняшних дней?

Просидел Николай без суда два года и восемь месяцев. Как-то весной на Пасху стали вызывать бессрочников, подобно Николаю, в КВЧ для объявления приговора. Входят зеки в кабинет, а им вместо: "Христос воскрес!" – пятнадцать лет, двадцать лет, двадцать пять. Как в лотерею – какой билетик выудишь.

Зашел и Николай. Старшой зачитывает:

– Николай Рубцов, статья 58, части 4, 6, 11, шпионаж. Срок – пятнадцать лет и до особого распоряжения.

А это значит, что могут набавлять срока до бесконечности. Так-то.

Вечерами в короткие минуты отдыха рассказывали зеки друг другу истории из своей жизни, байки, услышанные на этапах, исповеди страждущего сердца. Вот одна из них.

Пересказал ее Николай Гаврилович Граблин – бывший артист Союза, прослуживший на сцене 35 лет. Он был добрым, располагающим к себе человеком.

– Сидел я как-то в пересыльной тюрьме. Рядом со мной на нарах спал здоровенный мужик. Звали его Григорием. Он был замкнут, молчалив, демонстративно чурался общения с кем-либо. А по ночам я слышал тихие, сдавленные стоны. Стонал Григорий.

Как-то вечером я спросил Григория:

– Что ты стонешь по ночам? Расскажи мне, облегчи душу. А тайну твою я сохранию.

Григорий долго молчал. Сидел, опустив голову. Потом поднял ее и посмотрел мне в глаза:

– Присматривался я к тебе, Николай Гаврилович. Вижу, что мужик ты хороший. Так и быть, расскажу я тебе про свою муку.

Григорий тяжело вздохнул:

– Жил я во время войны на Украине. Работал у фашистов холуем – расстреливал евреев. Рядом с деревушкой, в которой мы стояли, был большой лог. В логу копали глубокие рвы. Когда привозили партию обреченных, то мы шли на дело. Выстраивали бедолаг возле рвов, а потом поливали из автоматов. Добивать я ходил.

Однажды подзадержался после расстрела. Все из нашей команды ушли водку пить. Морозно было. Собрался и я уходить. Вдруг из полумрака выбегает маленькая девочка – еврейка. Пальтишко на ней, на одной ноге валеночек, а другая – разутая. Глазенки напуганные. Увидела меня, протянула ручки, бежит ко мне, плачет:

– Дяденька, спасите меня, здесь убивают!

Дрогнуло что-то в моей душе. Думал, что окаменела. Зверь зверем. А тут. Вместо того, чтобы убить, подхватил я ее на руки, прижал к груди, зашептал:

– Не бойся, милая, не плачь. Я спасу тебя.

Может быть, мне ее Бог послал, чтобы напомнить о вечности. Не знаю.

Прикрыл я ее полусубком, бегу домой. По сторонам глазами зыркаю – не напороться бы на друзей-товарищей. Но – повезло.

Зашел в хату, говорю матери:

– Освободи сундук, девчонку спрячу.

Она запричитала было, но я цыкнул на нее, притихла. Спрятал я девчущку. Но шила в мешке не утаишь.

Встречает меня дружок мой – Вася, улыбается ехидно и говорит:

– Ну что, браток, евреям помогать начал? Сдать бы тебя, гада. Немцы сразу кажут наведут – петлю на шею, и аувидержен. Да жаль тебя. Принесешь мне в обмен на молчание золотишка. Нет – не помилую. Выдам с потрохами.

Сердце у меня екнуло, злоба в груди поднялась, размазал бы гада по стенке. Да нельзя. Свидетели могут быть. Сказал я Васе:

– Хорошо, Василий. Сделаю, как просишь. А пока – пойдем, выпьем.

Зашли мы в хату. Поставил я на стол водку, закуску. Подливаю Васе в стакан, он выпить любит. Окосел немного. Сказал:

– Пойду до ветру.

Вышел он на улицу, а я следом. Темень. Никого нет. Схватил его за шею и придушил, как собаку. А тело в выгребную яму бросил. Знал, что этот навоз никто искать не станет. Дерьмом был и в дерьме потонул.

Что делать дальше? Знал я, что в двадцати километрах есть пасека. Жил там дед-пасечник. Место было глухое. Туда никто не наведывался.

Оседлал я лошадь, взял девочку и погнал махом до пасеки. Зашел в дом, сказал пасечнику:

– Вот, дед, тебе подарок. Храни ее, словно око. А что с ней случится, то перестреляю твоих внуков. Приведу их, покажу тебе и кончу на месте.

Стала девочка жить на пасеке. Привыкла ко мне. Я – к ней. Часто наезжал в гости, привозил еду, играл с девчущкой.

В 1944 году пришли советские войска. Мне удалось скрыться. Закончилась война. Спасенная мной девочка не выходила у меня из головы. Стала родной. Удалось мне узнать ее адрес. Как? Это не важно. Жила она вместе с отцом полковником в Москве.

Приехал в столицу, разыскал дом, в котором она жила, постучал. Открыл мне двери полковник. А за спиной – девочка. Увидела меня, бросилась мне на шею:

– Это мой дядя Гриша!

Григорий застонал, но быстро овладел собой.

– Полковник предлагал мне помощь. Я отказался. Сказал, что повидал роднулю, убедился, что она жива, больше мне ничего не надо.

Поехал из Москвы в Тюмень. Попал под проверку документов. И вот я здесь. Может, Бог меня-то за нее и помилует. А?

Что с ним было дальше – неизвестно.

А время шло.

В лагере случались побегии. Редко, но случались. Однажды удалось бежать старообрядцу Афоне и сыну православного священника. Общее дело объединило двоих, несмотря на разницу вероисповеданий. Ушли беглецы в лес. Пошли за ними в погоню. Афоня – шустрый, охотник, идет ходко, а сын священника начал сдавать. Догнал его собаковод. Сын священника кричит:

– Только не убивай!

– Не убью, не убью. Вперед – марш!

Пошел сын священника, а солдат вскинул винтовку, выстрелил в затылок. Упал бедолага лицом вниз. А солдат побежал догонять старообрядца. А когда вернулись, то убитого на месте не оказалось. Пуля попала в шею и вышла через рот, не причинив беглецу особого вреда.

Взяли его колхозники, когда он вышел из тайги на поля. За поимку беглеца вручали награду, поэтому шло соревнование, кто быстрее. Кому-то повезло. Взяли и Афону.

В 1949 году Николая Рубцова кинули на этап. Строительство железной дороги – БАМ. Станция Торейя. Много он хлебнул горя. Лагерь был строгого режима. Вместо фамилий – номера. Условия работы – тяжелые. Летом заедала мошка. Зимой – морозы.

В 1951 году попал он на станцию Вихоревка. Тот же строгий режим. Охранники ненавидели заключенных. Начальство поощряло:

– Убивайте этих врагов народа!

За убитого при попытке к побегу полагался месячный отпуск, наградные деньги. Сидит конвойный у костра, греется. Подзывает к себе зека и говорит:

– Сходи за дровами, а то костер гаснет.

И рукой показывает.

А зек ему отвечает:

– Куда же я пойду? Там же запретка.

– Иди, сука! – говорит солдат угрожающе.

Идет зек, а за ним по пятам смерть крадется. Выстрел, и зек падает убитым. А охотник получает месяц законного отпуска.

В 1953 году помер Сталин. Пошло послабление режима. В 1954 году Николай заболел кожным грибком. Попал на комиссию по активировке, т.е. досрочному освобождению больных. А перед этим привиделся ему сон, что освободят его из лагеря.

Зашел Николай в кабинет, где заседала комиссия. Разделся. Посмотрели на него врачи, а он размалеванный разными мазями, словно прокаженный. Полистали дело. Сказали:

– Подождите в коридоре.

Вышел Николай за дверь. Подождал результата.

Объявили ему:

– Рубцов, вы активированы!

А это значит, что свобода рядом.

Вскоре Николая Рубцова освободили из-под стражи.

А сон-то пророческим оказался. Слава тебе, Господи.

“Я ПОСТРАДАЛ ЗА ТЕБЯ – ТЫ ПОСТРАДАЙ ЗА МЕНЯ”

Эту историю о репрессированном священнике рассказал мне его сын – Александр Георгиевич Волосков.

Священник отец Георгий (в миру – Георгий Дмитриевич Волосков) родился в 1878 году в крестьянской семье, проживавшей в селе Тамаровка Белгородского уезда Курской губернии. Отец – Дмитрий, мать – Анна.

Дед Александра Георгиевича по материнской линии – Никита Афанасьевич Зинченко был благочестивым человеком. Любил, знал и понимал православное Богослужение. Любил он и ближних, понимая, что человек – это не скотина, не животное, произошедшее от обезьяны, а творение Божие, носящее в себе образ и подобие своего Творца. Когда он видел бредущих по сельской улице нищих, то всегда выходил им навстречу, оделяя щедрой милостыней.

– Спаси, Господи! – благодарили Никиту Афанасьевича убогие.

– Во славу Божию! – отвечал ницелюбец.

Очень он гневался, когда при нем неразумные дети смеялись над нищим калекой.

– Вы что это? – укорял он ребятишек. И, вразумляя, добавлял:

– А вдруг это сам Господь под видом калеки прошел по нашей улице? А вы смеяться. Догоните, подайте ему милостыньку.

Закончил Георгий Волосков сельскую церковно-приходскую школу. Но вскоре пришлось семейству Волосковых перебираться на новые земли – в Сибирь-матушку.

Никита Афанасьевич вместе с крестьянами, выбранными от общества, ездил в Сибирь, чтобы приглядеть свободные земли, годные для поселения. Таковые нашлись неподалеку от губернского города Томска.

Летом 1890 года переселенцы приехали на новое место жительства. Первым делом – начали строить церковь. Никита

Афанасьевич принимал в этом Богоугодном деле первое участие.

Шли годы. Постепенно – с Божьей помощью – село расстраивалось. Взрослел Георгий, входил в силу.

Родители подыскиали ему невесту – Анну Никитичну Зинченко.

Венчали их в православном храме. Батюшка – пред ликом Пресвятой Троицы – соединил руки новобрачных, чтобы шли рабы Божии Георгий и Анна по жизни бок о бок – до самой смерти.

Справляли свадьбу по-православному. Никита Афанасьевич не любил хмельных застолий. Мужчины выпили рюмку, другую, а женщины даже не дотронулись до хмельного. Царил на свадьбе дух благочестия, молитвы. Спаси, Господи!

После свадьбы Георгий поступил на службу в сельский храм псаломщиком. Обладая хорошим голосом, начал петь на клиросе. Батюшка, видя его усердие и ревность по отношению к службе, благословил Георгия руководить церковным хором.

Жили Георгий с Анной душа в душу. Господь благословил счастливый брак богатым потомством. Анна родила десятерых детей. Трое умерло. Выжило два сына и пятеро дочерей.

В 1913 году Российская империя праздновала юбилей – 300-летие Царствующего Дома Романовых. За усердное служение Господу, государю-императору Николаю Александровичу, России Георгий Дмитриевич Волосков был пожалован монаршей милостью – его наградили медалью.

В 1914 году началась война с Германией. Георгия призвали на действительную службу. Зачислили его в пехотную часть.

В одном из жестоких боев Первой мировой войны Георгий попал в плен к неприятелю. Почти три долгих года протомился он в неволе, стойко перенося невзгоды, унижения, которым подвергали его враги. Но духом он не упал, уповав на милость Божию. Надеющиеся на Господа, да не погибнем! Часто он молился Богу, прося Его – Человеколюбца – об освобождении из рук вражьих. Знал Георгий, что о нем помнят на родине, молятся за него.

Его надежды на освобождение не оказались тщетными. Незадолго до Февральской революции немцы поменяли группу русских военнопленных на группу своих солдат. В числе освобожденных был и Георгий Волосков.

Его демобилизовали и отправили домой. То-то было радости, когда дверь дома распахнулась и на пороге встал живой-здоровый отец.

— Тятя вернулся!

Анна прильнула к губам супруга и долго не могла оторваться, умываясь радостными слезами. Повернулась к святым иконам и, осенив себя крестным знамением, низко поклонилась:

— Слава Тебе, Господи!

Вновь стал служить Георгий в церкви псаломщиком. Грянула гражданская война. Сатанинская власть, утвердившаяся в России, начала борьбу с Православием. Во многих местах зверски мучили и убивали священнослужителей.

В городе Томске одного батюшку после мучений связали по рукам и ногам.

— Куда его? — спрашивали садисты старшего.

Он зло усмехнулся.

— Они мечтают попасть в Царство Небесное. Отправьте его туда. Прямо сейчас.

Он мотнул головой в сторону общественного туалета.

Орава одержимых подхватила мученика и сбросила в зловонную жижу. После мучительной агонии он предал душу Господу. Ангелы приняли ее на свои руки и отнесли к Престолу Пресвятой Троицы — Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь.

Правящий Архидиакон вызвал раба Божия Георгия в Томск. Собрался Георгий, поехал. Попал на прием. Владыка говорит:

— Принимай, Георгий, сан.

Растерялся Георгий, попросил отсрочку — подумать, с женой посоветоваться. Владыка отпустил.

Приехал Георгий домой, рассказал жене о предложении Владыки.

Она в слезы: тебя убьют.

Разволновался он, прилег на полати, проворочался до утра.

Под утро забылся и привиделся ему поразительный сон: увидел он чистое, голубое небо, а на горизонте Спасителя в терновом венце, распятого на Кресте.

Георгий думает во сне: "Что бы это значило?" Вдруг на одной перекладине Креста появляется надпись: "Я пострадал за тебя", а на другой: "Ты пострадай за Меня".

Проснулся Георгий и решил быть с Христом на Голгофе — принять священнический сан.

Приехал он в Томск. Вошел в кабинет правящего Архиепера. Владыка его спросил:

— Что, Георгий? Надумал?

Георгий смиренно ответил:

— Надумал, Владыка. Рукополагайте.

Сначала Георгия рукоположили в дьяконы. А потом — в иереи.

Назначил его Владыка служить на приход — в село Юрты.

Приехали, начали обживаться на новом месте. Закончилась убийственная, гражданская война. Пришло время напа.

Отец Георгий — с Божьей помощью — построил для своего большого семейства уютный дом-пятистенок. Разбили возле дома небольшой садик-огородик. Купили лошадь, корову. Жизнь потихоньку налаживалась.

Отца Георгия любили прихожане: за его ревностное отношение к службе, за любовь к Богу и ближним.

Семейство отца Георгия отличалось щедрым гостеприимством. С любовью принимали гостей, привечали странников.

По вечерам из открытых окон дома в фиолетовую мглу проливались тихие, протяжные, духовные песнопения. Сестры, певшие на клиросе, организовали хор из сельской молодежи, которая душой тянулась к церкви.

Но не всем в селе нравилась деятельность отца Георгия. Местные коммунисты-сельсоветчики косо поглядывали на батюшку, поджидая удобного случая, чтобы прищемить его. Скоро такой случай представился.

В село приехал бывший полицейский З-ков. Он устроился на работу в школу заведующим. Село ощущало нехватку в квалифицированных кадрах. Жил он при школе.

Прожил он в селе некоторое время. Старался быть ниже травы, тише воды. Но, несмотря на потаенную жизнь, вскоре попал он в поле зрения органов ОГПУ. Из Тогучина приехал оперуполномоченный, навел о нем справки: кто? откуда? где раньше работал?

З-ков случайно узнал, что им заинтересовались карательные органы. Испугался. Решил отвлечь от себя внимание доносом на ближнего.

Как-то вошел он в сельсовет, обратился к председателю:

— Что же вы, дорогой товарищ, терпите под носом контрреволюцию?

А что такое?

— Да поп наш — отъявленный контрик. Давно за ним примечаю, что вербует он зачем-то молодняк. По ночам свет горит допоздна. Подозрительные личности шастают. Сходки антисоветские — не иначе. Старшая дочь ведет активную пропаганду. Говорят, что на проповеди призывал гражданина Волосков к вооруженному восстанию против нашей дорогой Советской власти. Разобраться бы надо.

Сельсоветчик обрадовался. Достал бумагу.

— Пиши браток. Рассмотрим.

Вскоре отец Георгий стал примечать, что возле его дома начали прохаживаться местные комсомольцы. Значения этому не придал. И напрасно. В дело вступили стукачи.

С одной из таких вечных комсомолок, которых “старость дома не застанет”, разговаривал сын отца Георгия Александр. На дворе стояли 80-е годы. Комсомолка состарилась, но боевой задор не потеряла.

В селе Горевка жил благочинный. Районный комитет ВЛКСМ поручил местным комсомольцам следить за священником, собирать агентурные данные, избличающие его, как врага народа.

— Мы осторожно к дому подкрадемся. Видим, что кто-то приехал к попу, — восторженно говорила идейная стукачка, — взберемся на крышу и через печную трубу подслушиваем, о чем в горнице беседуют. Утром — отчет секретарю: говорили о том-то. Похвалит нас комсекретарь: “Молодцы, товарищи! Так держать!” — даст следующее поручение. Идешь, словно крылья за спиной.

Вызвал как-то секретарь добровольцев-стукачей.

— Друзья! Наши старшие товарищи — коммунисты поручили нам ответственное дело: ликвидировать попа как врага трудового народа. Я думаю, что лучше всего — утопить его в проруби. А там — думай-гадай: сам утопился или что. Кто пойдет?

Почти все вызвались. Пришли к избе благочинного. Застучали.

Из-за дверей — голос:

— Вам кого?

— Батюшка, откройте. Ребенок умирает. Окрестить его надо.

Священник отворил двери. Видит — стоит перед ним люд нецерковный. Засомневался.

— Сейчас вечер. Приходите утром. Тогда пойдем и окрестим.

Заволновались комсомолята — дело срывается. Загомонили.

— Батюшка, побойтесь Бога. Умрет младенец некрещеным — перед Господом ответите.

Голоса жалобные — и слезы, и слезы. Послал им вдохновение сатана.

Собрался батюшка.

— Ведите.

Нам на другой берег. Пойдемте через реку по льду.

— А почему не по мосту?

— Здесь ближе.

Идут. В небе — косматые звезды. Морозец. Снежок — скрип, скрип. Довели батюшку до заранее приготовленной проруби. Сзади — стук! — по голове и в прорубь спихнули.

Он так и забулькал, — радостно рассказывала старуха, — выбраться попытался. А мы его топим, топим. Так и утопили.

Господи, помилуй!

Собрали стукачи данные, отличающие отца Георгия как врага трудового народа. Вранья с три короба. Вернее – все вранье. Но когда речь идет о главном враге трудового народа, каковым является священник Русской православной церкви, то не стоит пренебрегать и ложью. Делу дали ход.

На дворе стоял 1930 год. Из сельсовета пришел посыльный, сказал:

– Отец Георгий, вас вызывает председатель.

У матушки Анны тревожно сжалось сердце. Метнулась она к мужу, заглянула в глаза.

– Отец...

Он обнял ее, поцеловал. Благословил широким, иерейским крестом.

– Мужайся.

Повернулся к посыльному.

– Ведите.

Пришла из школы дочь отца Георгия Анфиса и увидела печальную картину: на стуле сидит горько плачущая матушка, держась рукой за сердце. А вокруг нее хлопочут прихожанки. Лица у всех скорбные.

Анфиса выронила из рук сумку, бросилась к матери.

– Мамочка, не пугай меня. Не плачь, не надо.

Матушка обхватила руками голову дочери и заголосила:

Осиротели мы, Анфисушка. Отца Георгия арестовали.

30 марта 1930 года состоялся суд. Особой тройкой ОГПУ по Сибкраю гражданин Волосков был осужден на пять лет заключения. Отбывать наказание отца Георгия отправили в лагерь. Семья подлежала высылке в северные районы – в Нарым.

Во двор к Волосковым пришла комиссия из местных активистов.

Имущество подлежало конфискации. Распахнули двери избы, надворных построек. Суетливо забегали, словно тараканы. Начали делать опись вещей:

– Шаль кашемировая, уютг...

Со двора повели кобылу Зорьку. Она упиралась, вставала на дыбы, не желала покидать родной кров.

Зорька, — позвал старший сын отца Георгия Константин. И услышал в ответ жалобное ржание.

Разорили. Ограбили.

Семейство выгнали за ворота, объявив, что дом реквизируется в пользу Советской власти. Куда идти? Хорошо, что нашлась добрая душа из прихожан — пустил пожить в овечий хлев.

Сложили печку, настелили нары. Прихожане приносили милостыню: кто мучицы, кто капустки, кто молочка. За все — слава Богу! Не оставлял Господь Своих рабов в гонении.

Приходили и недоброжелатели — позлорадствовать, посмеяться над чужим горем. Особенно отличался один, одержимый духом ненависти. Встав на пороге овечьего хлева, снимал с ноги сапог, разматывал грязную портянку. Ехидно улыбаясь, начинал размахивать ей, словно кадиллом.

— С праздничком, поповские души! Господу помолимся.

Молча переносили издевательства матушка Анна с детьми, помня слова Спасителя: “Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня”.

Вскоре пришло судебное постановление, предписывающее отправить семейство Волосковых на спецпоселение. Посадили их на телеги. Тронулись.

Довезли до станции. Погрузили в вагон, зарешетчатый колючей проволокой. Много их — бедолаг — заполнило поезд скорби, идущий на Голгофу. Сырость. Грязь. Вонь. Мука-мученическая.

Поезд шел долго. На конечной станции спецпоселенцев погнали на пристань. Погрузили на баржи. Прошли по рекам до места ссылки.

Лукавый навевал несчастным печальные мысли. Сеял в души отчаянье. Все потеряно. Все: родина. Хозяйство. Смысл жизни. Господи, почему Ты нас оставил?

Если бы они знали, верили в то, что Господь с ними, среди них, то смотрели бы на происходящее с народом, со страной

несколько иначе. Но ослабела в сердцах вера, погас молитвенный огонь.

Женщина, обнимая за плечи двух своих детишек, долго стояла возле борта. Смотрела на солнце, на голубой небосвод, на солнечные блики в зеленых речных волнах. Словно прощалась с окружающим миром.

Вдруг подхватила под мышки ребятишек и — с диким криком отчаяния — бросилась в речную воду. Конвоиры, матерясь, подбежали к борту. Речная бездна поглотила женщину-самоубийцу и ее детей.

Наконец дошли до места поселения. Баржа причалила к пологому берегу. Вокруг — тайга, глухомань. Много болотцев, озерков. Почти возле самого берега стояла крепкая изба, рубленая кержаками.

Вышли ссыльнопоселенцы на дикий берег. Разбрелись, выбирая место, где можно было устроиться.

Собрали шалаш и Волосковы. На долгое время стал он местом их прибежища, пока не выкопали землянку.

Жизнь началась трудная, голодная. Питались, чем Бог пошлет.

Часто нечем было утолить сосущий голод. Тогда одна из девочек говорила:

— Давайте молиться, чтобы есть не хотелось.

Или старшая сестра Катя усаживалась поудобней, обнимала тесно прижавшихся к ней сестренку и братишек, начинала им рассказывать о муках и долготерпении Господа. Говорила:

— Если и мы претерпим все до конца с благодарением и умрем безропотно, то Господь примет нас в Свои обители, где нет ни голода, ни холода, ни страданий, а жизнь вечная в Раю сладости. И Матерь Божья будет нам утешительницей.

Слушают дети старшую сестру, молятся вполголоса, и уже не так чувствителен голод, и не такой пронизывающий холод. Словно пришел к ним Господь и согрел Своим дыханием.

Вдруг поблизости раздаются детские рыдания, звуки шлепков, и визгливый женский голос частит плачущей скороговоркой:

– Паразиты, все нервы измотали. Нечем вас накормить, нечем. Сидите и не надоедайте, пока я вас всех не поубивала.

Каждому было по вере.

Старший из братьев Константин – тринадцатилетний подросток – ходил работать на лесоповал. За работу ему выдавали паек.

Тяжелые, убийственные годы. Только милость Божия не попускала впасть в отчаяние.

Отец Георгий отбыл в заключении три года. Трудился на тяжелых работах. Получил физическое истощение. Но в уныние не впадал. Усердно молился Господу, просил помощи. И она пришла.

Власти пересмотрели уголовное дело отца Георгия и сочли возможным освободить его досрочно и отправить в ссылку для соединения с семьей.

То-то было радости, объятий и слез, когда отец Георгий переступил порог убогого жилища, в котором ютилось его семейство. Слава Богу!

Вместе жить стало легче. И хотя лишений не убавилось, но взаимная любовь, молитвы Господу и радостное чувство, что все снова вместе, приносили облегчение.

Природа вокруг была удивительной красоты. Часто Александр бродил по тайге, смотрел по сторонам, любуясь окружающим миром. Вот где-то закуковала кукушка. Бойкая белочка ловко вскарабкалась по стволу дерева. Раскрыли глаза прекрасные цветы. Ветерок зашуршал листвой деревьев. Александр смотрит и думает про себя: “Как это все Господь сотворил? – Красота”.

Спрашивал он батюшку:

– Папа, это не грех о природе думать – как все Господь сотворил?

Отец Георгий улыбнулся:

– Нет, не грех. Ты смотришь на творение Божие, удивляешься, а потом воскликнешь с благоговением: Дивны дела Твои, Господи!

Прошло около трех лет. Отец Георгий заболел. Привезли его в село Подгорное, лежащее от поселения ссыльных в 60 километрах. Приняли его в местную больницу. Только с условием, что отремонтирует он, когда поправится, окна и двери. Поработает плотником, что отец Георгий и выполнил.

Местный фельдшер, узнав, что болящий – священник, живущий в ссылке вместе с семейством, сказал ему ехидно:

– Глупец вы, батюшка. По закону семью священника не имеют основания отправлять в ссылку. Я бы на вашем месте добрался бы до Новосибирска и доказал, что их содержат в ссылке незаконно.

Отец Георгий испытующе посмотрел на фельдшера: не провокатор ли? Но фельдшер, казалось, уже забыл о сказанном. А отец Георгий запомнил.

Вернувшись домой, он рассказал матушке Анне о разговоре с фельдшером. Добавил:

– Пожалуй, пойду в побег. Господь милостив – доберусь до Новосибирска. А там – будь воля Господня.

Дочь Анфиса запросилась:

– Батюшка, возьми меня с собой.

– Куда тебе, милая? Путь неблизкий, опасный.

Но матушка поддержала просьбу дочери:

– Возьми ее с собой, отец, Вдвоем сподручней.

Ночью они ушли из поселка. Стояла осень. По дороге собирали грибы, ягоды, съедобную травку. Заходили в кержацкие поселки. Просили милостыню. Подавали беглецам хлебушка. Так и перебивались, как птицы небесные. Да еще молитва питала душу. Слава Богу за все!

Попадались медвежьи следы. Отец Георгий молился, чтобы не наткнуться на медведицу с медвежатами. Материнский инстинкт самосохранения заставил бы зверя броситься на беглецов. Но Господь миловал.

Добрались до Томска. Отец Георгий знал адрес купцов, которые раньше жили в селе Юрты. Узнав о готовящемся раскулачивании, они продали свое хозяйство и уехали в город. Стали жить скромно, тихо.

Отца Георгия и Анфису встретили с радостью. Накормили, обогрели, дали денег на дорогу.

На вокзале подошли к кассе, чтобы купить два билета до Новосибирска. Вдруг кто-то потрогал его за плечо. Милиционер. Господи, помилуй!

- Ваши документы.
- Нет документов. Ссылные мы.
- Пройдемте, гражданин!

Отца Георгия и Анфису сопровождали до места ссылки под конвоем.

Прошла зима. Отец Георгий молился:

- Господи, помоги мне! Ради детей. Помогите!

Когда наступило тепло, то ссылный священник, уповая на милость Божию, снова ушел в побег. На этот раз все прошло благополучно. Он добрался до Новосибирска. Нашел здание на улице Коммунистической, в котором находилось управление НКВД. Вошел в кабинет к следователю.

Когда "энкаведешник" узнал - кто, с какой просьбой пришел к нему, то разъярился, словно бесноватый. Выхватил револьвер, навел на отца Георгия.

- Мерзавец! Ты знаешь, что я могу тебя пристрелить, как собаку?

Отец Георгий не дрогнул. Мысленно замолился ко Господу:

- Господи, помоги мне! Ради детей!

Внезапно "энкаведешник" утих. Убрал револьвер.

- Хорошо. Я тебя отпущу. Если кто-нибудь из твоих знакомых возьмет тебя на иждивение, то выдам справку. Не возьмут - опять поедешь в ссылку. Ступай.

В Новосибирске жило несколько переселенцев из села Юрты. Они были усердными прихожанами храма, в котором служил отец Георгий. К ним-то и направился ссылный священник.

Увидев отца Георгия, они осторожно радовались. Но, узнав, с какой просьбой пришел он к ним, тушевались. И вежливо отказывали:

- Простите, батюшка, ради Христа! Боимся.

Шел 1937 год. В стране свирепствовали репрессии.

Батюшка все понимал. Понимал он также и то, что придется ему, судя по всему возвращаться в ссылку.

Но Господь милостив. Нашелся среди односельчан "милосердный самарянин", который не побоялся взять отца Георгия на иждивение.

— Не боюсь я этих уродов, батюшка! Возьму к себе. Пойдем!

На Коммунистической выдали справку. На основании этой справки отец Георгий получил паспорт.

Правящий Архиерей, узнав об освобождении отца Георгия, вновь назначил его на служение в село Юрты.

На имя матушки Анны пришла справка об освобождении, денежное довольствие на проезд. Свободны! Слава Тебе, Господи!

Уезжали утром. Знакомые, жившие на берегу реки в кер-жацкой избе, позвали переночевать к себе.

— Что вам в землянке ютиться? Отсюда и реку видно. Пароход не проспите.

Ночевали у знакомых. Ночью внезапно обрушился страшный ливень. Бушевал свирепый ветер. Утром встали, помолились. Парохода еще не было.

Матушка сказала:

— Пойдемте, с нашей землянкой простимся.

Подожли. Дверца нараспашку. В землянке воды до потолка.

Близлежащее озерко, набухшее от ливня, потопило жилище страдальцев. Но милосердный Господь сохранил Своих рабов.

По реке ходило два парохода. Один с названием "Безбожник". Другой — "Васюган". Саша Волосков в простоте молился:

— Господи, сделай так, чтобы сегодня пришел "Васюган". Мне страшно ехать на "Безбожнике". Господи, помоги!

Матушка Анна позвала:

— Дети, пароход идет!

Саша всматривался, стараясь определить — какой? Сердце радостно затрепетало: — "Васюган".

С Божьей помощью добрались до села Юрты. Слава Тебе, Господи! Снова вместе.

Вновь отец Георгий начал служить в храме Божьем. Но времена изменились. Мало стало прихожан. Многие были напуганы. Только старушки не боялись ничего. Как раньше ходили в храм Божий, так и во времена гонений остались верными Христу.

После освобождения из ссылки отец Георгий прослужил недолго.

23 сентября 1937 года к нему домой внезапно пришел председатель сельсовета. Вместе с ним – лейтенант НКВД. Вечерело.

– С чем пожаловали? – спросил отец Георгий.

Офицер предъявил ордер на обыск. Начали медленно, тщательно осматривать книги, вещи, стараясь обнаружить что-нибудь антисоветское. Ничего не нашли.

Стемнело.

– Вставайте, пойдете в сельсовет.

Вошли в помещение. На стене – портрет Сталина. Крепко пахнет табачным перегаром.

Александр заплакал:

– Куда папу забираете?

Лейтенант ухмыльнулся.

– На экскурсию повезем. Не горюй, мальчик. Денька через три вернется твой папа.

В помещение заглянули.

– Товарищ лейтенант, машина припла.

Он встал.

– Пойдемте, гражданин Волосков.

Отец Георгий сказал:

– Прощай, матушка! Знаю, что детей вырастишь. Господь поможет.

Прошло несколько месяцев. Матушка Анна, измаявшаяся от неизвестности о судьбе отца Георгия, решила ехать в Новосибирск – в управление НКВД.

На улице Коммунистической нашла здание управления. Робко обратилась за справкой.

– Можно узнать о судьбе арестованного?

– Фамилия?

– Волосков.

“Энкаведешник” порылся в бумагах.

– Десять лет без права переписки.

Матушка и не догадывалась тогда, что это означало – расстрел.

Заплакала. Отошла в сторону, отирая бисер слез.

К ней подошла интеллигентного вида женщина.

– Не плачьте. Сейчас берут лучших. Мой муж строил мост, а теперь он репрессирован.

Спустя долгие годы, матушке Анне сообщили, что ее муж умер от паралича сердца.

В 1992 году Александр Георгиевич узнал, что его отец – иерей Георгий расстрелян 12 октября 1937 года.

Упокой, Господи, душу мученика в селениях праведных.

ПАСХА 1929 ГОДА В СЕЛЕ КРОВО

Пасху – Светлое Воскресение Христово – православные села Кротово (Доволенский район) собирались встречать, как привыкли. Сельский храм располагался в просторной избе. Батюшка приезжал на службу из соседнего села – Ярков.

Утром церковный староста подходил к ограде, отделявшей церковь от мира. Ночью православные приносили к храму, в подражание святителю Николаю Чудотворцу, тайную милостыню. Кто привязывал овечку, кто ягненка. Укладывали провизию. Церковный совет распорядится, как поступить с тайной милостыней – какую часть оставить на нужды храма, какую часть выделить для бедняков.

Рассвело. Принаряженные православные собирались в ограде храма. Принесли столы, застелили их скатертями. На сто-

лы выставляли пасхальные кулички, клали крашеные яйца, снедь. Ждали священника — святить.

То здесь, то там слышались возгласы пасхальной радости:

— Христос воскрес!

— Воистину воскрес!

Троекратные лобызания, улыбки — праздник.

Наконец, появился конный экипаж. Сельчане оживились:

— Батюшка приехал!

Священник вышел из экипажа:

— Мир всем. Христос воскрес!

Паства дружно ответила:

— Воистину воскрес!

Но не все сорадовались Воскресению Спасителя. Накануне Пасхи вечером комсомольский секретарь собрал в комитете активистов.

— Товарищи, — сказал комсомольский вожак, обращаясь к собравшимся, — завтра мракобесы-попы и несознательные граждане нашего села будут отмечать свой праздник — так называемое воскресение Иисуса Христа. Надо положить конец этой вакханалии. Я предлагаю...

Батюшка приготовился к началу молебна.

Вдруг к церковной ограде подошла группа молодых людей — местные комсомольцы. Комсомольский секретарь с нескрываемой иронией смотрел на священника. Пришли комсомольцы с "подарком". Они принесли с собой фляги с горящим гудроном, охапки соломы, деревянные кольца.

— Начинай! — скомандовал комсорг.

Комсомолята окунули пучки соломы в горящий гудрон. С дымными, смоляными факелами подбежали к пасхальным столам. Души распирала буйная радость. Думалось:

— Мы по-своему, по-комсомольски освятим ваши пасхи, мракобесы!

Вонючий дым наполнил церковную ограду. Батюшка молча, с грустью смотрел на беснующихся. Молчали и православные.

Наконец, батюшка промолвил:

- Враг силен!

Повернулся и пошел в храм. Следом за ним зашепили православные. Ограда опустела.

На земле догорали дымные факелы. Комсомольцы переглядывались, криво усмехаясь.

А в стенах православного храма, попирая злобу мира сего, звучал гимн пасхальной радости:

- Христос воскрес!

Этот случай рассказала мне жительница села - Мария Васильевна Киселева 1914 года рождения.

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

Многоуважаемая Ирина Владимировна, посылаю Вам поправки к статье А. Брата “История одной семьи” (“Возвращение памяти”. Вып. 1. Новосибирск, 1991. С. 43–50).

С. 43. Отец мой, Б.Ф. Тарасов следователем в Красноярске не работал. По окончании Московского университета очень короткое время работал следователем в Енисейске, а затем перешел в адвокатуру.

Типография предполагалась подпольная. Папе предложили переехать в Пензу, найти подходящую квартиру, устроиться на работу и открыть частный прием как адвокату. Под видом двоюродной сестры в качестве наборщицы направили Ольгу Красильникову (в будущем – мою мать).

С. 44. Социалистов отправили на Соловки не в 1920 г., а осенью 1922 г. В 1920 году социалистов на Соловки не посылали. Новая инструкция была получена начальником лагеря Эйхманом 20 декабря 1923 г., а не в 1920 г.

Фамилия убитой не Лиза Чайкина, а Лиза Котова.

С. 45. Я была арестована первый раз 21 февраля 1924 г. Формулировка приговора – “за участие в организации нелегальных кружков в г. Ленинграде”. Мы пытались выпустить листовку о расстреле социалистов в декабре 1923 г. на Соловках. Приговор – два года ссылки в Красноярске.

Второй раз была арестована 31 октября 1925 г. по обвинению в том, что “20 октября 1925 г. в группе с другими расклеивала в г. Красноярске прокламации антисоветского содержания, хранила такую же литературу”. В листовке упоминалось и о выпуске 40-градусной водки – спаивание народа.

В 1931 г. мама – Тарасова Ольга Петровна была арестована в Самарканде и получила ссылку в Курск. Она подала заявление о пересмотре дела и ее освободили. Приехав в Москву, она временно поселилась у двух знакомых политкаторжанок Светловой и Орловой. Вскоре у них был произведен обыск, и всех троих арестовали. Мама получила три года ссылки в Томск, Любовь Орлова в качестве протеста покончила с собой в тюрьме, о Светловой ничего не знаю.

С. 46. Член ЦК эсеров Евгения Моисеевна Ратнер, а не Рыт-ныш. Ее я лично хорошо знала, так как была в ссылке в Самарканде в одно с ней время. В ее доме мы часто собирались. Умерла она от рака в начале 40-х годов – опоздали с операцией.

С. 47. В 1937 г. семья Тарасовых была не вместе. Борис Фавстович находился в ссылке в Алма-Ате. Арестован там 22 октября 1937 г., расстрелян – 23 ноября того же года. В свое время на запрос об отце ответили – “10 лет без права переписки”.

Добиваться встречи со следователем мне не пришлось. Он вызвал меня сам. На мой вопрос: “В чем меня обвиняют?” ответил: “Это – профилактика. Как Вы думаете, что Вам дадут?”

– Опять новые три года ссылки?

– Как бы не 10 лет лагерей! Последнее было сказано как-то сочувственно.

По отношению ко мне следователь вел себя “на высоте”. Разрешил передачи, предупредил об этапе. Твердо убеждена, что именно благодаря ему мы с мамой не попали в каторжные лагеря.

Станция, на которой нас высадили, привезя этапом из Ташкента, не Нандян (такой нет), а Няндом. Была не зима, а апрель. От Няндомы до Каргополя мы шли три дня, сутки отдыхали и еще три дня добирались до лагпункта Ухта Каргопольлага.

Из Каргопольлага нас перебросили в Карело-Финскую АССР на строительство железной дороги в Кандалакшу. Маму на рытье кюветов не посылали, она работала санитаркой. Я же

действительно дошла до такого состояния, что решила броситься под поезд – возвращаясь с работы, мы каждый раз ждали у переезда проход скорого. Сказала об этом маме. Мама ответила, что согласна вместе со мной броситься под поезд, но просит подождать неделю. Я согласилась.

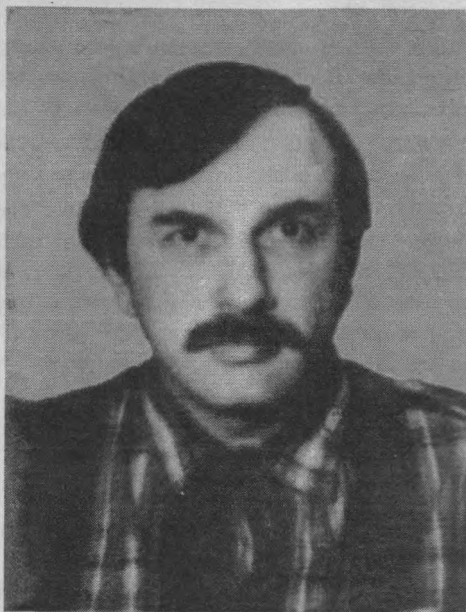
Через два–три дня меня среди ночи вызвали в контору и сказали, что нормировщика вызывают на пересмотр дела и что он за два дня познакомит меня с работой. Командировка была небольшая, я числилась экономистом. Видимо, мою кандидатуру нашли наиболее подходящей.

С. 49. Первая стадия пеллагры – не чешуя на руках, а изнурительный понос. Организм не перерабатывает пищу.

Проф. Вороной изобрел не микстуру от пеллагры, а вливания в вену.

Е.Б. Тарасова

IN MEMORIAM

Александр Сергеевич Жолобов родился 9 марта 1947 года в Киеве в семье военнослужащего. Семейство часто переезжало с места на место, ведя кочевую жизнь, пока не осело в городе Новосибирске. Здесь Александр закончил 10 классов. Учился в Новосибирском электротехническом институте, работал. В 1985 году произошла трагедия. Александр Сергеевич попал под машину, получил сильную травму ноги. Перенес несколько операций, ходил с трудом. Врачебная комиссия определила ему II группу инвалидности.

Летом 1988 года в газете "Молодость Сибири" группа граждан опубликовала обращение к жителям города и области, прося откликнуться желающих принять участие в работе общества "Мемориал". Для связи, в частности, был указан номер моего

домашнего телефона. В один из дней раздался звонок. Звонил Александр Сергеевич Жолобов. Он сказал, что готов сотрудничать с обществом. Вскоре квартира Александра Сергеевича превратилась в некий штаб общества "Мемориал". Ему стали звонить репрессированные, родственники репрессированных, прося оказать помощь. К каждому человеку Александр Сергеевич относился с большим вниманием и любовью, сочувствуя сердцем горю ближнего. В его сочувственном внимании не было показной, официальной, слащавой сентиментальности, была искренность и простота доброго сердца. Люди чувствовали это душой и тянулись к нему. Бывало, в жизни какие-то неурядицы, позвонишь Александру Сергеевичу, услышишь его ласковый голос, пожалуешься на жизнь и услышишь в ответ: "Спокойно. Все будет нормально". И действительно было нормально. Он помог сотням людей, вел обширную переписку. Ему писали из разных городов нашей страны, из-за рубежа. Кто только не побывал в его гостеприимной квартире – русские, поляки, латгалы, евреи, татары, немцы. Люди приходили и вставали на колени, благодаря Александра Сергеевича за помощь. Он собрал дома целый архив, в котором хранились сотни карточек с именами репрессированных. Бескорыстный труженик...

Но внезапно Александр Сергеевич занемог. Слишком большой груз человеческого страдания принял он на свои плечи, пропустил через сердце. Случилось прободение язвы, хирургическая операция не помогла, упало давление, и Александр Сергеевич скончался 11 сентября 1994 года. После обряда отпевания тело усопшего было предано земле.

Похоронен Александр Сергеевич на Клешихинском кладбище города Новосибирска.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ!

Сергей Павфилов

От имени Новосибирского общества
"Мемориал"

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>И.В. Павлова</i>	
Сталинские репрессии как способ преобразования общества	4
<i>С.А. Папков</i>	
Лагерная система и принудительный труд в Сибири и на Дальнем востоке 1929–1941 гг.	37
<i>А.Г. Тепляков</i>	
Портреты сибирских чекистов (1920–1953 гг.)	68
<i>С.С. Бужин</i>	
Норильское восстание 1953 г.: версия немецких военнопленных ...	114

ДОКУМЕНТЫ

Голод на юге Западной Сибири. <i>Предисловие и комментарии В.С. Познанского и М.П. Мальшиевой</i>	128
С чего начиналась Колыма. <i>Авторский текст и комментарии И.В. Павловой и С.А. Папкова</i>	164
Заложники совести (Толстовцы на Соловках). <i>Предисловие С.А. Папкова</i>	176

ВОСПОМИНАНИЯ

<i>В.А. Толмачев</i>	
Доля крестьянская	186
<i>К.А. Лапшин</i>	
Вот так и жизнь прошла ... <i>Публикация Л.С. Труса</i>	211
<i>А.Е. Кропачкин</i>	
Судьба № СЛ-208. <i>Литературная редакция Л.С. Труса</i>	222
<i>Л.А. Коновалов</i>	
В джунглях ГУЛАГа. <i>Публикация Л.С. Труса</i>	250
<i>А.П. Соколов</i>	
Мне повезло: я по спецнаряду. <i>Публикация Л.С. Труса</i>	266
<i>А.А. Холмогорова</i>	
Я была из категории ЧСИР. <i>Предисловие О.Ю. Табуницкой</i>	274

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА

<i>Г.Г. Фельдгун</i>	
Записки лагерного музыканта. Главы из книги	330
<i>С.И. Панфилов</i>	
Три рассказа	346
Из редакционной почты	
<i>Е.Б. Тарасова</i>	
Поправки к статье А. Брата «История одной семьи» // Возвращение памяти. Историко-публицистический альманах. Вып. 1. Новосибирск, 1991.	386
Памяти А.С. Жолобова	389

Научное издание

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПАМЯТИ

ВЫПУСК 3

Историко-архивный альманах

Оригинал-макет изготовлен на настольной
издательской системе Word для Windows
Гарнитура Journal

Подписано к печати 26.05.97.
Формат 60×84 1/16 . Офсетная печать.
Усл. печ. л. 22,78. Уч.-изд. л. 20. Тираж 1000 экз. Заказ № 88.

Отпечатано в Издательстве СО РАН.
Лицензия ЛР 020909 от 01.09.94.
630090, Новосибирск, 90, Морской пр., 2